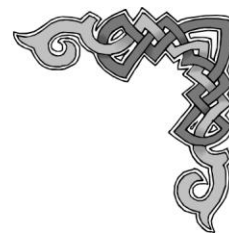

ООО «Наука и образование»

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

Серия:

Исторические науки.

Культурология.

Политические науки.

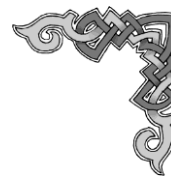

**№ 1
2023**

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:
Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

2023, № 1

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки».

Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки.
www.online-science.ru)

Основан в 2019 г.

ISSN печатной версии: [2713-1742](https://doi.org/10.26907/2713-1742) ISSN электронной версии: [2686-8350](https://doi.org/10.26907/2686-8350)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: [ЭЛ № ФС 77 - 79416 от 13.11.2020](https://rosreestr.ru/smi/77-79416-01)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования) № 453-12/2019 от 30.12.2019 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК: *Шелкова Елена Андреевна*

КОРРЕКТОР: *Попов Михаил Юрьевич*

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет».

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Красных партизан, 371, оф. 2.

Тел. (861) 226-08-65
E-mail: milena.555@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF:

Mikhail Yu. Popov – Doctor of Sociology, Professor.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Valeriy V. Kasianov – Doctor of History, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Dean of the Faculty of Journalism, Cuban State University.

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

FIRST: *Elena A. Shelkova*

CORRECTOR: *Mikhail Yu. Popov*

THE PUBLISHERS:

LLC «Science and Education»;
FGBOU VPO «Adygeya State University».

**ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE
AND PUBLISHER:**

350049, Krasnodar Territory, Krasnodar, Krasnykh
Partisan Street, 371, Fr. 2.

Tel. (861) 226-08-65
E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Члены редакционного совета:

Азизова Наиля Руслановна – доктор культурологии, руководитель учебно-методического отдела ООО ДПО «Университет профессионального стандарта»;

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – Член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

Гриценко Василий Петрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики, психологии и философии Краснодарского государственного института культуры;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, Институт востоковедения Российской академии наук;

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российской таможенная академия (Ростовский филиал);

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Political Science, Professor, Professor of Political Science and Ethnology of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, South Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Improving Efficiency of State and Municipal Administration.

Members of the editorial Board:

Naïla R. Azizova – Doctor of Cultural Studies, Head of the educational and methodological Department of LLC DPO «University of Professional Standards».

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University;

Victor Zbignev – Doctor of Political Science, Professor, University of Wrocław, Poland;

Polina S. Volkova – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Cuban State Agrarian University;

Nadezhda Yu. Gavrîlova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technology, Tyumen Industrial University;

Vasily P. Gritsenko, doctor of philosophical science, Professor, Professor of the Department of Pedagogy, psychology and philosophy Krasnodar State Institute of Culture;

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department Theories and history of law and state and political science, Adygei State University;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Science, Deputy Director for Scientific work, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;

Valeriy V. Kasianov – Doctor of History, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Dean of the Faculty Journalism, Cuban State University;

Natalia V. Kiselyova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет;

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Мартыненко Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Ницевич Виктор Францевич – доктор политических наук, профессор, профессор ФГБОУ «Московский политехнический университет»;

Рассказов Леонид Павлович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Ратушняк Валерий Николаевич – Заслуженный деятель науки РФ, Герой труда Кубани, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет;

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, проректор по учебной работе Восточного университета им. Махмуда Кашгари, председатель общественной организации «Диалог культур и цивилизаций», Республика Кыргызстан.

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

Sergey A. Kislitsin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnic Policy, South Russian Institute of Management, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy, Cultural Studies and social communications, Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Formation Resources, Mordovsky State University named after N.P. Ogarev;

Vladimir V. Martynenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Viktor F. Nicevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Moscow Polytechnic University;

Leonid P. Rasskazov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of History, Doctor of Law, Head of the Department of Theory and History of Law and State Faculty of Law, Cuban State Agrarian university;

Valery N. Ratushnyak – Honored Scientist of the Russian Federation, Hero of labor of Kuban, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Kuban State University;

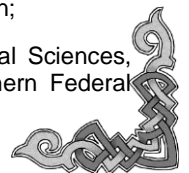
Alexander M. Starostin – Doctor of Political Science, Professor, Honorary Worker of the Highest Professional of the Russian Federation, Director of the Institute of Interdisciplinary Studies Global processes and glocalization, Rostov State Economic University;

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs of the Eastern University named after Mahmud Kashgari, Chairman of the public organization «Dialogue of Cultures and Civilizations», Republic of Kyrgyzstan;

Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Science, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Scientific and Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Petr Ya. Citkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Social Technology, Southern Federal University;

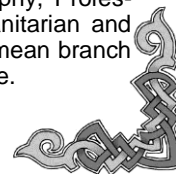
Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

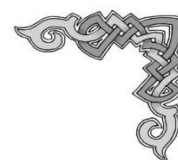
Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

Tatiana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Departments of Criminal Law, Faculty of Law, Cuban State Agrarian University;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Affairs Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ:

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акимова А.А., Гамзаева Г.Ш., Казакбиева О.И. Историческая память как фактор консолидации российского общества.....	13
Воскобойников С.Г., Щукина Т.В. Историческая память как инструмент патриотического воспитания и ориентир на консолидацию в условиях современных вызовов.....	18
Жабчик С.В., Нененко О.А., Лабузов А.Р. Российское казачество и российская государственность: краткий исторический очерк.....	23
Кириллова А.И. Второй этап землеустройства коренных народов Камчатки в 1950-е – 1980-е гг.: основные процессы, методы, достижения и противоречия.....	28
Кислицын С.А. Сталинские репрессии фронды партийно-советской элиты Ростова-на-Дону и Азово-Черноморского края в 1935–1938 гг.: механизм и региональные особенности.....	34
Любецкий Н.П., Демьянова Л.М., Лукьяшко А.Г., Самыгин С.И. Социально-психологические аспекты деформации русского национального характера в конце XX века.....	46
Нарбут Н.Н. Глобальная регионализация в контексте мирополитических процессов XXI века.....	55
Попов М.Ю., Касьянов В.В. Историческая память и культура общества: динамика и закономерности взаимовлияния. Часть 2.....	60
Разаков Р.М., Акаева А.А., Саидбегова П.И. Советская власть и духовенство в борьбе за влияние в дагестанском обществе 1920–1930 годы.....	66
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Ван Вэньфэй Китай в работах русских художников.....	73
Корсакова Л.В., Оплетаетева О.Н. Семиотика сна и сновидений: история вопроса.....	76
Ли Айянь Отдельные аспекты русско-китайских театральных связей.....	80
Ли Линь Перспективы российско-китайского межкультурного диалога и сотрудничества.....	83
Ли Цзяньфу Метафизико-культурологический нарратив и его выражение в языке традиционной архитектуры Китая.....	86
Лю Юйси Продвижение школы живописи российской эмиграции XX века в работах китайских мастеров.....	93
Ма Тяньци Об особенностях китайской фортепианной культуры.....	96
Меркулова Н.Г. Культурные коды головы и лица человека в русском изобразительном искусстве послевоенной эпохи 1940–1950-х годов.....	99
Павлова О.А. «Мягкая сила» культуры как манипулятивная коммуникация: опыт интерпретации концепции Д. Ная.....	104

Пэн Хаюй Творческое взаимодействие современных московских и китайских художников	108
Синь Хуэйли Исследование оценки нравственного воспитания в китайских университетах	111
Синь Юйфэн Отношение к традиционной культуре в контексте модернизации: китайский контекст.....	117
Тан Итин Особенности китайской скрипичной школы.....	121
Урюпина М.А. Первая мировая война и судьба России: ретроспективный философский дискурс	124
Хуан Кэюнь Особенности становления традиции садово-паркового искусства Китая	130
Хуан Цзюньхэ Традиции театрального искусства Китая.....	136
Цзоу Боюй Китайские ученики русских художников-эмигрантов в Китае в XX в. как фактор становления диалога культур	139
Цинь Шиюй Фольклорные мотивы, сюжеты и образы в русском балете.....	142
Чжао Яньчжань Национальный колорит русской музыкальной школы как фактор влияния на развитие китайской фортепианной музыки	145
Чжоу Мяоцзин Анализ трансформации статуса современного искусства в России и в Китае.....	149
Шефель С.В. Роль экокультурных традиций этносов Юга России как фактора гармонизации межнациональных и конфессиональных отношений	152
Ши Цюнь Опыт исследования традиционной культуры: российский контекст	157
Юэ Чжихэн Эволюция стиля китайского национального вокального музыкального искусства.....	161
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Ван Пэйюй Китайская модель государственного управления	167
Оплетаева О.Н., Корсакова Л.В. А.А. Зиновьев о роли личности в истории: коммуна и индивид	170
Понеделков А.В., Попов М.Ю. Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности.....	175
Упоров И.В., Чапурко Т.М., Северин И.В. Управление государством и государственная служба в суждениях М.М. Сперанского	179
Филоненко В.И., Магранов А.С., Понеделков А.В., Попов М.Ю. Особенности формирования образа России в представлениях современного российского студенчества	183

CONTENTS:

HISTORICAL SCIENCES

Aida A. Akimova, Gulnara Sh. Gamzaeva, Olga I. Kazakbieva Historical memory as a factor of consolidation of russian society	13
Sergey G. Voskoboynikov, Tatyana V. Schukina Historical memory as a tool for patriotic education and a focus for consolidation in conditions of modern challenges.....	18
Svetlana V. Zhabchik, Oleg A. Nenenko, Alexandr R. Labuzov Russian cossacks and russian statehood: a brief historical sketch.....	23
Alina I. Kirillova The second stage of land management of the indigenous peoples of Kamchatka in the 1950s – 1980s: the main processes, methods, achievements and contradictions	28
Sergey A. Kislitsyn Stalin's repressions of the party-soviet elite of Rostov-on-Don and the Azov-Black sea region in 1935–1938: mechanism and features annotation	34
Nikolay P. Lyubetsky, Lyudmila M. Demyanova, Alyona G. Lukyashko, Sergey I. Samygin Socio-psychological aspects of the deformation of the Russian national character at the end of the XX century	46
Natalia N. Narbut Global regionalization in the context of the world political processes of the XXI century.....	55
Mikhail Yu. Popov, Valery V. Kasyanov Historical memory and culture of society: dynamics and patterns of mutual influence. Part 2	60
Ruslan Chupan-M. Razakov, Ayhanum A. Akayeva, Patimat I. Saidbegova The Soviet government and the clergy in the struggle for influence in Dagestan society 1920–1930.....	66
CULTURAL SCIENCE	
Wang Wenfei China in the works of russian artists	73
Lidia V. Korsakova, Olesya N. Opleteva Semiotics of sleep and dreams: a history of the question	76
Li Aiyan Selected aspects of russian-chinese theatrical relations.....	80
Li Lin Prospects for russian-chinese Intercultural dialogue and cooperation	83
Li Jianfu Metaphysical and cultural narrative and its expression in the language of chinese traditional architecture	86
Liu Yuxi Promotion of the school of painting of the Russian emigration of the XX century in the works of chinese masters	93
Ma Tianqi On the features of the chinese piano culture	96
Natalia G. Merkulova Cultural codes of the human head and face in the Russian fine art of the post-war era of the 1940–1950s	99
Olga A. Pavlova «Soft power» of culture as manipulative communication: experience in interpreting the concept of D. Naya	104

Peng Haoyu	
Creative interaction between contemporary moscow and chinese artists.....	108
Xin Huili	
Study on the evaluation of moral education in chinese universities.....	111
Xin Yuifeng	
Attitudes toward traditional culture in the context of modernization: the chinese context.....	117
Tang Yiting	
Features of the chinese violin school.....	121
Marina A. Uryupina	
World war and the fate of Russia: retrospective philosophical discourse	124
Huang Keyun	
Features of the formation of the tradition.....	130
Huan Gjunhe	
Chinese theater traditions.....	136
Zou Boyu	
Chinese students of Russian emigrant artists in China in the 20th century as a factor in the formation of a dialogue of cultures	139
Qin Shiyu	
Folklore motives, folklore plot and forkllore characters in russian ballet.....	142
Zhao Yanran	
The national color of russian music schools is the factor that affects the development of chinese piano music.....	145
Zhou Miaojing	
Analysis of the transformation of the status of contemporary art in Russia and China	149
Sergey V. Shefel	
The role of ecocultural traditions of the ethnoses of the South of Russia as a factor of harmonization of interethnic and confessional relations.....	152
Shi Qiong	
The experience of traditional culture research: the russian context.....	157
Yue Zhiheng	
Style evolution of chinese national vocal musical art.....	161
POLITICAL SCIENCES	
Wang Peiyu	
The chinese model of public administration.....	167
Olesya N. Opleteva, Lidia V. Korsakova	
A.A. Zinovyev on the role of the person in history: the commune and the individual	170
Alexander V. Ponedelkov, Mikhail Yu. Popov	
Patriotism in modern Russia in the face of growing threats to national security	175
Ivan V. Uporov, Tatyana M. Chapurko, Igor V. Severin	
State governance and civil servicein the judgments of M.M. Speransky.....	179
Viktor I. Filonenko, Aleksei S. Magranov, Aleksandr V. Ponedelkov, Mikhail Yu. Popov	
Features of the formation of the image of Russia in the views of modern russian students	183

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Акимова Аида Акимовна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Отечества,
Дагестанский государственный
политехнический университет
aida_akimova_60@mail.ru

Гамзаева Гульнара Шахноватовна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Отечества,
Дагестанский государственный
политехнический университет
gamzaevag@mail.ru

Казакбиева Ольга Ивановна
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории Отечества,
Дагестанский государственный
политехнический университет
aida_akimova_60@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

■ ■ ■
Аннотация. Сегодня все больше актуализируется обращение к проблематике исторической памяти российского общества, что, в свою очередь, детерминировано настоятельной необходимостью консолидации мультикультурного пространства современного общества в условиях социально-политической неопределенности и геополитических вызовов, брошенных России. Цель данной статьи – рассмотреть историческую память в качестве консолидирующего фактора российского общества. В статье также представлены факторы, препятствующие консолидации общества. Выделены ключевые направления по культивированию исторической памяти, способствующие консолидации российского общества.

Ключевые слова: историческая память, консолидация, российское общество, общественное сознание, историческое наследие, народ, история.

■ ■ ■
Сегодня все больше актуализируется обращение к проблематике исторической памяти российского общества, что, в свою очередь, детерминировано настоятельной необходимостью консолидации мультикультурного пространства современного общества в условиях социально-политической неопределенности и геополитических вызовов, брошенных России [1; 2].

Aida A. Akimova
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of the History of the Fatherland,
Dagestan State Polytechnic University
aida_akimova_60@mail.ru

Gulnara Sh. Gamzaeva
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of the History of the Fatherland,
Dagestan State Polytechnic University
gamzaevag@mail.ru

Olga I. Kazakbieva
Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer of the Department
of the History of the Fatherland,
Dagestan State Polytechnic University
aida_akimova_60@mail.ru

HISTORICAL MEMORY AS A FACTOR OF CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY

■ ■ ■
Annotation. Today, the appeal to the problems of the historical memory of Russian society is increasingly relevant, which, in turn, is determined by the urgent need to consolidate the multicultural space of modern society in the conditions of socio-political uncertainty and geopolitical challenges posed to Russia. The purpose of this article is to consider historical memory as a consolidating factor in Russian society. The article also presents the factors hindering the consolidation of society. The key directions for cultivating historical memory that contribute to the consolidation of Russian society are identified.

Keywords: historical memory, consolidation, Russian society, public consciousness, historical heritage, people, history.

■ ■ ■
Консолидация российского общества возможна только при наличии определенных условий, среди которых важными являются:

– «единство большинства населения страны в понимании социальной справедливости, близость в общем взгляде на историческое наследие»;

- сходство культурно-исторических установок и традиционных духовно-нравственных ценностей;
- актуализация исконно исторической памяти (далее – ИП) [3, с. 49].

Историческая память, будучи феноменом общественного сознания, эксплицируется как сложно-организованное и многоаспектное явление, интерес к которому в последнее время все более возрастает, поскольку происходят интенсивные изменения кардинального характера как на уровне внутреннего государственного и общественного устройства российского социума [4], так и на уровне международных отношений.

ИП представляет собой социокультурное, общественно-историческое явление, лежащее в основе преемственности и воспроизводстве семантических значений и ценностей массы событий, как в исторической перспективе, так и в транслировании и передаче опыта от старших поколений – к младшим.

Насущная необходимость сохранения социокультурного, культурно-исторического и духовно-нравственного наследия российского народа непосредственно сопряжена с потребностью консолидации российского общества, укреплением единства базовых духовных ценностей, функционирующих в массовом общественном сознании. Важнейшим триггерным механизмом процесса формирования такого консолидационного единства «выступает историческая память российского населения, которая содержательно выражает богатейшие формы социального опыта российского социума, накопленного за многие столетия российской истории» [4, с. 5].

В целях проблемного поля исследования, стоит определить понятие «консолидация», функциональная нагрузка которого в рамках исследования ИП, задается исходным семантическим значением, связанным с пониманием укрепления, сращивания, единения, формирования и усиления целостности. Среди значений, имеющих отношение к ИП как фактору консолидации, на наш взгляд, можно обозначить коннотации: интеграция, сплочение, солидарность.

Ранее в нашей статье, посвященной общественно-исторический анализу механизмов функционирования исторической памяти, мы говорили о том, что понятие «историческая память» носит дискуссионный характер, поскольку в области гуманитарных наук имеются всевозможные интерпретации и научно-исследовательские подходы к изучению ИП [5]. Как показывает научный анализ исследовательских работ по искомой проблематике, понятие «историческая память» рассматривается в контексте:

- культурной памяти, запечатленной в культурно-исторических артефактах и связанной с усилением «роли исторической культуры» [6, с. 154];
- коллективной памяти как «условия построения общей картины исторического познания в единстве трех его моментов – собственно исто-

рии (исторической канвы событий в осмыслении человечеством), исторической памяти (отражения исторической канвы событий в общественном сознании каждой отдельной социальной единицы) и культуры (фрагмент исторического опыта, формирующего каждую отдельную социальную единицу)» [7, с. 156–157];

- социальной памяти в диалектическом взаимодействии с ИП [8].

В частности, мы солидаризируемся с мнением южно-российских исследователей В.В. Касьянова и С.А. Чупрынникова, утверждающих, что ИП «способна конструировать коллективную идентичность и определять структуру коллективного сознания, детерминируя социальную память». Историческая память порождается тем сообществом, которое она спланирует на основе определенной национальной идеи [8, с. 56].

ИП как фактор консолидации, обладает способностью объединить российский народ в рамках единого культурно-исторического и социально-политического пространства, а также интегрировать в него новых членов. ИП, по словам О.М. Шевченко, «закладывает основы представлений о коллективном прошлом общности, транслирует их посредством механизма социализации, воспроизводит в повседневной жизни в форме эмоционально-заряженных общественно-значимых мероприятий» [9, с. 2]. ИП как «системообразующий элемент национального самосознания», обладающий консолидационным потенциалом, так или иначе, оказывает лично- и социально-формирующее воздействие, «находя отражение в поведенческих стереотипах, включая и отношение к другим общностям и их представителям», тем самым отражая возможности и варианты сплочения и солидарности [9, с. 2].

Говоря об ИП как о консолидирующем факторе, вполне понятной становится задача освещения и факторов, связанных с исторической памятью, при этом, препятствующих консолидации общества.

Первым препятствующим фактором консолидации российского общества является фальсификация и искажение истории, унижение национального сознания, принижение значения русского народа и российского государства в ключевых событиях XX века [10], перестановка акцентов и предумышленное забвение исторических событий ушедшего прошлого. Так, Т.В. Пушкарева констатирует широко известный сюжет: «Чтобы превратить исторический факт в факт идеологии, в факт институциональной истории победителей, нужно вырвать его из контекста», ибо посредством «вырывания из контекста и достигается возвышение над объективным представлением» [7, с. 153].

Вторым фактором, так или иначе препятствующим консолидации, является успешное запоминание, «когда старые формы и смыслы наделяются новыми значениями» [7, с. 153]. Влиятельным действием именно такого рода механизма можно истолковать причины укрепления комму-

нистических идеологических стереотипов (первомайские демонстрации, красный цвет знамени, галстука, партийную атрибутику, вождизм как явление). Данная символика, наделенная выражением идеи поклонения и семантикой вероисповедания, строилась на истории православных культурных традиций. Однако, как показывает историческое прошлое, «появилось новое значение, по иронии истории и памяти формально антагонистичное этой традиции, и, одновременно, паразитирующее на ней. Как видим, символ, сохраняя память, может содержать в свернутом виде и противоположные значения», тем самым, разобщая социум [7, с. 154].

По нашему мнению, необходимо объединить усилия государства и общества по линии дальнейшей системной работы по актуализации и культивированию ИП по следующим ключевым направлениям, способствующим консолидации российского общества:

– Во-первых, определение приоритетных задач по историческому воспитанию или («воспитанию историей») россиян на современном этапе общественно-исторического развития [11].

– Во-вторых, решение проблем консолидации российского общества возможно «через признание и реализацию ведущей роли духовно-нравственных ценностей», ибо исключительная историческая память в ракурсе формирования духовно-нравственных ценностей может выступить «фактором консолидации» современного российского общества [12, с. 151].

– В-третьих, развитие эффективных способов и методов разоблачения фальсификаторов, искажающих историческую правду развития и хода истории Российского государства, т.е. способов, содействующих торжеству исторической истины в общественном сознании и консолидации народа в отстаивании своих национальных интересов.

О важности защиты исторической истины свидетельствует Закон «О защите исторической памяти», прописанный в Конституции РФ, в котором сказано, что Россия объединена тысячелетней историей и сохраняет память предков, «передавших нам идеалы и веру в Бога, а также, преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [13].

Литература:

1. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of inter-ethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova [et. al.] // In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics». Switzerland, 2020. P. 417–430.

2. Гафиатулина Н.Х. Моделирование социально-политических процессов в условиях неопре-

– В-четвертых, развитие форм и методов исторического воспитания в рамках исторического знания и культурно-исторического наследия на базе инновационных информационных технологий, поскольку знания об ушедшем историческом прошлом России, «идея исторической преемственности поколений, культивируемые в информационном пространстве представления об общем происхождении народа, общих подвигах и героях, общих потерях и потрясениях позволяют формировать, разделяемые обществом, в целом, представления о прочном и исторически обусловленном единстве граждан» [11, с. 63], тем самым, способствуя консолидации российского общества.

– В-пятых, обращение к, так называемым, «местам памяти» (по термину, введенному в оборот П. Нора), которые представлены в трех взаимосвязанных модальных смыслах: материальном, символическом и функциональном. К числу «мест памяти» относятся: памятники, коммеморации, канцелярии, монастыри, территории, слова, пространственно-временные деления, а также индивидуальная память участников исторических событий, письменная информация, вещественные объекты, культурные артефакты и пр. В «местах памяти» находит убежище и «кристаллизуется» сама память [14, с. 35].

Таким образом, именно обращение к ресурсам исторической памяти позволит современному российскому социуму на новом этапе общественного развития вновь обрести национальное единство, способствовать патриотическому воспитанию молодежи [15].

В целом, консолидация российского социума, в значительной степени, зависит от наличия у граждан уважительного отношения к историческому наследию российского народа, что предполагает совместную целенаправленную деятельность государства, институтов гражданского общества, экспертов и ученых-историков, а также, преподавателей истории и других гуманитарных дисциплин по формированию в российском обществе исторической культуры на основе принципа справедливого историзма и почитания истории российского государства с опорой на документальные источники, с учетом фундаментальных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Literature:

1. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of inter-ethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova [et. al.] // In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics». Switzerland, 2020. P. 417–430.

2. Gafiatulina N.Kh. Modeling socio-political processes in conditions of uncertainty : textbook. man-

деленности : учеб. пособие в двух частях для студентов-магистров. Ростов-н/Д. : ЮФУ, 2016. Ч. II. 145 с.

3. *Гаврилова И.Н.* Возможна ли консолидация современного российского общества? / И.Н. Гаврилова // Консолидация общества: аналитика обеспечения развития России и ее национальной безопасности: сб. материалов III Всероссийской научно-практической конференции. М., 2016. С. 49–51.

4. *Покида А.Н.* Препринт, научный доклад по материалам отчета НИР «Историческая память как фактор консолидации российского общества» / А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская, В.А. Алешина. М., 2015. 110 с.

5. *Акимова А.А.* Историческая память: общественно-исторический анализ механизмов ее функционирования / А.А. Акимова, Г.Ш. Гамзаева, О.И. Казакбиева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политическая наука. 2022. № 1. С. 13–16.

6. *Аликин П.С.* К проблеме соотношения «культурной» и «исторической памяти» / П.С. Аликин, А.Л. Мухина // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. № 1. С. 154–159.

7. *Пушкарева Т.В.* Мерцающее поле истории: о диалектике коллективной памяти и забвения / Т.В. Пушкарева // Социальная политика и социология. 2008. № 2. С. 149–157.

8. *Касьянов В.В.* Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия / В.В. Касьянов, С.А. Чупрынников // Вестник Адыгейского государственного университета. 2020. Вып. 4 (269). С. 54–61.

9. *Шевченко О.М.* Историческая память в консолидации российского общества: конструктивный и деструктивный потенциал / О.М. Шевченко // XX Международные Лихачевские научные чтения. 2022. С. 1–7.

10. *Мысливец Н.Л.* Образы прошлого в исторической памяти: теоретико-методологический аспект / Н.Л. Мысливец // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 158.

11. *Тишков В.А.* Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации / В.А. Тишков, Ю.П. Шабает // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2019. № 4 (40). С. 62–71.

12. Вестник Новосибирского государственного педагогического университета / В.П. Беркут, В.А. Песоцкий [и др.]. 2018. Т.8, №1. С. 138–156.

13. URL : <https://kinobaza24.ru/biography/zakon-operepisyvanii-istorii.html>

14. *Сабанчиев Р.Ю.* Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции / Р.Ю. Сабанчиев // гуманитарные ис-

ual in two parts for master students. Rostov-on-D. : Southern Federal University, 2016. Part II. 145 p.

3. *Gavrilova I.N.* Is the consolidation of modern Russian society possible? / I.N. Gavrilova // Consolidation of society: analytics to ensure the development of Russia and its national security: Sat. materials of the III All-Russian scientific-practical conference. M., 2016. P. 49–51.

4. *Pokida A.N.* Preprint, scientific report based on the materials of the research report «Historical memory as a factor in the consolidation of Russian society» / A.N. Pokida, N.V. Zybunovskaya, V.A. Aleshina. M., 2015. 110 p.

5. *Akimova A.A.* Historical memory: socio-historical analysis of the mechanisms of its functioning / A.A. Akimova, G.Sh. Gamzaeva, O.I. Kazakbieva // Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Culturology. Political science. 2022. № 1. P. 13–16.

6. *Alikin P.S.* On the problem of correlation between «cultural» and «historical memory» / P.S. Alikin, A.L. Mukhina // Social and humanitarian sciences: theory and practice. 2017. № 1. P. 154–159.

7. *Pushkareva T.V.* The flickering field of history: on the dialectic of collective memory and oblivion / T.V. Pushkareva // Social policy and sociology. 2008. № 2. P. 149–157.

8. *Kasyanov V.V.* Historical memory, social memory: dialectic of interaction / V.V. Kasyanov, S.A. Chuprynnikov // Bulletin of the Adyghe State University. 2020. Iss. 4 (269). P. 54–61.

9. *Shevchenko O.M.* Historical memory in the consolidation of Russian society: constructive and destructive potential / O.M. Shevchenko // XX International Likhachev Scientific Readings. 2022. P. 1–7.

10. *Myslivets N.L.* Images of the Past in Historical Memory: Theoretical and Methodological Aspect / N.L. Myslivets // Social and Humanitarian Knowledge. 2018. № 1. P. 158.

11. *Tishkov V.A.* Historical memory: forms of preservation, construction and presentation / V.A. Tishkov, Yu.P. Shabaev // News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Syktyvkar, 2019. № 4(40). P. 62–71.

12. Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University / V.P. Berkut, V.A. Pesotsky [et al.]. 2018. Vol. 8. № 1. P. 138–156.

13. URL : <https://kinobaza24.ru/biography/zakon-operepisyvanii-istorii.html>

14. *Sabancheev R.Yu.* The concept of «places of memory» by Pierre Nora as a way of historical reconstruction / R.Yu. Sabancheev // humanitarian

следования в восточной Сибири и на дальнем востоке. 2018. № 1. С. 33–38.

15. *Попов М.Ю.* Структура патриотизма / М.Ю. Попов, Е.М. Харитонов, В.В. Касьянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 72–78.

research in Eastern Siberia and the Far East. 2018. № 1. P. 33–38.

15. *Popov M.Yu.* Structure of patriotism / M.Yu. Popov, E.M. Kharitonov, V.V. Kasyanov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. № 2. P. 72–78.

Воскобойников Сергей Георгиевич
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культурологии,
Донской государственной
технической университет
Voskoboinikof1968c@yandex.ru

Щукина Татьяна Владимировна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры история,
Ростовский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения РФ
vuzprepod@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОРИЕНТИР НА КОНСОЛИДАЦИЮ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

■ ■ ■
Аннотация. Роль исторической памяти в формировании духовно-нравственных ценностей, чувства патриотизма, коллективной идентичности и правильного осмысления гражданами культурно-исторического наследия как составляющих элементов духовной национальной безопасности современного российского общества – трудно переоценить. Статья посвящена рассмотрению исторической памяти как инструмента патриотического воспитания граждан и как ориентир, способствующий консолидации общества в условиях современных вызовов и угроз. Рациональность, ответственность и рефлексивность описаны как уникальные инструменты исторической памяти, способствующие патриотическому воспитанию, а также инструменты консолидации российского общества.

Ключевые слова: консолидация, историческая память, история, патриотизм, инструмент патриотического воспитания, вызовы, риски.

■ ■ ■
Роль исторической памяти в формировании духовно-нравственных ценностей, чувства патриотизма, коллективной идентичности и правильного осмысления гражданами культурно-исторического наследия как составляющих элементов духовной национальной безопасности современного российского общества – трудно переоценить [1; 2].

Сегодня российское государство и общество переживают крайне сложный период, связанный с ведением информационной войны со стороны агрессивно настроенных западных стран, в результате которой российское общество столкну-

Sergey G. Voskoboinikov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Cultural Science,
Don State Technical University
Voskoboinikof1968c@yandex.ru

Tatyana V. Schukina
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Department of History,
Rostov State Medical University
Ministry of Health of the Russian Federation
vuzprepod@mail.ru

HISTORICAL MEMORY AS A TOOL FOR PATRIOTIC EDUCATION AND A FOCUS FOR CONSOLIDATION IN CONDITIONS OF MODERN CHALLENGES

■ ■ ■
Annotation. The role of historical memory in the formation of spiritual and moral values, a sense of patriotism, collective identity and the correct comprehension by citizens of the cultural and historical heritage as components of the spiritual national security of modern Russian society can hardly be overestimated. The article is devoted to the consideration of historical memory as a tool for the patriotic education of citizens and as a guideline that contributes to the consolidation of society in the face of modern challenges and threats. Rationality, responsibility and reflexivity are described as unique tools of historical memory that contribute to patriotic education, as well as tools for the consolidation of Russian society.

Keywords: consolidation, historical memory, history, patriotism, instrument of patriotic education challenges, risks.

■ ■ ■
лось со множеством вызовов, брошенных Россией, таких, как:

- дезинформация, подрывающая устои морали и нравственности россиян и манипуляция их сознанием;
- фальсификация истории и переписывание исторической памяти, связанной с безнравственным стремлением западных политиков и исторических публицистов превратить Россию из страны-победителя фашизма во Второй мировой войне – в агрессора;

– появление псевдопатриотов, «использующих деформированное понятие патриотизма в своих корыстных целях, корпоративных, а порой и преступных интересах» [3, с. 144].

Более того, как подчеркивает А.И. Тетуев, патриотизм на некоторых территориях стал перерождаться в национализм. Во многом утрачено истинное значение и понимание интернационализма» [4, с. 34].

Прослеживается высокий уровень современных угроз, вызовов и рискогенности социокультурного пространства российского общества [5], которые, согласно проведенным эмпирическим исследованиям А.Ю. Зубок и В.И. Чупрова, связаны с «разрушением памятников культуры в городе или селе, где родился и вырос, с утратой исторической памяти, культурных традиций, нравственных норм среди окружающих тебя людей» [6, с. 70].

В условиях новых вызовов и угроз обществу и государству, в условиях пролонгированной неопределенности, вызванной с одной стороны, внутренней общественной трансформацией, а с другой – внешними угрозами, связанными с расчеловечением и демонизацией России политическими деятелями западных стран, возрастает угроза социальной дезинтеграции, которую возможно преодолеть методом ретроспективного анализа особенностей общественно-исторического наследия и возвратом формирования традиционно российского патриотического сознания.

В связи со сказанным выше, особую актуальность приобретает необходимость объединения усилий в области патриотического воспитания граждан посредством такого важного инструмента как историческая память, которая обладает уникальной функцией консолидировать. Ибо историческая память поистине выступает «детерминантой пределов и возможностей общественной консолидации, «хранилищем» и генератором общественно приемлемых моделей социально-политической консолидации» [7, с. 6].

Активное обсуждение проблем исторического, социального, политического контекстуального оборота исторической памяти в рамках дискурса гуманитарных и общественных наук, а также непосредственно самой истории в контексте патриотического воспитания, стало предметом научных интересов ряда отечественных исследователей. В частности:

– И.В. Васильевым и А.Н. Кузнецовым историческая память рассматривается в качестве важнейшего фактора патриотического воспитания граждан [3];

– В.В. Егорычев расценивает историческую память как ядро патриотизма и основу патриотического воспитания [8];

– В.А. Тишковым и Ю.П. Шабаетым историческая память оценивается как часть культурного капитала и «политика памяти», ориентированная на воспитание историей, в рамках которой фор-

мируется патриотическое сознание граждан России [9];

– о роли исторической рефлексии в патриотическом воспитании личности пишет С.И. Дорошенко [10];

– А.И. Тетуев анализирует патриотическое воспитание в качестве основы консолидации общества [4].

О важности задачи патриотического воспитания и актуализации исторической памяти у граждан свидетельствует Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в соответствии с которым, национальные приоритетные проекты направлены на формирование чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев, ответственности за будущее страны и готовности к защите интересов России [11].

Прежде всего, необходимо сказать об основных и распространенных инструментах, конструирующих саму историческую память – это архивы, музеи, печатная научная и художественная литература, библиотечные фонды, коммеморации (памятные даты, определенные годовщины), киномагистраль, СМИ, историческая живопись, историографическая традиция, сетевой исторический контент и т.д. Кроме того, новейшим инструментом и способом патриотического воспитания является военно-историческая реконструкция, под которой понимается:

– «воссоздание материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона с использованием археологических, изобразительных и письменных источников;

– движение, ставящее перед собой научные цели, использующие метод ролевой игры и научного эксперимента для решения проблем и более глубокого изучения исследуемого вопроса» [12, с. 4].

Существенное значение для формирования исторической памяти как инструмента патриотического воспитания, по мнению В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаета, «имеют те места памяти, предназначение которых – воспитание историей – «давний и важный инструмент в арсенале» общественно-исторической «инженерии». Эти места памяти представляют собой реальные или символические места, в которых воплощается коллективная память общества» [9, с. 66–67]. И ключевую роль в патриотическом воспитании историей играют, безусловно, музеи – как важнейшие места памяти, в которых, в свою очередь, заложен большой консолидационный потенциал в борьбе с деструктивной пропагандой враждебно настроенных по отношению к России стран Запада.

В последние годы в России, в целях активизации патриотического воспитания, стартовала и становится все более востребованной мультиме-

дидейная музейная экспозиция исторического парка «Россия – моя история». Уже во многих российских регионах открыты такого рода мультимедийные музейно-выставочные комплексы исторического парка. Эти комплексы представляют собой уникальное социокультурное и культурно-историческое пространство, в котором посетителям предоставляется возможность выстроить собственный (особый) диалог с историческим прошлым России. Важнейшим отличием интерактивного музея от музея традиционного является то, что в нем музейные экспонаты – представляют собой не просто исторические документы или культурные исторические артефакты, «это особым образом представленные продукты» в соответствии с той или иной исторической эпохой [13]. Так, в комплексе исторического парка представлены четыре интерактивные экспозиции, охватывающие всю российскую историю: «Рюриковичи 862 – 1598», «Романовы 1613–1917», «От великих потрясений к Великой Победе 1917–1945» и «Россия – моя история 1945–2016» [14].

В качестве уникальных инструментов, исторической памяти, способствующих патриотическому воспитанию, а также инструментов консолидации российского общества, Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий и С.А. Посашков и др. обозначают рациональность, ответственность и рефлексивность.

Рациональность как первый инструмент исторического сознания базируется на актуализации работы здравого смысла «правильных» российских экспертов-историков в целях противостояния многочисленным попыткам «переписать», зачеркнуть и переоценить всеобщую и российскую историю XX века в турбулентные времена. Поскольку в такие времена сознание россиян, по мнению указанных выше исследователей, «во многом, как в ельцинские времена, опирается на эмоции и голосует сердцем» [15, с. 18].

Ответственность как второй инструмент исторического сознания, в котором заложен консолидационный потенциал, направлена на преодоление историческим аналитическим сообществом перцептивного инфантилизма у граждан по отношению к власти или, говоря словами исследовате-

Литература:

1. Historical memory in language and socio-historical discourse. *Revistaentrelinguas* / N.Yu. Belikova, S.G. Voskoboynikov, T.V. Schukina, I.V. Topchy, I.M. Vakula, L.N. Kharchenko. 2021. Vol. 7. № S7. P. 16270.
2. *Загирова Э.М.* Система ценностей молодежи и духовная безопасность современного российского общества / Э.М. Загирова, Н.Х. Гафиятулина // В сборнике: гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 241–246.

лей, – «детского» гражданского «восприятия власти» [15, с. 19].

Наконец, рефлексивность как третий инструмент осознания, осмысления исторического и социального опыта, формирующего гражданское патриотическое сознание, позволяет отрефлексировать и создать историческому аналитическому сообществу с позиций исторического знания «адекватную карту рисков, опасностей и угроз», поскольку, по мнению указанных выше исследователей, «в общественном сознании эта карта искажена» [15, с. 21].

В свою очередь, С.И. Дорошенко подчеркивает, что, несмотря на то, что патриотическое воспитание – это воспитание патриотических чувств, формирование устойчивой системы ценностных ориентаций, «оно совсем не чуждо сознательной и глубокой рефлексии; более того, оно во многом формируется и подпитывается именно исторической рефлексией. Иными словами, патриотизм – это не просто чувство, но и результат большого интеллектуального труда», в котором первостепенная роль принадлежит истории [10, с. 68].

Патриотическое воспитание – сложная управляемая система, предназначенная для формирования гражданственности россиян. Индикатором чувства патриотизма предстает отношение к родному городу, поселку, а средством формирования патриотизма – поисковая и исследовательская деятельность, направленная на возрождение забытых имен, творческого исторического наследия людей.

В целом, на данном отрезке общественно-исторического развития России, проводится масштабная работа для сохранения исторической памяти и воспитания населения в духе патриотизма исключительно на исторической правде. Существенную роль в патриотическом воспитании граждан играет Всероссийский организационный комитет «Победа» при Президенте РФ.

Таким образом, проблематика исторической памяти – это особый инструмент патриотического воспитания граждан и безусловный ориентир, способствующий консолидации общества, полного современных вызовов и угроз.

Literature:

1. Historical memory in language and socio-historical discourse. *Revistaentrelinguas* / N.Yu. Belikova, S.G. Voskoboynikov, T.V. Schukina, I.V. Topchy, I.M. Vakula, L.N. Kharchenko. 2021. Vol. 7. № S7. P. 16270.
2. *Zagirova E.M.* The value system of youth and the spiritual security of modern Russian society / E.M. Zagirova, N.Kh. Gafiatulina // In the collection: humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference. 2017. P. 241–246.

3. *Васильев И.В.* Историческая память как фактор патриотического воспитания граждан / И.В. Васильев, А.Н. Кузнецов // *Власть.* 2021. № 3. С. 142–148.
4. *Тетуев А.И.* Патриотическое воспитание как основа консолидации общества / А.И. Тетуев // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2010. № 2. С. 34–38.
5. *Гафиатулина Н.Х.* Источники социокультурных рисков для социального здоровья российской студенческой молодежи / Н.Х. Гафиатулина, А.П. Бандурин, С.И. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2017. № 11. С. 26–30.
6. *Зубок Ю.А.* Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности : монография / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2022. 304 с.
7. *Елисеева И.И.* Введение в проблему / И.И. Елисеева, А.В. Дука; Отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева // *Сб. научных трудов СИ РАН.* СПб., 2010. С. 5–30.
8. URL : <https://www.shliah.by/news/obshhestvo/news23634>
9. *Тишков В.А.* Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации / В.А. Тишков, Ю.П. Шабаяев // *Известия Коми научного центра УрО РАН.* Сыктывкар, 2019. № 4 (40). С. 62–71.
10. *Дорошенко С.И.* Роль исторической рефлексии в патриотическом воспитании личности / С.И. Дорошенко // *Историческая память и связь поколений как духовно-нравственная основа патриотического воспитания молодежи: Сб. статей по материалам научно-практической конференции в рамках XXVIII Международных Рождественских образовательных чтений.* М., 2021. С. 68–73.
11. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>
12. *Милованова И.Г.* Военно-историческая реконструкция как одна из инновационных форм военно-патриотического воспитания молодежи / И.Г. Милованова, И.Я. Удилова // *Бюллетень науки и практики.* 2016. № 1.
13. *Давыдова М.Ю.* Исторические парки «Россия – моя история» в образовательном процессе вуза / М.Ю. Давыдова, М.Г. Дьякова // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2019. № 5. С. 90–94.
14. URL : <https://myhistorypark.ru/?city=>
15. *Ахромеева Т.С.* Институциональное обеспечение сбалансированного развития региона / Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий, С.А. Посашков //
3. *Vasiliev I.V.* Historical memory as a factor in the patriotic education of citizens / I.V. Vasiliev, A.N. Kuznetsov // *Power.* 2021. № 3. P. 142–148.
4. *Tetuev A.I.* Patriotic education as a basis for the consolidation of society / A.I. Tetuev // *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences.* 2010. № 2. P. 34–38.
5. *Gafiatulina N.Kh.* Sources of socio-cultural risks for the social health of Russian student youth / N.Kh. Gafiatulina, A.P. Bandurin, S.I. Samygin // *Humanitarian, socio-economic and social sciences.* 2017. № 11. P. 26–30.
6. *Zubok Yu.A.* Youth in the cultural space: self-regulation of life : monograph / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. M., 2022. 304 p.
7. *Eliseeva I.I.* Introduction to the problem / I.I. Eliseeva, A.V. Duka; Responsible editor A.V. Duka, I.I. Eliseeva // *Sat. scientific works of the SI RAS.* SPb., 2010. P. 5–30.
8. URL : <https://www.shliah.by/news/obshhestvo/news23634>
9. *Tishkov V.A.* Historical memory: forms of preservation, construction and presentation / V.A. Tishkov, Yu.P. Shabaev // *News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.* Syktyvkar, 2019. № 4(40). P. 62–71.
10. *Doroshenko S.I.* The role of historical reflection in the patriotic education of the individual / S.I. Doroshenko // *Historical memory and the connection of generations as a spiritual and moral basis for the patriotic education of youth: Sat. articles based on the materials of the scientific-practical conference within the framework of the XXVIII International Christmas Educational Readings.* M., 2021. P. 68–73.
11. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 № 474 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>
12. *Milovanova I.G.* Military-historical reconstruction as one of the innovative forms of military-patriotic education of youth / I.G. Milovanova, I.Ya. Udilova // *Bulletin of Science and Practice.* 2016. № 1.
13. *Davydova M.Yu.* Historical parks «Russia – my history» in the educational process of the university / M.Yu. Davydova, M.G. Dyakova // *News of the Volgograd State Pedagogical University.* 2019. № 5. P. 90–94.
14. URL : <https://myhistorypark.ru/?city=>
15. *Akhromeeva T.S.* Institutional provision of balanced development of the region / T.S. Akhromeeva, G.G. Malinetskii, S.A. Posashkov // *Collection of*

Сборник материалов национальной науч.-практ. конф. Академии МУБиНТ. Ярославль, 2021. С. 18–21.

16. *Попов М.Ю.* Структура патриотизма / М.Ю. Попов, Е.М. Харитонов, В.В. Касьянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 72–78.

materials of the national scientific and practical. conf. Academy of MUBINT. Yaroslavl, 2021. P. 18–21.

16. *Popov M.Yu.* Structure of patriotism / M.Yu. Popov, E.M. Kharitonov, V.V. Kasyanov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. № 2. P. 72–78.

Жабчик Светлана Викторовна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и политологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
salgir202@rambler.ru

Нененко Олег Александрович
студент факультета механизации,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
oleg_nenenko@mail.ru

Лабузов Александр Романович
студент факультета механизации,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
alex_labuzov303@mail.ru

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

■ ■ ■

Аннотация. Казачеству как особому военному образованию уделяется большое внимание среди историков. В статье рассматриваются исторические этапы становления казаков как структуры, выполняющих функции охраны общественного порядка, защиты государственной границы, и участнику военных походов. Как отмечают авторы, казачество за свою многовековую историю вызывали разное к себе отношение со стороны органов государственной власти, но, со временем, стали опорой государственности России. Структура и система управления казачьими формированиями неоднократно претерпевала множество изменений. Пользуясь рядом исторических источников и государственных документов, авторы публикации пришли к выводу о том, что как в прошлые годы, так и в современной России отечественное казачество преданно защищает государственные интересы и пользуется глубоким уважением среди соотечественников.

Ключевые слова: российское казачество, военная служба, казачество, государственность, казачье самоуправление.

■ ■ ■

Происхождение и становление казачества до настоящего времени считается открытой и актуальной темой, которой посвящено достаточно большое количество исторической литературы. Благодаря особенностям самоорганизации, управления, целевым охранительным и военным функциям, жизнедеятельность казаков до сих пор имеет повышенный интерес и споры среди исследователей.

Svetlana V. Zhabchik
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Political Science,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
salgir202@rambler.ru

Oleg A. Nenenko
Student of the Faculty of Mechanization,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
oleg_nenenko@mail.ru

Alexandr R. Labuzov
Student of the Faculty of Mechanization,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
alex_labuzov303@mail.ru

RUSSIAN COSSACKS AND RUSSIAN STATEHOOD: A BRIEF HISTORICAL SKETCH

■ ■ ■

Annotation. Cossacks as a special military education are given great attention among historians. The article deals with the historical stages of the formation of the Cossacks as a structure that performs the functions of protecting public order, protecting the state border, and participating in military campaigns. As the authors note, the Cossacks for their centuries-old history caused a different attitude towards themselves from the state authorities, but became the support of the statehood of Russia. The structure and management system of Cossack formations repeatedly underwent many changes. Using a number of historical sources and state documents, the authors of the publication came to the conclusion that both in past years and in modern Russia, the domestic Cossacks faithfully protect state interests and enjoy deep respect among compatriots.

Keywords: Russian Cossacks, military service, Cossacks, statehood, Cossack self-government.

■ ■ ■

История становления и развития казачества: их быта, традиций, культуры, самоуправления, воинского искусства представлена в многочисленных научных исследованиях [1].

«Городовых казаков», составлявших особый класс служилых людей, несших пограничную службу, можно считать родоначальниками военно-общинных формирований. По утверждению

Е.А. Абакумовой, уже «в XIV столетии были построены постоянные караулы по Хопру и Дону для предупреждения о татарских набегах» [2, с. 211]. По мнению Ф.А. Щербины, «русские казаки становятся исторически известными во второй половине XV столетия. Казаки были на Украине уже в 1471 г. А в 1489 г. Польский летописец Бельский упоминает казаков как передовых вожатых литовского войска» [3, с. 423].

Изначально, казачество было объединено, благодаря общей цели и задачам, заключающимся в охране правопорядка, границ и окраин государства, контроле и ловле беглых. Позднее, к XV в. их поселения меняют свое расположение на предгорья Кавказа, Дон, Днепр, где они осуществляли охрану и защиту границ городов, сел, поселений, а также, границ государства, за что им предоставлялись земельные владения в постоянное пользование, где казаки осваивали земледелие и скотоводство [4]. Границы страны были еще не до конца сформированы, извне происходили нападения, ввиду чего, военная (таможенная) служба и жизнь казаков всегда была накаленной и непростой.

Казачье сообщество характеризовались высокой степенью организованности и военного управления в сочетании с демократическими принципами жизненного уклада. Так, вопросы войны и мира, судебные разбирательства, принимались на собраниях высшего органа управления. Исполнительная власть принадлежала атаману, а в военное время выбирался военный атаман.

В 1505–1507 гг. казачьи сообщества помогали Ивану Грозному отстоять территорию в войне Московского государства с Казанским ханством. А в 1581 г., в результате похода казака Ермака, были присоединены к России новые территории Сибири. Позже казачьи сообщества принимали участие в войне с Османской Империей, череде русско-шведских войн, «Медном» и «Соляном» бунтах [5].

В 1606 г. часть казачества выступала на стороне Лжедмитрия II, чем увеличила численность его войска, после чего, государем было принято решение о сокращении количества сословия казаков. При этом полного подчинения казачьих общин государственной власти не произошло, поэтому их военные знания и умения использовались для охраны государственных границ в особо уязвимых территориях страны. Казакам, объединенным в военно-демократические организации, управляемыми на местах выборными старшинами, «российское правительство платило и наделяло их землей» [6].

В период правления Петра I совершился пересмотр подчиненности казачьих формирований. Для усиления влияния и усиления армии казачье войско было реорганизовано. Атаман назначался уже по приказу императора. Делами казачьих войск управляла Военная коллегия. Казаки благородно служили Петру I и участвовали во всех значимых военных походах (Азовские (1695–1699) [7], Прутский поход (1711), Северная война (1700–1721), Русско-шведская (1788–

1790), Семилетняя война (1757–1763) и др.), способствуя формированию российской государственности, снискав себе славу [8].

В целях охраны восточных и юго-восточных государственных границ от нападений калмыков, башкир, казахов были сформированы Астраханское (1750), Оренбургское (1755) и Черноморское войско (1787), которое в дальнейшем было переведено на Кубань из Запорожской Сечи [9]. В этот период времени, самоуправление казаков постепенно ослабевало, поскольку государственная власть проводила централизацию и реорганизацию административных органов в единую систему, в связи с чем, она предприняла меры для сближения внутреннего устройства с общими государственными правилами. В 1802 г. было введено Положение о казачьих войсках, на основании которого разрабатывались Уставы для этих воинских подразделений [10].

Военное искусство казаков постоянно укреплялось. Они участвовали в сражениях с армией Наполеона в Бородинской битве, в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Военными навыками и тактическими решениями в этих сражениях прославились атаманы В.В. Денисов и М.И. Платов. В войне 1812 г. снискали славу многие донские казаки. Из значимых участников важное место занимает династия Иловайских – «в войне участвовали семь сыновей генерала Дмитрия Ивановича Иловайского, все они стали георгиевскими кавалерами, а четверо – генералами». Но самым знаменитым все же является М.И. Платов. Казаки, под его командованием отличились под Миром, «где с помощью старинного тактического приема под названием «вентерь» были разбиты три польских уланских полка французской армии, и при Бородино», где был совершен «рейд в тыл французской армии, тем самым сковав на время французские резервы» [11].

Дальнейшие изменения казачьих военных формирований происходили на основании военной реформы Александра II. Из числа казаков образовывались новые войсковые части, возрастало их количество и качество армейской подготовки. При этом продолжалось постепенное подчинение этого сословия государственному порядку. Казачьи сообщества оказали положительное воздействие в военных наступательных операциях на Кавказе [12], в Крыму, и Русско-турецкой войне в конце XIX в.

В начале XX века казаки участвовали в подавлении Первой русской революции 1905–1907 гг., после чего, народ стал демонстрировать негативное отношение к ним. Так, в декабре 1905 г. казаки расстреляли демонстрацию в Екатеринодаре [13, с. 11].

В период Первой мировой войны в казачьих войсках насчитывалось 164 конных полка, 54 батареи, 30 пластунских (пеших) батальонов, 179 отдельных сотен и других частей и подразделений. Так, полки 1-й Кубанской казачьей дивизии воевали Восточно-Европейском театре. Из них 2415 офицеров и нижних чинов дивизии получи-

ли Георгиевские награды за упорные бои с австрийцами и немцами [14, с. 147].

После свершения Октябрьской революции 1917 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК об упразднении формирований казачества [15]. В.И. Ленин считал, что огромную опасность для утверждения новой власти на юге России, которую он называл «русской Вандеей», имела контрреволюция, пытавшаяся втянуть казаков в антисоветское движение [16, с. 143]. Советское правительство было против вольного характера организации жизни казацкого сословия, потому что большая его часть принимала активное участие в Гражданской войне на стороне белого движения. Поэтому со стороны советской власти начались репрессии, вмешательство в устои образа жизни и культуры казаков, травля и террор против них, что привело к фактической ликвидации казачества как сословия и потере культуры и обычаев, сформировавшихся в этой этнической группе веками. «В ряде регионов казакам запрещалось носить казацкую атрибутику и казацкую форму, станицы подлежали переименованию, казаки ущемлялись в гражданских правах» [17].

Но уже в 1930-е гг. произошло изменение в отношении советской власти к казачеству. Так, в 1936 г. был отменен Указ о запрете службы в рядах Красной Армии лицам из числа казаков [18].

В годы Великой Отечественной войны казацкие воинские формирования принимали участие в боевых действиях против немецких войск. Одним из знаменитых казацких соединений был 17-й Кубанский казачий кавалерийский корпус, сформированный в начале 1942 г. Уже в августе 1942 г., за боевые заслуги (участвовал в сражениях под станицами Кущёвской, Шкуринской, Канеловской и др.) он был преобразован в 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский казачий корпус [19]. Окончание Великой Отечественной войны полк встретил в Праге.

В постсоветский период российской истории начинается эпоха возрождения казачества. На законодательном уровне было принято несколько законов РСФСР от 26.04.1991 «О реабилитации репрессированных народов», «Декларация казачества» от 30.07.1990 и др. [20]. На всей территории государства создавались казацкие

Литература:

1. История кубанского казачества / Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2013.; *Крайсветный М.И.* К вопросу об этимологии слова «Казак» / М.И. Крайсветный. Казачество России: прошлое и настоящее. Вып. 2. Ростов-н/Д., 2008.; *Подпратов Н.В.* «Нерусское» казачество в истории Российского государства / Н.В. Подпратов // Казачество России: прошлое и настоящее. Вып. 1. Ростов-н/Д., 2006.; *Тикиджян Р.Г.* Донское казачество – этносоциальная корпорация в полиэтничном окружении: история и современность / Р.Г. Тикиджян // Гармонизация межнациональных отношений. Исторические судьбы казачества: II Всероссийская научно-

формирования и их союзы. Так, указом Президента РФ от 09.08.1995 № 835 был создан Государственный реестр казачьих обществ [21]. Одним из первых было образовано Волжское войсковое казачье общество 11 июня 1996 г. [22]. Кубанское войсковое казачье общество было образовано 24 апреля 1998 г. Указом Президента РФ, утвердившего его Устав [26, с. 339]. Первые же шаги по возрождению кубанского казачества начались с создания Кубанского казачьего клуба 28 марта 1989 г. [26, с. 333]. На сегодняшний момент в РФ функционирует 11 реестровых казачьих обществ.

Правительство считает своим долгом поддерживать казаков, их культуру и традиции, которые внесли неоценимый вклад в развитие военного дела государства, являлись уникальным самобытным сообществом, которое отличает мужество, храбрость и патриотизм. Они продолжают верно служить своей стране, стоя на страже ее государственности.

На основании изложенного, нам представляется возможным сделать следующие выводы. Казачество изначально было исторически сформированным саморегулируемым сословием, выполняющим охранительные, таможенные функции. За высокий уровень военной подготовки, безупречную службу и героизм, проявленный на полях сражений, казацкие полки были отмечены различными государственными наградами. Так, например, участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. 6-й Черноморский конно-казачий полк за «отличное мужество и храбрость... в минувшую против турок войну» был награжден знаменем с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1829 года» [23, л. 5]. 4-й гвардейской Кубанский казачий кавалерийский корпус за боевые заслуги награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени, Кутузова II степени; несколько тысяч его бойцов награждены орденами и медалями СССР [19].

Как показал исторический анализ, казачество является необходимым элементом в становлении и охране российской государственности [24; 25]. Благодаря военному искусству, дисциплине и верности этого сообщества, укреплялись не только границы России, но и ее национальная безопасность, и государственный суверенитет.

Literature:

1. The history of the Kuban Cossacks / Ed. by prof. V.N. Ratushnyak. Krasnodar, 2013; *Kraisvetny M.I.* On the question of the etymology of the word «Cossack» // The Cossacks of Russia: past and present. Issue 2. Rostov-on/D., 2008; *Podpryatov N.V.* «Non-Russian» Cossacks in the history of the Russian state / N.V. Podpryatov // Cossacks of Russia: past and present. Issue 1. Rostov-on-Don, 2006.; *Tikijyan R.G.* Don Cossacks – an ethnosocial corporation in a multiethnic environment: history and modernity / R.G. Tikijyan // Harmonization of interethnic relations. Historical destinies of the Cossacks: II All-Russian Scientific and Practical Conference (Gelendzhik). Collection of scientific Art. Rostov

- практич. конф. (г. Геленджик). Сб. науч. ст. Ростов н/Д.; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. С. 103–108.; Удо Г. История казаков в германоязычной литературе / Г. Удо // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. №1.; Щербина, Ф.А. История Кубанского казачьего войска : в 2-х т. (Репринтное воспроизведение) – Екатеринбург, 1910. Т. 1. 736 с.; Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. К., 1991. Т. 1.
2. *Абакумова Е.А.* Возникновение городских казаков как категории служилых людей / Е.А. Абакумова // *Власть*. 2022. Т. 30. № 1. С. 210–213.
 3. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска : в 2-х т. (Репринтное воспроизведение) - Екатеринбург, 1910. Т. 1. 736 с.
 4. *Рвачева О.В.* Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века / О.В. Рвачева, П.Г. Лабруни, Франсуа // *Вестник ВолГУ. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. № 5. С. 197–212.
 5. *Васильев И.Ю.* Российское казачество: место в истории / И.Ю. Васильев // *Национальные приоритеты России*. 2019. № 2. С. 6–12.
 6. *Ерохин И.Ю.* Казаки в царской России: из истории взаимоотношений казачества и государства / И.Ю. Ерохин, В.А. Болгов // *Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика*. 2013. № 10.
 7. *Бакурадзе А.Б.* К вопросу об участии казаков в азовских походах Петра I / А.Б. Бакурадзе, И.В. Казарезов, В.П. Трут // *Современная научная мысль*. 2022. № 4.
 8. *Волынец А.* «Великий Государь указал казакам...». Как буйные атаманы стали привилегированным войском. URL : <https://tass.ru/opinions/10863053>
 9. *Дубовиков А.М.* Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска / А.М. Дубовиков; Отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов // *Казачество в тюркском и славянском мирах : колл. монография*. Казань, 2018. С. 298–297.
 10. *Быковский В.И.* Казаки в системе МВД / В.И. Быковский // *Право и безопасность*. 2002. № 2-3 (3–4).
 11. Участие донских казаков в Отечественной войне 1812 года // *Официальный портал Правительства Ростовской области*. URL : <https://donland.ru/activity/272>
 12. *Салчинкина А.Р.* Бинарная оппозиция «свой – чужой» в историческом нарративе: образ горца в сознании казачества в годы Кавказской войны XIX в. / А.Р. Салчинкина // *Социально-гуманитарный вестник. Всерос. сб. науч. трудов*. Краснодар, 2018. С. 25–27.
 13. *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. Краснодар : Кн. изд-во, 1993. 583 с.
- N./D.; Taganrog : Southern Federal University Publishing House, 2018. P. 103–108; *Udo G.* History of Cossacks in German-language literature / G. Udo // *Bulletin of the Moscow University. Series 8. History*. 1993. № 1; *Shcherbina F.A.* History of the Kuban Cossack army : In 2 vol. (Reprint reproduction) – Ekaterinodar, 1910. Vol. 1. 736 p.; *Yavornitsky D.I.* History of the Zaporozhye Cossacks. K., 1991. Vol. 1.
 2. *Abakumova E.A.* The emergence of city Cossacks as a category of service people / E.A. Abakumova // *Power*. 2022. Vol. 30. № 1. P. 210–213.
 3. *Shcherbina F.A.* History of the Kuban Cossack army : In 2 vol. (Reprint reproduction). Ekaterinodar, 1910. Vol. 1. 736 p.
 4. *Rvacheva O.V.* Traditional and modern forms of Cossack culture in the late XX – early XXI century / O.V. Rvacheva, P.G. Labruni, Francois. // *Bulletin of the Volga. Regional studies. International relations*. 2020. № 5. P. 197–212.
 5. *Vasiliev I.Y.* Russian Cossacks: a place in history / I.Y. Vasiliev // *National priorities of Russia*. 2019. № 2. P. 6–12.
 6. *Erokhin I.Yu.* Cossacks in Tsarist Russia: from the history of relations between the Cossacks and the state / I.Yu. Erokhin, V.A. Bolgov // *State and municipal administration in the XXI century: theory, methodology, practice*. 2013. № 10.
 7. *Bakuradze A.B.* On the question of the participation of Cossacks in the Azov campaigns of Peter I / A.B. Bakuradze, I.V. Kazarezov, V.P. Trut // *Modern scientific thought*. 2022. № 4.
 8. *Volynets A.* «The Great Sovereign pointed out to the Cossacks ...». How the violent atamans became a privileged army. URL : <https://tass.ru/opinions/10863053>
 9. *Dubovikov A.M.* The Turkic element in the history of the Ural (Yaitsky) Cossack army / A.M. Dubovikov; Ed. V.V. Gribovsky, B.V. Trepavlov // *Cossacks in the Turkic and Slavic worlds : collective monograph*. Kazan, 2018. P. 298–297.
 10. *Bykovsky V.I.* Cossacks in the system of the Ministry of Internal Affairs / V.I. Bykovsky // *Law and security*. 2002. № 2–3(3–4)
 11. Participation of the Don Cossacks in the Patriotic War of 1812 // *Official portal of the Government of the Rostov region*. URL : <https://donland.ru/activity/272>
 12. *Salchinkina A.R.* Binary opposition «friend – foe» in the historical narrative: the image of a mountaineer in the consciousness of the Cossacks during the Caucasian War of the XIX century / A.R. Salchinkina // *Socio-humanitarian bulletin: All-Russian collection of scientific papers*. 2018. P. 25–27.
 13. *Kutsenko I.Ya.* Kubanskoie Cossacks. Krasnodar : Publishing House, 1993. 583 p.

14. Бузун Ю.Г. Первая Кубанская казачья дивизия в Великой войне / Ю.Г. Бузун; Под ред. О.В. Матвеева, Г.В. Кокунько // Кубанский сборник. Краснодар : Книга, 2012. Т. IV (25).
15. Годовова Е.В. Обзор современных публикаций, посвященных исследованию этнического состава казачьих войск / Е.В. Годовова, И.Ю. Васильев // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 7–15.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5 изд. М. : Полит. издат. 1974. Т. 39. 270 с.
17. Пеньковский Д.Д. Предпосылки эмиграции казачества из России (1920–1925 гг.). URL : http://cossacawards.narod.ru/Zametki/Zametka57_Emigratsiya_kazakov.html
18. Ленин В.И. Полное собрание сочинений В лакейской. С. 277.
19. Постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г. «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». URL : <https://ru.wikisource.org/wiki>
20. Танковый фронт 1939–1945. URL : <http://tankfront.ru/ussr/kk/gvkk04.html>
21. Арсеньев Н.С. Возрождение российского казачества как механизм реконструкции культурной памяти: к постановке проблемы / Н.С. Арсеньев // Гуманитарный акцент. 2022. № 1. С. 60–77.
22. Указ Президента Российской Федерации от 09.08.1995 № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации». URL : <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7669>
23. Распоряжение Президента РФ от 11.06.1996 № 308-рп об утверждении устава Волжского войскового казачьего общества. URL : <https://www.lawmix.ru/pprf/107615>
24. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 250. Оп. 2. Д. 718.
25. Терещенко О.В. Социальный порядок: теоретико-методологический подход / О.В. Терещенко // Национальное здоровье. 2018. № 2. С. 298–306.
26. История Кубанского казачества / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2013. 413 с.
14. *Buzun Yu.G.* The first Kuban Cossack division in the Great War / Yu.G. Buzun // *Kuban collection* / edited by O.V. Matveev, G.V. Kokunko. Krasnodar : Kniga, 2012. Vol. IV (25).
15. *Godovova E.V.* Review of modern publications devoted to the study of the ethnic composition of the Cossack troops / E.V. Godovova, I.Yu. Vasiliev // *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*. 2019. Vol. 25. № 3. P. 7–15.
16. *Lenin V.I.* Complete works. 5th ed. M. : Polit. published. 1974. Vol. 39. 270 p.
17. *Penkovsky D.D.* Prerequisites for the emigration of the Cossacks from Russia (1920–1925). URL : http://cossacawards.narod.ru/Zametki/Zametka57_Emigratsiya_kazakov.html
18. *Lenin V.I.* Complete works In *lakeyskaya*. P. 277.
19. Resolution of the CEC of the USSR of April 20, 1936 «On lifting restrictions on service in the Red Army from the Cossacks». URL : <https://ru.wikisource.org/wiki>
20. Tank front 1939–1945. URL : <http://tankfront.ru/ussr/kk/gvkk04.html>
21. *Arsenyev N.S.* The revival of the Russian Cossacks as a mechanism for the reconstruction of cultural memory: towards the formulation of the problem / N.S. Arsenyev // *Humanitarian accent*. 2022. № 1. P. 60–77.
22. Decree of the President of the Russian Federation № 835 dated 09.08.1995 «On the State Register of Cossack Societies in the Russian Federation». URL : <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7669>
23. Decree of the President of the Russian Federation dated 11.06.1996 № 308-rp on approval of the charter of the Volga Military Cossack Society. URL : <https://www.lawmix.ru/pprf/107615>
24. The State Archive of the Krasnodar Territory. F. 250. Op. 2. D. 718.
25. *Tereshchenko O.V.* Social order: a theoretical and methodological approach / O.V. Tereshchenko // *National Health*. 2018. № 2. P. 298–306.
26. History of the Kuban Cossacks / Ed. V.N. Town Hall. Krasnodar., 2013. 413 p.

Кириллова Алина Игоревна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии,
Камчатский государственный
университет имени Витуса Беринга
astra1155@yandex.ru

ВТОРОЙ ЭТАП ЗЕМЛЕУСТРОЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАМЧАТКИ В 1950-Е – 1980-Е ГГ.: ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ, МЕТОДЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматривается второй этап землеустройства коренных народов Камчатки в 1950-х – 1980-х гг. Проблема закрытия малочисленных сел и поселков всегда интересовала краеведов Камчатки, составлены списки исчезнувших населенных пунктов, фрагментарно воссоздана их история, однако, причины их закрытия, роль государственной политики в этом вопросе изучены слабо. В данной статье автор изучает особенности продолжившегося землеустроительного процесса на полуострове в послевоенный период. Особое внимание уделяется методам землеустроительной деятельности и ее результатам, а также противоречиям данного процесса. Географические рамки исследования: центральная часть Камчатки (Быстринский, Мильковский и Усть-Камчатский районы).

Ключевые слова: землеустройство, Камчатка, коренные народы Камчатки, колхозное строительство, государственная политика в сфере землеустройства.

■ ■ ■
Полуостров Камчатка в силу своего географического положения, удаленности от центральных регионов страны, а также ограниченных возможностей для развития земледелия и огородничества обладает своими особенностями в ходе землеустроительного процесса. При классическом понимании процесса землеустройства (землеустроения) как «мероприятий по изучению состояния земель, планированию и организации рационального использования земель и их охраны, описанию местоположения и (или) установлению на местности границ объектов землеустройства, организации рационального использования гражданами и юридическими лицами земельных участков для осуществления сельскохозяйственного производства...» [1] для коренных народов Камчатки он полноценно начался лишь в советский период, когда стали составляться кадастровые паспорта территорий, проводиться замеры земель, а также межевания

Alina I. Kirillova
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Philosophy,
Kamchatka State University
named after Vitus Bering
astra1155@yandex.ru

THE SECOND STAGE OF LAND MANAGEMENT OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF KAMCHATKA IN THE 1950S – 1980S: THE MAIN PROCESSES, METHODS, ACHIEVEMENTS AND CONTRADICTIONS

■ ■ ■
Annotation. The article considers the second stage of land management of the indigenous peoples of Kamchatka in the 1950s – 1980s. The problem of the closure of small villages and settlements has always interested local historians of Kamchatka, lists of disappeared settlements have been compiled, their history has been fragmentally recreated, however, the reasons for their closure, the role of state policy in this matter have been poorly studied. Also, the article focuses on the methods and results of land management process and its negative outcomes. In this article, the author studies the features of the ongoing land management process on the peninsula in the post-war period. Geographical scope of the study: the central part of Kamchatka (Bystrinsky, Milkovsky and Ust-Kamchastsky districts).

Keywords: land management, Kamchatka, indigenous peoples of Kamchatka, collective farm construction, state policy in the field of land management.

■ ■ ■
между колхозами. Первым таким значимым событием стала экспедиция Дальневосточного краевого земельного управления 1936–1937 гг., а затем продолжившие ее деятельность экспедиции по дополнительному межеванию 1939–1940 гг. [2]. По этой причине, несмотря на традиционную периодизацию землеустроительной деятельности в России [3–5], для территорий полуострова Камчатка, населенных коренными народами, период 1950-х – 1980-х гг. стал в действительности лишь вторым этапом землеустроения.

Географические рамки исследования в данной статье – центральные районы Камчатки (территории современных Мильковского, Быстринского, Усть-Камчатского и части Усть-Большерецкого и Елизовского районов). Причиной такого выбора территорий служит географический фактор, так именно в этих зонах наиболее активно развивалась и продолжает существовать земледелие и

растениеводство, а в советский период на землях Мильковского, Быстринского и Елизовского районов даже выращивали зерновые. В то же время именно эти территории в описываемый период все еще были населены достаточно большим количеством представителей коренных народов: ительменами, камчадалами, эвенками и коряками. Однако, в описываемый период их процентная доля в общей численности населения продолжала стремительно снижаться.

Роль государства и государственной политики в дальнейшем землеустройении и изменении границ районов Камчатки, закрытии и перебазировании населенных пунктов значительна. Более того, большинство этих процессов происходили под прямым влиянием государства: «в первые послевоенные годы Постановлением Совета Министров СССР (декабрь 1946 г.) «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых в восточных районах СССР» была определена задача по увеличению площадей пахотных земель в районах Сибири и Дальнего Востока на 6,5 млн га» [4, с. 157]. Однако немедленно исполнить это постановление в условиях Камчатки оказалось невозможным в силу маломощности колхозов, созданных здесь официально (на уставной основе) лишь после 1936 г., а в некоторых районах и после 1941 г., поэтому наиболее полно на жизнь полуострова это решение государства начало влиять лишь к концу 1940-х гг. – началу 1950-х гг. К концу 1940-х – началу 1950-х гг. в Быстринском районе существовало 4 колхоза на уставной основе, основной отраслью которых являлось оленеводство, но также там активно развивали мясомолочное животноводство и земледелие. Действительно, в изучаемый период происходит прирост поголовья крупного рогатого скота и свиней, а также значительное расширение площадей сельхозугодий и пашен [6]. В то же время, земледелие развивается экстенсивным способом: на полях по-прежнему применялись удобрения натурального происхождения – навоз и зола, рост показателей происходил за счет расширения пахотных площадей. В Тваяне в 1946 г. посевная площадь составляла 16 га, из них 12 га отводились под картофель и 4 га – под прочие культуры, в колхозе трудилось 2 полеводческих звена – 14 человек [7]. Не менее важным требованием к деятельности колхозных хозяйств становится ускорение темпов работы: в Лаучанском сельсовете в 1948 г. сев был закончен за рекордные 4,5 дня, было посеяно 8,2 га картофеля, 0,31 га капусты и 0,24 га мелких культур [8], с 1947 г. начали сеять ячмень [9]. Однако, контрольных цифр достигать не удавалось и резкого увеличения посевных площадей в центральной Камчатке не происходило. Сходную ситуацию можно проследить и в Мильковском районе, например, село Береговое, на правом берегу реки Камчатки. Так, по данным краеведа В.И. Борисова «селение было небольшим, около десятка домов. Летом жители работали на разгрузке пришедших из Усть-Камчатска барж и плашкоутов с товарами, формировали грузы для расположенных выше селений. Зимой они охотились, держали коров и лошадей, в свободное время разводили огороды» [10]. Аналогичные данные приводятся и о неко-

торых других селах Мильковского и Усть-Камчатского районов: Верхнекамчатск, Кирганик, Крахча, Красный Яр, Крапивная и др. Действительно небольшие селения не могли обеспечить ни увеличенных пашен, ни комплексного ухода за посевами (в силу малочисленности колхозников). Поэтому поставленные планы не всегда выполнялись. Также причинами срывов являлись и естественные природные факторы: в 1946 г. в Лаучанском сельсовете, несмотря на успешную посевную кампанию и работу полеводческих бригад, урожай не был получен совсем, так как заморозки начались слишком рано и все посевы погибли на корню [11]. Основными сельскохозяйственными культурами в центральных районах Камчатки были картофель, капуста и ячмень. Они позволяли практически полностью обеспечивать местное население продовольствием. На экспорт эта продукция не отправлялась и потреблялась в пределах региона, обеспечивая его продовольственную безопасность.

Таким образом, не достигнув на Дальнем Востоке ожидаемых результатов в полной мере, советское правительство предпринимает новую попытку стимулирования развития земледелия «на февральско-мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» была определена Программа нового массового этапа освоения и заселения целинных земель в районах Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа и Казахстана» [4, с. 157]. Для достижения поставленных государством целей на местах проводилось активное землеустройство, выражавшееся в усовершенствовании и развитии социальной инфраструктуры существовавших сел, а также слиянии мелких населенных пунктов и маломощных колхозов в один более крупный. Причем, местоположение новых колхозных усадеб и населенных пунктов выбиралось властями, мнение коренного населения и его образ жизни, традиционные хозяйственные занятия учитывались слабо. Совершенствование социальной инфраструктуры в селах требовало значительных капиталовложений со стороны местных и центральных властей, а также строительства дорог для регулярного снабжения населенных пунктов. Затраты на это были достаточно велики, но менее значительные суммы требовались на поддержание инфраструктуры селений и дорог, поэтому государственные землеустроительные комиссии определяли «перспективность» / «бесперспективность» дальнейшего существования и развития населенных пунктов. По этой причине именно в период после 1956 г. и началось активное закрытие и перебазирование сел. О чем свидетельствуют данные краеведа В.И. Борисова, автора комплексного исследования по истории сел долины реки Камчатки, который приводит целый список закрытых населенных пунктов [10]:

– после образования устькамчатского колхоза «Путь Ленина» (19 февраля 1951), созданного объединением мелких рыболовецких хозяйств, разбросанных в устьевой части реки Камчатки, село Березовый Яр закрылось (не позднее 1960 г.).

– 13 июля 1956 г. облисполком решил упразднить Верхнекамчатский сельсовет, объединив его с Мильковским. Колхоз «Коммунар» в 1957 г. вошел в мильковский колхоз имени И.В. Сталина, получивший новое название «Мильковский».

– Калиновка свое существование она прекратила в начале 1960-х гг., когда жителей переселили в Щапино.

– в результате проводимой в те годы политики сосредоточения населения в крупных поселениях, Камаки закрыли, а жителей перевели в Усть-Камчатск, Ключи и другие поселки. Камаки были исключены из списка населенных пунктов Камчатской области в 1968 г.

Всего в своём исследовании В.И. Борисов приводит более 15 населенных пунктов Мильковского, Усть-Камчатского и Елизовского районов.

Сходная ситуация складывалась и в Быстринском районе: в 1964 г. Решением № 338 Камчатского Облисполкома был утвержден перечень перспективных и селяемых населенных пунктов [12], но часть селений уже была закрыта, а именно с. Кекук, Лаучан и Тваян [13–15]. Опустевшие территории не считались ценными и легко передавались между районами, без учета мнения коренного населения. В 1964 г. произошло уточнение территории Быстринского района: границы между Мильковским и Быстринским районами были установлены по рекам Быстрая и Козыревка. К Быстринскому району отошла площадь 7293 га в связи с переселением эвенов в с. Быстрая, где находился лесоучасток Быстрый Камчатрыбпрома [16]. В то же время, само население Крапивной и переданной в Мильковский район территории больше ощущало связь с Быстринским районом, ведь база была одним из перевалочных пунктов, осуществлявших транспортировку, хранение и дальнейшую пересылку грузов в Эссо и Анавгай. По воспоминаниям Федорова Виктора Федоровича, партийного работника и ветеринара, в Крапивную отгоняли ремонтное поголовье скота (Ремонтное поголовье скота – это молодняк, выращиваемый для замены выбракованных и заболевших, а также забитых сельскохозяйственных животных, в том числе и с целью приращения поголовья скота (прим. автора)) на откорм, а затем пригоняли в совхоз; там же заготавливали стройматериалы [17]. По воспоминаниям Волковой Валентины Николаевны, учителя крапивнинской школы, в 1977 г. поселок был закрыт [18, с. 26]. Однако, там еще долгие годы проживали люди, причем и в постсоветский период.

Следует отметить, что и вновь созданное село Быстрая Быстринского района, куда переселяли жителей Лаучана и Тваяна в 1964 г., также просуществовало недолго из-за просчетов землеустроителей. В 1974 г. было принято решение о закрытии села Быстрая на местном уровне [19]. Официально село было исключено из учетных записей 10 июля 1975 г. Решением № 14–23 Камчатского областного Совета депутатов трудящихся [20]. Это было связано с малочисленностью населения села Быстрая в 1970 г., всего

227 человек, в то время как в Эссо жило 962 человек, а в Анавгае – 563 [21]. Сельхозугодья Быстрой граничили с угодьями Эссо и не могли быть расширены, а из-за особенностей почв и применения удобрений еще и оказались очень истощены.

Таким образом мы можем проследить динамику закрытия сел центра Камчатки и ее корреляцию с государственной политикой в области землеустройства: решения на общесоюзном уровне приводили к активным действиям на местах. Оптимизация затрат на содержание и развитие сел, повышение эффективности эксплуатации сельхозугодий и постоянная необходимость их расширения приводили к тому, что малочисленные населенные пункты и маломощные колхозы не могли выполнить поставленных задач, превышая уровень допустимой государством убыточности хозяйств. Затраты на их содержание значительно превышали прибыль, получаемую от них. По этой причине, основным направлением землеустройства у коренных народов центра Камчатки в 1950-х – 1980-х гг. мы можем назвать укрупнение населенных пунктов и колхозных хозяйств, расширение пашенных площадей и сельхозугодий, концентрацию населения в укрупненных усадьбах и селениях.

Основными методами землеустройства, в описываемый период, являлись традиционные государственные централизованные исследовательские экспедиции, изучавшие коренное население и его образ жизни, влияние на него советских преобразований и вырабатывавшие по итогам своей работы рекомендации по дальнейшему взаимодействию государства с местными жителями Сибири и Дальнего Востока. Особое внимание ученые уделяли вопросам землеустройства и совершенствования колхозов северян. Особое место среди научных экспедиций послевоенных лет занимает Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.), в рамках которой проходило множество полевых сезонов и выездов в разные регионы Сибири и Дальнего Востока, в том числе и на Камчатку [22]. Основным вектором работы экспедиции являлось сохранение традиционного хозяйства коренных народов Севера, однако, зачастую рекомендации экспедиции вступали в противоречие с государственной политикой в сфере землеустройства и в других вопросах «чиновники стали обвинять этнографов в «излишне негативной окраске» ситуации на Севере, в использовании ими «неофициальных источников информации» и пр.» [22, с. 32]. По этим причинам, а также в силу необходимости оперативного решения землеустроительных вопросов на местах в соответствии с постановлением СМ РСФСР от 03 июня 1961 г. № 682 была создана Хабаровская землеустроительная экспедиция республиканского проектного института по землеустройству «Росгипрозем» [23], землеустроительные вопросы Камчатки решались именно в Хабаровске. В 1975 г. сформирован новый Дальневосточный государственный проектный институт по землеустройству «Дальгипрозем» с шестью филиалами – Амурским, Камчатским, Магаданским, Приморским, Сахалинским и Якутским. Таким образом, с 1975 г. вопросы землеустройства Камчатки

решались в пределах самого региона. Основными функциями Камчатского филиала «Дальгирозема» было составление кадастровых паспортов территорий, оценка эффективности их использования, создание перечней «перспективных» и «бесперспективных» населенных пунктов, выезд землемеров и землеустроителей на места, в том числе и в центральные районы Камчатки с исследовательскими целями, согласно официальным данным «основная функция института – проведение проектно-исследовательских работ по сохранению и рациональному использованию земли на основе современных требований интенсификации сельского хозяйства и перевода его на индустриальную основу» [23]. Данное учреждение полностью подчинялось государству и руководствовалось общесоюзными программами и указами. Во многом благодаря работам экспедиций «Дальгирозема» и его Камчатского филиала в 1960-е – 1980-е гг. была сформирована современная сеть населенных пунктов центра Камчатки, оптимизирована дорожная сеть, освоены значительные массивы земель и сформированы крупные коллективные хозяйства изучаемого периода.

Таким образом, мы можем отметить эволюцию методов землеустроительной деятельности среди коренных народов центра Камчатского полуострова: от экспедиционных, краткосрочных к комплексным и долгосрочным исследованиям, от научных экспедиций к постоянному государственному контролю данной сферы.

Конечно, столь длительные и комплексные меры приводили к определенным результатам, некоторые из них были положительными, а некоторые на современном этапе развития исторической науки оцениваются неоднозначно. Основными положительными результатами землеустроительной деятельности в центральной части Камчатского полуострова в 1950-х – 1980-х гг. можно назвать:

- формирование населенных пунктов с развитой социальной инфраструктурой (больницы/фельдшерские пункты, детские сады и школы, отделения почты, дома культуры, библиотеки, учреждения бытового обслуживания – бани, столовые, прачечные, парикмахерские и др.) в Быстринском районе (села Эссо и Анавгай), Мильковско районе (села Мильково, Атласово, Лазо, Пушино), Усть-Камчатском районе (г. Ключи, населенные пункты Козыревск, Усть-Камчатск, Крутоберегово), Елизовском районе (села Начики, Малка, Ганалы и др.);
- закрепление населения, в том числе и трудоспособной молодежи в сформированных коллективных хозяйствах и их усадьбах;
- развитие растениеводства, в том числе и появление экспериментальных баз для селекционной деятельности;
- разграничение сельхозугодий колхозов, паспортизация земель и постоянный мониторинг эффективности использования этих земель.

В то же время, этническая интеллигенция и краеведы крайне отрицательно оценивают закрытие населенных пунктов и сселение их жителей в укрупненные поселения «Я долго сидел неподвижно. Для меня был такой удар, кровь в жилах кипела, что я не мог в это поверить, на глазах наворачивались слезы Одним росчерком пера на бумаге перечеркнули мое детство, мою юность. ... Кто же дал такое право?» [10]. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.), в результате полевых исследований, еще в советские годы отмечала негативное влияние скученности населения в селах, так называемую «скрытую» безработицу и рост пьянства среди представителей коренного населения Камчатки и других регионов Сибири и Дальнего Востока. Также, уже современные ученые отмечали появление экологических проблем, связанных с укрупнением колхозов: истощение почв и кормовых угодий, засоление почв из-за непродуманного применения удобрений, сокращение поголовья диких зверей (ведь, многие коренные жители продолжали охотиться в 1950-х – 1980-х гг., но уходить слишком далеко от населенных пунктов не могли, поэтому выбивали зверя поблизости от селений), повышение антропогенной нагрузки на территории около сел и деревень (например, во многих селах в описываемый период времени отсутствовали очистные сооружения и канализация, стоки от колхозных усадеб, бань, прачечных попадали в реки).

В целом, мы можем отметить, что интенсивное землеустроение 1950-х – 1980-х гг. под влиянием государственной политики изменило облик центральных районов Камчатки, привело к значительным трансформациям этнической картины региона, изменениям в образе жизни коренных народов Камчатки и формированию хозяйственной специфики этих районов, ведь долину реки Камчатки и на сегодняшний день определяют как центр развития сельского хозяйства на Камчатке. Именно Мильковский и Елизовский районы видятся самыми перспективными в этой сфере. Современный этап землеустроения коренных народов центральных районов Камчатки во многом основывается на опыте прошлых лет, учитывает произошедшие изменения (например, отданные в свое время земли под сельхозугодья сегодня сложно перевести в земли со статусом территорий традиционного природопользования, поэтому такие участки коренным жителям выделят далеко от населенных пунктов, что иногда вызывает недовольство) и в то же время проходит с их участием, изучением их мнения, а также позиций ученых и исследователей. По этой причине анализ опыта землеустроения 1950-х – 1980-х гг. важен для современной науки и экономики Камчатского края. Вопрос землеустроения коренных народов Камчатки ни в краеведении, ни в научной литературе пока не получил достаточного освещения, поэтому исследования в данной сфере могут быть продолжены и способны стать интересным сюжетом для работ региональных историков и исследователей (этнографов, антропологов и социологов).

Литература:

1. О землеустройстве: Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ (ред. от 30.12.2021). URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071595> (дата обращения 10.01.2023).
2. *Кириллова А.И.* Начало землеустроительного движения на Камчатке в 1930-х–1940-х гг. / А.И. Кириллова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2019. № 8. С. 30–35.
3. *Барсукова Г.Н.* История земельных отношений и землеустройства : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Краснодар : КубГАУ, 2014. 456 с.
4. Вехи российского Землеустройства: Время, события, люди / Сост. С.Н. Волков. М. : ГУЗ, 2000. 224 с.
5. *Тетерин Г.Н.* История межевания, землеустройства и земельного кадастра : монография. Новосибирск : СГГА, 2007. 98 с.
6. ГАКК. Ф.Р-489. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.
7. ГАКК. Ф.Р-486. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.
8. ГАКК. Ф.Р-487. Оп. 1. Д. 15. Л. 17. Л. 17 об.
9. ГАКК. Ф.Р-487. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.
10. *Борисов В.И.* Из истории населенных пунктов долины реки Камчатки. URL : <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam2-3.htm> (дата обращения 10.01.2023).
11. ГАКК. Ф.Р-487. Оп. 1. Д. 15. Л. 5 об.
12. ГАКК. Ф.Р-88. Оп. 1. Д. 708. Л. 196–200. Д. 712. Л. 112–117.
13. ГАКК. Ф.Р-88. Оп. 1. Д. 709. Л. 186.
14. ГАКК. Ф.Р-88. Оп. 1. Д. 712. Л. 171.
15. ГАКК. Ф.Р-88. Оп. 1. Д. 778. Л. 79.
16. ГАКК Ф. Р-121. Оп. 1 Д. 151. Л. 1.
17. Беседа с Федоровым В.Ф. от 18.09.2010, пос. Раздольный Елизовского района // Полевые материалы автора.
18. *Волкова Валентина Николаевна.* Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки. Век двадцатый / Сост. В.И. Борисов. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 2007. 272 с.

Literature:

1. On land management: Federal law of June 18, 2001 № 78-FZ (ed. of 30.12.2021). Official Internet portal of legal information. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071595> (date of the application 10.01.2023).
2. *Kirillova A.I.* The beginning of land surveying movement in Kamchatka in 1930s-1940s / A.I. Kirillova / A.I. Kirillova // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Humanities. 2019. № 8. P. 30–35.
3. *Barsukova G.N.* History of land relations and land management : textbook. 2nd ed. updated and revised. Krasnodar : KubGAU, 2014. 456 p.
4. Milestones of Russian land management: Time, events, people / Comp. by S.N. Volkov. M. : GUZ, 2000. 224 p.
5. *Teterin G.N.* History of land surveying, land management and land cadastre : monograph. Novosibirsk : SGGGA, 2007. 98 p.
6. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-489. Inventory 1. File 5. Sheet 9.
7. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-486. Inventory 1. File 10. Sheet 13.
8. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-487. Inventory 1. File 15. Sheet 17. Sheet 17 reverse.
9. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-489. Inventory 1. File 13. Sheet 11.
10. *Borisov V.I.* From the history of settlements of the Kamchatka River valley. URL : <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam2-3.htm> (date of the application 10.01.2023).
11. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-487. Inventory 1. File 15. Sheet 5 reverse.
12. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-88. Inventory 1. File 708. Sheets 196-200. File. 712. Sheets 112-117.
13. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-88. Inventory 1. File 709. Sheet 186.
14. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-88. Inventory 1. File 712. Sheet 171.
15. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-88. Inventory 1. File 778. Sheet 79.
16. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-121. Inventory 1. File 151. Sheet 1.
17. Interview with V.F. Fedorov of September 18, 2010, Razdolniy settlement, Yelizovskiy District // Author's field materials.
18. *Volkova Valentina Nikolaevna.* Memories of Kamchadals and old residents of Kamchatka. Century of the twentieth / Comp. by V.I. Borisov. Petropavlovsk-Kamchatsky : Kamchatka Printing Yard, 2007. 272 p.

19. ГАКК. Ф.Р-486. Оп. 1. Д. 92. Л. 22.
20. ГАКК. Ф.Р-88. Оп. 4. Д. 915. Л. 69.
21. Паспорт Быстринского района 1970–1990 гг. // Муниципальный архив Эссовского сельского поселения.
22. *Батьянова Е.П.* Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) / Е.П. Батьянова // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17–34.
23. Дальневосточный государственный проектный институт по землеустройству «Дальгипрозем» Всероссийского производственного проектного объединения по использованию земельных ресурсов «Росземпроект» (1961–2002 гг.) // Государственный архив Хабаровского края. Фонд: Р-2003 Опись: 1. Ед. хранения: 128. URL : <https://libinfo.org/index/index.php?id=15997> (дата обращения 10.01.2023).
19. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-486. Inventory 1. File 92. Sheet 22.
20. State Archives of Kamchatka Krai. Fund R-88. Inventory 4. File 915. Sheet 69.
21. Passport of the Bystrinsky District 1970-1990 // Essovsky Rural Municipal Archive.
22. *Batyanova E.P.* Northern expedition of the Institute of Ethnography (1956–1991) / E.P. Batyanova // Ethnographic Review. 2013. № 4. P. 17–34.
23. Far Eastern State Design Institute for Land Management «Dalgiprozem» All-Russian Production Design Association for Land Resources Use «Roszemproekt» (1961–2002) // Khabarovsk Territory State Archives. Fund: P-2003 Inventory: 1. Storage unit: 128. URL : <https://libinfo.org/index/index.php?id=15997> (date of the application 10.01.2023).

Кислицын Сергей Александрович
доктор исторических наук,
профессор,
заместитель заведующего кафедрой
политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления,
филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
kisllizins@yandex.ru

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ ФРОНДЫ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ РОСТОВА-НА-ДОНУ И АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОГО КРАЯ В 1935–1938 ГГ.: МЕХАНИЗМ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье раскрываются на основе архивных и историографических источников причины возникновения в большевистской политической элите феномена внутривнутрипартийной фронды – не принципиальной системной оппозиции – (по сталинской терминологии – т.н. – «двурушничество»), ее сущность и признаки. Рассматриваются этапы уничтожения, особенности кадровых репрессий на примере Азово-Черноморского края и Ростовской области. ПАРТИЙНАЯ ФРОНДА - это совокупность взглядов и оценок ряд деятелей партии, как правило, старых большевиков, которые сомневались, предлагали другие варианты оценок ситуации, защищали по мере возможностей арестованных. К фронде относились такие большевистские кадры, как С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе, поздний Н.И. Бухарин, В.И. Невский, А.С. Енукидзе, С.И. Сырцов, В.В. Ломинадзе, Н.Б. Эйсмонт, В.Н. Толмачев, А.П. Смирнов и др. В Ростове-на-Дону – А.Г. Белобородов, Н.П. Глебов-Авилов, Б.П. Шеболдаев, В.Ф. Ларин, Д.П. Жлоба и др. Проанализированы материалы 1-й и 2-й краевых партконференций ВКП(б), роль А.А. Андреева и Е.Г. Евдокимова. Выявлены целевые группы, масштаб и особенности репрессий в крае. Отмечено частичное сопротивление репрессиям некоторых прокуроров и кадров НКВД. Раскрывается механизм соблюдения легальности и легитимности репрессий фронды, непричастных партработников и других советских граждан. Была создана система троцкистско-бухаринской шпиономании, самообвинений и покаяний управленческих кадров, практика избиений арестованных, доминирование смертных приговоров судебных и внесудебных инстанций. Раздел территории Азово-Черноморского края в сентябре 1937 г. на Ростовскую область и Краснодарский край со своими структурами, кадрами и аппаратами позволил обеспечить внешне легальную ротацию практически всех составов краевых, городских и районных партийных комитетов, органов Советов, комсомола, профсоюзов.

Sergey A. Kislitsyn

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Deputy Head of the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management,
branch of the Academy of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation
kisllizins@yandex.ru

STALIN'S REPRESSIONS OF THE PARTY-SOVIET ELITE OF ROSTOV-ON-DON AND THE AZOV-BLACK SEA REGION IN 1935–1938: MECHANISM AND FEATURES ANNOTATION

■ ■ ■

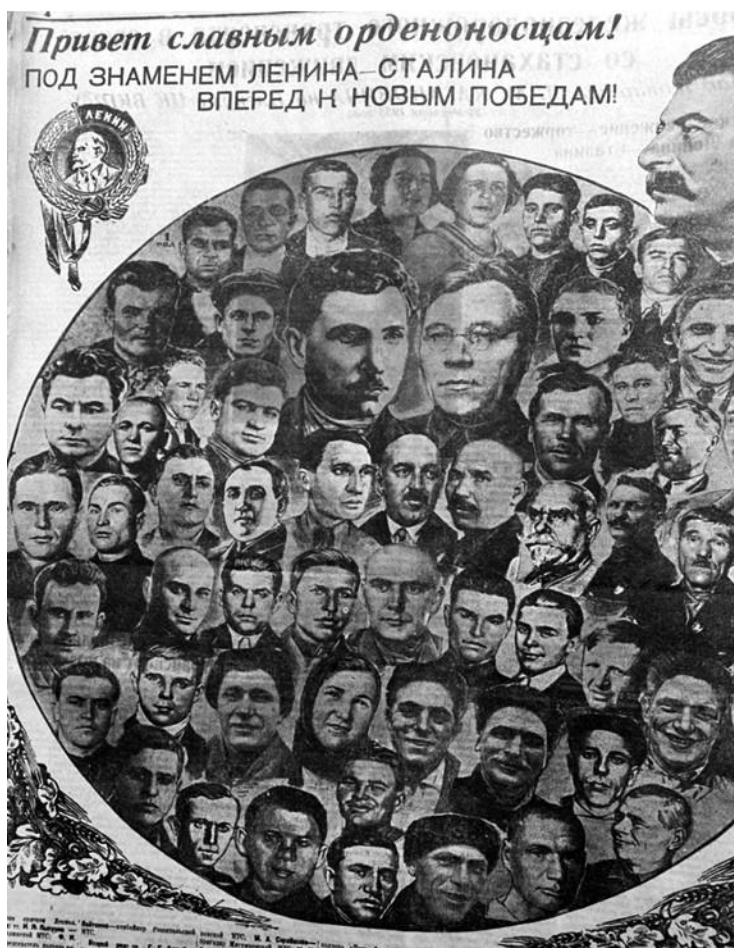
Annotation. Based on archival and historiographic sources, the article reveals the reasons for the emergence of the phenomenon of the inner-party opposition in the Bolshevik political elite – an unprincipled systemic opposition – (according to Stalin's terminology – the so-called «double-dealing»), its essence and signs. The stages of destruction, features of personnel repressions are considered on the example of the Azov-Chernomorsky Territory and the Rostov Region. PARTY FRONDE is a collection of views and assessments of a number of party figures, usually old Bolsheviks, who doubted, offered other options for assessing the situation, defended as far as possible the arrested. Such Bolshevik cadres as S.M. Kirov, G.K. Ordzhonikidze, late N.I. Bukharin, V.I. Nevsky, A.S. Enukidze, S.I. Syrtsov, V.V. Lominadze, N.B. Eismont, V.N. Tolmachev, A.P. Smirnov et al. In Rostov-on-Don – A.G. Beloborodov, N.P. Glebov-Avilov, B.P. Sheboldaev, V.F. Larin, D.P. Zhloba and others. The materials of the 1st and 2nd regional party conferences of the CPSU (b), the role of A.A. Andreev and E.G. Evdokimov were analyzed. Target groups, the scale and features of repression in the region have been identified. Partial resistance to the repressions of some prosecutors and NKVD personnel was noted. The mechanism of observance of the legality and legitimacy of the repressions of the Fronde, uninvolved party workers and other Soviet citizens is revealed. A system of Trotskyist-Bukharinian spy mania, self-accusations and repentance of managerial personnel, the practice of beating those arrested, the dominance of death sentences by judicial and extrajudicial instances was created. The division of the territory of the Azov-Chernomorsky Territory in September 1937 into the Rostov Region and the Krasnodar Territory with their structures, personnel and apparatus made it possible to ensure the outwardly legal rotation of almost all the compositions of the regional, city and district party committees, bodies of the Soviets, Komsomol, trade unions.

Ключевые слова: репрессии, сталинизм, партийная фронда, непринципиальная оппозиция, история ВКП(б), история Ростовской области, Азово-Черноморский край.

Keywords: repression, Stalinism, party fronde, unprincipled opposition, history of the CPSU(b), history of the Rostov region, Azov-Black Sea Region.

С талинский кадровый террор и, в целом, массовые репрессии советского народа стали почти вечной темой в отечественной и зарубежной историографии. Не только сторонники СССР и коммунистического мировоззрения, но и их противники пытаются понять реальный смысл и подлинное значение этого феномена.

Наряду с традиционным разоблачительным направлением анализа, развилась апологетическая ненаучная тенденция, оправдывающая сталинский террор. Но в последнее время появляются новые исследования репрессий, в том числе, в регионах [1].

Б.П. Шеболдаев и В.Ф. Ларин в группе выдвиженцев.
Фото-коллаж газеты «Молот». Январь.1936 г.

Проблема сталинских репрессий на Юге России, в том числе, в Азово-Черноморском крае, разделенном в 1937 г. на Ростовскую область и Краснодарский край, нашла отражение в литературе. Работы С.А. Кислицына, А.И., Козлова, А.В. Венкова, М.М. Весельницкого [2] и др. зафиксировали достигнутые результаты исследований, определили масштаб репрессий, охарактеризовали судьбы ряда жертв террора. В тоже время, сохраняются лакуны и разночтения по некоторым проблемам.

В ходе массовых репрессий второй половины 1930-х гг. И.В. Сталин уделял большое внимание Азово-Черноморскому краю, который был самым крупным в РСФСР, имел политическую репута-

цию как белоказачий регион, сыгравший негативную роль в период обострения Гражданской войны. В донской части края прогремело на всю страну «Шахтинское дело» по вредительству технической интеллигенции в угольной промышленности. Здесь взяли старт и перешли в ЦК ВКП(б) и правительство А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, С.И. Сырцов, Н.Б. Эйсмонт.

А.А. Андреев (1895–1971) во время дискуссии о профсоюзах в 1921 г. защищал платформу Троцкого, но позднее стал одним из наиболее фанатичных сторонников генсека. В 1928–1930 гг. он был первым секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и провел, с точки зрения Ста-

лина, образцовую работу по сплошной коллективизации и ликвидации кулачества. Он руководил во второй половине 1930-х гг. репрессиями в областях Нечерноземья, Поволжья, Урала, Сибири, Белоруссии и республик Средней Азии, на Дону и Кубани [3]. Андреев приезжал в Ростов-на-Дону перед каждым этапом репрессий, лично направлял аресты, докладывал в Кремле о проделанной работе по уничтожению местных кадров, обвиненных в троцкизме, вредительстве и шпионаже. Сталин развертывал репрессии с помощью двух бюрократических аппаратов: партийного – КПК и государственного – НКВД, которые стимулировали и контролировали друг друга. Внешне незаметный, простой, скромный, глуховатый Андреев был, в реальности, страшным человеком, надсмотрщиком и контролером репрессивной деятельности именно по линии партии.

Б.П. Шеболдаев в 1931 г. стал преемником Андреева на посту первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), считался одним из самых активных организаторов социалистического строительства на Юге России. Он пользовался огромной популярностью среди коммунистов края. Его сподвижниками были революционер, председатель крайисполкома *В.Ф. Ларин*; командующий СКВО, командарм 2-го ранга *Н.Д. Каширин*; директор Ростсельмаша, соратник В.И. Ленина *Н.П. Глебов-Авилов*; управляющий Азовэнерго, участник трех революций, легенда Дона *И.Д. Ченцов* и др.

Начало новым репрессиям в крае положили карательные решения в период голода в ряде районов СССР по преодолению сопротивления крестьянства политике чрезвычайных хлебозаготовок, которое было названо «кулацким саботажем». *Шеболдаев* пытался внести коррективы в непомерно завышенный план хлебозаготовок, но был резко одернут Сталиным. Под контролем спецкомиссии в составе Кагановича, Чернова и Шкирятова, направленной в регион, ростовские деятели *Б.П. Шеболдаев*, *В.Ф. Ларин*, *Ароцкер*, *В. Филов* обеспечили выкачку государственными структурами хлеба из колхозов в заданном объеме. Это привело к тяжелым последствиям – голоду и волнениям. На весь регион прогремело дело секретаря партиячейки станицы Отрадной Н.В. Котова, который предпринял ряд действий в поддержку колхозников и, тем самым, по мнению крайкома, объективно противопоставил ячейку партруководству. Суд приговорил Котова и его товарищей к десяти годам лагерей, но по требованию власти дело пересмотрели, и все обвиняемые в ноябре 1932 г. были расстреляны.

Возражения высказывали и отдельные руководители, например, директор зерносовхоза *Д.Н. Павлов*, секретарь крайисполкома *Д.Е. Гольман*. В декабре 1932 г. было выселено на север около 50 тысяч жителей Полтавской, Медведовской, Уманской станиц, а также, около 13 тысяч казаков из других станиц – всего 63 тысячи казаков. Ученый-аграрник Е.Н. Осолков предположил, что выселение населения этих страниц было акцией устрашения колхозников и единоличников прилегавших районов» [4]. Акции устраше-

ния были проведены и в отношении партийных и советских кадров.

Январский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. принял, помимо решения о генеральной чистке своих рядов, постановление об антипартийной группе *Н.Б. Эйсмонта*, *В.Н. Толмачёва* и *А.П. Смирнова*, которая пыталась критиковать такую политику Сталина. *Н.Б. Эйсмонт* и *В.Н. Толмачёв* знали состояние сельского хозяйства, так как целый ряд лет проработали на Дону и Кубани. Став наркомом в правительстве РСФСР, они не потеряли связи с регионом и сообщали о проблемах с хлебозаготовками и начавшемся голоде. За свои сомнения они подверглись партийно-уголовной репрессии – исключению из партии и трехлетнему заключению в исправительно-трудовые лагеря. Это была одна из первых уголовных репрессий высших большевистских руководителей из числа «старой гвардии». Некоторые крамольные сомнения в необходимости полной выкачки зерна из колхозов и др. проявляли *С.В. Косиор*, *П.П. Постышев*, *В.Я. Чубарь*, *Б.П. Шеболдаев*, но расплатились за свои взгляды они позднее.

Первая краевая конференция ВКП(б) нового Азово-Черноморского края, которая состоялась в начале января 1934 г., отразила эту ситуацию. *Б.П. Шеболдаев* в докладе говорил о борьбе с кулацким саботажем, в ходе которой крайком хотел ошибочно разрешить вопросы усилением материальной заинтересованности колхозников поощрениями, не принимая мер к чистке партийных организаций, к борьбе с кулаками и антиобщественными элементами. Крайком «прозевал», перестройку методов борьбы против остатков самостийников, белогвардейцев, имеющих, как нигде в Союзе особые крепкие корни на Северном Кавказе, прежде всего, в станицах Кубани, Донщины и Терека. *Шеболдаев* напомнил собравшимся, что именно Северный Кавказ был Вандеей нашей революции, оплотом самодержавия.

Чистка партии на Дону и Кубани привела к исключению из партии 26 тысяч человек; кроме того, за различные проступки было исключено еще 13 тысяч человек. 60 % исключенных коммунистов были выселены вместе с кулаками на север за пределы края. Было заявлено, с подачи Сталина, что именно ошибки, допущенные крайкомом, позволили остаткам кулачества и белогвардейцам использовать мелкособственнические настроения отсталых слоев колхозников и организовать на Кубани осенью 1932 г. саботаж хлебозаготовок и озимого сева. Уже после окончания репрессий Сталин сказал, что секретари обкомов, наркомы и зам. наркомы – рядовые и средние троцкисты и бухаринцы не переварили крутого поворота в сторону колхозов и «мы потеряли довольно значительные кадры способных людей» [5].

Конференция избрала на XVII съезд ВКП(б) 58 делегатов с решающим голосом (13 – с совещательным), из которых 45 погибло в застенках НКВД. Среди них были *Б.П. Шеболдаев*, *М.М. В.Ф. Ларин*, *Л.И. Ароцкер* *В.И. Рябконов*,

О.Н. Соколова, А.С. Березин, А.И. Ларичев, К.М. Ерофиций, Н.Д. Каширин, А.Л. Шифрес, Я.А. Лифшиц, Я.Д. Розенталь, С.Е. Иванов, И.Д. Клишкин, Н.Г. Колотилин, С.Г., Ивеницкий Л.В., Ш.М. Двойлацкий, С.Х. Варданян, Ф.А. Ляшенко, А.А. Темяков, П.О. Сагоян и др. В период работы съезда Б.П. Шеболдаев принял участие в легендарной встрече «за чашкой чая» старых большевиков, где обсуждался вопрос о замене на посту генсека Сталина Кировым. Вероятно, это перечеркнуло судьбу его лично и почти всех его выдвинутых - делегатов съезда от края.

Делегат съезда, секретарь Адыгейского обкома ВКП(б) *Ш.У. Хакурате*, умер в кремлевской больнице в 1935 г., но в 1938 г. его оболгали, память о нем посмертно репрессировали. Среди уцелевших делегатов были пять делегатов-рабочих с производства, трое секретарей различных райкомов ВКП(б), судьба которых неизвестна. Некоторые делегаты были оперативными сотрудниками НКВД. Выжили в 1937 г. главный редактор газеты «Молот» Л.С. Шаумян (сын революционера С. Шаумяна) и делегат VI съезда РСДРП(б), председатель СНХ края Г.В. Шаблевский, который стал членом Комиссии советского контроля.

Под лозунгом усиления бдительности в 1935–1936 гг. проводилась дополнительная чистка в форме кампании по проверке и обмену партийных билетов, в ходе которой, большая часть коммунистов, имевших пятна в партийной биографии, исключалась из партии. Важным стимулом в кампании по преследованию бывших оппозиционеров и инакомыслящих фрондеров как «двурушников» стало Закрытое письмо ЦК ВКП(б) в январе 1935 г. территориальным партийным комитетам по поводу таинственного убийства С.М. Кирова. Помимо материалов разоблачения «террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», оно содержало ориентиры для поиска разоблачения на местах врагов партии. В 1935 г. в крае начались исключения и аресты подозрительных членов партии.

29 июля 1936 г. было разослано по обкомам еще более жесткое Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». В августе 1936 г. *Б.П. Шеболдаев* выступил на партактиве города с докладом о следствии по делу Зиновьева, облыжно обвиненного в организации убийства Кирова. По воспоминаниям заместителя краевого прокурора *М.П. Баторгина*, *Шеболдаев* заострил вопрос о революционной бдительности в крае. По согласованию с УНКВД, он поставил задачу разоблачения на Дону филиала зиновьевской организации, так как здесь живет и работает целый ряд бывших известных оппозиционеров, которые не могли быть в стороне.

Вскоре был арестован бывший оппозиционер *Ю. Дука*, который назвал членов контрреволюционной организации из числа местных руководителей. На следующем собрании *Шеболдаев* объявил, что он являлся не кем иным, как внедренным в оппозицию агентом НКВД, и был свя-

зан с бывшим начальником управления НКВД П.Г. Рудем, оказавшийся «врагом народа».

С сентября 1936 г. новым наркомом НКВД вместо Г. Ягоды стал Н.И. Ежов, развернувший кампанию кадрового террора. В Ростове-на-Дону Центральной фигурой, к которой привязывался весь набор «врагов народа», был «назначен» А.Г. Белобородов, бывший в 1920-х гг. наркомомвнудел оппозиционер, а теперь – уполномоченный по с/х заготовкам в крае.

На допросах в Ростове-на-Дону, а затем в Москве *Белобородов* некоторое время держался и не давал нужных следствию «правдивых» показаний. Пыточный процесс получения показаний приоткрыл в своем предсмертном письме покончивший жизнь самоубийством сотрудник УНКВД С. Кузин [6]. Но Сталин остался не удовлетворен показаниями Белобородова и потребовал от НКВД «заставить его рассказать о своих грязных делах [7]». На допросе 14 февраля 1937 г. не спавший несколько ночей, морально сломленный *Белобородов*, признал себя виновным в создании и руководстве краевым троцкистско-бухаринским центром [8]. В этот фантазийный блок были записаны более 20 человек – партработники, журналисты, профессора. Усилиями УНКВД была «сформирована» ростовская группа «троцкистов» Белобородова, в состав которой входили его жена *Яблонская*, директор *Ростсельмаша Глебов-Авилов*, *Владимиров*, *Зайдман*, *Рындин*, *Дорофеев* и *Дукат*. В группу новых «правых» были включены *Горемыкин*, *Вишневский*, *Тюрников*, *Кудрявцев*, *Луганов*, *Кашлев* и др. Каждый из арестованных участников групп под давлением следствия тоже называл новых участников, и на этой основе ширился круг «врагов».

Подобным образом набирался расстрельный компромат на всех заметных партийных и советских руководителей в крае, что было главной целью НКВД. Наряду с белобородовцами, в Москве подверглись репрессиям бывшие деятели Дона, занимавшие в центре СССР высокое положение.

Руководители революционных, партийных, советских организаций Донской области и Северо-Кавказского края в 1920-х гг., крупные политические деятели, наркомы СССР в 1930-х гг.:

В.И. Иванов – 2-й секретарь Сев.-Кав. крайкома, 1 секр. Северного крайкома, нарком СССР, в 1938 – осужден на 3-м Московском публичном процессе вместе с *Н.И. Бухариным* и *А.И. Рыковым*; *Н.Ф. Гикало* – герой Граждан. Войны, 2-й секретарь Сев.-Кавк. крайкома ВКП(б), 1 секр. ЦК КП Белоруссии, в 1937 – 1-й секр. Харьковского обкома КП(б)Украины; *Р.В. Пикель* – член Донбюро, член секретариата Коминтерна, оппозиционер, театральный руководитель, писатель, философ, в 1937 г. осужден вместе *Г.Е. Зиновьевым* и *Л.Б. Каменевым* на 2-м Московском судебном процессе; *С.И. Сырцов* – Председатель Ростовского ВРК в 1917 г., зам. предс. СНК Донской республики, член Донского бюро ЦК РКП(б),

предс. Ростово-Нахичеванского Совета, в 1929–1930-х гг. – предс. СНК РСФСР, канд. в чл. Политбюро ЦК ВКП(б), в 1930 г. – участник партийной фронды, в 1937 – директор треста, завода; *В.Н. Толмачев* – кубанский революционер, зам. предс. Сев.Кав. Крайсовета, предс. горсовета Ростов-на-Дону, нарком ВД РСФСР, нач. управления СНК РСФСР, в 1932 г. – участник партийной фронды; *В.А. Трифонов* – казак-революционер, командир Особого экспедиционного корпуса на Дону, председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР, в 1937 – предс. Главконцесскома при СНК СССР, автор книги-предсказания «Контурсы грядущей войны»; *Н.Б. Эйсмонт* предс. исполкома Юго-восточ., Сев.-Кав. края, нарком РСФСР, в 1932 г. участник партийной фронды;

Донские революционные деятели в 1920-х гг, заметные партийно-советские, хозяйственные функционеры в 1930-х гг.:

М.Ф. Болдырев предс. исполкома Доноблсовета в 1921 г. , в 1937 – нач. Главзаготхлоппрома; *Г.П. Бутягин* лидер восстания 1905 г. в Ростове н/Д, в 1937 нач. сектора наркомата; *И.В. Балашов* – нач. политотдела Кавказ. фронта, в 1937 – нач. Росдревпрома; *А.Е. Васильев-Шмидт* – революционер, герой Гражданской войны на Дону, организатор милиции в крае, в 1937 – в Наркомтяжпроме; *С.Ф. Васильченко* – революционер, лидер восстаний 1905 г. и 1917 г. в Ростове-н/Д, нарком Донской и Донецко-Криворожской республик, оппозиционер, писатель; *И.А. Дорошев* – казак-революционер, предс. СНК Донской республики (после Ф.Г. Подтелкова), член Донбюро РКП(б), зам. предс. Сев.-Кав. крайисполкома, в 1937 г. – уполномоч. по заготовкам в Омске; *М.П. Жаков* – нарком Донецко-Криворожской республики, секр. Донкома РКП(б), оппозиционер, в 1937 г. – ученый-историк; *Н.Н. Зимин* – 2-й секретарь Сев.-Кав. крайкома, в 1937 г. – 1-й секретарь Ярославского обл. комитета; *А.П. Знаменский* – предс. Донского облисполкома, в 1941 – в аппарате НКВД; *Н.Н. Колотилов* – секр. Донского обкома РКП(б), в 1937 – Предс. профсоюза СССР; *Н.А. Лифшиц* – нач. Аз. Чер. ж/Д, в 1937 – зам.наркома СССР; *С.Л. Лукашин* – нарком Донской республики, секр. Донского обкома, предс. СНК Армении, в 1937 управ. трестом Наркомтяжпрома; *М.М. Ноздрин* – отв. секр. Донского обл. комитета, в 1937 – зам. предс. Запад.-Сибир. крайсуда; *Б.П. Позерн* – 2-й секретарь Юго-Восточ., Сев.-Кав. крайкома , в 1937 – прокурор Ленинградской обл.; *И.И. Рейнгольд* – член Донского облревкома, Донисполкома, в 1936 – нач. управ. наркомата; *Г.П. Рогачев* – предс. Урюпинского ревкома, тов. предс. исполкома Первого Донского округа, в 1937 г. – управ. трестом «Нефтепроводстрой»; *Я.Д. Розенталь* – нач. политотдела СКЖД, в 1937 – зам. нач. инспектор. группы НКПС СССР; *В.И. Рябконов* – секретарь Сев.-Кав. крайкома, в 1937 г. 2-й секр. Орджоникидзевского крайкома; *Н.П. Теплов* – комиссар вод. трансп. Доно-Кубанского рег., в 1937 – дир. завода «Югосталь» в Магнитогорске; *Е.А. Трифонов* – лидер восстания в Ростове-н/Д 1905 г., нач. Донской 9-й кав. дивизии, военком Донской области, в 1937 г. – писатель; *В.Г. Фи-*

лов нарком Донецко-Криворожской республики 1918 г., журналист, зав. орг. отделом КК, нач. п/отдела Ж/Д.: *А.А. Френкель*, член ЦИК Донской республики, Донбюро РКП(б), в 1937 г. – уполномоч. КПК по Куйбышевской обл.; *М.С. Чудов* – 1-й секретарь Сев.-Кав. крайкома, 2-й секр. Ленинград. губкома, в 1937 г. – предс. Совета кооперации СССР.

Особенно, по нашему мнению, интересна биография *Н.П. Глебова-Авилова* – известного революционера, соратника В.И. Ленина, наркома в первом СНК РСФСР, активного участника Гражданской войны. В 1925 г. он поддержал зиновьевско-каменевскую «новую оппозицию», за что был снят с профсоюзных постов. Он признал свои ошибки, лидерство Сталина и был возвращен в номенклатуру. С 1928 г. руководил созданием и работой Ростсельмаша. В 1930 г. *Глебов-Авилов* был избран делегатом XVI съезда ВКП(б), где выступил с конструктивной речью по докладу Шверника о профсоюзах. Он был делегатом от Азово-Черноморской парторганизации на XVII партсъезде, членом ЦИК СССР. В 1937 г. на промышленной выставке в Париже ростовский комбайн «Сталинец» получил – «Гран-при». Но массовое производство таких комбайнов осуществлялось с трудом, так как не хватало специалистов, квалифицированных рабочих и материальных ресурсов. Множились аварии и технические неполадки. Главным виновником неудач в НКВД назначили старого большевика *Глебова-Авилова* как бывшего оппозиционера-зиновьевца.

О Ростсельмашевском деле упомянул в своем докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) В.М. Молотов. Он привел, полученные в НКВД, показания технического директора Россельмаша *С. Равава*: «В майский праздник 1936 г. организацией было подготовлено и проведено в сталелитейном цехе отравление газом рабочих, в результате чего, были отравлены, находившиеся в тот момент в цехе, рабочие, а также, бросавшиеся их спасти пожарники в количестве 17 человек, из которых, 6 человек погибло. Организовано отравление, оказывается, было по личному заданию пролетарского революционера *Глебова-Авилова* [9].»

Сталин принял решение о смещении с поста Первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) *Б.П. Шеболдаева*, который стал слишком заметной фигурой в партии [10]. Сначала, на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1936 г. Ежов огласил первые итоги деятельности НКВД по Азово-Черноморской организации, где было «арестовано свыше 200 во главе с Глебовым и Белобородовым и пр. троцкистов и зиновьевцев». Затем, после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 02 января 1937 г. «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома тов. *Шеболдаева* и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)» местная парторганизация подверглась дальнейшему разгрому.

28 августа 1936 г. на Пленуме крайкома и контрольной комиссии ВКП(б) с большой речью вы-

ступил заместителем начальника УНКВД старший майор ГБ И.П. Попашенко. После обвинений в адрес крайкома он заявил, что и органы НКВД поздно включились в практическую работу по выявлению врагов. «Органы наломали дров», когда считали, что всякий и каждый исключенный из партии подлежит обязательному аресту. Когда им на это указали, было освобождено 300 человек. Но основная ошибка органов НКВД, по мнению докладчика, в том, что они в период проверки партдокументов не вскрыли работу троцкистов, зиновьевцев, фашистов, террористов. В этом тезисе проявилось характерное для партии в данный период противоречие: органам ставилось в упрек и то, что арестовано слишком много врагов, и то, что слишком мало. Отсутствие логики суждения было связано с самим характером репрессий, не имевших полноценной юридической основы и носивших аморальный характер.

Попашенко прочитал показания «троцкиста» Дуката о Белобородове и Яблонской, якобы, создававших краевой центр троцкистов., связанный с московским центром в лице *Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна*. Далее, он сообщил о семи группах троцкистов, в том числе, о группе профессора *Вишневецкого* в составе преподавателей *Книжникова, Горемыкина, Бабеннышева, Филиппова*. Всего было выявлено 42 троцкиста. В Краснодаре действовала группа *Калнина*, в Сочи – группа *Романенко* и т.д. Если за 1935 г. в крае была выявлена одна организация с семью участниками, 24 группы – 85 человек, 97 одиночек, всего – 189 троцкистов, то в 1936 г. две организации с 16 участниками, 16 групп с 53 участниками, одиночек – 169. Общее количество врагов в крае – 3648. При этом по словам выступающего, активизировались старые эсеры, меньшевики и сектантские элементы.

НКВДешник призвал прокуроров принимать участие в следственной работе, а не приходить к концу следствия и выяснять, «какое количество глупостей наделают чекисты». Лучше было бы, если бы прокуроры помогали вскрывать контрреволюцию и быстро оформлять дела. Он привел пример, когда троцкиста Арнольда в итоге прокурорского разбирательства осудили недостаточно, и теперь НКВД «его получил обратно», чтобы он был наказан по заслугам. Прокурор Драгунский не давал санкции НКВД на арест этого врага партии. Более того, некоторые суды признают антиколхозную агитацию проявлением отсталых настроений, а не антисоветской пропагандой [11].

И.Л. Драгунский уже был известен как автор критического доклада в Прокуратуру СССР «О борьбе с извращениями закона о национализации земли» 25 ноября 1934 г. И на конференции он заявил, что чекистский начальник «в грубой форме извратил подлинное положение дел». Он напомнил, что Сталин 17 июня 1935 г. указал: ни одного ареста без санкции прокуратуры, между тем, в районах и в работе самого краевого НКВД арестовывают и освобождают без санкции прокурора. Далее, *Драгунский* рассказал, что к нему

являлись в час ночи с пачками санкций по 12 штук. Он напомнил присутствующим секретарям райкомов, как они сами посылали сообщения в прокуратуру с требованием репрессирования людей на основании информации НКВД. *Драгунский* намекал на лживость и недоказанность таких обвинений и сказал, что такие события делают в работе органов юстиции целый новый этап во всей работе [12].

Нетрудно увидеть латентные сомнения прокурора области не только в конкретном случае, но по отношению к политическим репрессиям, в целом, к механизму их реализации на местах (НКВД – партия – прокуратура), намек на их антиконституционный характер. Это было уникальное, единственное выступление такого рода на пленуме. *Драгунский* был арестован 01 августа 1937 г. и 19 июня 1938 г. приговорен к высшей мере наказания [13].

Среди арестованных оказались почти все секретари крайкома, горкомов и райкомов, начальник и политотделов железной дороги и МТС, секретари комитетов ВЛКСМ, председатели исполкомов Советов всех уровней, высокопоставленные командиры военного округа.

Новый этап репрессивной кампании НКВД был связан с разделом Азово-Черноморского края на Ростовскую область и Краснодарский край и приобрел еще более широкие масштабы. К этому времени почти весь партийный аппарат края был уничтожен, и что бы это не бросалось в глаза и обеспечена внешняя легитимность, были созданы два новых легитимных центра власти в Ростове-на-Дону и Краснодаре. Первым секретарем Ростовского обкома партии в январе 1937 г. был поставлен обладатель четырех орденов Красного Знамени и ордена Ленина, бывший Полномочный Представитель ОГПУ в крае *Е.Г. Евдокимов*. В свое время, он руководил подавлением реальной контрреволюции, националистического движения на Украине, разоблачал «вредительство» в Донбассе, боролся с «политическим бандитизмом» в национальных районах Северного Кавказа. Тот факт, что первым секретарем стал четырехромбовый чекист, бывший полпред ОГПУ в крае, является символическим и показательным в плане характеристики всего партбюрократического, чекистско-репрессивного авторитарного режима.

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. Ежов вместе с Евдокимовым растоптал репутацию Г.Г. Ягоды. Причем, *Евдокимов* сам был советником Ежова, и по его рекомендации в центральный аппарат НКВД попали Фриновский, Николаев, Дагин, Курский, Минаев и др. [14]. Все организаторы репрессий были уничтожены после падения Ежова вместе с Евдокимовым.

Характерно, что новым начальником Управления НКВД Азово-Черноморского края Г.С. Люшков, в 1938 г. бежавший в Китай, и в 1945 г. расстрелянный японцами, первым из руководителей органов НКВД на местах оперативно инициировал на своем уровне начало репрессий в самой чекистской среде. На первом совещании опера-

тивного состава Люшков заявил, что сотрудники УНКВД плохо борются с врагами народа и, по существу, саботируют выполнение директивы наркома от 25 марта 1936 г.

Люшков заявил, что среди чекистов много «гнилого либерализма и бесхребетности». Выявили тех работников, кто когда-либо примыкал к троцкистской оппозиции или же сочувствовал ей. Среди них оказался начальник Секретно-политического отдела управления *Г. Осин-Винницкий*. Ознакомившись с более чем ста пятьюдесятью справками на бывших троцкистов, выявленных в Новочеркасске, начальник горотдела НКВД *Д. Шаповалов* не нашел оснований для их арестов. Такой же вывод сделал начальник Таганрогского горотдела *Е. Баланюк*. Это было расценено Люшковым как провал в работе и стоило им обоим жизни [15]. В УНКВД края были также разоблачены «изменники-чекисты» – инспектор УНКВД *А.В. Жемчужников*, начальник Кисловодского горотдела *А.Р. Бранденбург*, порученец начальника УНКВД *Н.З. Финкель* и др. [16]. Начальник АХО УНКВД *Масальский* в 1936 г. во время поездки в Сочи вместе с зам. председателя крайисполкома *Е.Б. Фрумкиной* обсуждал административно-хозяйственное обслуживание Сочинской дачи Сталина. По новой методике НКВД его сразу зачислили в число троцкистов, готовивших покушение на жизнь Сталина.

Г.С. Люшков получил от арестованных лиц, проявлявших колебания во внутрипартийной борьбе 1920-х гг., ложные признания о существовании в крае пресловутой сети «троцкистских» организаций. Уместно вспомнить разоблачительные признания Люшкова после бегства в Японию в 1938 г. [17].

Ежов направил Сталину копии протоколов допросов директора Ростсельмаша *Н.П. Глебова-Авилова*, директора Таганрогского металлургического завода *Б. Колесникова*, второго секретаря Ростовского горкома партии *А. Карлова*, бывшего заведующего ОРПО крайкома ВКП(б) *А.И. Березина* и получил санкцию на арест всех названных деятелей [18]. Зав. литературным музеем в Таганроге *Г.А. Татулов* признал, что с 1930 г. имел связь с *Ломинадзе*, *Чапплиным* и *Агамаляном*, работавшими в Закавказском крайкоме, к которому Сталин имел претензии [19]. Сталин занимался судьбой секретаря Таганрогского горкома партии *С.Х. Варданяна* и секретаря Сталинского райкома Ростова-на-Дону *Л.Д. Гогоберидзе*. Эти деятели в 1930 г. были сняты с руководящей партийной работы в Закавказье, и Сталин их запомнил как не надежных большевиков. Когда Сталин получил протоколы допросов *Варданяна* и *Гогоберидзе*, он выделил в показаниях реальные тезисы об администрировании в партии, зажиме критики, о негативной оценке роли Л. Берии, который, по словам арестованных, в своей книге фальсифицировал историю большевистских организаций Закавказья.

Ежовцы сообщали, что в г. Шахты «троцкисты» воспользовались либерализмом секретаря горкома *Любарского*; в результате, из партии было исключено всего-навсего четверо, и только по-

сле письма ЦК от 29 июня 1936 г. – 43 троцкиста. Любарский посмел заступиться за исключенного из рядов партии Левгоду, а когда последний застрелился, он упрекнул парторганизацию в нечуткости. Более того, этот секретарь провел через горком решение об отмене ряда исключений из партии честных коммунистов вопреки указаниям НКВД. «Внутдельцы выбрали из секретаря горкома Любарского и главного инженера треста «Шахтантрацит» *В.Ф. Бейтельслахера* показания о том, что по заданию *Колотилова* они создали троцкистскую организацию в Шахтах, а *Любарский* лично готовил теракт против Орджоникидзе в феврале 1936 г. в Москве. Второй секретарь Шахтинского горкома *Сагоян*, оказывается, сохранил в партии разоблаченных ранее троцкистов, которые занимались подрывной работой на шахтах «Артём», «Гуково 15/16», электростанциях [20]. *Сагоян* был арестован, прошел тюрьмы и лагеря, но выжил и оставил мемуары, в которых описал допросы и издевательства следователей.

А.А. Андреев руководил деятельностью комиссии ЦК по выполнению постановления ЦК ВКП(б) «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) тов. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)». 07 января 1937 г. состоялся самый одиозный пленум крайкома ВКП(б), положивший начало новым репрессиям руководящих кадров края. На этом пленуме второй секретарь крайкома *М.М. Малинов* вынужденно заявил, что руководители крайкома – это формалисты и бюрократы, которые не знают, как работают райкомы партии. Решая оперативные хозяйственные вопросы, они «забыли тезис товарища Сталина, что по мере роста наших сил враги ожесточаются» и, в итоге, пропустили вредительскую подрывную работу.

Январский 1937 г. пленум крайкома ВКП(б) закончил работу избранием, а точнее, утверждением первым секретарем крайкома *Е.Г. Евдокимова*. С этого назначения начался третий этап репрессий кадров в регионе, который был назван разгромом «шеболдаевщины». А.А. Андреев, выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), докладывал о произведенном уничтожении руководителей Азово-Черноморской парторганизации, которые оказались арестованными троцкистами [21]. Но это признано совершенно недостаточным.

В июле 1937 г. Евдокимов вошел в состав «тройки» по проверке антисоветских элементов в крае. Помимо него, там были начальник краевого УНКВД Люшков и новый председатель крайисполкома вместо *В.Ф. Ларина* – *И.У. Иванов* (которого ждала такая же судьба) «Тройка», помимо расстрелов членов партии, утвердила расстрельные приговоры на 5721 кулака и 923 уголовника, еще 6962 человека были приговорены к высылке за пределы территории края. Этот процесс осуществлялся по одному из самых одиозных распоряжений НКВД – приказу № 00447 [22]. 29 октября 1937 г. Но главный удар по прежнему наносился по партийно-советским кадрам.

Приведем фамилии и должности ряда репрессированных ключевых руководителей и работников по категориям – партийных, советских, военных и вузовских работников. Объем статьи не позволяет привести полные списки, которые составлены на основе материалов ЦДНИРО, списков репрессированных граждан, опубликованных Ростовским УФСБ в сети в Интернет.

В ряде случаев, в них указываются разные люди на одних и тех же должностях, так как течение полутора лет происходила двойная или даже тройная репрессивная ротация кадров.

Партийно-советские руководители Азово-Черноморского края:

Б.П. Шеболдаев – член ЦК ВКП(б), 1-й секретарь Крайкома, член ЦК ВКП(б), в 1937 г. – 1 секр. Курского обкома; *М.М. Малинов* – 2-й секретарь Крайкома; *В.Ф. Ларин* – предс. крайисполкома, *В.У. Иванов* – предс. крайисполкома; *А.И. Ларичев* заместитель уполномоч. КПК в крае, в 1937 г. – предс. Ростовского горсовета; *С.К. Брикке* – уполномоч. КПК по краю; *И.Н. Пивоваров* – 1-й секретарь Северо-Донского окружкома, в 1937 г. – предс. Исполкома Северо-Кавказского (Орджоникидзевского) крайсовета; *Л.В. Ивницкий* – предс. Исполкома Северо-Донецкого окр. Совета, в 1937 г. – предс. Краснодарского горсовета.

Работники краевых партийного и советского аппаратов управления Азово-Черноморского края (КК – крайком. КИК – крайисполком, КПК – комитет партийного контроля:

С.Д. Крайний, *В.М. Лукин*, *М.Г. Гловацкий*, *М.С. Глейзер*, *Я.А. Фалькнер*, *И.И. Эштейн*, *В.В. Куряевцев*, *А.С. Сосинович*, *П.Н. Саянштейн*, *С.Г. Соловьев*, *К.И. Звягина*, *К.С. Батурина*, – зав. отд. и зам.зав. отделами *К.К. Чефранов* *В.М.* пом. 1 секретаря КК, *С.И. Сусоколов* – Пом. предс. Крайисполкома; *П.А. Катенев* – предс. крайпереселенкома., *С.К. Шадунц*, – рук. группы КПК при ЦК ВКП(б); *Г.А. Гришин*, *А.Ф. Титов* – Члены п/коллегии КПК; *Н.К. Гордон* предс. РОКК *Драгунский* – прокурор края; *Я.К. Кульпе* – зам. уполномоч. комиссии Сов. контроля края; *Урбацан* – предс. Ревкомиссии и др.

Руководители Ростовского-на-Дону ГК, Ростовских РК ВКП(б), ВЛКСМ (ГК-горком ВКП(б), РК-райком ВКП(б)):

Н.Г. Колотилин (самоубийство) *В.А. Верный*, *Е.И. Лившиц*, *С.Г. Кудрявцев*, *А.А. Карпов*, *М.Л. Меклер*, *Г.Я. Гринштейн* – секретари Ростов. ГК; зав. отделами. *К.М. Шипов*, *Г.Ф. Овчинников* – предс. Ростовского горсовета; *Гогоберидзе*, *В.Е. Борадаевский*, *П.И. Павлов*, *Л.С. Смирнова*, *Я.Ф. Нежурич*, *А.Л. Цейтлин*, *И.А. Френкель*, *Л.Н. Додина*, *Б.Г. Раскин*, *А.С. Радич*, *А.Ф. Чижов*, *А.П. Карпенко*. – секретари РК и зав. отделами РК; *Б.Т. Сафонов*, *Ф.В. Кишковаров* – секретари ГК и РК ВЛКСМ.

Руководители Горкомов и Райкомов партии, исполкомов Советов:

С.Х. Варданян, *В.Л. Ляшенко*, *Ф.Т. Савуш*, *И.Г. Ламден*, *И.Г. Баннаян*, *Д.К. Дербенев*,

С.А. Николенко, *О.Л. Рывкин*, *П.Н. Буров*; *М.И. Базарник*, *И.Д. Климин*, *Л.Я. Любарский*, *П. Сагоян*, *И.М. Федин*, *Я.Я. Шейнин*, *И.М. Харламов*, *Т.И. Пелипенко*, *Я.И. Малинов*, *А.М. Гутман*, *И.Б. Лapidус*, *И. Вильчинский* – секретари Таганрогского, Новочеркасского, Шахтинского, Краснодарского, Морозовского ГК ВКП(б) – *С.С. Гривун*, *Десярев*, *В.В. Васильев*, *Я.М. Муравник*, *В.Я. Соколов*, *А.Н. Брандин*, *И.А. Сапов*, *И.А. Коновко*, *П.С. Луговой*, *В.Д. Дударев*, *М.Д. Алтер* – секретари РК; *И.Л. Деревянко*, *В.В. Сендек*, *Л.П. Катенев* – председатели горсоветов; *Б.Л. Колесников* – дир. Таганрогского завода; *Г.В. Фейгелевич*, *А.Ф. Танаев*, – секретари ГК ВЛКСМ и др.

Ответственные работники управленческих структур края:

Н.П. Глебов-Авилон – профессиональный революционер, соратник *В.И. Ленина*, нарком, первый дир. Ростсельмаша; *И.Д. Ченцов* – герой трех революций и Граждан. войны на Дону, в 1937 г. – управ. Азчерэнерго; *Д.П. Жлоба* – революционер, герой Граждан. войны, комкор, в 1937 г. дир. треста; *М.М. Карташев* – дир. Ростсельмаша; *С.С. Равва* – тех. дир. Ростсельмаша; *А.П. Могиленко* – предс. Крайсовнархоза; *Стамблер* – дир. Ростов. театра им. Горького; *А.И. Непомнящий* – дир. треста Шахтантрацит.

Ректоры и преподаватели вузов, научные работники:

Н.Л. Дорнов – директор госуниверситета; *Л.Е. Евстафьев* – директор института Марксизма-ленинизма *Ф.В. Яблонская* (жена Белобородова) препод. пединститута; *Ф.М. Бочачер* – директор пединститута; *Е.В. Михин* – ректор ВКСШ, *А.Ф. Вишневецкий*, *А.А. Лиманский* – герой Гражданской войны, зав. Сев.-Кав. Крайистпартом (освобожден из тюрьмы) *Н.Т. Лихницкий* – зам. директора Горского НИИ. Репрессирован также целый ряд преподавателей госуниверситета и госпединститата, профессоров Новочеркасского индустриального института.

Писатели и журналисты:

М.А. Шолохов – едва не подвергся аресту, в дело вмешался Сталин; *Д.И. Петров-Бирюк* – арестован, но освобожден по указанию Сталина, *Г.П. Татулов* – писатель; *Н.Л. Янчевский*, *И.П. Борисенко* – ученые-историки; *М.П. Донецкий*, *Ф.И. Гусарев*; *С.А. Терехов*, *Я.Н. Малинов*, *К.П. Лобов*, *А.П. Мориссон* (бывший нач. упр. края по делам искусств, Резников, Письменный. – журналисты.

Командармы и офицеры Северо-Кавказского военного округа:

Г.Д. Базилевич, *И.Н. Муралов*, *И.Е. Уборевич*, *И.П. Белов* – командующие СКВО в 1920-х – первой половине 1930-х гг. В 1937 в Ростове-на-Дону репрессированы: *Н.Д. Каширин* – команд. СКВО, командарм 2 ранга, *С.Е. Грибов* – команд. СКВО, комкор, *Я.Я. Фогель* – комбриг

(освобожден из тюрьмы). *С.Б. Цветков* полковник, *Н.К. Малов* майор, *М.А. Турчаников* – полковник, *А.З. Богокин*, интендант 1 ранга; бригад, комиссар ВВС *Г.С. Чёрный*, *В.Н. Бибииков* и др.

В июне 1937 г. на Второй конференции ВКП(б) Азово-Черноморского края некоторые члены крайкома после процедуры публичного анализа их биографий были выведены из списка кандидатов нового состава крайкома партии, что было прелюдией ареста. Ярким примером этого явилась история героя Гражданской войны, комкора., работавшего директором рисоводческого треста на Кубани *Д.П. Жлобы*. Ему вспомнили о всех его прегрешениях и в годы Гражданской войны, и в период нэпа, его разговоры на политические темы с опальными деятелями. *Жлоба* был немедленно исключен из списка кандидатов в члены крайкома и вскоре арестован. Такая же ситуация, возникла на этой же партконференции с видным чекистом, переведенным на хозяйственную работу, – *И.Я. Дашко* [23].

Ежов направил Сталину сообщение о том, что некие руководители организации «правых» рассчитывали использовать *Жлобу* в качестве руководителя вооруженного восстания, подготовлявшегося на Кубани и Северном Кавказе [24]. Если из этого письма убрать фантазийные обвинения типа террора, восстания и т.п., то вырисовывается картина фрондерского поведения *Жлобы*, который оказывал своим однополчанам материальную помощь в виде единовременных безвозмездных субсидий за счет совхоза.

Особенно важно для власти было то, что именно троцкистов объявили виновниками всех реальных народнохозяйственных проблем, например, технических просчетов в определении соотношения посевов различных культур в колхозах, плохом уходе за скотом и его падеже. В 6-м разделе резолюции партконференции было прямо записано, что именно правотроцкистский блок обеспечил срыв севооборотов, развалил работу МТС, дезорганизовал ремонт тракторов, комбайнов и автомашин, подорвал кормовую базу животноводства, привел к упадку коневодства. Неудачно составленный, по мнению НКВД, вредительский трехлетний план на практике повлек за собой сокращение сенокосных угодий и выпасов, что отрицательно сказалось на животноводстве. В 4-м разделе резолюции конференции указывалось на то, что враги народа *Ларин*, *Касилов*, *Катенев*, *Овчинников* проводили вредительство в советской работе, всеми методами отрывая советские органы от широких масс трудящихся, насаждая беззаконие, злоупотребления, бюрократизм и волокиту. Указывалось, что подрывная работа «троцкистских бандитов» была направлена на срыв мероприятий по благоустройству городов, жилищно-коммунальному строительству и т.д. Различные факты задержек зарплат рабочим, продажи недоброкачественных продуктов, хулиганства, ограблений в Ростовской области интерпретировались новым главой УНКВД *Я.А. Дейчем*, как проявления контрреволюции [26].

13 мая 1938 г. Сталин дал указание Ростовскому обкому ВКП(б) и УНКВД по Ростовской области передать на рассмотрение «тройки» по вопросам преследования кулаков и контрреволюционных элементов дела вскрытых антисоветских групп, увеличив для этой цели лимит на 5 тысяч человек, в том числе по 1-й категории – на 3500 человек.

Однако с ноября 1938 г., когда наркомом НКВД стал *Л.П. Берия*, началось снижение масштаба репрессий. В это же время, Сталин и официальная комиссия Политбюро по секретным делам в составе Молотова, Кагановича, Ворошилова осознали, наконец, что они перешли все допустимые границы, и страна потеряла квалифицированные управленческие кадры, опытных секретарей обкомов и крайкомов, сильных наркомов и замнаркомов, весь высший командный состав армии и др.

А.А. Жданов, с санкции Сталина, сообщил о провоцировании органами НКВД и лично Ежовым этих акций вопреки указаниям ЦК. Теперь можно было более понятно объяснить партии и народу массовые репрессии заговором в НКВД.

В новом Закрытом письме ЦК «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии» говорилось о «формально-бюрократическом подходе к апелляциям исключенных из ВКП(б) и мерах по устранению этих недостатков», был поставлен вопрос о причинах развертывания по всей стране массовых репрессий, вышедших за пределы намеченных «планов». В таких «извращениях» виновны два типа партийных деятелей: тип карьериста-коммуниста, стремящегося отличаться и выдвинуться на исключениях из партии и репрессиях, и тип «утонченного» врага, желающего под видом поисков врагов народа преследовать честных коммунистов. Ко второму типу деятелей он отнес ростовских заводцами обкома: *Шацкого*, *Шестову* и др. В Ростове-на-Дону, Киеве, Сталинграде парторганизации не смогли, по его мнению, разглядеть этого «утонченного» врага, пытающегося путем проведения репрессий истребить большевистские ряды, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в рядах партии. Выявление такого типа виновников было крайне необходимо Сталину и его команде настоящих «утонченных» провокаторов для объяснения арестов большевиков и огромного количества «врагов» в советском народе.

Решения январского пленума ЦК ВКП(б) 1938 г. обозначили поворот во внутренней политике, что привело к изменению позиций НКВД в партии – государстве. 17 ноября 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», подписанное Молотовым и Сталиным. Постановление открывалось положительными оценками работы НКВД в 1937–1938 гг. по разгрому врагов народа, но указывались просчеты. Враги в НКВД, якобы, по своей инициативе, с провокационной целью извращали законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекали граждан к уго-

ловной ответственности и подвергали арестам по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований. Они принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по антисоветской деятельности. Утверждалось, что, тем самым, была предпринята попытка вывести НКВД из-под контроля партии.

После ареста Евдокимова, приехавший в Ростов-на-Дону Андреев, провел очередной чрезвычайный пленум регионального партруководства на тему о невыполнении указаний ЦК ВКП(б). В решении обкома партии указывалось, что «пробравшиеся» к партийной работе при Евдокимове «новые враги» *Шацкий, Семякин, Кравцов, Шестова, Герасимов* тормозили выкорчевывание замаскированных «троцкистско-бухаринских мерзавцев», всячески прикрывая их подрывную деятельность, искусственно создавая очереди в магазинах; дезорганизовывали топливную базу, разрушали городское хозяйство, проводили диверсии и организовывали вредительство в сельском хозяйстве, стремясь вызвать недовольство трудящихся. Главным аргументом было то, что промышленность Ростовской области за девять месяцев 1937 г. выполнила план только на 64,5 %.

Место *Е.Г. Евдокимова* в новом Ростовском обкоме партии занял бывший зам. начальника секретного отдела ЦК и помощник Сталина Б.А. Двинский, который в 1937 г. был направлен в Ростов-на-Дону вторым секретарем обкома, а после ареста Евдокимова стал первым. Он принял участие в продолжавшихся репрессиях. К репрессиям был причастен и новый 2-й секретарь обкома М.А. Суслов, который сам едва не подвергся аресту и был переведен в Старопольский крайком. Оба они считали, что правильно выполняют свои должностные обязанности.

Репрессированные партийно-советские руководители вновь образованной в сентябре 1937 г. Ростовской области:

Е. Евдокимов 1-й секретарь обкома (знаменитый чекист, бывший ПП ОГПУ по Сев.-Кав. краю) . подвергавшийся в НКВД особо зверским пыткам; *А.А. Семякин*– 2-й -секретарь обкома, *А.Г. Шацкий*– завотделом. крайкома, с ноября 1937 г. – зам. председателя Ростов. облисполкома; *Л.И. Шестова, А.В. Герасимов*; – зав. отдел. обкома; *И.А. Кравцов* секретарь Орг. бюро ЦК ВКП(б) по Краснодарскому краю; *В.А. Кольцов* Председатель облисполкома; *М.М. Кульков* – уполномоч. КПК при ЦК ВКП(б); *П.С. Андреев* – Прокурор области и др.

Параллельно были репрессированы начальники Управления НКВД, поочередно сменявших друга – *Я.А. Дейч, Г.А. Лупенкин, Ф.П. Фокин, Д.Д. Гречихин*. Арестам подверглись сотрудники управления НКВД, принимавшие участие в следствии; *И.В. Григорьев, Г.Б. М.Л. Гатов, М.С. Раевский, К.С. Кириенко, Р.М. Ильченко, Н.З. Финкель, А.Р. Бранденбург, Каган, Шошин* и др. Не был осужден *В.А. Абакумов*, присланный Берия в

область наводить порядок (его расстреляли в 1954 г. за сионистский заговор в МГБ).

В ходе бериевской чистки оперативно-чекистских кадров в 1939 г. из органов НКВД СССР в целом было уволено 7372 сотрудника (22,9 %), а расстреляно из этого числа подверглись 937 ежовцев [27].

Приостановка массового террора на Дону произошла не сразу. Б.А. Двинский после своего назначения обратился с просьбой в Москву об увеличении лимита репрессированных. В дальнейшем партийное руководство области выполняло новое указание Сталина снизить масштаб репрессии [28].

В отчете Двинского на Первой Ростовской областной конференции 7–12 июня 1938 г. были поведены предварительные итоги нового этапа репрессий НКВД в течение 1938 г. На первом месте в докладе были враги в коммунистической среде, руководители областного и районного уровня. Далее было сказано, что разоблачены контрреволюционеры среди меньшевиков, эсеров, армянских дашнаков, донских казаков, священников православной церкви и сектантов. Но ничего не было сказано об арестах рабочих и крестьян, заподозренных в троцкизме.

В списках реабилитированных жертв репрессий, представленных ФСБ, присутствуют представители абсолютно всех классов, слоев и групп общества. Общее число незаконно репрессированных в крае к этому времени составило, по нашим оценкам, как минимум более, 10 тысяч человек. В реабилитации было отказано группе бывших работников НКВД, которые были либо осуждены, либо в ходе репрессий, либо после решений XX съезда КПСС. *Г.Е. Евдокимов*, несмотря на свою причастность к организации репрессий, в силу особых заслуг в годы Гражданской войны, был реабилитирован и по государственной, и партийной линии.

Использование понятия «партийная фронда» объясняет одну из причин репрессий юридически совершенно невиновных, но с политической точки зрения сталинизма виноватых – сомневающихся, инакомыслящих представителей большевистской элиты. Механизм репрессий в крае развертывался постепенно и поэтапно: 1933–1935 , август-декабрь 1936, январь-сентябрь 1937, сентябрь 1937–1938 гг. и включал в себя реализацию требований Закрытых писем и указаний пленумов ЦК ВКП(б), контроль эмиссара Сталина Андреева, решения январского 1937 г. пленума крайкома, 1-й и 2-й краевых партконференции. Осуществлялось не только уничтожение партийной фронды («двурушников»), а почти всего личного состава краевых, городских и районных партийных комитетов, органов Советов, комсомола, профсоюзов. Важным компонентом механизма стал раздел территории края на два самостоятельных региона с новыми структурами, кадрами и аппаратами, что обеспечило легитимность репрессий. Параллельно осуществлялись репрессивная ротация руководства Управления НКВД и военного округа. В крае, как и во всей

стране, была создана система троцкистско-шпиономании, недоверия и доносительства, использования пыток и избиений арестованных, доминирование смертных приговоров судебных и внесудебных органов. В ходе репрессий элиты арестам подверглось все окружение бывших лидеров, управленческий аппарат, научная, преподавательская, журналистская среда. Вспомнили о бывших национал-уклонистах, национальных меньшинствах, меньшевиках, эсерах,

Литература:

1. *Кислицын С.А.* Политическая история сталинских репрессий в Азово-Черноморском крае и Ростовской области. Ростов-н/Д., 2023; *Поталова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. Механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб., 2020.
2. *Кислицын С.А.* «Шахтинское дело». Ростов-н/Д., 1992; *Кислицын С.А.* Ротация большевистской политической элиты в ходе массовых псевдоправовых репрессий второй половины 1930-х гг. (на материалах архивно-следственных дел ОГПУ-НКВД) / С.А. Кислицын, Е.И. Дулимов // Уч. зап. Донского юрид. ин-та. 1997. Т. 2. С. 77–122.
3. Советское руководство. Переписка. В этом сборнике опубликовано более двадцати записок Андреева о проведенных им в 1937 г. обследованиях парторганизаций и арестах их руководителей. М., 1999.
4. *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933 / Е.Н. Осколков // Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-н/Д., 1991.
5. *Войтиков С.* Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. РСДРП-РСДРП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1890–1964. М., 2019. С. 500.
6. *Буханцев С.* «Я совершал большие преступления перед народом» / С. Буханцев // Чекисты Дона. Ростов-н/Д., 2003. С. 103.
7. Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 84.
8. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 191–193.
9. Вопросы истории. 1993. № 8. С. 10; *Вячеслав Молотов.* В защиту Сталина. Письмо в ЦК. М., 2021. С. 385.
10. *Кислицын С.А.* Б.П. Шеболдаев – большевистский революционер, региональный лидер, участник партийной фронды 1930-х гг.
11. ЦДНИРО. Ф. 8. Д. 216. Л. 128.
12. ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 216. Л. 174.
13. URL : <http://cyclowiki.org/wiki>
14. *Симбирцев И.* Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939 гг. На пути к большому террору. М., 2008. С. 315.

белоказаках, кулаках. Репрессии затронули все категории регионального общества, вплоть до самых рядовых рабочих, крестьян, ремесленников, студентов. Инспирированная сталинским руководством кампания массовых репрессий, не укрепила, а подорвала единство советского общества, что в известной степени привело к поражениям начального этапа Великой Отечественной войны.

Literature:

1. *Kislitsyn S.A.* Political history of Stalin's repressions in the Azov-Chernmorsky region and the Rostov region. Rostov-n/D., 2023; *Potapova N.A.* «Harbin» operation of the NKVD of the USSR 1937-1938 Mechanisms, target groups and scale of repression. SPb., 2020.
2. *Kislitsyn S.A.* «Shakhtinskoe delo». Rostov-on/D., 1992; *Kislitsyn S.A.* Rotation of the Bolshevik political elite in the course of mass pseudo-legal repressions of the second half of the 1930s. (on the materials of archival and investigative cases of the OGPU-NKVD) / S.A. Kislitsyn, E.I. Dulimov. Uch. Zap. Donskoy Yurid. in-ta. 1997. Vol. 2. P. 77–122.
3. Soviet leadership. Correspondence. M., 1999. This collection contains more than twenty of Andreev's notes about his 1937 notes. surveys of party organizations and arrests of their leaders.
4. *Oskolkov E.N.* Golod 1932/1933 / E.N. Oskolkov // Grain procurement and the famine of 1932/1933 in the North Caucasus region. Rostov-on/D., 1991.
5. *Voytikov S.* Central Committee. The top party leadership from Lenin and Plekhanov to Khrushchev. RSDLP-RSDLP(b)-VKP(b)-CPSU. 1890–1964. M., 2019. P. 500.
6. *Bukhantsev S.* «Ya committed great crimes before the people» / S.Bukhantsev // Chekisty Dona. Rostov-on/D, 2003. P. 103.
7. Izvestiya TsK CPSU. 1989. № 5. p. 84.
8. Lubyanka. Stalin and the Main Directorate of State Security of the NKVD... pp. 191–193.
9. Questions of history. 1993. № 8. P. 10. *Vyacheslav Molotov.* In defense of Stalin. Letter to the Central Committee. M., 2021. P. 385.
10. *Kislitsyn S.A.* B.P. Sheboldaev - Bolshevik revolutionary, regional leader, member of the party front of the 1930s.
11. CDNIRO. F. 8. D. 216. L. 128.
12. CDNIRO. F. 8. Op. 1. D. 216. L. 174.
13. URL : <http://cyclowiki.org/wiki>
14. *Simbirtsev I.* Special services of the first years of the USSR. 1923–1939. On the way to the Great Terror. M., 2008. P. 315.

15. Буханцев Ф. Указ. соч. С. 181.
16. Тумшис М. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК / М. Тумшис, А. Папчинский. М., 2009.
17. Кудрявцев В.Н. Политическая юстиция в СССР / В.Н. Кудрявцев, А.И. Трусов. М., 2002. С. 131.
18. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 188–189.
19. Там же. С. 74–79.
20. Там же. С. 82.
21. ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 366. Л. 58.
22. Вопросы истории. 1995. № 8. С. 3–13. URL : <https://istmat.info/node/30337>
23. Юнге М. Как террор стал «большим»: Секретный приказ № 00447 и технология его выполнения / М. Юнге, Р. Бинер. М., 2003. С. 28, 169, 194, 199.
24. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе... С. 34.
25. Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину о члене антисоветской организации Д.П. Жлобе. 19 июня 1937 г. URL : <https://istmat.info/node/31198>
26. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 426.
27. URL : <http://old.memo.ru/history/nkvd/kto/index.htm>
28. Б.А. Двинский в годы Великой Отечественной войны был одним из организаторов обороны Ростова-на-Дону, партизанского движения в Ростовской области, членом Военного совета армии в Сталинграде. С 1944 г. работал наркомом заготовок СССР, в аппарате ЦК ВКП(б).
15. Bukhantsev F. Decree. Op. S. 181.
16. Tumshis M. 1937. Big cleaning. NKVD vs Cheka / M. Tumshis, A. Papchinsky. M., 2009.
17. Kudryavtsev V.N. Political justice in the USSR / V.N. Kudryavtsev, A.I. Trusov. M., 2002. P. 131.
18. Lubyanka. Stalin and the Main Directorate of State Security of the NKVD... P. 188–189.
19. Ibid. P. 74–79. 20 Ibid. P. 82.
20. Ibid. P. 82.
21. TSDNIRO. F. 8. Op. 1. D. 366. L. 58.
22. Questions of history. 1995. № 8. P. 3–13. URL : <https://istmat.info/node/30337>
23. Junge M. How terror became «big»: Secret Order № 00447 and the technology of its implementation / M. Junge, R. Biner. M., 2003. P. 28, 169, 194, 199.
24. Lubyanka. The Soviet elite on Stalin's Golgotha ... P. 34.
25. Special message of N.I. Yezhov to I.V. Stalin about a member of the anti-Soviet organization D.P. Greedy. June 19, 1937 URL : <https://istmat.info/node/31198>
26. lubyanka. Stalin and the Main Directorate of State Security of the NKVD... P. 426.
27. URL : <http://old.memo.ru/history/nkvd/kto/index.htm>
28. B.A. Dvinsky during the Great Patriotic War was one of the organizers of the defense of Rostov-on-Don, the partisan movement in the Rostov region, a member of the Military Council of the Army in Stalingrad. Since 1944, he worked as the People's Commissar of the USSR, in the apparatus of the Central Committee of the CPSU(b).

Любецкий Николай Петрович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории и практики
физической культуры и спорта,
Донской государственный
технический университет
lyubeckiyn@mail.ru

Демьянова Людмила Михайловна
кандидат медицинских наук,
доцент,
заведующая кафедрой
физической культуры и спортивно-
оздоровительной технологии,
Донской государственный
технический университет
lyudmila-d2@yandex.ru

Лукьяшко Алёна Геннадьевна
старший преподаватель
кафедры теории и практики
физической культуры и спорта,
Донской государственный
технический университет
verina.t@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового
и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samugin78_@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕФОРМАЦИИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В КОНЦЕ XX ВЕКА

■ ■ ■

Аннотация. В августе 1991 года в Москве произошла либеральная контрреволюция. Это стало возможным из-за предательства интересов советского народа правящей партноменклатурой, силовиками, из КГБ, теньвыми цеховиками, творческой и научной советской интеллигенцией (агенты влияния Запада). Обрушению СССР изнутри предшествовала радикальная трансформация массового сознания, амбивалентность и деформация русского национального характера в результате многолетней «западнизации» советского общества в рамках информационно-психологической войны, которую Администрация США тайно осуществляла против СССР (Гарвардский проект). В итоге, гибель Красной империи стала реальностью. По мнению авторов статьи, возрождение России возможно, если и рос-

Nikolay P. Lyubetsky
Candidate of Sociological Science,
Associate Professor
of the Department of Theory and Practice
of Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
lyubeckiyn@mail.ru

Lyudmila M. Demyanova
Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Physical Culture and Sports
and Wellness Technology,
Don State Technical University
lyudmila-d2@yandex.ru

Alyona G. Lukyashko
Senior Lecturer of the Department
of Theory and Practice
of Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
verina.t@mail.ru

Sergey I. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samugin78_@yandex.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE DEFORMATION OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER AT THE END OF THE XX CENTURY

■ ■ ■

Annotation. In August 1991, a liberal counter-revolution took place in Moscow. This became possible due to the betrayal of the interests of the Soviet people by the ruling party nomenklatura, the security forces, the KGB, the shadow guild members, the creative and scientific Soviet intelligentsia (the agents of influence of the West). The collapse of the USSR from within was preceded by a radical transformation of mass consciousness, ambivalence and deformation of the Russian national character as a result of many years of «Westernization» of Soviet society as part of the information and psychological war that the US Administration secretly carried out against the USSR (Harvard project). As a result, the death of the Red Empire became a reality. According to the authors of the article, the revival of Russia is possible if both Rus-

сийское общество, и подлинно национальная элита, и власть учтут на будущее исторические ошибки, совершённые ими в конце XX века, которые привели к амнезии исторической памяти и утрате значительной частью русского народа национального самосознания.

Ключевые слова: русский народ, национальный характер, особенности русского национального характера, лаксизм, теория «конвергенции», индекс «Джини», национальная элита, болезнь «европейничанья», традиционные жизненные ценности, суверенитет.

Для более глубокого постижения смыслов, заложенных в нашей статье, обратим свои взоры к таким базовым (ключевым) понятиям, как *народ, русский народ, национальный характер*.

Итак, народ – (иначе этнос) – это усвоенные стереотипы (исторические традиции) приспособления к природной среде обитания, которые составляют главное отличие членов одного этноса от другого. Следовательно, в этнос людей объединяет не столько осознание общего интереса, а, главным образом, подсознательная тяга людей друг к другу, основанная на общности стереотипов поведения и ментальности.

Теперь перейдём к понятию *«русский народ»* – это исторический и политический союз, преимущественно восточнославянских, финноугорских и тюркских этнических групп, сложившийся в ходе их многовековой адаптации к природной среде обитания – на фундаменте общих традиций и цивилизационных предпочтений как в культуре, так и в повседневном поведении. (Авторы считают, что именно подсознательный уровень индивида определяет его принадлежность к тому или иному народу, а стало быть, любой человек, который видит сны на русском языке и испытывает подсознательную тягу к Русскому миру может называть себя русским).

И наконец, понятие *«национальный характер»* – достаточно устойчивая, но подверженная изменениям целостная структура, сформированная в течении многовековой совместной жизни людей на основе древних архетипов и стереотипов приспособления к природной среде обитания определенного этнического сообщества под воздействием духовно-нравственных начал, культурно-мировоззренческих и политико-экономических факторов, выражающаяся как в цивилизационных предпочтениях, так и в культуре и в повседневной жизни.

Детерминантами национального характера выступают язык, история, религия, литература, искусство, наука, технологии, политическое устройство, условия жизни, психофизическая природа нации.

В рамках реализации заявленной тематики нашей статьи, следует отметить, что *лучшие черты русского национального характера*,

sian society, and the truly national elite, and the authorities take into account for the future the historical mistakes they made at the end of the 20th century, which led to amnesia of historical memory and the loss of a significant part of the Russian people of national identity.

Keywords: Russian people, national character, features of the Russian national character, laxism, convergence theory, Gini index, national elite, «Europeanism» disease, traditional life values, sovereignty.

почти сплошь выросли из Православия, и это: духовность, Совесть, соборность, милосердие, сострадание, религиозность, ответственность, могучая воля, страстность, доброта, правдоискательство, привязанность к России и т.д.

«Вместе с тем, все пишущие о русской культуре говорят, что русским необходимо дисциплинировать волю и мышление, без чего они легко становятся беспомощными мечтателями и авантюристами. Русский философ Н.О. Лосский (1870–1965) согласен с этими авторами. В одной из своих работ, которая *называлась «Характер русского народа»* (1957), Н.О. Лосский пишет, что беда русских – недостаток средней области культуры. Они – максималисты: «всё или ничего». С одной стороны – вершины святости, с другой – сатанинское зло». Отсутствие дисциплины при утрате религии (духовности) ведёт в интеллигентной среде, традиционно одержимой «болезнью европейничанья», к нигилизму и сервиллизму, а в малообразованной народной толще – к хулиганству. В русском человеке сочетается Пётр Великий, князь Мышкин, Хлестаков, Чичиков и Александр Грибоедов» [1].

Отрицательные свойства русского народа – экстремизм, максимализм, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, неуважение своих талантливых соотечественников, дерзкое испытание традиционных ценностей, анархизм – могут привести и приводят к крайним и опасным расстройствам частной и общественной жизни. Ещё Н.А. Бердяев сокрушался об *«антиномичности России»*: это самая анархичная, самая безгосударственная страна и, одновременно, самая бюрократическая, обожествляющая государство и его носителей; русские – самый «всемирно-отзывчивый, нешовинистический народ, и, одновременно, у русских дикие проявления национальной ограниченности. Ему вторит советский филолог А.М. Панченко: «В падениях и восстаниях живёт русский человек». Большевицкая революция 1917 года и трагические события конца 20-го века в советской России есть яркое тому подтверждение.

«Новая либеральная Россия» в первые десятилетия своего существования была втянута младореформаторами Андропова в процесс глобализации: в стране приветствовались яростные нападки на государство, призывы к его всяче-

скому умалению как препятствия на пути «прогресса и процветания». «Коллективный Запад и глобалисты понимали, что тысячелетняя Россия, глубоко впитавшая в себя нормы и ценности государственничества, христианские ценности, несмотря на все исторические попытки их разрушения, остается непреодолимым препятствием на пути реализации их сатанинских целей. Поэтому в либеральной России были открыты Западом все шлюзы для деформации русского национального характера и наших традиционных ценностей для проникновения западного представления о «нормальной жизни», а по сути сатанинской – её захлестнула чудовищная волна подмены моральных принципов и норм, потоки лжи, обмана, ненависти, жадности, страсти к бесконечным удовольствиям и развлечениям, космополитизма, эгоизма, разврата, наркомании. Всё это было своеобразной артподготовкой для реализации Мировой Закулисы западного плана окончательного разрушения и расчленения России, о чём они в связи с событиями на Украине говорят сегодня с удивительной откровенностью» [2]. А началась эта «бесовщина» в августе 1991 года либеральной контрреволюцией в СССР. Это стало возможным, поскольку советская творческая и научная контрэлита, одержимая «болезнью европейничанья», русофобией и богоборчества в течение многих лет, своей неконструктивной, уничижительной критикой буквально разрушала СССР изнутри. Напомним, что курировал (а фактически поощрял) диссидентство советской творческой и научной интеллигенции генерал-полковник КГБ СССР Филипп Бобков (руководитель Пятого управления КГБ СССР) – скрытый и коварный враг Советского Союза и личный друг Генсека Ю.В. Андропова. Именно при них, нам на горе, Западом успешно реализовалась в СССР лукавая теория «конвергенции»- изобретение масонов – русофобов Збигнева Бжезинского и Генри Киссинджера, которую наши «заклятые» друзья из-за океана использовали в 70–80-х годах XX века в рамках пресловутой политики разрядки как таран для сокрушения СССР изнутри. К сожалению, получилось.

Очень интересно пишет А.А. Зиновьев о сомнительных «играх» в эпоху «конвергенции» в среде советской творческой и научной интеллигенции. Одна такая игра – «кукиши в кармане» – заключалась в следующем. «Значительная часть столичной интеллигенции заняла позицию «как бы, расстрелянных». Эти люди прекрасно устраивались в жизни и сделали успешную карьеру, но вместе с тем, стремились выглядеть так, будто именно они суть жертвы режима. При этом они стремились урвать для себя всё – и блага режима, и репутацию борцов против режима» [3, с. 368].

Академик Н.Н. Моисеев также считал, что «кухонная интеллигентщина» вместе с партийной номенклатурой несёт ответственность за системный кризис и последующую катастрофу в нашей стране [4, с. 213].

Можно не разделять эти категорические позиции, но очевидно, что развал великого федера-

тивного государства (Красная империя), резкое сокращение ВВП, падение уровня образования и науки, сокращение численности населения даже при наличии демократии трудно назвать большим позитивным достижением. Несомненно, что в дореформенном СССР науки развивалась при всех недостатках и просчётах власти и т.п., в основном, по восходящей линии. А.А. Зиновьев в своей книге «Русская трагедия» обращает наше внимание ещё на два фактора, сыгравших важную роль в описанном переломе во взглядах советских людей на Запад.

Первый из этих факторов – убожество профессиональной информации о Западе и неспособность советского идеологического аппарата противопоставить западной пропаганде достаточно эффективную контрпропаганду. Советский Союз имел на Западе десятки тысяч своих профессионально подготовленных представителей в лице дипломатов, журналистов, шпионов, учёных и т.п. В самом Советском Союзе были бесчисленные учреждения и организации, занятые изучением Запада. Но эта гигантская армия «специалистов», за редким исключением оказалась сбродом халтурщиков, паразитов, невежд и халуг. А гигантский идеологический аппарат, занятый пережевыванием потерявших даже идеологический смысл марксистских догм, не смог даже в ничтожной мере использовать в контрпропаганде материалы, которыми изобиловали средства массовой информации самого Запада и которые буквально вопили о преимуществах советской экономики перед западной! Но граждане Советского Союза об этом ничего не знали и считали Америку обетованной страной, где не жизнь, а «малина», где «кисельные берега и молочные реки текут», а США это чуть ли не рай земной, обещанный марксистами, но на самом деле построенный на Западе, а не в Советском Союзе! Хотя всё было далеко не так.

По мнению философа и аналитика А.А. Зиновьева: «Второй из упомянутых выше факторов, повлиявших на разрушение Советского Союза, заключается в том, что советская творческая и научная интеллигенция, допущенная властями до непосредственного знакомства с Западом, отбиралась как представители привилегированных слоёв и оказались на Западе в исключительных условиях. Им не надо было добывать средства существования на Западе, искать работу, конкурировать с западными специалистами, приобретать жильё, платить налоги, беспокоиться о медицинском обслуживании, думать об образовании и будущем детей, трудиться в условиях западных предприятий, испытывать негативные последствия общения с соседями и коллегами по работе и т.д., то есть, они, советские интеллектуалы фактически не погружались в реальную жизнь западного общества со всеми его реальными кошмарами, о которых писали тысячи честных западных писателей и которые показывались в тысячах более или менее реалистичных фильмов, но которые советские люди просто не могли и даже не хотели замечать. У этих советских людей из научной и

творческой элиты было гарантированное защищенное положение у себя дома (жильё, зарплата, медицинское обслуживание и т.д.). Они имели какие-то деньги от своего государства, а также в виде т.н. «подачек» от западных учреждений, эти деньги тратились ими, без оглядки на то, что на них надо жить в будущем. А если они тратили свои деньги, то с лихвой их окупали, приобретая в западных магазинах вещи, дефицитные в Советском Союзе. Фактически они на Западе были в положении гостей и зевак, паразитов и спекулянтов. Для них пребывание на Западе было привилегией как для людей советских. Они видели тут то, что могли, что им Запад позволял видеть, и что они хотели видеть в силу своей мировоззренческой «зашоренности» (преклонения перед Западом), а именно – изобилие вещей в магазинах Запада, комфорт, прекрасное обслуживание и т.п., то есть они видели витрину Запада, рекламу и поверхностные проявления западной ущербной экономики потребления, а не её основы, глубины и скрытую негативную сущность. Они всё это сравнивали с тем состоянием, в каком с этой точки зрения находились их соотечественники в Советском Союзе. И все (почти все без исключения) делали вывод, будто земной рай, обещанный марксистами, на самом деле построен на Западе, а в Советском Союзе имел место «чёрный провал». Поразительно то, что такой вывод делали не какие-то плохо образованные представители низших слоёв населения, а образованные профессора, почтенные академики, маститые дипломаты и даже лица из партийно-государственной номенклатуры» [5, с. 280].

Этот процесс деградации и низкопоклонства перед Западом, о котором после окончания Великой Отечественной войны волновался И.В. Сталин, постепенно захватил, прежде всего, высшие слои советского общества, высшее руководство и интеллектуально-идеологическую элиту страны в 1970–80-х годах XX века. Кризис советского общества начался после извещенного XX съезда КПСС, в ходе фактического демонтажа прежнего курса государства (построения социализма в СССР) и замены его на лукавую идеологию «конвергенции», к началу 1960-х годов. План преобразования природы и опережающего развития производства был свёрнут в СССР. Всего в тот период времени было отменено 25 общесоюзных планов и программ по основным направлениям Народного хозяйства. Хрущёвская оттепель 1960-х годов сменилась в нашей стране брежневским застоём 1970-х годов, затем, в 1980-х годах в СССР грянула горбачёвская «Перестройка» и Советский Союз в 1991 году распался, разрушенный изнутри творческой и научной контрэлитой, теневыми цеховиками, предателями-силовиками из КГБ и партийно-государственной продажной номенклатурой, возжаждавших иметь для себя западные блага, надеясь сохранить и то, что они имели в Советском обществе. Эти высшие слои советской контрэлиты (а не низшие) стали прозападными настроенными – произошло их идеологическое перерождение. На основании всего вышеизло-

женного можно смело утверждать, что кризис советского общества начал созревать на высотах идеологии и власти, а не в сфере экономики! В числе его симптомов следует упомянуть потерю чувства и сознания гражданской ответственности перед своей страной и своим народом, а также потерю способности объективного понимания как советской, так и западной экономики даже на уровне обыкновенного здравого смысла, не говоря уже о высотах науки.

И как здесь не вспомнить верное замечание генсека Ю.В. Андропова о советском обществе: «Мы десятки лет жили в обществе, которое не понимали». А учёных было, как говорится, пруд пруди. И сейчас учёных, обслуживающих российскую власть, не счесть. А понимания социальных явлений, удовлетворяющих критериям научных подходов, так и не предвидится. К сожалению, пока руководство нашей страны пытается понравиться всем без исключения – в результате им недовольны все. Люди с нормальной гражданской и социальной ответственностью просто не могут понять: зачем государство заигрывает с русофобским меньшинством, публично отказывающим России в праве на цивилизационную самобытность и отстаивание собственных жизненных интересов. Хочется верить в то, что высшее руководство, всё же, перестанет пытаться угодить «и нашим, и вашим». Тогда дело за малым: публично изложить те принципы и идеалы, которые определили бы образ России будущего.

К сожалению, грозная опасность распада нашей Родины по-прежнему не преодолена: у России отсутствует идеология, в социальных вопросах наблюдается непростительный для великой державы лаксизм, то есть, снисходительное отношение государства к «пятой колонне» и минимализм в вопросах защиты нравственности и наших традиционных духовно-нравственных ценностей. Подрывные силы прозападно настроенной российской контрэлиты успешно обрабатывают наше молодое поколение в системе Российского образования. России только ещё предстоит осознать необходимость строгого контроля за культурной и идеологической сферой. Всё это можно осуществить в рамках возрождения России.

Наш антропологический ориентир – не Homo eсоpoticus и не квалифицированный потребитель, а творческий человек достатка. Здесь ещё можно добавить и этическую формулу: защитник идеала, «добро с кулаками», поборник воинствующей справедливости. Эта русская формула должна быть так или иначе обнаружена идеологии. И всё это реально воплотить в нашу жизнь, однако при этом надо нам ещё учитывать и особенности нашего Национального характера. А народный характер составляют различные черты, в том числе, и взаимоисключающие: такие, например, как смелость, и одновременно – трусость. Один литературный персонаж А.А. Зиновьева высказал мысль: «Не могу понять, почему каждый русский по отдельности – гений, а все вместе – глупый народ. А мы, немцы, наоборот. Каждый из нас по от-

дельности – глуп, а в целом образуем гениальный народ». Так вот, говорит А.А. Зиновьев, в одном из своих интервью О. Назарову («Родная газета» от 11 июля 2003 г.), «от рождения русский народ – очень способный народ. Но отношение к способностям у нас такое, что эти способности редко нами используются». И далее, А. Зиновьев в этом же интервью О. Назарову продолжает: «Я много времени уделил изучению русского народа. Нас отличает, например, очень низкий уровень самоорганизации, очень высокий уровень холуйства, высокая степень склонности к предательству. И, конечно, очень низкая самооценка и преклонение перед другими народами». И что тут возразишь? Справедливо сказано! От себя добавим, что русский человек никогда не живёт настоящим (сегодняшним днём), а только ради эфемерного, непонятного и иллюзорного «будущего», которое, когда настаёт или его обманывает или ужасает, приводя в состояние изумления, растерянности и хронического стресса. И действительно, про Россию XX века можно сказать, что наша страна – это «Страна непрочитанных книг, упущенных возможностей и ... невыученных уроков истории» [Авторы]. А ещё – «Созданное вчера считается у нас дурным завтра, а сегодня у нас создаётся то, что было уничтожено вчера» [Авторы]. Вот такие парадоксы. «Берите суверенитета сколько хотите» (Б.Н. Ельцин). Взяли – и страна распалась из-за этнического сепаратизма на окраинах Красной империи.

А вот ещё интересные мысли знаковых людей России на тему: кто мы, русские, такие? Ещё Ф.М. Достоевский заметил как-то, в своём гениальном предвидении хаоса грядущей революции в России: «Широк русский человек, широк и склонный ко всему фантастическому и беспорядочному без внутренних ограничений – широк так, что сузить бы надо. Плохо быть широким без особой гениальности». Ему вторит А.П. Чехов: «Русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Или: «Самолюбие и самомнение у нас европейское, а развитие и поступки азиатские» (А.П. Чехов).

Наш исторический экскурс в бурные события XX–XXI века подвигает нас к мысли, что одной из главных причин обрушения нашей государственности (дважды) в XX веке, является «перманентный дух самоотречения» – отличительная черта нашего противоречивого Национального характера. И действительно, в нашем национальном характере удивительным образом уживаются два взаимоисключающих друг друга психологических комплекса: комплекс социокультурной неполноценности – «болезнь европейничанья» и комплекс социальной исключительности – «Москва – Третий Рим, и четвертому не быть!», создающих антиномическое напряжение внутри мятущегося русского Духа, раздваивающих и разрывающих его целостность [6, с. 204].

По поводу этой двойственности, раздвоенности в размашистом характере и поведении русского человека писал нобелевский лауреат Иван Бунин: «Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом Чудь, Меря. Но и в том, и в другом есть страшная переменчивость настроений и обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «из нас, как из дерева – и дубина, и икона», – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачёв» («Окаянные дни», 1919 г.). То есть, в одном случае, – продолжим глубокую мысль – наблюдение Ивана Бунина, – русский народ богобоязненный, трудолюбивый, рассудительный и милосердный, а в другом случае, когда дух материализма («Золотой телец») и своекорыстия берёт верх в душе русского человека, им овладевает немотивированная злоба, жажда разрушения, одержимость и богоборчество, и тогда: «Нами человечество протрезвляется, мы его похмелье» (А. Герцен).

Сильно сказано, однако, и возразить здесь что-либо сложно, памятуя о том, что именно русские люди своими же руками разрушили (дважды) в XX веке своё уникальное, самобытное государство; разрушили веками налаженную, размеренную жизнь, где многие были просто счастливы, поставив, таким образом, под сомнение своё будущее, будущее своих детей, внуков, их счастливое детство.

И до отрезвления в современной либеральной России ещё весьма далеко! Повторимся, но это чревато в России очередной социальной катастрофой при недостатке умственной рефлексии и контроля ума русского человека, который в своей извечной погоне за западной завиральной «новизной» не привязан к фактам, не идёт дальше – за кулисы слова, занимаясь бездумно лишь коллекционированием слов непонятных ему, а не изучением подлинной, реальной жизни, что и было отмечено физиологом И.П. Павловым и А.С. Пушкиным: «За новизной бежать смиренно народ бессмысленно привык».

Моральную амбивалентность (или, скорее, расхлябанность) в русском национальном характере увидел и Ф.М. Достоевский: «О мы, русские, непосредственны, мы Зло и Добро в удивительном смешении, мы любители просвещения и Шиллера, и в то же время мы бушем по трактирам и вырываем у пьянчужек, собутыльников наших бородёнки» [7, с. 726].

Однако, чтобы выжить, самосохраниться, а, тем более, победить коллективный Запад перед лицом неумолимо жестокого и коварного англосаксонского врага, стоящего перед нами во всеоружии, современной России (во главе с русским, империообразующим народом), сегодня нужны не разрушительные для российского общества глупые метания размашистой русской души на краю бездны, между «идеалом Мадонны» и «идеалом содомским», не наше прекраснотушащее, инфантилизм, равнодушие к происходящему и беспечность, не русский максимализм без

внутренних ограничителей и тормозов, нам сегодня нужна не вседозволенность, а «Россия сегодня, как никогда, нужна внутренняя сила, нужна крепость духа дисциплины» (К.Н. Леонтьев), а еще, по нашему мнению, России нужна ответственность национальной элиты, профессионализм и... духовная мобилизация [8, с. 237].

Сегодня российским политикам при принятии ими тех или иных решений нужна разумная осторожность, памятуя о двух роковых исторических ошибках февралистов (февраль 1917 г.) и прорабов «Перестройки» (август 1991 г.) в XX веке, что привело к обрушению (дважды) российской государственности на фоне паралича политической воли и власти. Знаменитый русский историк В.О. Ключевский, исследуя исторические пути движения России во времени, пришёл к выводу, что одним из отличительных признаков великого народа служит способность подниматься на ноги после падения и Россия это не раз демонстрировала себе самой и всему остальному миру.

Сегодня главная миссия России, – с точки зрения президента Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашова, – это нести мир, добро, согласие народам; указывать человечеству направление развития (космос, социализм, четвёртое измерение); объединять разные народы в рамках самобытной евразийской цивилизации; регулировать отношения между Западом и Востоком; останавливать глобалистов – претендентов на мировое господство и... сохранять окружающую среду [9, с. 17].

Главный урок из исторических событий XX – начала XXI вв. заключается в том, что нация, – без патриотичной, профессиональной, системной национальной элиты, выражающей интересы и чаяния своего народа – нежизнеспособна! Однако – по мнению видного российского общественного и политического деятеля и писателя А. Проханова, – российскую современную элиту создавал Запад, покоривший нашу страну после 1991-го года. Она – продукт Запада как кока-кола, джинсы, или мюзиклы Бродвея. Эта, сфабрикованная Западом элита, уничтожила русскую промышленность с её ведущими оборонными отраслями. Эта элита отняла у народа множество технологий, умений и навыков. Эта элита отлучила народ от вековой русской работы, погрузив его в непрерывные низменные развлечения и унылое потребление. Эта элита получила на Западе ярлык на правление и правит Россией, как правили ею ордынцы во время ига.

В час смертельной войны такая элита воюет на стороне Запада, она ведёт Россию не к победе, а к поражению. Эта мягкая замшевая сила глушит энергию русского сопротивления, в ней захлёбываются политические и культурные инициативы, устремлённые к Победе!

В итоге, в результате непродуманных либеральных реформ, осуществлённых правящей советской антиэлитой в рамках теории «конвергенции», в эпоху Брежнева – Андропова, и затем горбачёвщины, апотом уже постперестроечной

России, – под патронажем глобалистов из «Римского клуба», «Трёхсторонней конференции» и ЦРУ, – в России произошло расширение масштабов социальной поляризации российского либерального общества, снижение у большинства нашего населения жизненного уровня и рост бедности, невозможность получения качественной медицинской помощи и образования достойного уровня, слабость институтов социальной защиты, что породило неуверенность у людей в завтрашнем дне, привело и значительному усилению социальной и политической напряженности в российском обществе, распространению недовольства граждан общим состоянием дел в стране, ухудшению параметров качества жизни населения и, в конечном итоге, привело к снижению социальной безопасности страны. То есть, состояние и качество политической элиты страны является источником серьёзных угроз в силу ряда рисков: коррупция, безответственность, безнаказанность, групповые привилегии, демонстративное потребительское поведение, угроза перерождения, дефицит реальной идентификации элиты с государством и обществом, отсутствие жизненного опыта по эффективному управлению людьми и производством, разнонаправленность интересов политической элиты и общества.

И здесь следует отметить один важный социальный феномен, характерный для русского национального характера, то есть только для России – отчужденность общества от власти, что является традиционной чертой отечественной политической культуры. Опасно не только само наличие дистанции между властью и российским обществом, но и разнонаправленность векторов интересов «верхов» и «низов», хотя в нормальной ситуации политическая элита и граждане должны смотреть в одну сторону – и с точки зрения их личных интересов и потребностей, и с точки зрения их восприятия интересов государства. Россия, на сегодня, это кланово-олигархический режим, который плетётся в цивилизационной колее Запада. Чтобы выстоять, Российская Федерация должна измениться – идейно, психологически и социально на фундаменте динамического консерватизма опережающего развития и Православия, ликвидации катастрофического разрыва в уровне жизни наших граждан (не было в СССР ситуации, когда 1 % населения владел 70 % национального богатства).

Нам, чтобы выжить в гибридной войне, сегодня жизненно необходима смена элит. Прозападную еврейскую русофобскую антиэлиту необходимо заменить на русскую Национальную элиту, состоящую из государственников и патриотов. И в этом – спасение возрождающейся России. Социальной прослойкой ориентированной на будущее, становится инженерное, научное, образовательное сообщество. Другой группой будут люди, работающие в оборонном комплексе и служащие в российской армии. В обозримом будущем, большие усилия будут нужны, чтобы защищать нашу Родину. Именно эти две прослойки и будут определять, как и насколько быстро нам предстоит преодолеть отсталость

России. Любому здравомыслящему человеку понятно, что смена экономического курса, которая позволит выбраться из нескончаемой стагнации, выйти на траекторию устойчивого роста и обрести, наконец, экономический суверенитет как основу суверенитета политического, становится условием сохранения России.

В нашем понимании, Национальная элита – это лучшая группа населения страны, обладающая славянским мировоззрением, ответственная, то есть, способная к политической и государственной мысли и деятельности во имя России, на благо своего государства, ставящая во главу угла своей деятельности моральные ценности евразийской, православной цивилизации, уважающая власть, свой народ и государство, способная формировать смыслы и стратегию развития в условиях жесткого цивилизационного противостояния России и враждебного Запада, любящая свой народ. Также, здесь важна способность населения страны понимать свою народную власть и вести диалог и с властью, и с элитами. И российские власти, и элиты должны понимать и вести конструктивные диалоги с народом и друг с другом – без враждебности и конфронтации. Это станет залогом государственной, экономической и политической устойчивости и жизнеспособности российского государства. Для стабильности российского общества также важно, чтобы государство чётко определилось в своих основных социальных обязанностях в отношении своих граждан. Власть обязана следить за нравами (за их соблюдением в обществе) бороться с безответственностью, коррупцией, взяточничеством, кумовством, приписками, мародёрством – в общем, с безнаказанностью элит, чтобы не допустить их перерождения в антиэлиты. И, конечно, вопрос преемственности власти актуален для России сегодня, как никогда, чтобы не допустить новых социальных потрясений в будущем и разрушения собственного государства, как это уже имело место быть в XX веке (дважды).

Великий русский мыслитель и пророк, неузнанный гений России историк и философ К.Н. Леонтьев (1831–1891) сформулировал на все времена пять обязательных условий стабильности России, и это:

- централизованная, сильная, народная монархическая власть – жёсткая, суровая, но справедливая российская государственность;
- свободная, самостоятельная, ни на кого не оглядывающаяся Православная церковь;
- наличие в стране национальной патриотической ответственной системной элиты из лучших граждан России и сословная иерархия;
- крепкая, здоровая патриархальная семья;
- цветущая многообразием уникальная культура России (единство – в сложности).

Несоблюдение этих важных условий стабильности России, сформулированных К.Н. Леонтьевым ещё в XIX веке, и стало причиной национальной

катастрофы царской России в феврале-октябре 1917 года и советской России в августе 1991 года. А вот ещё одно из потрясающих предвидений К.Н. Леонтьева в исторической судьбе России и Европы: *«Всё человечество старо – это больной старик, и «чтобы русскому народу действительно пробыть надолго... народом – «богоносцем» он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснён». Поэтому Леонтьев так приветствовал сохранение сословий в обществе и крепкую власть. Иначе – из народа – «богоносца» русские незаметно для самих себя превратятся в народ – «богоборец»!»* [10, с. 403]. К.Н. Леонтьев видел Россию самостоятельным культурно-историческим типом цивилизации, будущее которой зависит от умения противостоять враждебной Европе [11, с. 388].

Считаем, что спасение России – в единстве народа, национальной элиты и власти, основанном на христианских ценностях и нормах, на нравственной силе, на социальной справедливости на образе будущего, привлекательном для всего российского общества. И это будет солидарное общество с сильными социалистическими элементами, которое будет ориентировано не на утилизацию человеческого «материала», а на его прогресс и развитие. Причём, это должно быть солидарное рыночное государство – корпорация, где все граждане являющиеся ассоциированными собственниками значительной доли национальных активов (основного массива активов данного государства – корпорации).

Однако на сегодня, по данным Global Wealth Report, за 2019 год на долю самых богатых россиян (1 %) приходится 58,2 % всех личных активов в России. Это позволило маркировать либеральную Россию как страну с самым высоким имущественным неравенством среди 40 наиболее экономически значимых государств мира. *Индекс Джини* (показатель распределения доходов по всем группам населения) по накопленному богатству в РФ совершенно запределен и составляет, по разным подсчётам, от 0,83 до 0,88. Сегодня в России построено «общество двух третей наоборот», уже устоявшийся непотребный уклад, в котором две трети населения – бедняки [12, с. 42]. Сложившая сегодня ситуация в нашей стране с колоссальным имущественным и социальным расслоением российского общества глубоко противоречит мнению русского философа И.А. Ильина, которое перекликается с мыслями А.С. Пушкина о жизненной цели русского народа, и это: *«Жить в глубочайшей цельности и искренности – божественными содержаниями – в совершенной форме...»* [13, с. 55–56].

С учётом испытаний, выпавших на нашу долю в XX веке, можно сказать, что сегодня именно русские знают, что такое жизнь под идеологическим и экономическим прессингом и что такое жизнь в условиях полной анархии, что такое реальный социализм и что такое волчий либерализм. Этот бесценный опыт Русской цивилизации позволяет ей теперь вернуться к идеологической оси и осуществить новую сборку общественного целого. *Через всё это уже сейчас проткрыва-*

ется нарождающаяся идеология в нескольких геостратегических проектах, которые как бы исподволь уже осуществляются Россией: это и восстановление в Арктике полярной русской цивилизации, разрушенной в 1990-е годы:

- закрепление России на Дальнем Востоке, где она осуществляет ключевые высокотехнологичные производства;
- это южный средиземноморский проект с военными базами в Осетии, Абхазии, в Крыму и в Сирии;
- это защита населения Донецкой и Луганской народных республик от бандеровцев – неонацистов;
- это миротворческая операция на Украине с целью демилитаризации и денацификации Украины и её возвращения в лоно «Русского мира».

Русским постоянно приходится сражаться за свою Победу, испытывая огромное напряжение внешнего давления враждебного англосаксонского мира, которому «для его выживания нужны ресурсы всего человечества» (А. Зиновьев). Поэтому в XXI веке русский народ как государственное целое, как носитель евразийской цивилизации должен, как никогда, быть политически и исторически зрячим, чётко представлять, кто он и куда идёт. Кто его друзья, а кто его традиционные враги [14, с. 69].

Мы абсолютно согласны с президентом РФ Владимиром Путиным, который в своём обращении

Литература:

1. *Гулыга А.В.* Творцы русской идеи. М. : Молодая гвардия, 2006. С. 211–212.
2. *Соколова Р.* Метафизика западной цивилизации в свете современных представлений на Украине / Р. Соколова // Изборский клуб. Стрелы победы. 2022. № 8(106). С. 113.
3. *Зиновьев А.А.* Исповедь отщепенца. С. 368.
4. *Моисеев Н.Н.* Избранные труды. М., 2003. С. 213.
5. Русская трагедия. Александр Зиновьев. М. : Родина, 2020. 280 с.
6. *Бачинин В.А.* Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом. Исторические очерки политической теологии и культурной антропологии. СПб. : Алетейя, 2005. С. 204.
7. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы : в 2-х т. ТОО «Можайск-Терра», 1995. Т. 2 (ч. III, IV). С. 726.
8. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М. : ДАРЪ, 2005. С. 237.

к гражданам России, в связи с началом миротворческой операции на Украине, от 25.02.2022 сказал о будущем России: «Настоящая сила в справедливости и правде, которая на нашей стороне. А если это так, то трудно не согласиться с тем, что именно сила и готовность к борьбе лежат в основе независимости и суверенитета, являются тем необходимым фундаментом, на котором только и можно надежно строить своё будущее, строить свой дом, свою семью, свою Родину» [15, с. 1–2]. Действительно, сегодня мы, русские, оказались в пересменке истории, на перепутье, и нам не от кого ждать подсказок – ни от Запада, ни от Востока. Секрет нашей победы – в нас самих. Как сказал великий русский поэт Фёдор Тютчев: «Истинный защитник России – это история. Историей в течение трёх столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу». От себя добавим, что господином истории, главным её вершителем является наш Бог Иисус Христос – Он и есть главный защитник России на крутых изломах отечественной и мировой истории. Предназначение России, её миссия понимается сегодня через осознание своей особой роли в мире. Она заключается в сохранении идеалов христианства в его изначальном виде, служении добру, справедливости в своём Отечестве и мире, защите народов, сохранении их традиций и культур, а также борьбе с силами мирового зла («удержании мирового зла», то есть, удержании мира от сползания в «царство беззакония»). Русский народ сегодня всё больше интуитивно осознает несовместимость западной и российской цивилизации на самом глубоком уровне – метафизическом. На кону – судьбы и России, и мира.

Literature:

1. *Gulyga A.V.* Creators of the Russian Idea. M. : Molodaya Gvardiya, 2006. P. 211–212.
2. *Sokolova R.* Metaphysics of Western civilization in the light of modern ideas in Ukraine / R. Sokolova // Zh. Izborsky club. Arrows of Victory. 2022. № 8 (106). P. 113.
3. *Zinoviev A.A.* Confessions of a renegade. P. 368.
4. *Moiseev N.N.* Selected works. M., 2003. P. 213.
5. Russian tragedy / Alexander Zinoviev. M. : Rodina, 2020. 280 p.
6. *Bachinin V.A.* National idea for Russia: the choice between Byzantism, evangelism and secularism. Historical essays on political theology and cultural anthropology. SPb. : Aleteyua, 2005. P. 204.
7. *Dostoevsky F.M.* Brothers Karamazov : in two volumes. LLP «Mozhaisk-Terra», 1995. Vol. 2 (parts III, IV). P. 726.
8. *Leontiev K.N.* Byzantism and Slavism. M. : DAR, 2005. P. 237.

9. *Аверьянов В.В.* Русский Ковчег: Альтернативная стратегия мирового развития / В.В. Аверьянов // Изборский клуб. 2020. № 1(77). С. 17.

10. *Волкогонова О.* Жизнь замечательных людей. Константин Леонтьев. М. : Молодая гвардия. 2013. С. 403.

11. *Волкогонова О.* Жизнь замечательных людей. Константин Леонтьев. М. : Молодая гвардия, 2013. С. 388.

12. Идеология Победы как национальный проект (интегральный доклад Изборского клуба) // Изборский клуб. 2021. № 10(96). С. 42.

13. *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина / И.А. Ильин // Изборский клуб. 2020. № 9(95). С. 73.

14. *Зиновьев А.* Изборский клуб. № 5. С. 69.

15. Сила – в справедливости и правде. А правда на нашей стороне. Обращение президента РФ Владимира Путина // «Российская газета». 2022. № 41(8689). С. 2. URL : www.rg.ru

9. *Averyanov V.V.* Russian Ark: An Alternative Strategy for World Development / V.V. Averyanov // Izborsk Club. 2020. № 1(77). P. 17.

10. *Volkogonova O.* Life of wonderful people. Konstantin Leontiev. M. : Young Guard. 2013. P. 403.

11. *Volkogonova O.* Life of wonderful people. Konstantin Leontiev. M. : Young guard, 2013. P. 388.

12. The ideology of Victory as a national project (an integral report of the Izborsk club) // Izborsk club. 2021. № 10(96). P. 42.

13. *Ilyin I.A.* Pushkin's prophetic vocation // Izborsk club. 2020. № 9(95). P. 73.

14. *Zinoviev A.* Izborsky club. № 5. P. 69.

15. Strength is in justice and truth. And the truth is on our side. Address of the President of the Russian Federation Vladimir Putin // Rossiyskaya Gazeta. 2022. № 41(8689). P. 2. URL : www.rg.ru

Нарбут Наталья Николаевна
соискатель кафедры теории и истории
международных отношений,
Российский университет дружбы народов
narbutn@mail.ru

ГЛОБАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XXI ВЕКА

Аннотация. В данной статье рассматривается существенное содержание категорий «интеграция», «глобализация» и «регионализация» в их взаимовлиянии. Проводится оценка характера и последствий взаимодействия данных процессов, а также их причинно-следственных связей путем систематизации различных теорий. В ходе исследования автор выявила закономерность трансформации классической формы территориальной интеграции государств (в форме международных регионов), руководствовавшихся исключительно национальными интересами, в глобально-региональную интеграцию. Это дает основание для вопроса о глобальной регионализации, которая становится новой формой глобализации.

Ключевые слова: регионализация, глобализация, интеграция, национальные государства.

На сегодняшний день можно рассматривать интеграцию в двух контекстах – в глобальном и в региональном. Регионализация рассматривается как реакция развивающихся стран на процессы глобализации и, с одной стороны, противоречит ей в том, что, в отличие от глобализации, «влечет за собой создание нескольких взаимодействующих и конкурирующих интеграционных группировок, служащих для многополюсного управления мировой системой» [8, с. 55–66], а с другой стороны, выступает ее важнейшей составляющей, предполагающей адаптацию ее процессов на региональном уровне.

Развитию регионализации способствуют различные факторы, среди которых – современные глобальные процессы и актуализация глобальных проблем современности, транснационализация, взаимозависимость, факторы геополитического, экономического, культурного развития, а также кризис традиционного элемента международной системы – национального государства.

Согласно исследованию шведского ученого Б. Хеттне, существуют фундаментальные изменения в развитии региональных процессов, которые можно определить по следующим характеристикам [11, с. 332]:

Natalia N. Narbut

Applicant at the Department of Theory
and History of International Relations,
Peoples' Friendship University of Russia
narbutn@mail.ru

GLOBAL REGIONALIZATION IN THE CONTEXT OF THE WORLD POLITICAL PROCESSES OF THE XXI CENTURY

Annotation. This article examines the essential content of the categories of integration, globalization and regionalization in their mutual influence. An assessment of the nature and consequences of the interaction of these processes, as well as their cause-and-effect relationships, is carried out by systematizing various theories. In the course of the study, the author revealed the pattern of transformation of the classical form of territorial integration of states (in the form of international regions), guided solely by national interests, into global-regional integration. This gives grounds to raise the question of global regionalization, which turns into a new form of globalization.

Keywords: regionalization, globalization, integration, nation-states.

– по предпосылкам возникновения: ранее главным условием создания региональных структур было сходство политических и экономических систем. Теперь же необходимость объединения обусловлена наличием общих проблем и готовностью правительств вести диалог для согласования позиций и принятия общих решений. Сложная многоуровневая и сетевая структура мировой системы также способствует появлению новых форм интеграции, таких как трансрегиональные и транснациональные [3, с. 12]. В условиях актуальности глобальных проблем государства ищут новые формы международного сотрудничества, так как теряют свою управленческую эффективность;

– по составу участников: на предыдущем этапе развития интеграционных процессов ключевым участником было национальное государство, и все интеграционные инициативы осуществлялись между национальными государствами сверху, со стороны ведущих мировых держав. В настоящее время многие инициативы исходят от негосударственных и субнациональных акторов;

– по вовлеченности бизнеса и гражданского общества: по мнению Б. Хеттне, современный процесс регионализации имеет более спонтан-

ный характер, но при этом государство все еще играет роль ключевого интеграционного игрока;

– по целям и сферам: в случае «старого регионализма» было произведено четкое деление проблемного поля – региональная структура создавалась либо для решения экономических вопросов, либо для решения проблем безопасности. В настоящее время «новый регионализм» предполагает более многомерный подход и включает в себя такие измерения, как торгово-экономическое, экологическое, и социально-политическое и другие.

Данные изменения позволяют сделать вывод о переходе к новой, «открытой», модели регионализма, совместимого с экономической взаимозависимостью.

В настоящее время наблюдаются изменения формы территориальной интеграции государств от тех, которые ранее руководствовались исключительно национальными интересами, к - глобально-региональной интеграции основных акторов мировой политики и экономики, при которых наднациональные интересы становятся приоритетными. Так, одной из первых в 1990-х гг. на это указала С. Стрэндж, которая писала о том, что все государства, независимо от территории, размеров, мощи, слабеют перед лицом происходящих технологических и финансовых изменений, а также, ускоряющейся интеграции национальных экономик в единый мировой рынок [16, с. 48].

В условиях глобализации государства уже не могут удерживать монополию на управление, и некоторые управленческие функции переходят на наднациональный и транснациональный уровни. Это приводит к не только количественному росту региональных интеграционных объединений, но и к качественным изменениям в характере развития интеграционных инициатив [9, с. 18]. Данные изменения обусловлены глобализацией, которая приводит к трансформации пространственных координат мировой политики и изменению геополитического ландшафта мировой системы XXI века. Однако как отмечает исследователь А. Макарычев, новый мировой порядок пока не нашел оптимального баланса между глобализацией и региональными проблемами. В рамках классической теории международных отношений соотношение глобального и регионального уровней политики всегда было проблематичным [5, с. 5].

Таким образом, перед научным сообществом стоит задача разработки концептуальных основ для исследования целостной мирополитической картины мира, в которой и глобальный, и региональный аспекты получили бы равное внимание. Концепт глобальной регионализации является одной из попыток выработать комплексный, системный подход, учитывающий соотношение двух трендов современного мирового развития – глобализации и регионализации.

На первый взгляд, глобализация и регионализация кажутся противоположными явлениями.

Глобализация – это процесс объединения различных экономик и обществ во всем мире, способствующий возрастанию взаимозависимости и «размыванию» границ между национальными государствами. С другой стороны, регионализация – это процесс формирования региональных пространств, при котором перераспределяются властные полномочия национальных государств и создаются новые институциональные формы.

Определение соотношения между регионализацией и глобализацией является важным аспектом для изучения глобальной регионализации. Данная область мировых исследований характеризуется различными подходами, которые можно свести к трём основным гипотезам:

1. Регионализация может рассматриваться как способ сопротивления государств тенденциям глобализации в отдельных сферах, включая экономическую.
2. Регионализация является одним из механизмов формирования глобального миропорядка.
3. Регионализация является одним из направлений глобализационных процессов.

Не вызывает сомнений, что создание начальных экономических институтов для регионализации может быть рассмотрено как шаг против глобальной либерализации трансграничной торговли и финансовых потоков, т.к. это приводит к искусственному перераспределению ресурсов и изменению конкурентоспособности. К примеру, Европейское Экономическое Сообщество было создано для предоставления взаимных преференций в производстве стали. Однако других эффективных способов организации интеграции нет. Развитие более высоких экономических объединений и единого политического пространства приводит к «новому регионализму» [6], который меняет отрицательное отношение к региональной интеграции на положительное.

На данный момент нет более эффективных способов организации наднационального управления, чем создание политико-экономических интегративных образований. Тем не менее, полномочия таких объединений распространяются только на их внутренние пространства, а межрегиональное взаимодействие остается ответственностью государственных структур. Чтобы изменить это положение, необходим переход к регионализму третьего поколения, в рамках которого внешнеполитические полномочия передаются общерегиональным органам. Это приводит к размыванию границ между глобализацией и регионализацией [13, с. 126]. Американский экономист С. Сассен поддерживает этот подход, считая, что глобализация включает как глобальные институты и процессы (ВТО, глобальные рынки), так и ряд процессов, необязательно происходящих на глобальном уровне, но являющихся неотъемлемой частью глобализации, включая трансграничные сети и образования, состоящие из локальных и национальных субъектов [15, с. 1–2].

Можно предположить, что различные взгляды на соотношение глобализации и регионализации объясняются асинхронностью развития мировой политики, что привело к существованию трех поколений регионализма, включая самый высокий уровень – внешнеполитическую интеграцию в рамках программ взаимодействия ЕС с другими объединениями. Вероятно, регулирование и создание устойчивых механизмов межрегионального сотрудничества являются процессами долгосрочной перспективы. Однако в настоящее время существует тенденция к развитию «гибридного регионализма», объединяющего регионализм, трансрегионализм и интеррегионализм [12, с. 74]. Это можно наблюдать в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в котором экономический и политический регионализм сочетаются с межструктурными связями и трансрегионализмом, что потенциально ускоряет межрегиональную институционализацию [17, с. 61]. Фактически, глобализация и регионализация не являются противоположными процессами, а взаимосвязаны и дополняют друг друга, что приводит к процессу «глобальной регионализации». Данный термин появился недавно и вызывает научный скептицизм, но данному феномену посвящаются все больше исследований [10, с. 68].

Одним из первых исследователей, опубликовавших ряд работ по обозначенной тематике, стала профессор МГУ О.Г. Леонова, предложившая в своих исследованиях понимать глобальную регионализацию как процесс «регионализации пространства глобального мира, который на практике представляет собой трехуровневую структуру – совокупность суб-, мезо- и макрорегионов, а понятие «регион» выступает как базовый элемент этой трехуровневой системы глобального мира» [4, с. 34]. Согласно мнению О.Г. Леоновой, глобальная регионализация проявляется в следующих формах:

- объединение локальных сообществ и их интеграция в макрорегион/глобальный регион, которые могут объединяться на основе внутренних факторов, таких как экономические партнерства, политические и социокультурные сходства, а также на основе внешних факторов, таких как общие стратегии взаимодействия с глобальными акторами, задачи безопасности макрорегиона и т.д.;
- формирование «функциональных регионов», которые функционируют как независимые государства;
- возникновение нового геополитического и геоэкономического образования на основе интеграции и локализации, члены которого (суверенные государства) передают часть своих функций на наднациональный уровень.

Границы таких макрорегионов могут совпадать с границами гецивилизаций, например, как в случае с ЕС.

Таким образом, глобальная регионализация является важнейшим фактором трансформации

мировой системы, определяющей ее многоуровневую структуру.

Бельгийский исследователь Л. ванн Лангенхове внес серьезный вклад в создание концепции глобальной регионализации. Не используя термин «глобальная регионализация», он предлагает понятие «регионализация 2.0», которое фактически описывает новый тип регионализации [14]. По его мнению, это связано с концепцией «веб 2.0», описывающей новый этап развития интернета. Регионализация 2.0 предполагает формирование сетевой региональной многополярности, характеризующейся открытостью, прозрачностью, мультиакторностью, трансграничностью и многоуровневостью. Это означает, что государства должны объединяться в новые типы региональных связей, включая трансрегиональные союзы. В отличие от «регионализации 1.0», основывающейся на приоритете суверенитета национальных государств и закрытых субрегиональных структурах, «регионализация 2.0» включает в себя участие других заинтересованных сторон, а также трансрегиональные союзы, при которых пространственный фактор играет важную роль в интеграции [1]. В настоящее время в мировой системе существуют признаки обоих типов регионализации, но регионализация 2.0 рассматривается как одна из основных тенденций современной глобальной системной трансформации.

Глобальная регионализация является новым этапом региональной интеграции и представляет собой объективный процесс, направленный на формирование региональных пространств с учетом глобального контекста. Данный процесс имеет многоуровневую природу и включает в себя разнообразные формы интеграции, которые развиваются на субрегиональном, трансрегиональном и даже цивилизационном уровнях [7, с. 24]. Кроме того, в процесс глобальной регионализации вовлечены не только национальные государства, но и негосударственные акторы, такие как транснациональные корпорации, неправительственные организации и др. Значимым фактором в рассматриваемом процессе является участие именно негосударственных акторов, создающих сложные глобальные сети и связывающих глобальный и локальный, региональный и национальный уровни мировой системы.

Глобальная регионализация является комплексным процессом [2, с. 34], включающим в себя множество взаимосвязанных элементов, таких как политика, экономика, социальная сфера, культура, информация и экология.

Таким образом, глобальная регионализация представляет собой сложное проявление современного политического, экономического, социального и культурного развития мирового сообщества.

Подводя итог, можно утверждать, что на сегодняшний день процессы глобальной регионализации формируют мировой порядок в различных сферах: в экономической, политической, в сфере безопасности и др., структурируют мировое про-

странство. Процесс глобальной регионализации имеет многоуровневую природу, следствием чего является разнообразие формирующихся интеграционных форм (от субрегиональных организаций до трансрегиональных структур и даже взаимодействий на цивилизационном уровне). Наряду с традиционными участниками интеграционных процессов – национальными государствами, в процессе глобальной регионализации участвуют и негосударственные акторы, что позволяет направить интеграционные процессы не только «сверху», но и «снизу».

Таким образом, феномен глобальной регионализации характеризуется следующими положениями:

– во-первых, глобальная регионализация означает ликвидацию монополии государств на управление процессами глобальной реструктуризации политико-экономических и социальных пространств, что ведет к формированию большого разнообразия форм и методов глобальной регионализации;

– во-вторых, глобальная регионализация является одновременно следствием и неотъемлемой частью процесса глобализации, которая приводит к фрагментации мира на макрорегионы (и даже «мегарегионы») и формированию сложной, многоуровневой глобальной системы;

– в-третьих, оценивая процесс глобальной регионализации, в целом, следует подчеркнуть его объективный характер; данный процесс не является стихийным, это «планируемый процесс, организованный, требующий большой подготовительной работы и воспринимаемый его участниками как объективная необходимость»;

– в-четвертых, историческая и этноконфессиональная общность не имеет большого значения в случае глобальной регионализации;

– в-пятых, важным условием эффективности процесса глобальной регионализации является наличие регионального лидера, инициирующего интеграционные процессы «сверху» и поддерживающего инициативы «снизу».

Литература:

1. *Абрамова О.Д.* Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы. М. : РАГС при Президенте РФ. 2007. 180 с.
2. *Бобков В.А.* Интеграция интеграций: стратегия возможности / В.А. Бобков // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2. С. 32–41.
3. *Кирабаев Т.* Теоретические подходы к исследованию процессов регионализации и региональной интеграции / Т. Кирабаев // Международная жизнь. 2004. № 11. С. 10–19.
4. *Леонова О.Г.* Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О.Г. Леонова // Век глобализации. 2013. № 1. С. 31–42.
5. *Макарычев А.* Западные рубежи России: проблемы безопасности и транснационального регионализма. М. : Московский центр Карнеги. 1999. № 8. С. 4–15.
6. *Некlessа А.И.* Этнос глобального мира / А.И. Некlessа // Русский архипелаг. 1999. URL : <http://www.archipelag.ru/authors/neklessa/?library=1189&version=forprint> (дата обращения 25.02.2023).
7. *Тимофеев А.В.* Теоретические аспекты и тенденции развития региональной экономической интеграции / А.В. Тимофеев // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 3(42). С. 19–29.
8. *Широков Г.К.* Регионализация: новые тенденции мирового развития на рубеже XX и XXI веков / Г.К. Широков // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 55–66.

Literature:

1. *Abramova O.D.* Problems of regional integration: political, economic and cultural processes. M. : RAGS under the President of the Russian Federation. 2007. 180 p.
2. *Bobkov V.A.* Integration of integrations: strategy of opportunity / V.A. Bobkov // Greater Eurasia: Development, security, cooperation. 2019. № 2. P. 32–41.
3. *Kirabaev T.* Theoretical approaches to the study of the processes of regionalization and regional integration / T. Kirabaev // International life. 2004. № 11. P. 10–19.
4. *Leonova O.G.* Global regionalization as a phenomenon of the development of the global world / O.G. Leonova // Century of globalization. 2013. № 1. P. 31–42.
5. *Makarychev A.* Western borders of Russia: problems of security and transnational regionalism. M. : Carnegie Moscow Center. 1999. № 8. P. 4–15.
6. *Neklessa A.I.* Ethos of the global world / A.I. Neklessa // Russian archipelago. 1999. URL : <http://www.archipelag.ru/authors/neklessa/?library=1189&version=forprint> (date of the application 25.02.2023).
7. *Timofeev A.V.* Theoretical aspects and trends in the development of regional economic integration / A.V. Timofeev // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2012. № 3(42). P. 19–29.
8. *Shirokov G.K.* Regionalization: new trends in world development at the turn of the 20th and 21st centuries / G.K. Shirokov // Modern and recent history. 2004. № 4. P. 55–66.

9. *Шифф М.* Региональная интеграция и развитие / М. Шифф, Л.А. Уинтерс. М. : Издательство «Весь мир», 2005. 268 с.

10. *Global Regionalization: Core Peripheral Trends.* / Ed.by H. S. Geyer. Edward Elgar Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA. 2006. 321 p.

11. *Hettne B.* The new regionalism revisited. Soderbaum T. and Shaw T.M. (eds.) Theories of new regionalism: A Palgrave Reader. Basingstoke: Palgrave. 2003. 340 p.

12. *Katzenstein P.* Beyond Japan: The Dynamics of East Asian Regionalism / P. Katzenstein, T. Shirai-shi. N.Y. : Cornell University Press, 2006. 393 p.

13. *Langenhove L. Van.* Building Regions: The Regionalization of the World Order. Ashgate Publishing. 2011. 289 p.

14. *Langenhove L. Van.* What Is a Region? Towards a Statehood Theory of Regions / L. Van Langenhove // Contemporary Politics. 2013. Vol. 19. № 3. P. 474–490.

15. *Sassen S.* Globalization or Denationalization / S. Sassen // Review of International Political Economy. 10 February 2003. 17 p.

16. *Strange S.* The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 32–49.

17. *Weixing Hu.R.* Building Asia Pacific regional Architecture: the Challenge of hybrid regionalism // The Brookings Institution. Centre for North-East Asia Studies, 2009. 78 p.

9. *Schiff M.* Regional integration and development / M. Schiff, L.A. Winters. M. : Ves Mir Publishing House, 2005. 268 p.

10. *Global Regionalization: Core Peripheral Trends.* / Ed.by H. S. Geyer. Edward Elgar Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA. 2006. 321 p.

11. *Hettne B.* The new regionalism revisited. Soderbaum T. and Shaw T.M. (eds.) Theories of new regionalism: A Palgrave Reader. Basingstoke: Palgrave. 2003. 340 p.

12. *Katzenstein P.* Beyond Japan: The Dynamics of East Asian Regionalism / P. Katzenstein, T. Shirai-shi. N.Y. : Cornell University Press, 2006. 393 p.

13. *Langenhove L. Van.* Building Regions: The Regionalization of the World Order. Ashgate Publishing. 2011. 289 p.

14. *Langenhove L. Van.* What Is a Region? Towards a Statehood Theory of Regions / L. Van Langenhove // Contemporary Politics. 2013. Vol. 19. № 3. P. 474–490.

15. *Sassen S.* Globalization or Denationalization / S. Sassen // Review of International Political Economy. 10 February 2003. 17 p.

16. *Strange S.* The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 32–49.

17. *Weixing Hu.R.* Building Asia Pacific regional Architecture: the Challenge of hybrid regionalism // The Brookings Institution. Centre for North-East Asia Studies, 2009. 78 p.

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Касьянов Валерий Васильевич
доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА: ДИНАМИКА И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ. ЧАСТЬ 2

■ ■ ■

Аннотация. Тема исторической памяти является актуальной у представителей различных гуманитарных наук на протяжении, практически, всей российской истории, когда многочисленные отечественные и зарубежные историки и политики, по самым разным причинам, пытались ее наполнить содержанием, не всегда соответствующим исторической правде. Авторы данной публикации, отмечая решающую роль этого феномена в цивилизационном развитии общества, высказывают мнение о том, и историческая память, и культура общества находятся в глубокой взаимозависимости, определяя динамику и вектор развития научного знания, акцентируя внимание в данном исследовании на необходимости исследования этой проблемы отечественными учеными в столь сложный для нашей страны период ее истории.

Ключевые слова: история, культура, историческая память, культурный код, современное российское общество, фальсификация истории, вестернизация.

■ ■ ■

Значительная роль в формировании исторической памяти принадлежит культуре, составными элементами которой являются искусство и литература, музейное дело, кинематограф, причем, как в массовом, так и в элитарном варианте [16].

В продолжение темы взаимопроникающего влияния исторической памяти и культуры, нам бы хотелось отметить немаловажное обстоятельство, касающееся взаимоотношений между российской цивилизацией и Западом, когда его элиты на протяжении многих веков пытались подчинить российскую цивилизацию своему влиянию,

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Valery V. Kasyanov
Doctor of Sociology Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department
of Russian History, Faculty of History,
Sociology and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

HISTORICAL MEMORY AND CULTURE OF SOCIETY: DYNAMICS AND PATTERNS OF MUTUAL INFLUENCE. PART 2

■ ■ ■

Annotation. The topic of historical memory has become quite relevant among representatives of various humanities throughout almost the entire national history, when numerous domestic and foreign historians and politicians, for a variety of reasons, tried to fill it with content that does not always correspond to the objective course of history. The authors of this publication, noting the decisive role of this phenomenon in the civilizational development of society, express the opinion that both historical memory and culture of society are in deep interdependence, determining the dynamics and vector of development, focusing attention in this study on the need to focus on this problem of domestic scientists in such a difficult period of its history for our country.

Keywords: history, culture, historical memory, cultural code, modern Russian society, falsification of history, Westernization.

■ ■ ■

начиная с процесса выбора Владимиром Мономахом направления крещения Руси по римскому или византийскому образцу. Сделанный им выбор в пользу византийской модели христианства, в какой-то мере, и стал отправной точкой противостояния между Россией и Западом, которое продолжается по настоящее время, а, начиная с момента развала СССР в 1991 году, принял наиболее острый характер. И, как нам представляется, эта конфронтация неслучайно совпала с формированием на геополитическом уровне однопольного мира, идеология которого, в контексте глобализации, отводила англосаксонской цивилизации роль центра мировой политики во

всех ее сферах, в которой остальным государствам, фактически, отводилась роль вассалов, обслуживающих интересы «золотого миллиарда». Россия, в контексте этого нового витка неокOLONиальной политики Запада, была отведена роль бензоколонки. А стремление руководства нашей страны, как и ряда других государств, вести независимую внутреннюю и внешнюю политику, ориентированную на национальные интересы, воспринималась США и его союзниками как не только попытка нарушения сложившегося, по их мнению, баланса сил в мире, а и как угроза демократии со стороны тоталитарных режимов не только в этих странах, но и во всем мире. Именно этими обстоятельствами они объясняют поддержание, а фактически, спонсирование в вышеназванных странах «цветных революций», в том числе, через, созданные в них, различные фонды по поддержке демократии. Крайней формой противостояния этим «недемократическим» режимам является объявление их спонсорами терроризма, для противодействия которым ими используются не только механизмы односторонних санкций, но и военных интервенций, в результате которых, эти страны продолжительное время погружаются в экономический и политический хаос, а, оккупировавшие их войска, под прикрытием миротворческой миссии нередко занимаются разграблением музеев, нелегальной эксплуатацией месторождений углеводородов и других полезных ископаемых, в результате чего, политика «демократизации тоталитарных режимов», в итоге, выливается для государств, исповедующих традиционные ценности, нередко, несовместимые с, так называемыми, западными демократическими моделями культурного и политического устройства, в годы экономического и политического хаоса.

Фактически же, политика демократизации этих стран по западным лекалам, по нашему убеждению, представляет собой целенаправленную стратегию Запада по переформатизации культурного цивилизационного кода в странах с самобытным богатым историческим прошлым. И, по нашему глубокому убеждению, наша страна является объектом многовековой агрессии западной цивилизации в том же направлении изменения её культурного кода с использованием различных стратегий внешнего и внутреннего воздействия на все сферы жизнедеятельности российского социума. Одним из способов такого воздействия стали события конца 1980-начала 1990-х гг. в СССР, приведшие к распаду нашей страны под влиянием нескольких глобальных факторов и, в частности:

- деструктивной деятельности КПСС в своем стремлении к реформированию советского общества без научного разработанной стратегии его развития;
- ослабления центральной власти, приведшего к сепаратистской деятельности элит союзных республик;
- деструктивного влияния Запада на развитие советского общества посредством санкционного

давления, изоляции СССР от новых технологий, использования коррупционных практик, направленных на подкуп представителей советской элит и использования их в качестве «проводников» демократии и общечеловеческих ценностей, использования диссидентского движения и агентов западного влияния под его прикрытием для дестабилизации политической ситуации в стране.

Таким образом, развал СССР стал частью глубокого кризиса, в котором оказалась наша страна на рубеже XX–XXI веков, потому что руководство нашей страны в период перестройки и в постсоветской России оказалось в течение полутора десятка лет под влиянием иллюзий о возможности демократического развития нашей страны в союзе с западной цивилизацией, что, в итоге, привело к системному экономическому, политическому и духовному кризису в нашей стране. И, хотя многие его составляющие были вызваны объективными причинами, мы хотим акцентировать свое внимание на тех из них, которые, по нашему мнению, носили «рукотворный» характер и были направлены на углубление противостояния между западной и российской цивилизациями, потому что касались наиболее чувствительных сфер жизнедеятельности российского общества: исторической памяти и его культуры.

Так, исходя из проведенного нами анализа политики Запада за прошедшее тридцатилетие, мы пришли к выводу о том, что она была направлена:

– в первую очередь, на сохранение его доминирующего влияния на все сферы функционирования российского общества в контексте стратегии сохранения и углубления влияния на него идеологии однополярного мира как единственного как единственного и наиболее приемлемого пути развития современной человеческой цивилизации, тогда как другие его модели, в том числе, и российская, обречены на тупиковый путь развития в отличие от западной модели, сконцентрировавшей в себе все ее достижения, начиная с времен эллинской и римской цивилизаций.

– во-вторых, на переписывание истории XX века и, в частности, событий Второй мировой войны, в которой, как известно из многочисленных западных источников, приоритет в борьбе с германским фашизмом принадлежит не СССР, а союзническим войскам и, в первую очередь, США.

Определенное и немалое влияние на достижение положительных результатов в реализации этой стратегии стало, по нашему мнению, не столько возвращение России в «свободный» мир с его, якобы, общечеловеческими ценностями из, более чем, полувековой изоляции, сколько успешная, по нашему мнению, реализация Западом проекта по созданию в нашей стране общества потребления, в котором стремление индивида к материальному благополучию, к жизни по его стандартам несут в себе потенциальную

угрозу духовно-нравственным устоям российского общества.

Подобную стратегию можно охарактеризовать как новый виток неокOLONиальной политики Запада, направленной на переформатирование не только исторической памяти народов нашей страны, но и их культурного кода, отводя им роль в качестве придатка или даже рудимента западной цивилизации с использованием всех достижений научно-технического прогресса. В том же случае, если они не поддадутся «излечению» (то есть, не переформируются), мы не исключаем возможности попытки со стороны Запада избавиться от такого «недуга» хирургическим путем, как мы полагаем, по технологии, разработанной ранее идеологами германского фашизма в отношении народов нашей страны в ходе их подготовки ко Второй мировой войне. И, судя по планам западных политиков, ориентирующихся на реализацию проекта дальнейшего расчленения Российской Федерации на множество государств, функционирующих под протекторатом ведущих западных держав, они в своих представлениях о будущем нашей страны пытаются действовать по лекалам гитлеровцев. Достичь же этой цели, как они полагают, можно только по схемам, в основе которых будут заложены идеи стирания нашей исторической памяти, за которой последует и уничтожение нашего культурного кода, место которых займут переписанная история России и, приемлемый для Запада, измененный ее культурный код.

Насколько реальна реализация подобной стратегии мы уже убедились на примере не только Великой Отечественной войны, а и Гражданской войны, которая сопровождалась, начиная с весны 1918 года, иностранной интервенцией с участием вооруженных сил полутора десятка государств, рассчитывавших на создание на развалинах Российской империи государств – их сателлитов [5; 6].

Кстати, если дополнять тему войн за Отечество, то мы хотим обратить внимание читателей на позицию ряда историков, по мнению которых, Гражданская война 1918–1922 гг., на самом деле, была войной Отечественной против иностранных интервентов, численность которых превосходила 1 миллион человек. И вся эта масса войск из 17 государств, поддерживаемая «белыми», пересекла территорию России в короткий период времени с февраля по июль 1918 г. [5; 6, с. 20]. Следует также вспомнить «добрым словом» и 40-тысячный Чехословацкий корпус, сформированный «на русские средства» из военнопленных австро-венгерской армии, переправлявшейся с разрешения советского правительства с Украины во Францию через Сибирь [6, с. 20].

Если же обращаться к советской историографии Гражданской войны, где акцент делался учеными на противостоянии красных и белых, а красный террор был, якобы, ответом на террор белый [6, с. 21], то военная же интервенция, чаще всего, описывалась вне контекста Гражданской войны как попытка ее участников, планировав-

ших использовать политический кризис в нашей стране для уничтожения Российской империи, раздробив ее территорию. С подобным подходом частично согласны авторы данной публикации, отмечавшие, что идея вторжения в Россию возникла до победы Октябрьской революции, когда буквально накануне 24 октября (06 ноября) 1917 года посол США в России Д.Р. Фрэнсис в телеграмме в Вашингтон предлагал отправить в Россию через Владивосток или Швецию несколько дивизий американских войск, а советник американского президента Вильсона полковник Хаус указывал: «Остальной мир будет жить спокойно, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны» [6, с. 20]. Как нам представляется, после ознакомления с публикациями, подобным образом трактуемыми события в нашей стране в период времени после Октябрьской революции с 1918 по 1922 годы, история Гражданской войны может интерпретироваться как часть глобального проекта Запада по уничтожению нашей страны, где белому движению отводилась вспомогательная функция, чем, например, можно объяснить отсутствие у этого движения единого командования, а не только амбициями его лидеров.

Таким образом, только в XX веке лидеры «цивилизированного мира» дважды предпринимали безуспешные попытки, направленные на уничтожение российской цивилизации, но, как следует отметить, ценой многомиллионных жертв наших соотечественников и долгими годами, потраченными на восстановление экономики нашей страны и ее человеческих ресурсов, и нам, как мы надеемся, и большинству наших соотечественников перспектива сохранения своей государственности таким же образом, вряд ли понравится. Но стоит помнить и о том, что современный этап нашего противостояния с Западом проходит в новых исторических условиях, характерными признаками которых являются достижения научно-технического прогресса, информационных технологий, позволяющих воздействовать на массовое и индивидуальное сознание через сетевые каналы, которые далеко не всегда подпадают под контроль со стороны государства, представляя возможность формирования активной оппозиции действующей в нашей стране власти посредством «промывания мозгов», в первую очередь, молодежи, имеющей широкий и, нередко, бесконтрольный со стороны государства доступ к отечественным и зарубежным интернет-ресурсам. И для противостояния ей, по нашему глубокому убеждению, недостаточно активного противодействия этой агрессии только со стороны спецслужб и органов безопасности Российской Федерации и ее союзников, но и при активном участии идеологов, всей отечественной системы образования с использованием не только традиционных каналов воздействия на массовую аудиторию, но и с использованием современных информационных и цифровых технологий. Благодаря именно такому комплексному подходу, удастся противостоять и Западу, и пятой колонне в нашей стране в их попытках переформатировать нашу историческую память и культурный

код, о чем свидетельствует, например, попытки западных историков «переписать» историю Второй мировой войны, когда мировому общественному мнению навязывается идея о том, что победителями в ней были союзнические войска во главе с США при практически полном игнорировании решающей роли Советского Союза в победе над германским фашизмом. Более того, по утверждению лидеров и политиков стран Восточной Европы освободительная миссия Красной Армии по их освобождению от фашизма, на самом деле, была их оккупацией. Эти фальсификации достигли своего апогея в годовщину празднования победы антигитлеровской коалиции над фашистской Германией, когда конгресс США выпустил медаль, посвященный этой дате, на одной из сторон которой были выгравированы флаги США, Франции и Англии, но не флаг СССР, который на протяжении всей Великой Отечественной войны сдерживал агрессию около двух миллионов представителей европейских государств, воевавших на стороне немецко-фашистских захватчиков [7; 8, с. 22–23], объявивших, фактически, крестовый поход против нашей страны.

Ответом на подобные инсинуации со стороны современных отечественных историков должно стать в своих публикациях и в учебной литературе обостренное внимание этой трагической части нашей новейшей истории, акцентируя его на всех ее событиях, стоивших многие миллионы жизней наших воинов и мирных жителей. Мы же вынуждены с глубоким сожалением констатировать, что до настоящего времени, несмотря на призывы руководства России сохранять и доносить до наших соотечественников историческую правду, как об этом событии, так и обо всей истории нашей страны, в подавляющем большинстве учебников по Истории России, практически на всех уровнях образования, начиная с 1990-х гг. и по сей день, события Великой Отечественной войны освещаются очень скудно [9, с. 24]. Даже в таком солидном издании, как «История России с древнейших времен до наших дней», опубликованном в 2020 г. коллективом сотрудников Института российской истории РАН, в котором, несмотря на амбициозное утверждение его авторов о том, что это – «исчерпывающий труд от сотрудников Института российской истории РАН», непосредственно теме Великой Отечественной войны отведена 21 стр. из 1744 стр. этого весьма объемного текста, где фрагментарно освещаются ее события (для сравнения, теме «большого террора» ими в этом же издании отведено 25 стр.) [10, с. 25]. В связи с этим, возникает вопрос: А сколько потребуется времени при таком скудном освещении хода этой войны, чтобы ее события стерлись из памяти поколений? Полагаем, немного, если государство все-таки перейдет от декларативных заявлений о необходимости не только сохранения в исторической памяти событий той же Великой Отечественной войны, но и, как отметил Президент России В.В. Путин на декабрьском 2022 года заседании Совета по правам человека при Президенте РФ, о необходимости восстановления исторической

правды обо всех событиях в российской истории какой бы эта правда не была.

С учетом же реального положения дел в современной российской исторической науке на примере учебников истории России, отечественным историкам предстоит объемная и продолжительная работа в этом направлении и поэтому, как мы полагаем, параллельно с решением этой задачи необходимо, в первую очередь, навести порядок с преподаванием истории на всех уровнях отечественного образования в направлениях:

- увеличения количества часов по ее преподаванию в школе;
- подготовки учебной литературы, объективно освещающей ход истории не только нашей страны, но и зарубежной истории;
- изъять из библиотечных фондов образовательных учреждений всю литературу не только по истории, но и по гуманитарным наукам, изданной в нашей стране после 1991 года по грантам Фонда Сороса «Открытое общество», деятельность которого еще в 2015 г. была признана Генеральной прокуратурой нежелательной на территории России, но, профинансированная им учебная литература продолжает отравлять умы и память молодых поколений наших соотечественников [11, с. 26].

К сожалению, структуры, подобные фонду Сороса, до недавнего времени через НКО и другие фонды, действующие в поддержку «демократии» в нашей стране, как мы уже отмечали выше, продолжали оказывать активное влияние на умы наших соотечественников, формируя в их сознании образ Запада как эталона демократии, в чем они, в немалой степени преуспели в конце 1980-х – 1990-е годы, когда руководство постсоветской России приняло в качестве образца для подражания современную западную цивилизационную модель развития, в основе которой заложены принципы рыночной экономики, западной демократии, потребительского общества, чье прогрессивное развитие возможно только в условиях глобального и, как оказалось позже, однополярного мира. Именно в контексте такой парадигмы развития, на протяжении более чем полутора десятка лет и был задан вектор развития нашей страны под руководством российских «демократов» во главе с Б. Ельциным под патронажем кураторов из ЦРУ, что, как мы уже отмечали выше, продолжило оказывать деформирующее влияние на развитие не только исторической, но и других социально-гуманитарных и общественных наук в нашей стране.

Под серьезной угрозой оказалась и отечественная культура, на которую деформирующее влияние оказали не только попытки деформации исторической памяти на уровне семьи и общества, но и проникновение западной массовой культуры практически во все сферы российского общества. Её продукция заполнила практически все культурное пространство в нашей стране, когда кинопрокат, телевидение, книжные прилавки

заполнили произведения западного производства, в то время как отечественная культура и искусство, как и образование и наука, долгое время финансировались из российского бюджета по остаточному принципу. И это обстоятельство не могло не оказать отрицательного влияния на отечественную культуру, оказавшуюся в состоянии глубокого кризиса, который по степени своего разрушительного воздействия массовое и индивидуальное сознание наших соотечественников может сравниться с десятилетиями политики революционных марксистов по реформированию исторической памяти и культурного кода советских людей в контексте формирования коллективной личности советского человека в процессе построения коммунизма в СССР, но только по западным либеральным стандартам, ориентированным на стирание из массового и индивидуального сознания наших соотечественников исторической памяти о великом прошлом нашей страны и ее великом прошлом, о российской цивилизации, на протяжении сотен лет подпитывавшей европейскую цивилизацию(и не только), если бы в нашей стране не произошла в начале третьего тысячелетия смена политического руководства, поставившего приоритет государственных интересов в качестве стратегического курса, направленного на возрождение российской государственности и былого величия нашей страны, как во внутренней, так и во внешней политике, что встречает крайне агрессивное сопротивление со стороны, так называемого, коллективного Запада, в частности, пытающегося с помощью незаконных санкций разрушить экономику нашей страны, а через НКО и различные фонды в поддержку де-

Литература:

1. *Касьянов В.В.* Крым и Россия: единство и борьба противоположностей / В.В. Касьянов, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин // Национальное здоровье. 2018. № 3. С. 147–152.
2. Лишенцы. URL : history.wikireading.ru>207217
3. Почему в СССР лишенцы становились изгоями общества. URL : [https://www.factroom.ru/rossiya/sssr/yuridicheski-my \(20.11.2022\).](https://www.factroom.ru/rossiya/sssr/yuridicheski-my (20.11.2022).)
4. Программа КПСС. М. : Политиздат, 1961.
5. *Иванов С.В.* Гибель империи. Отечественная война 1918–1922 гг. Ч. IV. Интервенция. URL : [Downloads/gibel-imperii-otechestvennaya-voyna-19181922-gg-chast-iv-intervenciia-5f391288553f99670f2501c.htm \(16 августа 2020\).](http://Downloads/gibel-imperii-otechestvennaya-voyna-19181922-gg-chast-iv-intervenciia-5f391288553f99670f2501c.htm (16 августа 2020).)
6. История СССР : в 12 томах. Т. VII. Часть вторая. Советская страна в годы интервенции и гражданской войны. Глава десятая. Революционная война советского народа против российской и международной контрреволюции. М., 1967. С. 411–450.
7. Вся Европа воевала против СССР // Foto. URL : [history.livejournal.come \(22.06.2008\).](http://history.livejournal.come (22.06.2008).)

мократии в России спровоцировать в ней не только смену легитимной власти, но и инициировать в ней центробежные процессы, аналогичные тем, что привели к распаду СССР, спровоцировавшего вооруженный конфликт между Россией и Украиной. А для формирования на международном уровне негативного отношения к нашей стране западными элитами разжигаются русофобские настроения, в основе которых лежит искажение роли и места России в мировой истории, формирование общественного мнения в этих странах о наших соотечественниках как о невежественном и агрессивном народе, стремящемся военным путем не только вернуть себе территории, ранее входившие в состав СССР, но и разрушить мировую цивилизацию, используя для этих целей ядерное оружие

И, конечно, для противостояния всем этим угрозам необходима консолидация всего российского общества, объединенного идеями патриотизма, любви к своему отечеству, гордостью за ее богатую героическую историю, для чего всем нам необходимо не только сохранять, но и обогащать историческую память и культуру новыми достижениями.

Практически об этом писал великий русский философ И.А. Ильин – «...Из духа семьи и рода утверждается в человеке чувство собственного духовного достоинства, духовного характера и здоровой гражданственности. Напротив, презрение к прошлому, к своим предкам, следовательно, к истории своего народа порождает в человеке безродную, безотечественную, рабскую психологию. А это означает, что семья есть первооснова Родины [12, с. 218].

Literature:

1. *Kasyanov V.V.* Crimea and Russia: unity and struggle of opposites / V.V. Kasyanov, V.V. Kovalev, S.I. Samygin // National health. 2018. № 3. P. 147–152.
2. The deprived. URL : history.wikireading.ru>207217
3. Why in the USSR the deprived became outcasts of society. URL : [https://www.factroom.ru/rossiya/sssr/yuridicheski-my \(20.11.2022\).](https://www.factroom.ru/rossiya/sssr/yuridicheski-my (20.11.2022).)
4. The program of the CPSU. M. : Politizdat, 1961.
5. *Ivanov S.V.* The death of the Empire. The Patriotic War of 1918–1922 . Part IV. Intervention. URL : [Downloads/gibel-imperii-otechestvennaya-voyna-19181922-gg-chast-iv-intervenciia-5f391288553f99670f2501c.htm \(August 16, 2020\).](http://Downloads/gibel-imperii-otechestvennaya-voyna-19181922-gg-chast-iv-intervenciia-5f391288553f99670f2501c.htm (August 16, 2020).)
6. History of the USSR : in 12 vol. Vol. VII. Part two. The Soviet country during the years of intervention and civil war. Chapter ten. The Revolutionary War of the Soviet People against the Russian and international counterrevolution. M., 1967. P. 411–450.
7. All of Europe fought against the USSR // Foto. URL : history.livejournal.come.22.06.2008

8. *Халдей Е.* Кто и почему воевал против СССР вместе с Гитлером. URL : MAMM/МДФ/russiannphoto.ru. Getty images; Russia beyond (27 марта 2022).

9. *Попов М.Ю.* Великая Отечественная война: в поисках исторической правды / М.Ю. Попов, Е.А. Шелкова // (XXXVIII Адлеровские чтения) Материалы Всероссийской научно-практической конференции на тему «Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 85-летию Краснодарского края». 4–8 ноября 2022. г. Адлер.

10. История России с древнейших времен до наших дней / Под. ред. А.Н. Сахарова. М., 2020. 1744 с.; С. 1495–1531.

11. Что такое фонд Сороса, и чем занимается эта организация? URL : aif.ru> dontknows/file/cho_takoe_fond_sorosa...team

12. *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии о семье. М. : АСТ, 2003.

8. *Khaldei E.* Who and why fought against the USSR together with Hitler. URL : MAMM/MDF/russiannphoto.ru; Getty images; Russia beyond (27 March 2022).

9. *Popov M.Yu.* The Great Patriotic War: in Search of Historical Truth / M.Yu. Popov, E.A. Shelkova // (XXXVIII Adler Readings) Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference on the Topic «Problems of National Security of Russia: Lessons of History and Challenges of Modernity. To the 85th anniversary of the Krasnodar Territory». November 4–8, 2022. Adler.

10. History of Russia from ancient times to the present day / Under. ed. A.N. Sakharova. M., 2020. 1744 p.; P. 1495–1531.

11. What is the Soros Foundation, and what does this organization do? URL : aif.ru>dontknows/file/cho_takoe_fond_sorosa... team

12. *Ilyin I.A.* Religious meaning of philosophy about the family. M. : AST, 2003.

Разаков Руслан Чупан-Магомедович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных
и естественно-научных дисциплин,
филиал Дагестанского государственного
университета, г. Хасавюрт
ruslan1968_68@mail.ru

Акаева Айханум Аликовна
преподаватель
кафедры юридических дисциплин,
филиал Дагестанского государственного
университета, г. Хасавюрт
xacdgu@mail.ru

Саидбегова Патимат Ибрагимсултановна
преподаватель
кафедры юридических дисциплин,
филиал Дагестанского государственного
университета, г. Хасавюрт
xacdgu@mail.ru

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ДУХОВЕНСТВО В БОРЬБЕ ЗА ВЛИЯНИЕ В ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1920–1930 ГОДЫ

■ ■ ■
Аннотация. Установление Советской власти в Дагестане сопровождалось постепенным вовлечением Дагестана в общероссийские процессы. Но очень скоро в виду того, что исламская культура входила в противоречие с задачами Культурной революции, взаимоотношения между властью и духовенством обострились. В статье освещаются вопросы, связанные с деятельностью советских органов власти и Дагестанского Совета Воинствующих Безбожников в борьбе с духовенством при осуществлении работы по реализации задач Культурной революции в Дагестане на заре становления Советского государства.

Ключевые слова: Дагестан, 1920–1930 годы, Советская власть, Духовенство, Культурная революция, Дагестанский Совет Воинствующих Безбожников.

■ ■ ■
После объявления автономии Дагестана в составе Советской России, пропагандируя власть бедных слоев населения, большевики хоть и не стали желанными для всех горцев, но, по крайней мере, мероприятия, проводимые большевиками, принимались первоначально не столь враждебно.

Установление Советской власти в Дагестане сопровождалось постепенным вовлечением Дагестана в общероссийские процессы. Но очень скоро в виду того, что исламская культура вхо-

Ruslan Chupan-M. Razakov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Humanities and Natural Sciences,
branch of Dagestan State University,
Khasavyurt
ruslan1968_68@mail.ru

Ayhanum A. Akayeva
Lecturer of the Department
of Legal Disciplines,
branch of Dagestan State University,
Khasavyurt
xacdgu@mail.ru

Patimat I. Saidbegova
Lecturer of the Department
of Legal Disciplines,
branch of Dagestan State University,
Khasavyurt
xacdgu@mail.ru

THE SOVIET GOVERNMENT AND THE CLERGY IN THE STRUGGLE FOR INFLUENCE IN DAGESTAN SOCIETY 1920–1930

■ ■ ■
Annotation. The establishment of Soviet power in Dagestan was accompanied by the gradual involvement of Dagestan in the all-Russian processes. But very soon, in view of the fact that Islamic culture was at odds with the objectives of the Cultural Revolution, the relationship between the authorities and the clergy became strained. The article highlights issues related to the activities of the Soviet authorities and the Dagestan Council of Militant Atheists in the fight against the clergy in the implementation of the tasks of the Cultural Revolution in Dagestan at the dawn of the formation of the Soviet state.

Keywords: Dagestan, 1920–1930, Soviet government, Clergy, Cultural Revolution, Dagestan Council of Militant Atheists.

■ ■ ■
дила в противоречие с задачами Культурной революции, взаимоотношения между властью и духовенством обострились, особенно, после принятия большевиками решения об отделении церкви от государства и школы от церкви. В тоже время, необходимо сказать, что, учитывая обстоятельства, при которых Дагестан входил в состав Советской России, когда центральные власти обещали не вмешиваться во внутренние дела Дагестана, первые шаги большевиков в регионе были очень осторожными. Но годы шли

и, по мере укрепления своей власти, большевики действовали более решительно.

Общеизвестно, что с момента создания Советского государства большевики не скрывали своих намерений и отношения религии и сам факт, что они считали религию опиумом для народа, говорит сам за себя. Поэтому одной из сложных задач для новых властей в Дагестане было преодоление тяжелого наследия, приверженности большинства населения мусульманскому вероучению и значительных успехов в области духовного образования.

Накануне Февральской революции в Дагестанской области имелось 1700 мечетей, более 740 мусульманских и 20 горско-еврейских религиозных школ, охватывавших 7,5 тысячи учащихся. Дагестан не без основания считался поставщиком кадров духовенства для всего восточного Кавказа [2].

Не случайно, В.И Ленин во время приема дагестанской делегаций 12 февраля 1921 года задал вопрос: А кого же у вас больше – мулл или коммунистов. На этот вопрос Дж. Коркмасов ответил: «Пока, конечно, мулл больше и они лучше организованы» [3]. В связи с этим, советской власти в Дагестане предстояло вести антирелигиозную пропаганду и агитацию с целью постепенной ликвидации медресе, религиозных школ при мечетях, открывать советские школы, подготовить новые педагогические кадры для новых школ, издавать учебники и учебные пособия и др. В этой связи, неудивительно, что власть с присущей ей энтузиазмом начала проводить антирелигиозную борьбу, что явно противоречило с тем, что говорил Владимир Ленин в своем обращении «К трудящимся и мусульманам России и Востока»: «Мусульмане могут исповедовать свою религию и следовать своим обычаям свободно, и никто не посягнется на их традиции». Со временем стало очевидно, что подобные слова были сказаны исходя из сложившейся ситуации, когда большевикам нужна была поддержка широких масс населения, в том числе и мусульманского.

Особое внимание большевики, как известно, уделяли вопросам образования, поэтому неслучайно еще в декабре 1919 года Совнарком издал декрет: «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР». В декрете, в частности, говорилось: «В целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны, Совет Народных Комиссаров постановил: все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или на русском языке по желанию».

Решающим событием, в наступлении на религиозные традиции, как в России, так и в Дагестане стало создание в СССР Союза Воинствующих Безбожников. В мае 1927 года был созван съезд вседагестанского отделения Союза воинствующих безбожников, где были определены меры по борьбе с религией. На съезде также были из-

браны члены дагестанского отделения. Председателем дагестанского отделения был избран Ибрагим Алиев.

Согласно Уставу Союза безбожников, ее членами могли стать лица, достигшие 18 лет, причём, они должны были оплатить вступительный взнос из заработка, который варьировался от 2 рублей до 5 коп. Главной целью Союза воинствующих безбожников сводилась к привлечению специалистов, которые должны были оказывать содействие по проведению работы по подготовке идеологических работников.

Для усиления своей работы Союз воинствующих безбожников стал выпускать газету "Безбожник". Особенно активно антирелигиозная работа в Дагестане начала проводится после того, как была проведена специальная операция по изъятию оружия у населения.

На ситуацию в антирелигиозной борьбе большое влияние оказала принятая на съезде 1929 года резолюция «Об антирелигиозной борьбе на Востоке», согласно которой, полагалось перейти в наступление на религию. В первую очередь, был поднят вопрос о закрытии культовых зданий, о переносе антирелигиозной борьбы с города в деревню и так далее.

На съезде также было указано, что в национальных республиках недостаточно проводится работа по антирелигиозной борьбе. Как следствие между Дагестаном и Татарстаном был заключён договор о проведении социалистического соревнования по антирелигиозной борьбе. В связи с чем, в рамках активизации антирелигиозной борьбы, социалистические соревнования проводились по вовлечению новых членов в Союз между районами Дагестана.

Основное внимание в борьбе уделялось чтению антирелигиозных лекций посвященных таким темам как: кому нужна вера в Бога, как появился Ислам и так далее. В частности, в городе Махачкале весной 1929 года работающими оставались только собор Александра Невского и мечеть на улице Оскара. Примечательно, что помещение бывшей Армянской церкви в городе Буйнакске оказалось в распоряжении Союза воинствующих безбожников, а церковь города Кизляра была приспособлена под тракторные мастерские, при этом имущество религиозных учреждений передавалось советским учреждениям. Активная работа дагестанского отделения привело к тому, что уже в мае 1929 года Союз воинствующих безбожников в Дагестане достиг численности в 10.000 чел. После созыва съезда Союза воинствующих безбожников в 1929 году дагестанское отделение получило в свое распоряжение отдельное здание.

Лозунгом антирелигиозного движения стал призыв: «Борьба с религией – есть борьба за социализм».

Повсеместно, с присущим советскому времени энтузиазмом, велась работа по вовлечению трудящихся в антирелигиозную борьбу.

В отдельных районах, командироваемым в аулы бригадам, устанавливали контрольные цифры вовлечения в ряды безбожников.

В республике были случаи, когда некоторые уполномоченные, направляемые в аулы для ведения антирелигиозной пропаганды, вызывали 70-летних стариков и навязывали им членские билеты «Союза Воинствующих Безбожников», угрожая, что отказавшиеся будут лишены права голоса.

Как строилась работа по вовлечению дагестанцев в антирелигиозную борьбу, можно понять из отрывка в газете «Красный Дагестан» от 10 и 12 марта 1929 г, где сообщалось: «В Гунибе на собрании было принято решение немедленно организовать ячейку безбожников. На собрании в ряды Союза Безбожников вступили свыше 50 товарищей. Организована тройка для вербовки и создания ячейки безбожников и распространения антирелигиозной работы по аулу» [3].

В середине 1930 года дагестанское отделение насчитывало уже около 30000 человек и, главным образом, это были представители молодого поколения в возрасте от 18 до 40 лет. Чуть позже, Дагестанское отделение Союза воинствующих безбожников насчитывало более 40 тысяч человек [5].

Особое отношение отводилось работе среди женщин-горянок – вовлечение в активное участие в соцстроительстве считалось боевой задачей всех организаций Дагестана [7].

Основным содержанием всей агитационной кампании было разоблачение классово-религиозных организаций и самого праздника иудейской и православной Пасхи, и увязка агит-массовой работы с популяризацией решений VI Всесоюзного Съезда Советов декабрьского пленума и ДК ВКЛ/б [4].

Компания проводилась организациями СВБ под руководством партии и при активном участии советских, профессиональных, кооперативных, комсомольских, организаций [6].

В ознаменование десятилетия Автономной Дагестанской Социалистической Республики Дагестанский Союз Воинствующих Безбожников предлагал проделать следующие мероприятия:

Литература:

1. *Разаков Р.Ч-М.* К вопросу о формировании светского образования в Дагестане. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1. С. 21.
2. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941. Сб. документов. Махачкала, 1980. Т. 1. С. 123.
4. ЦГА РД. Ф. I -п. Оп. 1. Д. 1563. Л. 1.
5. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941. Сб. документов. Махачкала, 1980. Т. 1. С. 128.

1. Открыть 22-го января с.г. Дагестанский антирелигиозный музей, присвоив ему имя «Десятилетия Автономного Советского Дагестана».

2. Ассигновать 1.000 рублей на приобретение трактора имени «Десятилетия Автономии Дагестанской Республики» на средства, собранные на постройку трактора, и объявить сбор по Дагестану на постройку тракторов имени «Десятилетия Автономии Дагестана», имени «Дагестанский Безбожник» [3].

Большую опасность власти видели в активизации духовенства в период месяца «Рамадан», когда проводилась активная работа по вовлечению населения к соблюдению религиозных обязанностей. В период месяца «Рамадан» духовенство агитировало население не только соблюдать свои обязанности, но и выступать против властей, призывая население не верить коммунистам и вести против них борьбу: « Во имя ислама и религии». В частности, кадий в селе Тлярата агитировал прихожан не вступать в колхозы, не отпускать детей в советскую школу [1].

Жёсткие меры властей по отношению к религиозным деятелям вынудили последних отказываться от выполнения своих религиозных обязанностей в качестве мулл, кадиев и др. Так, в 1933 году из-за боязни быть репрессированным, из 636 кадиев 552 отказались от ведения дел на основе шариата. Также, от своих обязанностей отказался 941 мулла из 1469 [1].

Антирелигиозная борьба особенно усилилась в конце тридцатых годов, когда руководители районов инициировали погоню за тем, кто закроет большие мечети. Как результат активной работы Дагестанского Совета Воинствующих Безбожников, советских и партийных органов в ходе антирелигиозных мероприятий, к 1937 году в Дагестане было закрыто 915 мечетей, 10 церквей и 6 синагог, здания которых, преимущественно, использовались не по назначению или разрушались. Было конфисковано около 165 тысяч мечетских ковров и паласов, подвергнуто уничтожению 670 мечетских библиотек.

Духовенство оказалось на грани уничтожения, большая часть из которых была вынуждена скрываться от преследований властей.

Literature:

1. *Razakov R.Ch-M.* On the formation of secular education in Dagestan. The Caspian region: politics, economy, culture. 2017. № 1. P. 21.
2. Cultural construction in the Dagestan ASSR. 1918–1941. Collection of documents. Makhachkala, 1980. Vol. 1. P. 123.
4. TSGA RD. F. I -P. Op. 1. D. 1563. L.1.
5. Cultural construction in the Dagestan ASSR. 1918–1941. Collection of documents. Makhachkala, 1980. Vol. 1. P. 128.

6. ЦГА РД. Ф. I -п. Оп. 1. Д. 1563. Л. 52.

7. *Омарова М.М.* Проблемы сосуществования религиозного и светского образования в истории советского Дагестана / М.М. Омарова // Тезисы докладов научной сессии «Историческая наука Дагестана : сегодня и завтра». Махачкала, 2003. С. 154.

8. ЦГА РД. Ф. I -п. Оп. 1. Д. 1563. Л. 45.

9. Культурное строительство в Дагестанской АССР.1918–1941. Сб. документов. Махачкала, 1980. Т. 1. С. 130.

10. *Какагасанов Г.И.* Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20–50-е годы XX века (историко-документальное исследование). Махачкала : ИП Овчинников (АЛЕФ), 2010. С. 167.

11. *Какагасанов Г.И.* Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20–50-е годы XX века (историко-документальное исследование). Махачкала : ИП Овчинников (АЛЕФ), 2010. С. 167.

6. TSGA RD.F. I -P. Op.1.D.1563. L.52.

7. *Omarova M.M.* Problems of coexistence of religious and secular education in the history of Soviet Dagestan / M.M. Omarova // Abstracts of the scientific session «Historical science of Dagestan : today and tomorrow». Makhachkala, 2003. P. 154.

8. TSGA RD. F. I -P. Op. 1. D. 1563. L. 45.

9. Cultural construction in the Dagestan ASSR. 1918–1941. Collection of documents. Makhachkala, 1980. Vol. 1. P. 130.

10. *Kakagasanov G.I.* Social contradictions in Dagestan society in the 20–50s of the XX century (historical and mental research). Makhachkala : IP Ovchinnikov (ALEF), 2010. P. 167.

11. *Kakagasanov G.I.* Social contradictions in Dagestan society in the 20–50s of the XX century (historical and mental research). Makhachkala : IP Ovchinnikov (ALEF), 2010. P. 167.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ван Вэньфэй
бакалавр,
факультет искусств,
колледж Чанчжи
873144012@qq.com

КИТАЙ В РАБОТАХ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

Аннотация. Пейзаж был вторым по популярности у русских эмигрантов в Китае жанром, представленным пленэрной живописью, обогащенной декоративной яркостью природно-культурной среды Китая. Море, горы и китайская архитектура стали любимыми мотивами в картинах русских художников. Художники пытались воспроизвести «божественные краски Китая». Цвет ее акварелей особенный: ярко-желтый в сочетании с живыми, глубокими синими, фиолетовыми тонами. Казалось бы, что этих цветов не существует в природе, однако, атмосфера Китая полна ими и чуткий глаз и интуиция художника могли их уловить.

Ключевые слова: Китай, русские художники, живопись, произведения искусства, китайско-русские отношения.

В настоящее время существует две большие державы в районе Евразии: Китай и Россия. У этих двух стран исторически сложились дружеские отношения и разные виды взаимовыгодного сотрудничества. На первый взгляд кажется, что между этими двумя народами не так много общего, но при более глубоком рассмотрении можно заметить удивительно много сходства в различных сферах, начиная от исторической эволюции и заканчивая областью искусства.

Во-первых, Китай и Россия имеют общие фольклорные черты, осмысленные одними и теми же основными подходами в понимании Вселенной. Кроме того, обе страны были частично изолированы от европейского влияния. И последнее, но не менее важное: обе страны имели общие исторические периоды, такие как монгольский период, имперский период, коммунистический период. Трудно понять механизм, создающий историю каждого народа, потому что слишком много разных аспектов. Но если сравнить сходства и различия двух культур в одной конкретной сфере, которой является искусство, то становится очевидным механизм, который имел место в созидательной эволюции нации.

Еще в первые дни существования Китайской Народной Республики, в Советском Союзе учились лучшие и яркие художники Китая. Отсюда, можно заметить влияние русской масляной живописи на китайскую масляную живопись.

Wang Wenfei
Bachelor,
Faculty of Arts,
Changzhi College
873144012@qq.com

CHINA IN THE WORKS OF RUSSIAN ARTISTS

Annotation. Landscape was the second most popular genre among Russian emigrants in China, represented by plein air painting, enriched by the decorative brightness of the natural and cultural environment of China. The sea, mountains and Chinese architecture have become favorite motifs in the paintings of Russian artists. The artists tried to reproduce the «divine colors of China». The color of her watercolors is special: bright yellow combined with vibrant, deep blue, purple tones. It would seem that these colors do not exist in nature, but the atmosphere of China is full of them and the sensitive eye and intuition of the artist could catch them.

Keywords: China, Russian artists, painting, works of art, Sino-Russian relations.

Советская система художественного образования была перенесена в Китай после 1949 года, набирая силу в 1950-х и 1960-х годах. В то же время, много талантливых китайских студентов было отправлено в Россию для дальнейшего обучения. Русский реализм был одним из официально одобренных форм искусства Китая.

Русский исследователь культуры Китая В.М. Алексеев (1880–1951 гг.) собрал и привез в Россию почти четыре тысячи коллекций лубка, известного как «няньхуа». В большей степени, это искусство оценили такие русские художники, как М.Д. Виноградов, М.Ф. Ларионов, И.И. Машков, В.И. Шухаев, А.Е. Яковлев.

В 1920–1930 годах русский художник-эмигрант в Китае А.И. Сунгуров, занимался собиранием и изучением китайских национальных картин. В свою очередь, В. Кузнецова активно занималась китайским лубком во второй половине 1930-х гг. Важнейший момент для нее наступил с изданием книги «Бриллиантовый юбилей международного урегулирования Шанхая» для европейской аудитории. В. Кузнецова предложила свою стилизацию китайской национальной картины. Специально для книги она выполнила на бумаге 13 работ, основные из них: «Сын неба», «Сцена при императорском дворе», «Аудиенция», «Конфуций и его ученики», «Китайские актеры». Объясняя свой метод, художница всегда говорила, что это не копии, а произведения «по китайскому

лубочному принту» и являются вольной интерпретацией.

Стилистика работ В. Кузнецовой соединила в себе элементы китайской графической культуры и европейского модерна начала XX века, который, в свою очередь, родился под влиянием восточного искусства. Она сказала: «Вообще Восток очень декоративный, интересный. Я столько повидала в Китае, что, впоследствии, природа была совершенно не нужна мне для создания собственных произведений искусства. А когда меня спросили: «Верочка, ты нам будешь делать сцены в восточном стиле?» – Я всегда рисовал по памяти очень быстро и точно» [1].

В Китае художники должны были присоединиться к арт-рынку. Они работали в различных строительных фирмах, издательствах, театрах, рекламных компаниях, а также – писали портреты. Их клиентами были англичане, американцы, богатые китайцы и русские. Эта клиентура не разбиралась в искусстве, а просто следовала культурным нормам того времени, когда считалось хорошим тоном, чтобы портрет был написан художником [2].

Реалистичная манера удовлетворяла вкусы заказчиков, которые больше всего хотели «подобия», что считалось в их глазах одним из критериев художественного мастерства. Портрет леди Борхарт (1930), жены шанхайского коммерсанта, кисти М. Кичигина может быть примером такой работы. Светская жизнь Шанхая мало чем отличалась от европейских городов, уступая лишь Парижу или Лондону. На территории Интернациональной слободы и Французской концессии действовали многочисленные известные магазины, элитные клубы с регулярными представлениями, концертами, балами и вечеринками. Жизнь была приятной, комфортной и с меньшими затратами, чем в Европе или США. М. Кичигин был мастером пастели, прекрасно подходящей для женских салонных портретов, требовавших красоты и лести. Такие портреты всегда дарили владельцам. Некоторые из них сохранились, благодаря фотографиям. Так случилось и с портретом Ю.М. Янковский [3].

Юрий Михайлович Янковский (1879–1956 гг.) был известным человеком в Китае. Потомственный помещик, промышленник и бесстрашный охотник на тигров, он потерял все свое имущество в период Октябрьской революции и Гражданской войны в России. После этого он эмигрировал в Корею, где ему удалось воссоздать охотничье и торговое хозяйство вблизи города Сейсин. Здесь Ю. Янковский построил хутор, получивший название «Новина», и дачный поселок для отдыха. Летом на «курорте Янковского» отдыхали жители и туристы из Харбина, Сеула, Тяньцзина и Шанхая. Среди них было много русских эмигрантов [4].

Литература:

1. *Васильев А.* Успехи русского художника / А. Васильев // Рубеж. 2019. С. 5.

Во время своего первого визита в Новину в 1932 г. М. Китчигин написал портрет Ю. Янковского. По замыслу, этот рисунок прост и ясен: лицо с мелкими чертами, сильный подбородок, прямой цепкий взгляд, усы, широкие плечи, крепкая шея и грудь. Образы, созданные художником, более точно отражают характер человека, чем его фотографии.

Художник А.А. Ярон был интересным представителем «молодого» поколения русских эмигрантов в Китае. Его наследие хранится в США. А. Ярон много времени уделял коммерческой сфере. Примером тому была реклама шанхайской угольной компании Dongtrieu Anthracite Coal (конец 1930-х гг.). Рекламная методика использования изображений разного масштаба в сочетании с реалистическим стилем напоминает «Большевика» русского художника Б.М. Кустодиева (1920 г.) и популярного фильма «Кинг-Конг» (1933 г.). Огромная фигура рабочего над панорамой Шанхая создает ужасающий образ городской индустриализации. На самом деле, все работы Алекса Ярона выполнены профессионально. Его ориентация на коммерческий рынок определила стиль его творчества. Художник получил образование в Шанхае в условиях жесткой конкуренции и борьбы за выживание.

Благодаря общей советской системе обучения и перекрестному взаимодействию между китайскими художниками, прошедшими обучение в России, и русскими художниками, которые проводили время, преподавая в Китае, одна и та же живописная грамматика и тематические проблемы объединяют произведения искусства, сделанные на разных континентах в разные десятилетия [5].

Можно сказать, что хотя социальные условия в России и Китае XIX века были схожими, у этих народов сложились очень разные представления о «счастье». Анализируя произведения школы Хайшань, заметно, что их художественное исследование понятия «счастье» связывается с долголетием, богатством, здоровьем, карьерой и добродетелью. В произведениях передвижников школы понятие «счастье» иное: это обычная уютная семейная жизнь, не связанная ни с богатством, ни с карьерой. Представляется, что православное христианское учение повлияло на русский трансцендентальный образ «счастья» в живописи как духовного проводника к истине, добру и красоте. С другой стороны, китайское развитие идеи «счастья» находилось под сильным влиянием конфуцианства [6; 7]. Конфуцианство основано на благородном духе, стремящемся к умеренной светской материальной жизни в надежде найти равновесие и гармонию ее духовной и материальной сторон. Именно этим отличается стиль китайских и русских мастеров живописи.

Literature:

1. *Vasiliev A.* Successes of the Russian artist / A. Vasiliev // Frontier. 2019. P. 5.

2. *Резникова Н.* Выставка двух молодых художников в Шанхае / Н. Резникова // Рубеж. 2019. № 6. С. 12.

3. *Шмидт М.* Сокровища художественной старины в Харбине / М. Шмидт // Рубеж. 2020. № 43. С. 12–13.

4. *Яковлев В.А.* Китайская живопись сквозь века. М. : «Версус», 2021. С. 410.

5. *Романова Г.В.* Сравнительный анализ в искусствоведении. М. : «Арбат+», 2020. С. 1600.

6. *Ихсанов А.У.* Глобализация как инструмент сближения национальных культур: мифы и реальность / А.У. Ихсанов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12(163). С. 545–546.

7. *Бондаренко А.В.* Интуиция и искусство / А.В. Бондаренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-1. С. 37–39.

2. *Reznikova N.* Exhibition of two young artists in Shanghai / N. Reznikova // Frontier. 2019. № 6. P. 12.

3. *Schmidt M.* Treasures of artistic antiquity in Harbin / M. Schmidt // Frontier. 2020. № 43. P. 12–13.

4. *Yakovlev V.A.* Chinese painting through the ages. M. : «Versus», 2021. P. 410.

5. *Romanova G.V.* Comparative analysis in art history. M. : «Arbat+», 2020. P. 1600.

6. *Ihsanov A.U.* Globalization as an instrument of rapprochement of national cultures: myths and reality / A.U. Ihsanov // Eurasian Legal Journal. 2021. № 12(163). P. 545–546.

7. *Bondarenko A.V.* Intuition and art / A.V. Bondarenko // Humanities, socio-economic and social sciences. 2014. № 12-1. P. 37–39.

Корсакова Лидия Викторовна
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории,
философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет
likors@rambler.ru

Оплетаева Олеся Николаевна
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории,
философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет
opleole@gmail.com

СЕМИОТИКА СНА И СНОВИДЕНИЙ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

■ ■ ■

Аннотация. При исследовании процессов глобализации имеет заметное значение их семиотический аспект. Языковая природа событий и процессов культурной трансформации весьма разнообразна, хотя в современном мире в ней доминирует медиа дискурс. Данная статья посвящена обзору философских концепций, рассматривающих сновидение как знаковую систему единства обозначающего и обозначаемого. Были привлечены для анализа философские интерпретации широкого ряда: от древних мифологических и философских до современных, научных концепций и теорий. Авторы приходят к выводу, что подходы к проблеме интерпретации сновидений постепенно смещаются в семиотическую парадигму, а затем и в область создания компьютерных алгоритмов расшифровывания «языка сновидений». Элементом новизны обладают установленные в данной статье связи между древней религиозно-мифологической трактовкой сна и сновидения, через раннюю философскую практику античности, с современным психоаналитическим и структуралистским подходами.

Ключевые слова: сон, сновидение, познание, понятие, образ, символ, знак, означаемое, означающее, бессознательное, архетип.

■ ■ ■

С самого начала обратим внимание на необходимость различать физиологический процесс сна, с одной стороны, и сновидения, с другой стороны. Первый аспект рассматриваемого явления всегда привлекал гораздо больше заинтересованного внимания как у наших предков, образно-метафорически интерпретировавших его, так и у современных философов и учёных. Доминирующей была интерпретация сна по принципу бинаризма [1]: в ряду с отсутствием, неподлинным бытием и смертью сон противопо-

Lidia V. Korsakova
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of History,
Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
likors@rambler.ru

Olesya N. Opleteva
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of History,
Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
opleole@gmail.com

SEMIOTICS OF SLEEP AND DREAMS: A HISTORY OF THE QUESTION

■ ■ ■

Annotation. The semiotic aspect is of significant importance in the study of globalization processes. The linguistic nature of events and processes of cultural transformation is very diverse, although in the modern world it is dominated by media discourse. This article is devoted to the review of philosophical concepts that consider the dream as a symbolic system of unity of the signifier and the signified. Philosophical interpretations of a wide range were involved for analysis: from ancient mythological and philosophical to modern, scientific concepts and theories. The authors come to the conclusion that approaches to the problem of dream interpretation are gradually shifting into the semiotic paradigm. Then they continue in the field of creating computer algorithms for deciphering the «language of dreams». The links established in this article between the ancient religious and mythological interpretation of sleep and dreaming, through the early philosophical practice of antiquity, with modern psychoanalytic and structuralist approaches, have an element of novelty.

Keywords: sleep, dream, cognition, concept, image, symbol, sign, signified, signifier, unconscious, archetype.

■ ■ ■

ставляется присутствию (Dasein), подлинному бытию, жизни. А вот, собственно сновидения, их смысловой символизм особенным образом изучались в рамках мистических учений, своеобразно переплавлявшихся в народных сонниках. Только в начале XX века в рамках психоанализа состоялась полноценная практика упорядочения методов интерпретации сновидений, хотя и ограниченная. Рассмотрим заметные в истории культуры и философии теории и высказывания относительно сновидения.

Развитие взглядов на сновидения сравнимо с тем, как человек, двигаясь сквозь века, всё больше осознаёт себя в качестве личности – неповторимой и индивидуальной. Наши далёкие предки считали сон связующей нитью между миром людей и потусторонним миром: душа, покидая тело, могла общаться с душами уже умерших, а также – с представителями высших сил. В первобытные времена, когда люди жили в племенах, за толкованием снов обращались к духовному наставнику – шаману, который, зачастую, объяснял сны происками злых духов. Сновидения почитались многими древними цивилизациями. Поэтому во многих из них сложились особые приёмы обращения к источнику сновидений. К их числу можно отнести путешествия по священным местам, своеобразные обряды очищения, вызов духов и даже жертвоприношения. В Древнем Египте (4000–2000 годы до н.э.), например, распространялась практика «вынашивания» сновидений. В разных областях страны строились храмы – серапимы, названные так в честь древнеегипетского бога сновидений – Сераписа. В таких храмах жрецы истолковывали сны и делали предсказания по ним. Особое внимание уделялось снам фараонов, считавшиеся волеизъявлением богов. В мифологии стран Востока, таких как Китай и Япония, есть особенное существо – Баку. Это животное-дух описывается как тапир, формой похожий на свинью с длинным носом. Согласно японской легенде, Баку является доброжелательным духом, который поедает плохие сны и кошмары, защищая людей от них. К XVII веку представление о Баку изменилось – теперь он обладал физической формой химеры – у него были ноги тигра, голова слона и пронзительные глаза носорога. Его название сменилось на Мо, а также возникло поверье о том, что необходимо нарисовать эскиз этого зверя перед сном, чтобы защититься от кошмаров.

В Древней Греции сны уже не воспринимались чем-то зловещим, однако всё ещё были связаны с миром мёртвых. Состояние сна воспринималось как пограничное между жизнью и смертью и этому люди Древней Греции давали своё объяснение. Дело в том, что Гипнос – бог сна, был братом близнецом Танатоса – бога смерти. Неудивительно, что данный факт вызывал весьма тревожное отношение к сновидениям. Однако находились и те, кто видел во снах предзнаменования, не отделял их от оракулов. Эта ветка размышлений привела к возникновению религиозных обрядов, связанных со сном: люди проводили целые ночи в храмах, предполагая вблизи богов род пророческого видения. Для благоприятных снов утверждались празднества, а для страшных – были введены очищения. Подтверждение этому мы можем найти в работах Гомера. Так, бог Гермес, сопровождающий души умерших в подземное царство, называется в его работе «наводящим на бодрых сон» [2, с. 84]. Также смерть в его произведении часто именуется какой-либо разновидностью сна: «сон долгий», «сон медный» [3].

Размышляя над природой сна, греческий философ Платон сделал вывод о том, что сон – есть результат противоборства трёх частей челове-

ческой души: разумной, яростной и вожделеющей. Человек видит беспокойные сны в том случае, если в этой борьбе побеждает вожделеющая и яростное начала.

Существенным вкладом в развитие представлений о сновидениях стал пятитомный труд Артемидора Далдианского об искусстве толкования сновидений – «Онейрокритика». Одним из первых он заговорил о важности знания личности сновидца и его эмоционального состояния во время сна для правильного толкования: «И видевшему сон и толкующему было бы полезно, и не только полезно, но необходимо, чтобы снотолкователь знал, кто таков сновидец, чем он занимается, как родился, чем владеет, каков здоровьем и сколько ему лет» [4]. Как мы видим, работа со смысловой составляющей сновидения носила самый общий, расплывчатый характер, преобладало же опасливое отношение ко сну как «маленькой смерти».

Только в XX веке, в контексте общей теории психоанализа, Зигмунд Фрейд формулирует основное положение теории сновидений: «Сновидение в психологическом анализе служит первым звеном в ряду психических феноменов, из которых дальнейшие – истерические фобии, навязчивые мысли и бредовые идеи должны интересоваться врача по практическим соображениям» [5, с. 9]. Начинает ученый с анализа собранных значимых теорий, объясняющих возникновение сновидений. Благодаря этому анализу мы можем выделить несколько базовых положений, которых придерживается автор:

1. Сновидение является психическим явлением, которое вполне можно объяснить.
2. Сновидения состоят из наших неосознанных и осознанных желаний. Они выявляют наши скрытые, истинные желания, в которых человек часто сам себе не способен признаться.
3. Сновидения забываются в большинстве случаев, «потому что они чересчур слабы».
4. На сновидения оказывают влияния как внешние, так и внутренние факторы. Поэтому толкование снов может способствовать выявлению скрытых и только развивающихся болезней.
5. Сновидение использует язык образов, а не слов и понятий [5, с. 14–90].

Для европейской литературно-философской традиции вполне привычны рассуждения о специфике понятийного мышления по отношению к образному. Наиболее артикулированной является позиция, что «эпистемологический потенциал образно-символических ресурсов языка как раз связывается с принципиальной открытостью, незавершенностью процесса познания», либо, что в данном контексте означает то же, – порождением неограниченного количества смыслов [6, с. 57].

Согласно З. Фрейду, все психические процессы человека подчиняются принципу удовольствия. Таким образом, он считал, что сон – это отражение истинных желаний человека, которые по-

давляются цензурой сознания. Именно цензурирующая деятельность психики запускает механизм метафоризации, шифрования смыслов, питая наше мышление причудливыми означающими. Зашифрованные во сне мысли до момента их интерпретации не осознаются самим человеком, так как для него они неприемлемы. Приведём пример. Зигмунд Фрейд в своей книге описывает сновидение женщины. Ей снилось, что в её дом на ужин собирались прийти гости, но на кухне не оказалось никаких продуктов, чтобы ужин приготовить. На первый взгляд мы не можем определить, какое желание скрывается за подобным сюжетом сна: казалось бы, желание накормить гостей ужином не выполняется. Однако после глубокого анализа открываются некоторые другие аспекты толкования. На самом деле, в числе гостей оказалась подруга, которая мечтает набрать вес. Это стало важным фактом, потому что мужу сновидицы нравятся «полненькие» девушки. Тогда желание женщины, наоборот, выполняется: из-за своей неосознанной в реальном мире ревности она оставляет свою стройную подругу без ужина во сне, чтобы обезопасить собственные семейные отношения [5, с. 119–142].

Впервые явным образом заявлено о том, что сновидение представляет собой особый язык, использующийся для формулировки и передачи смысла. Информация, которую мозг получает, перерабатывается, концентрируется в виде различных образов, искажается и таким образом формирует символы. Во сне все пережитые эмоции оживают и предстают в виде тех самых неясных образов и символов. Получающиеся сновидческие образы Фрейд называет «сгущенными». Понять, что значит тот или иной образ, и как-то связать его с действительностью бывает очень сложно. Требуются немалая фантазия и воображение, чтобы интерпретировать тот или иной сон. Но всё же образы сновидения, по идее Фрейда, – это система означающих, которые связаны с означаемым не вполне произвольным образом, хотя и не настолько упорядоченным, чтобы можно было составить, например, толковый словарь языка сновидений.

Карл Густав Юнг, в целом, соглашался с мнением коллеги о том, что сновидения являются шифром, за которым скрываются некие запретные импульсы и желания. Однако алгоритм интерпретации сна как исполнения желания не устраивал его своей упрощенностью. Юнг видел роль сновидения в том, чтобы уравновесить и скорректировать наше сознание, восстановить психический баланс, что, в конечном итоге, приводит к целостности. Сон компенсирует те аспекты личности, которыми человек пренебрегает. Кроме того, Карл Юнг оспаривал утверждение о том, что сны лишь воспроизводят прожитый день, ведь они, на самом деле, редко повторяют какие-то события в точности. Они добавляют или вычитают что-то, скрашивают и округляют некоторые моменты. Юнг считал, что подобная трансформация носит компенсирующий характер. Таким образом, данная теория расширяет представления Фрейда об осуществлении желаний в сновидениях. Отличие этих двух кон-

цепций состоит в том, что юнгианское сновидение стремится к целостности через равновесие и гармонию, а фрейдистское опускается до удовлетворения скрытых желаний. Однако в контексте данного исследования больший интерес вызывает учение Юнга об архетипах. Можно сказать, что выделенные философом структурные элементы коллективного бессознательного, складываются в систему означаемых, смыслов. И у каждого из этих означаемых, есть более или менее, неизменный набор означающих [7, с. 336–474].

Дальнейшие поиски в этом направлении приводят нас к структуралистской программе «типологии дискурса», которая включает «описания инвариантных, статичных структур, с помощью которых создаются отдельные художественные произведения. Последние рассматриваются как частные случаи употребления этих атомарных структур» [8, с. 664]. Несомненно, что установка структурализма направлена не просто на отыскание механизма формирования образа, символа, а дальше – на создание методологии описания конечного числа элементов для порождения бесконечного количества смыслов с помощью художественного образа, или же, в нашем случае, - символов сновидений.

И хотя последующее развитие структурализма обнаружило все ограничения этой программы, как показано в цитируемом исследовании [8], современные учёные продолжили двигаться именно в направлении создания «языка сновидений». Например, окончательная система кодирования сновидений Холла Ван де Каस्ता состоит из 10 категорий (и их подкатегорий) элементов, появляющихся в сновидениях, вместе с подробными правилами распознавания и измерения этих элементов из письменных отчетов. В исследовании Алессандро Фолии, его коллега из Римского университета основная сложность подобного «исследования сновидений» связывается со сложностью кодирования в соответствии с этими шкалами и требует вмешательства человека. Благо, на обработку поистине бесконечного количества конфигураций «инвариантных структур», воспроизводимых в сновидениях им приходят компьютерные программы. «Компьютерная система, разработанная Фоли и его коллегами, предложение за предложением изучает описание снов и на основании выбора слов, грамматики и контекста обнаруживает, кто являются главными действующими лицами – мужчина или женщина, живые люди или привидения (фантастические существа)» [9]. Три категории выделяются как особо значимые. В их число входят Персонажи, Взаимодействия и Эмоции, несмотря на то, что интерпретация по этой системе получается точной, но далеко не быстрой. Она отнимает достаточное количество времени и сил, что заставило учёных искать способы сделать её более простой. Затем, они сравнили результаты, полученные с помощью алгоритма, с толкованиями психологов. Выводы совпадали на 75 %. Однако сами учёные заметили, что их система нуждается в доработке. В будущем они планируют устранить ограничения, связанные с определённой категорией людей, которые подходят для применения данного алгоритма.

Резюмируем сказанное. В философском исследовании сна выделяется два смысловых аспекта.

Первый, – сон как физиологический процесс, ассоциируемый с небытием.

Второй, – сон как сновидение, содержание сознания.

Долгое время, второй аспект реализовывался в границах первого и не имел самостоятельного значения. Психоанализ изменяет эту ситуацию: сновидение воспринимается как зашифрованное послание. Эта идея подхватывается и доводится до крайней степени в структуралистской программе описания инвариантных структур, с по-

мощью которых мыслится возможной генерация бесконечного количества смыслов.

Анализ актуальных научных исследований в области содержательного анализа сновидений показывает, что ограничения, с которыми столкнулись структуралисты – необходимость учитывать не только структуру, но и внешний контекст, – учёные пытаются преодолеть с помощью современных компьютерных технологий. То, что они, даже с помощью компьютерных технологий, не могут прийти к модели «языка сновидений» и по-прежнему «требуют вмешательства человека», оставляет нам надежду на то, что те проблемные ситуации, которые мы не в силах воспринять и разрешить на уровне сознания, найдут свою интерпретацию в бесконечном смысловом пространстве сновидения.

Литература:

1. Корсакова Л.В. Принцип бинаризма в построении философских концепций и научных теорий / Л.В. Корсакова, О.Н. Оплетаяева, А.А. Шаршак // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 131. С. 1271–1278.

2. Гомер Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. М. : Эксмо, 2018. 421 с.

3. Гомер Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. Издание подготовил А.И. Зайцев. СПб. : Наука, 2008. 560 с.

4. Артемидор Сонник: Oneirocritica // Вестник древней истории. 1989. № 4.

5. Зигмунд Фрейд. Толкование сновидений. Введение в психоанализ / Зигмунд Фрейд; Пер. с нем. Г. Барышниковой, Я. Когана. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 816 с.

6. Корсакова Л.В. Понятие и образ: эпистемологический потенциал философских и художественных текстов / Л.В. Корсакова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 53–58.

7. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник / К.Г. Юнг; Пер. с англ. СПб. : Университетская книга, 1997. 544 с.

8. Корсакова Л.В. Как философия стала «жанром литературы» / Л.В. Корсакова, О.Н. Оплетаяева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 126. С. 663–673.

9. Alessandro Fogli, Luca Maria Aiello, Daniele Quercia Our dreams, our selves: automatic analysis of dream reports // Royal Society Open Science. 7, 192080. URL : <https://royalsocietypublishing.org/doi/pdf/10.1098/rsos.192080> (дата обращения 18.01.2022).

10. Тужба Э.Н. Социология культуры. М. : Изд-во «РУСАЙНС», 2018. 202 с.

Literature:

1. Korsakova L.V. The principle of binarism in the construction of philosophical concepts and scientific theories / L.V. Korsakova, O.N. Opletaeva, A.A. Sharshak // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2017. № 131. P. 1271–1278.

2. Gomer Odiseya / Transl. V.A. Zhukovskogo. M. : Eksmo, 2018, 421 p.

3. Gomer Iliada / Transl. N.I. Gnedicha. Edition prepared A.I. Zajcev. SPb. : Nauka, 2008. 560 p.

4. Artemidor Sonnik: Oneirocritica // Herald of ancient history. 1989. № 4.

5. Sigmund Freud. Dream interpretation. Introduction to Psychoanalysis / Sigmund Freud; Translation from German by G. Baryshnikova, Y. Kogan. SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021, 816 s.

6. Korsakova L.V. Concept and image: epistemological potential of philosophical and artistic texts / L.V. Korsakov // Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2010. № 4. P. 53–58.

7. Yung K.G. Soznanie i bessoznatel'noe: Sbornik / K.G. Yung; Transl. from English. SPb. : Universitetskaya kniga, 1997. 544 p.

8. Korsakova L.V. Kak filosofiya stala «zhanrom literatury» / L.V. Korsakova, O.N. Opletaeva // Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2017. № 126. P. 663–673.

9. Alessandro Fogli, Luca Maria Aiello, Daniele Quercia Our dreams, our selves: automatic analysis of dream reports // Royal Society Open Science. 7, 192080. URL : <https://royalsocietypublishing.org/doi/pdf/10.1098/rsos.192080> (дата обращения 18.01.2022).

10. Tuzhba E.N. Sociology of culture. M. : Publishing house «RUSAINES», 2018. 202 p.

Ли Айянь
магистр,
факультет актерского искусства
и режиссуры,
Российский государственный институт
сценических искусств
1075784358@qq.com

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКО-КИТАЙСКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Аннотация. Большинство государственных театров КНР реализуют систему Станиславского. Система Станиславского процветала в Китае с 1950-х годов. Неудивительно, ведь, в это время в СССР Станиславского превозносили как «вершину соцреализма». В начале 1960-х годов пять из восьми томов полного собрания сочинений Станиславского были переведены на китайский язык, и во всех теоретических изданиях Китая его называли создателем реалистического искусства. В данной статье автор попытается дать краткий обзор нескольких фундаментальных проблем восприятия и интерпретации, с которыми сталкивается современный китайский театр, сосредоточив внимание на постановке русских пьес.

Ключевые слова: китайский театр, русские пьесы, система Станиславского, культура.

В 1950-х и 1970-х годах русский и советский литературный материал доминировал в переводах иностранной литературы в Китае. Большую роль в этом сыграла слава русской театральной традиции, поскольку культурная политика Китая того периода времени была во многом ориентирована на изучение и исследование советского искусства. Достаточно сказать, что и 160-летие со дня рождения Александра Пушкина, и столетие Антона Чехова праздновали в Китае довольно пышно.

В начале 1960-х годов пять из восьми томов полного собрания сочинений Станиславского были переведены на китайский язык. Следует иметь в виду, что как в 1930-е годы, когда Китай проявлял огромный интерес к советскому театру, так и в 1960-е годы все теоретические трактаты о сценическом искусстве, изданные на территории, которая теперь называлась Китайской Народной Республикой, раскрывали Станиславского как создателя реалистического театра, и это название прочно вошло в сознание китайских режиссеров и театральных педагогов.

Китайские актеры русской психологической драмы обязаны Станиславскому своим знанием того, что перед репетицией необходимо изучить

Li Aiyan
Master,
Faculty of Acting and Directing
Russian State Institute
Performing Arts
1075784358@qq.com

SELECTED ASPECTS OF RUSSIAN-CHINESE THEATRICAL RELATIONS

Annotation. Most state theaters in the PRC implement the Stanislavsky system. The Stanislavsky system has flourished in China since the 1950s. It is not surprising, because at that time in the USSR Stanislavsky was extolled as «the pinnacle of socialist realism». In the early 1960s, five of the eight volumes of Stanislavsky's complete works were translated into Chinese, and he was called the creator of realistic art in all theoretical publications in China. In this article, the author will try to give a brief overview of several fundamental problems of perception and interpretation that modern Chinese theater faces, focusing on the production of Russian plays.

Keywords: chinese theatre, Russian plays, Stanislavsky's system, culture.

время, в которое происходит действие, исследовать его место, сложившиеся привычки и даже, если требуется, всю историю государства или страны, т.е., актерам нужно погрузиться в мир, который они будут изображать на сцене. Устойчивейшей практикой является чтение книг, посещение музеев или, в конце концов, хотя бы поиска в Интернете. При этом важнейшей проблемой является то, что китайские переводчики не знакомы со многими аспектами русской действительности, чтобы адекватно передать оригинал.

Помимо этого в Китае актеры, в принципе, умели играть либо русских, либо американцев, распределяя остальные народы мира между этими двумя. Русские, конечно, долготерпеливы и глубокомысленны. Таким образом, сценическое действие претенциозно и скучно, с очень небольшим ритмом или без него. Китайские актеры невероятно индивидуалистичны на сцене, можно сказать, даже эгоистичны. Каждый играет свою роль, и они очень часто не могут найти общий язык друг с другом. Китайский актер может быть очень глубоко погружен в себя, но он никогда не погружается полностью в реальность своей партнерши. Чтобы это увидеть, не нужно знать китайский язык, поэтому в китайском драматиче-

ском театре взаимности и коллективизма не найти.

Русская драматическая школа, как минимум, пытается добиться на сцене чувства взаимности (что отличает ее от других актерских школ и традиций и черта, которую переняли американцы и англичане, которые в современном мире являются лучшими сторонниками этого актерского метода). В любой театральной постановке, в любом фильме, как бы ни были сильны отдельные актеры, настоящее чудо преображения может произойти только в одном случае — когда зритель является свидетелем сценического ансамбля.

Однако, к сожалению, китайцы полные индивидуалисты. Даже манера их репетиций, заучивание строк и отработка парных сцен, когда они сидят далеко друг от друга в углах репетиционного зала — это наблюдение тоже подкрепляет приведенный выше аргумент. Иными словами, всегда существует разрыв между актером и его образом, а это, как раз, та особенность, которой стараются избежать русская, европейская и североамериканская школы актерского мастерства, устраняя разрыв между актером и персонажем, которого он хочет изобразить. Все шаблонно и избито, но, тем не менее, удивительные стандарты системы Станиславского берут свое начало именно оттуда. Например, «когда вы играете злого человека, постарайтесь найти, где он может быть добрым, будьте сторонником той роли, которую вы играете, то есть, попытайтесь найти оправдание тому, что делает ваш персонаж. Если вы играете Гитлера, научитесь быть добрым в шкуре Гитлера — несмотря на то, что он играет монстра, попытайтесь понять, что двигало этим человеком» [1]. Именно этой черты часто не хватает китайской действительности, главным образом, по причине несовершенства сценического мастерства актеров и театральной педагогики.

Таким образом, создается впечатление, что в китайском драматическом театре отсутствует понимание того, что без глубокого внутреннего изучения пьесы, без детального проникновения во внутреннюю жизнь каждого действующего лица недостижим волшебный полноценный эффект прикосновения к театральным сердцам.

Для китайского актера мир — это мир поверхностности. Хотя есть темперамент и есть страсть (как и в китайском национальном характере), темперамент этот очень взрывной и крайне поверхностный. В педагогике, в том числе, театральной, Россия и Китай имеют разные традиции, разные критерии и разные стратегии воспитания. Станиславский строил свою систему не только для того, чтобы облегчить актеру достижение успеха в своем ремесле. Вся его жизнь была посвящена поиску и выявлению этического оправдания актерской профессии, ибо постыдно просто показывать свои внутренние и внешние миметические способности. Стидно не расходовать внутренние ресурсы, не исследовать сокровенные уголки своей души, а просто штамповать

одну и ту же механическую последовательность снова и снова.

Учиться ремеслу в других профессиях всегда хорошо. Во всем, что касается театра, театрального действия и, главное, самих актеров, сегодня следует ориентироваться на два основных параметра оценки, а именно, на «живой» и «неживой». Относительно актерского искусства и, в первую очередь, драматического акта, у зрителя, в сущности, могут быть только два суждения (каким бы словарем он ни пользовался для их выражения): а именно: «Верю» или «Не верю».

Актер переживает и эмоционально отождествляет себя с чувствами своего персонажа в этот конкретный момент и, таким образом, берет зрителя с собой, чтобы он тоже мог пережить это. При «не верю», зритель остается посторонним, совершенно равнодушным к ситуации, хотя, может быть, и благожелательным.

Зритель с годами тренировался, чтобы стать таким доброжелательным наблюдателем, ибо в недалеком прошлом, зрители театра могли забрасывать «бездарных актеров» всевозможной гнилой требухой и словесными оскорблениями, если те не могли показать настоящую игру.

Философски говоря, актеры оживляют мертвую материю текста, жертвуя своим телом и разумом, чтобы произвести некую новую, ранее не существовавшую сущность [4; 5]. Но когда этого не происходит, когда актеры проговаривают чуждый им текст с интонациями, копируемыми из одной части в другую, или, что еще хуже, пытаются заигрывать с публикой, по сути, заботясь исключительно о себе и своем личном величии, зрителю становится невозможным смотреть на это без страдания, гнева и отвращения.

Невозможно избежать конфликтов между режиссером и актерской труппой. Этого конфликта не следует избегать. Однако важно выбрать общие критерии, чтобы успеть объяснить, почему одно хорошо, а другое плохо. На это указывал еще великий русский театральный режиссер Георгий Товстоногов, отмечая: «Чтобы говорить профессионально, должен быть общий критерий» [2]. На это служение ориентирован весь корпус классической русской литературы, ибо он несет в себе огромный этический заряд. Русские писатели искали этот нравственный стержень в людях, и наличие или отсутствие этого стержня обуславливало их выбор характеров, содержания, коллизий, сюжетных извилин. Как говорил Станиславский: «Нравственные вопросы и прежде всего их решения стали глобальной задачей писателей и драматургов. Писатель — пророк, писатель — учитель, писатель — ученый, писатель — образец нравственности» [3].

Репетиции русской классики в Китае представляют собой поле конфликта сами по себе, как по подходу к репетициям, так и по их результату — фактическая производительность, ибо невозможно отдать должное произведениям Чехова, Достоевского, Толстого, Пушкина и Островского, просто хорошо их сыграв. Однако если кто-то

потерпит неудачу, его не спасет правильный выбор костюмов и декораций. Параметры личности даже самого отвратительного или безрадостного персонажа в великой русской литературе настолько превосходят психологический аппарат даже самого прилежного актера, что репетиции начинают напоминать катание на

Литература:

1. *Чжан Пзнчунь*. Тенденции советской драмы / Чжан Пзнчунь // Жизнь и литература. Шанхай, 2021. № 1. С. 133–135.
2. *Сюй Цзяцин*. История западного театра. Шанхай : Издательство «Шанъу», 2019. С. 54.
3. *Юй Шаньюань*. Сборник работ Юй Шаньюаня о театре. Шанхай : Изд-во «Чанцзянвэньи». 2018. С. 122–126.
4. *Ихсанов А.У.* Глобализация как инструмент сближения национальных культур: мифы и реальность / А.У. Ихсанов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12(163). С. 545–546.
5. *Бондаренко А.В.* Интуиция и искусство / А.В. Бондаренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-1. С. 37–39.

американских горках, где режиссера то крутит вверх, то к возвышению, то в бездну крайнего отчаяния. Таким образом, не менее важной, а может быть, и самой важной является проблема выработки общих профессиональных критериев в китайском театральном искусстве.

Literature:

1. *Zhang Pznchun*. Trends in Soviet Drama / Zhang Pznchun // Life and Literature. Shanghai, 2021. № 1. P. 133–135.
2. *Xu Jiaqing*. History of the Western Theatre. Shanghai :Shangyu Publishing House, 2019. P. 54.
3. *Yu Shangyuan*. A collection of Yu Shangyuan's works on theater. Shanghai :Changjiang Wenyi Publishing House. 2018. P. 122–126.
4. *Ihsanov A.U.* Globalization as an instrument of rapprochement of national cultures: myths and reality / A.U. Ihsanov // Eurasian Legal Journal. 2021. № 12(163). P. 545–546.
5. *Bondarenko A.V.* Intuition and art / A.V. Bondarenko // Humanities, socio-economic and social sciences. 2014. № 12-1. P. 37–39.

Ли Линь
магистр,
факультет искусств,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1270246053@qq.com

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО- КИТАЙСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Китайское современное искусство производит сложное впечатление. Создавая видимость единого культурного пространства, проникая в его историю, отвечая на вопросы, связанные с традицией и ее преломлением, открывает для исследователя новые соотношения и объекты. Исторически было заведено, будь то китайское или российское искусство, художники рискуют, прожив свою «молодость», опасаясь остаться неслышанными, незамеченными, необсуждаемыми. Для современного искусства отсутствует такое понятие, как «потерянное время». Благодаря этому поток мыслей свободомыслящих современных художников сформировалась новая форма искусства.

Ключевые слова: межкультурный диалог, современное искусство, традиционное искусство, Китай, Россия.

Выставка 2017 года показала, что российские и китайские художники живут своим мифом. Многие из них губят эмоциональные течения прошлого века. Оба они прошли школу русского и западного авангарда. Масштабы радикализма, жесткости русских молодых мастеров и абсолютной просвещенности молодых китайских художников поражают.

Китайские и российские мастера удивительно смело поставили вопрос о том, что дозволено и что не дозволено в искусстве, в историческом и практическом аспектах. Впервые в мировой культуре формируется история единого культурного пространства, в котором, подчеркивая не только собственное отличие и самобытность, но и что-то общее, что их объединяет, осознавая свое новое поколение 21-го века. Это поколение обладает огромной энергией, необходимой для сохранения независимости. Они бросят вызов, который частично будет принят мировым сообществом.

К полному удивлению интеллектуальной элиты, китайское искусство завоевало лидирующие позиции в современном искусстве [1]. Есть ценности, которые сохранились до сих пор и не могут быть изменены в китайском искусстве, например, иероглифическое письмо. Особенность

Li Lin
Master,
Faculty of Arts,
Lomonosov Moscow State University
1270246053@qq.com

PROSPECTS FOR RUSSIAN-CHINESE INTERCULTURAL DIALOGUE AND COOPERATION

Annotation. Chinese contemporary art makes a complex impression. Creating the appearance of a single cultural space, penetrating into its history, answering questions related to tradition and its refraction, opens up new relationships and objects for the researcher. Historically, it has been customary, whether it is Chinese or Russian art, that artists take risks, having lived their «youth», fearing to remain unheard, unnoticed, undiscussed. For contemporary art there is no such thing as «lost time». Through this stream of thought by free-thinking contemporary artists, a new art form has been formed.

Keywords: intercultural dialogue, contemporary art, traditional art, China, Russia.

культурной китайской традиции заключается в восприятии конфуцианских, даосских и буддийских философско-религиозных ценностей как единого синтеза [2].

Неудивительно, что живопись считается наукой в Китае. Как справедливо пишет новейшая российская энциклопедия «Духовная культура Китая»: «Понимание художественной формы не как замкнутого объема, а как канала, визуализирует ее через циркуляцию энергии... ци: восприятие формы не как массы, а как динамическая конфигурация единого пространственно-временного континуума, в котором граница между фоном и изображением относительна и изменчива: гармонизация формы путем уравновешивания полярных визуальных качеств и противоположно направленных векторов движения: концентрация энергии в составе элементы через доминанту центра и центростремительные векторы» [3].

Давно замечено, что художники «ничего не изображают». Ни в пейзажах, ни в портретах и, тем более, в бытовых сценах. Для этого стоит посетить их родные страны. Но главная адекватность не в предметах изображения, а в особенностях восприятия и выражения. Особенно это касается молодых художников, в творчестве которых

призма культуры и времени влияет сама на себя, часто помимо их воли, как условие, которого нет в исторических реалиях, но без которого их создание было бы невозможно.

Сравнивая творчество молодых китайских и российских художников, это бросается в глаза. И это, несмотря на то, что у них много общего – например, качественный маньеризм, тонкая культура, своеобразная «живописная эрудиция», стремление сочетать символизацию образа и дискурсивность. И было бы странно, если бы в наше время глобализации и напряженности контактов у молодежи не было бы ничего общего. Но, тем не менее... давно отмечена самодостаточность имманентности общества массового потребления.

В маньеризме и серийности царит культура массового общества. Расширение знаний сменяется накоплением разнообразия и факторизацией настоящего и прошлого. Даже место научной фантастики прочно заняло фэнтези с его средневековой стилистикой.

Современность – это мир, разбитый на отдельные части. Формируются самодостаточные разрозненные этносы (в том числе с помощью социальных сетей) [3]. Экономическая и политическая глобализация порождает создание национальных бутиков, создание брендов как механизма различия. Даже знания в различных областях науки распались на самодостаточные концепции и теории. Мировоззрение утратило целостность. Оно предстает как систематическая детализация и фрактализация имманентного. В силу этой самодостаточности, такому обществу не нужен образ будущего. Что еще более важно, кажется, что это общество боится будущего – в первую очередь потому, что оно боится потерять настоящее. И этому обществу и каждому его члену есть что терять. В то же время, опыт последних десятилетий показывает, что любые достижения современной цивилизации, такие как почта, медицина, компьютеры, авиация, высотные здания, водоемы, все средства транспорта и связи порождают тревогу, поскольку могут быть использованы не только в целях своего прямого назначения, но и в целях разрушения.

Из истории известно: чем развитее цивилизация, тем выше качество жизни; чем уязвимее общество, тем больше в нем накапливаются страхи и фобии, которые становятся предметом не только психиатрии, но и эстетического осмысления, сакральных исканий. Эта тенденция отчетливо и ярко представлена в современном искусстве.

Возможно, будущее уже наступило, но не каждый человек способен это заметить. И в этой связи, стоит обратить особое внимание на творчество молодых художников – не столько на то, что их объединяет, сколько на то, что их отличает. В произведениях китайских авторов просле-

живается установка на целостное восприятие мира, путь в гармонии, поиск и обретение в нем места. Пусть даже речь идет не только о природе («Гора Линбао на просторах Малого плато» ФэнЧжэнго, «Серый туман» Ли Юна, «Летние деревья-3» ХэЦзя), но и о городской среде («Обитель монаха» Цао Мэн), современные технологические реалии («Индиго-2017 № 14» Ма Шэньчжэнь, «Неоновое время, № 1» Ван Чанмин), человек в них (портреты Лю Ламин, Чжэн Вэй, «Ожидание» И Даер), или наедине с природой («Дом эс» Лю Юнкуня). Даже бестелесная «Бегущая фигура» Ван Цзе, «Линии» Лян Хуэйцин, «Вектор 3» Ян Ян или растаявшее мороженое Ван Вайцзе – самодостаточны в этом мире.

На первый взгляд, удивительная гармония в беспредметной «Молчании» Ян Ле связана не столько с цветом и композицией, сколько с передачей настроения разума и души. Парадоксально, но то же настроение хоррор-фэнтези передается и в видеоарте ГэнСюэ [4].

Мир русских художников – это мир взорванной или дезинтегрированной реальности. В художественных фактах зафиксированы его фрагменты («Танец Матисса» А. Цикаришвили), едва прослеживаемые признаки призраков («Озеро 1» А. Маракулиной, «Середина» А. Анджеевской), безымянные и трудно определяемые («Бюль-Бюль» С. Мотоляна, «Безымянный/Сурнон» И. Гришаева), или – деформированное восприятие, радикальное устранение («Лосось» О. Михайлова, «Нива» А. Терешко, «Андрюиды тоже любят молоко» С. Котин-Казимова, «Психоделический лес» А. Гарта), растерянность – как у молодого человека в футболке с надписью («Нет будущего» в клипе «Русское бессознательное» В. Рудьево-Рязанцевой. Если есть образ некоего единства, то он предстает как комок из ладоней («Комок» П. Дьякова). Не случайно, в Китае говорят о российских произведениях искусства как о «русской головоломке» [4]

Русской культуре всегда была присуща апофатика, стремление заглянуть за экран этого раздробленного мира, если не увидеть, то ощутить его трансцендентную целостность. Похоже, новое поколение художников улавливает серьезные подвижки в русском мировоззрении [5; 6; 7].

Возможно, русская и китайская культуры движутся встречными курсами. Российская, вступая в мировое экономическое, информационное, а главное, культурное пространство, будучи травмирована утратой апелляции к трансцендентному (потустороннему или из «светлого будущего»), ищет основы своего новый синтез. И китайское, будучи изначально имманентным, развивает эту разнообразную целостность мира. Представляется, что в этом встречном движении для этих культур опыт каждой из них взаимно интересен и полезен.

Литература:

1. Россия и Китай: двустороннее сотрудничество и региональный аспект: Материалы IV Меж-

Literature:

1. Russia and China: bilateral cooperation and a regional aspect: Materials of the IV International

дународной научно-практической конференции (Новосибирск, 30–31 октября 2019 г.) / Под ред. В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. 231 с.

2. *Макеева С.Б.* Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов / С.Б. Макеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 225–236.

3. История Китая : учебник / Под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во МГУ: Высшая школа, 2022. 736 с.; С. 232.

4. *Костюнина Г.М.* Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) / Г.М. Костюнина, В.И. Баронов // Вестник МГИМО Университета. 2019. № 2(17). С. 169–178.

5. *Бондаренко А.В.* Творчество как феномен культуры / А.В. Бондаренко // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 4(45). С. 252–254.

6. *Никитина В.В.* Конструирование этнической картины мира / В.В. Никитина, М.А. Штанько // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 485–486.

7. *Колычева В.А.* Цифровизация данных о продажах предметов русского искусства: проблема несовпадения спроса и предложения / В.А. Колычева // Дискуссия. 2022. № 1(110). С. 40–50.

scientific and practical conference (Novosibirsk, October 30–31, 2019) / Ed. V.A. Gavrilova, I.G. Khripunov. Novosibirsk: Publishing house of NGTU, 2019. 231 p.

2. *Makeeva S.B.* Problems of uneven development of China in the works of Chinese regional scientists / S.B. Makeeva // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relationships. 2019. Vol. 24. № 1. P. 225–236.

3. History of China: textbook / edited by A.V. Meliksetov. 2nd ed., Rev. and additional. M. : Publishing House of Moscow State University: Higher School, 2022. 736 p.; P. 232.

4. *Kostyunina G.M.* Cross-border free economic zones in foreign countries (on the example of China) / Kostyunina G.M., V.I. Baronov // Bulletin of MGIMO University. 2019. № 2(17). P. 169–178.

5. *Bondarenko A.V.* Creativity as a phenomenon of culture / A.V. Bondarenko // Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies. 2015. № 4(45). P. 252–254.

6. *Nikitina V.V.* Constructing an ethnic picture of the world / V.V. Nikitina, M.A. Shtanko // Eurasian Legal Journal. 2021. № 8(159). P. 485–486.

7. *Kolycheva V.A.* Digitalization of data on sales of Russian art objects: the problem of mismatch of supply and demand / V.A. Kolycheva // Discussion. 2022. № 1(110). P. 40–50.

Ли Цзяньфу
Саньминский университет,
Краснодарский
государственный институт культуры
929293285@qq.com

МЕТАФИЗИКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ТРАДИЦИОННОЙ АРХИТЕКТУРЫ КИТАЯ

Аннотация. Данная статья посвящена феномену языка традиционной архитектуры Китая и принципам его выражения в метафизико-культурологическом нарративе. Китайская культура прошла длительный путь самостоятельной эволюции и является уникальной по своей духовной сущности. Она имеет свою собственную духовную континуальность, что подтверждается современными историко-археологическими исследованиями. На протяжении всей своей истории архаичная китайская культура сохранила свое уникальное духовное ядро. На основании проведенного анализа сделан вывод о том, что древнекитайское изобразительное искусство и каллиграфия берут свое начало от сакральных символов и отображения образов природы, сочетавших в себе духовную сущность природы и предков. Метафизико-культурологический нарратив этих художественных форм выражал идею «богословствования и медитации красками». Архитектура в своей сущности являлась «богословствованием и медитацией камнем и пространством».

Ключевые слова: метафизика, нарратив, язык традиционной архитектуры, культура Китая, культура, древнекитайское изобразительное искусство, древнекитайская каллиграфия, древнекитайская архитектура.

Идея культурологического нарратива как выражения сущности архитектурных форм является одним из ключевых принципов понимания феномена древнекитайской духовности. Хорошо известно, что для мировоззрения древнего китайца были характерны антропоцентризм и социоцентризм, которые развивались в связи с представлениями о существовании высшей Космической силы как истока и конечной цели всего мироздания. Эта Космическая сила была центром разворачивания мирового пространства и средоточием мира. Таким же центром для мира людей в древности выступал совет старейшин общины, институт «Фу Си», а позже – верховный правитель и его царский род, поэтому центром мира предполагался и семейный могильник-курбан, а также дворец правителя-вана и храм с

Li Jianfu
Sanming University,
Krasnodar
State Institute of Culture
929293285@qq.com

METAPHYSICAL AND CULTURAL NARRATIVE AND ITS EXPRESSION IN THE LANGUAGE OF CHINESE TRADITIONAL ARCHITECTURE

Annotation. The article is devoted to the phenomenon of the language of Chinese traditional architecture and the principles of its expression in the metaphysical and cultural narrative. Chinese culture has gone through a long path of independent evolution and is unique in its spiritual essence. It has its own spiritual continuity, which is confirmed by modern historical and archaeological research. Throughout its history, archaic Chinese culture has preserved its unique spiritual core. Based on the analysis, it was concluded that the ancient Chinese fine arts and calligraphy originate from sacred symbols and the display of images of nature, which combined the spiritual essence of nature and ancestors. The metaphysical and culturological narrative of these art forms expressed the idea of «theology and meditation with colors». Architecture in its essence was «theology and meditation of stone and space».

Keywords: metaphysics, narrative, the language of traditional architecture, Chinese culture, culture, ancient Chinese fine art, ancient Chinese calligraphy, ancient Chinese architecture.

алтарем, где служили духам природы, Космической силе и предкам. Это мировоззрение привело к совмещению ролей храма, склепа и дворца.

В этот момент зарождения централизованного государства, возникло представление о Небе как могущественной верховной космической силе, оказывающей на все влияние и обуславливающей всю действительность. Согласно представлениям древних китайцев, земля имела форму квадрата, их собственная родина находилась в ее центре, а небо над ней имело форму окружности или купола. Поэтому они называли свою страну Чжунго (中國, Срединное царство) или Тянься (天下, Поднебесная обитель) [1, с. 56]. Судя по всему, космологический дискурс лег в основу организации пространства поселений.

Столица – город Шан – имела отчетливый план. Среди построек выделялся дворец правителя, который был по совместительству храмом и усыпальницей. Поскольку усыпальница в эпоху Шан-Инь стала располагаться не за чертой города, а в центре города, то там же стали располагаться и алтари для жертвоприношений. Дворец был возведён на прямоугольной платформе, обложенной морской галькой. Как мы видим, в эту эпоху происходит ослабление тенденции курганной культуры: каменная насыпь на месте захоронения остается, но теряет вертикальное измерение и равномерно распределяется по горизонтальной поверхности, а место кургана занимает дворец вана. Высокая соломенная крыша дворца опиралась на три ряда деревянных колонн, основаниями которых служили бронзовые диски, которые, можно предполагать, имели символическую отсылку к Небу. Фигура «Неба» в представлениях древних китайцев выражала убеждение о существовании исконной жизненной силы Ци, проникающей во все объекты и явления природы. В категориальном аппарате «классического» религиозно-философского дискурса западноцентричной науки смысловым аналогом является понятие «мана».

В V–III вв. до н.э. в классовом строе китайского общества происходят значительные изменения: наследственная рабовладельческая аристократия теряет главенствующее положение, а к власти приходят новые силы, вышедшие порой из низших слоев. Заполучив власть и влияние в своем удельном княжестве, новые политические силы начали экспансию соседних земель, что привело к войнам. Период V–III вв. до н.э. называется эпохой «Борющихся царств» или «Сражающихся царств» [2, с. 138].

Раскопки на месте столиц царств Ци (провинция Шаньдун), Янь (провинция Хэбэй), Чжао (Ханьдан) и Вэй позволили обнаружить руины и остатки мощных глинобитных стен. Основанием парадных зданий служили высокие земляные платформы-стилобаты, облицованные пустотелыми кирпичами с рельефными орнаментальными рисунками на одной из сторон. Высота основания дворцов в этих царствах достигала до 18 метров, что свидетельствует о том, что архитектурные и градостроительные традиции этих царств были связаны с принципами курганных культур. Свидетельством развития зодчества в период «Борющихся царств» являются сохранившиеся описания великолепных дворцов и их внутреннего убранства, а также, изображения различных двух – и трехэтажных зданий открытого типа (род павильонов для празднеств) на бронзовых сосудах.

Недостаток архитектурных памятников этого периода для рассмотрения метафизических тенденций, некогда репрезентированных ими, можно компенсировать также обращением к доктринальным письменным источникам V–III вв. до н.э.

В текстах излагаются архитектурные принципы, базирующиеся на традиционных методах времен раннего Чжоу (1046–256 гг. до н.э.), теоретически

раскрытых в синтезе с принципами геомантических систем. Зодчие последующих периодов опирались именно на эти тексты и основанные на них устные предания. На юге, где ландшафтные особенности были более нерегулярными, «Школа формы» подчеркивала связь ландшафтных объектов, которая использовалась в качестве естественной защиты (горы и реки) поселения, поэтому поселение вписывалось в среду так, чтобы оно могло являться своего рода ее продолжением и обратить особенности ландшафта в функциональную пользу.

Таким образом, правильная архитектура сулила удачу, а «неправильная» выступала как проклятие, сулящее злую судьбу и привлекающее порчу, причиняемую неорганичностью по отношению к потоку жизненной энергии Земли (Ци), т.е., действием средового природного комплекса, и духами – стихийными силами и воздействием местной экосистемы. Правильно построенный, устроенный и обустроенный город воспринимался как цитадель, прибежище от духов, а также как противостояние злым духам и место манифестации и реализации Ци [3, с. 138].

Рост популярности этих знаний и возрождение архаичных автохтонных представлений, которые к этому времени приобрели дуалистическую окраску, привели к тому, что к концу периода «Сражающихся царств», в IV–III веке до н.э., мыслители обратились к этим знахарским традициям. Мыслители и ученые Древнего Китая на протяжении всей истории не отвергали древних представлений, поскольку были убеждены, что лгать или фантазировать на пустом месте невозможно – так или иначе ложь и фантазия имели в своей основе что-то реальное; ложь, фантазия и миф считались лишь выражениями истины разной степени корректности. Поэтому за редким исключением первые мифологи, историки и некоторые философы стремились не преодолеть мифы, а через критическое осмысление развитый мифологический опыт «исправить» и «восстановить» Истину, либо стремились через интерпретацию «обнаружить» Высшую Истину, скрытую в древних символах, обрядах и верованиях. Период активного обращения к «скрытой» в мифах истине происходит в период «Сражающихся царств», поскольку правители и свободные интеллектуалы-отшельники озадачиваются вопросом о том, как навести порядок в Поднебесной. Поиски ответа на этот вопрос, ведущиеся на протяжении всего периода «Сражающихся царств», породили множество различных антикризисных учений, из-за чего этот период позже был назван периодом ста школ (諸子百家) или периодом «девяяти течений, десяти школ» (九流十家). Почти все течения мысли этого периода так или иначе обращались к традиционному духовному наследию, к древним обычаям и верованиям. Это было обусловлено убеждением о том, что лучшие времена человечества оказались позади, но архаичные мифы и обычаи, унаследованные от предков и хранимые жителями провинций и неурбанизированных сёл, содержат в себе принципы первобытного благоденствия. Чиновники из ведомства земледелия в IV в. до н.э. настаивали, что земледелие и возрождение

жизни деревень не только решит текущий продовольственный и экономический кризис, но и, в целом, ориентация цивилизации к хтоническим культам вернет цивилизацию на истинный путь – путь согласия с природой, гармонии с космосом и, как следствие, вернет человечество к благополучию. Эта школа получила название НунЦзя (農家, школа сельского хозяйства). Наука (натурфилософия) стала уживаться с древними мифами и гадательными практиками, что продлилось до следующей эпохи. Например, в период правления следующей за Цинь династией Хань (206 до н. э. – 219 н.э.) возникли дисциплина планировки расположения домов в пределах городской черты (тугуйфа) и дисциплина определения пригодности земли для хозяйственных нужд и организации садов (туйфа), практика которых сочеталась с астрологическими предсказаниями и гаданиями на бараньих костях.

Другие мыслители периода «Сражающихся царств» ставили перед собой не только актуальные для их кризисной эпохи прогностические задачи, но и занимались поиском универсалий, совершали операции сопоставления этих универсалий по аналогии и различию, создавали систематические классификации и интегральные теории. Это привело к появлению систем «Фэншуй» (風水), «Инь-Ян» (陰陽), У-син (五行, «пять стихий, пять первоэлементов»), Люшисыгуа (六十四卦, «64 гуа»), Тяньганьдичжи (天干地支, «Небесные стволы и земные ветви»), Луаньтоу (峦头, «Школа горных вершин») и Ли-Ци (理气, «Школа упорядочивания энергий»), Сань янкай тай (三阳开泰 «Три ян процветания»), Тяньмэньдиху (天门地户, «Небесные врата, земная дверь»), Сюэ (穴), Дяньсюэ (点穴, «Точка сюэ»), Кай Шэн-фэн (开生坟). Наиболее влиятельными были системы «Каньюй», «Инь-Ян», «У-син» и «Тяньганьдичжи» [4, с. 356].

Метафизические тексты этого периода пронизывает общая мысль: природа, все ее разнообразие, все ее процессы, обусловлены чередованием Инь и Ян. В период «Сражающихся царств» Инь-Ян помимо выражения единства племен в дискурсе придворной мысли стало символизировать взаимодействие царств. Поскольку, как уже отмечалось, древней китайской мысли была свойственна эвгемеризация истории, то объединение царств в союзы мыслилось как событие космического значения и потому было сакрализовано и символически обозначалось знаками, выражающими онтологические положения. Корни представлений, стоящих за символом Инь-Ян, можно отследить, если обратиться к этимологии слов. Иероглиф «ян» буквально означает: «склон холма, освещаемый солнцем». Это понятие передается суммой изображений: «холм», «солнце», «светить» – задаваемое изображением «флажка, который давал блики и использовался на поле боя для подачи сигналов войскам». Отсюда и задается общее понятие: «холм, на который падают блики солнца». «Инь» обозначает «затемненный склон холма». Взаимодействие «ян» и «инь» указывает на наглядный процесс – движение по поверхности Земли света и тени. Символизм взаимодействия света

и тени, их движения по земле, указывает на фундаментальное условие жизни на нашей планете. Оно задается согревающим ее поверхность солнцем – «Тай ян» («Великое ян»), которое для наблюдателя видится движущимся по небосводу. Отсюда «инь» и «ян» – это символ, зримо указывающий на основные перемены на Земле и в жизни людей, а также на то, что переменчивость мира является единственным его постоянством, которое обусловлено действием высшего и непостижимого космического принципа [5, с. 34]. В традиционном изображении знак инь-ян заключен в фигуру круга, которая считалась символом бесконечности, цикличности течения жизни, что подчеркивало: диалектика противоположностей является фундаментальным и неизменным свойством Бытия. Стремясь к системности и целостному выражению, древние представления каньюй в этот период времени связываются с теорией У-син на основе астрономических наблюдений. Беспредельная универсальность и космогоническая фундаментальность этого принципа диалектики со временем в нарождающейся философии было осмыслено под понятием «Тянь-Ся», в прежние времена являвшемся основой культа Неба. Авторам древних трактатов представлялось, что борьба и единство Инь и Ян приводят в движение все мироздание. Единство и борьба Инь и Ян не беспорядочны, а имеют свой цикл, который соответствует календарному году. Взаимодействие двух этих модусов энергии Ци выражается в столкновениях знаков зодиака (космических сфер), что приводит к столкновению природных стихий, метеорологических явлений, народов и индивидов, а также внутренних, жизненных сил внутри каждого человека. Циклические знаки двенадцатичисленного цикла также использовались для летоисчисления, где зодиакальный период выражал земной месяц. Считалось, что в основе космического движения лежит действие энергии Ци, которая является «небесным стволом», вокруг которого плетутся ветви земных периодов жизни, которая на каждом уровне обуславливается закономерностью шестидесятичного цикла действия энергии Ци. Максимально теоретически проработанной является система шести взаимодействий под названием «Земные Ветви, противостоящие друг другу» (地支相冲):

Считалось также, что в день равноденствия силы сторон уравниваются и мир ненадолго входит в состояние гармонии. Смена времен года и процессы, происходящие в организме человека, также имеют теснейшую связь. Природа, окружающая человека среда – есть макрокосмос, сам человек – микрокосмос. Мы видим, что в X–IV вв. до н.э. с многообразными проявлениями природы стал сопоставляться внутренний мир человека. Это повлило на развитие символического метода в художественной деятельности (в том числе в архитектуре), определив его иносказательный поэтический и пластический язык.

Натурфилософы учили, что природа живет по законам взаимодействия пяти основных стихий (ветер, жара, влажность, сухость, холод), а также первоэлементов (дерево, огонь, земля, металл,

вода). Каждый из первоэлементов обязательно должен быть связан с другим. Иначе, нарушается цепочка, отвечающая за жизнь. Взаимодействие пяти первоэлементов – это условие многообразия явлений и вещей, возникающих в природе, а также свойств человека. Человек, как и природа, состоит из тех же первоэлементов (они попадают в его организм с пищей). Отдельные человеческие органы и первоэлементы, наполняющие организм человека, функционируют по-разному, в зависимости от того, что происходит в природе и в какого типа противостоянии пребывают космические сферы.

Тезисы этих систем были сформулированы так, чтобы в силу заложенных в них универсалий, ими можно было руководствоваться во всех сферах жизни: от врачевания и воспитания детей до мореходства и архитектуры. Появление систем универсалий и их внедрение в повседневность, как показывают археологические находки этого периода, ослабляло значимость и влияние древней семантики сакральных символов, что привело к тому, что в период «Ста школ» новыми учениями были переосмыслены не только представления предыдущих эпох, но и элементы древнего символизма, рассмотренные выше. Так, например, в конфуцианстве бамбук стал олицетворять одно из ключевых понятий этого учения – «благородного мужа», которому свойственно человеколюбие, справедливость, честность, мудрость и знание ритуалов. Жемчуг был переосмыслен даосской традицией, а позже – буддизмом. Даосизм, согласно собственному учению, является изначальной мудростью, содержащейся сокрытой во всех мифах и религиях, а ЛаоЦзы выявил драгоценную истину Дао из плоти всего духовного наследия. Поэтому жемчуг, скрытый в раковине и извлекаемый из нее, стал символизировать драгоценность и обозначать ЛаоЦзы и его учение, а в буддизме стал означать Сиддхартху Гаутаму Шакьямуни и буддийское учение. Другие образы (золото, киноварь, нефрит, перья зимородка, бамбук) ввиду их символического значения долголетия, износостойкости и неподверженности порче стали соотноситься с практиками внутренней и внешней алхимии и были усвоенные даосизмом в рамках своего учения о пути золота и пути киновари [6, с. 381]. Также, даосы представление о движении вселенской энергии Ци, выражавшееся через символ дыхания дракона, исходящего с Неба по горам в мир людей, перенесли на человеческое тело в практиках, направленных на работу с жизненной силой.

Самой крупной натурфилософской системой аналитического характера стала Люшисыгуа (六十四卦), записанная, согласно преданиям, монахом И Цзином (義淨, 635–713 гг.). Принято считать, что система Люшисыгуа продолжает и доводит до апогея древнюю разработку Фу-Си о том, что все жизненные ситуации в мире людей можно типизировать и систематизировать как модусы перемен. Известно, что Фу-Си было выделено восемь триграмм (八卦), обозначающих основные этапы исходного космогенеза. И Цзином было зафиксировано уже 64 типичных жиз-

ненных ситуации, репрезентируемые через систему 64 гексаграмм-гуа (卦, Люшисыгуа).

Согласно учению, Гексаграммы выражают энергию различных жизненных ситуаций во всей полноте и целесообразности их постепенного развития от возможности до осуществленности. Возможным аналогом в древнегреческой философии можно предположить аристотелевское понятие «энтелехии» (ἐντελέχεια). Система Люшисыгуа выражает древнее представление о том, что мир подобен бурлящему океану тем, что представляет из себя пересекающиеся и накладывающиеся друг на друга потоки энергий. Это делает мир нестабильным, переменчивым, несовершенным и незавершенным. Умение читать гуа позволяет знать корневую структуру и внутреннюю механику тех или иных событий, понимать работу энергий жизненных ситуаций, которые складываются в те или иные периоды движения космоса. Обладание таким знанием через гуа, как предполагалось, позволяет ясно видеть реальные события во всей их полноте, что является ключом к пониманию как типичных текущих ситуаций, так и минувших эпох и грядущих событий. С одной стороны, это знание позволяет не допустить нежелательные жизненные ситуации или выйти из них с минимальными потерями, либо желательные ситуации перевести в бытие, которое открывается практику через знание гуа, в историю, чтобы чутко воспринимать сущее и в этой желательной ситуации установить себя. Энергии, репрезентированные в гуа, являются теми же энергиями, которые действуют в человеке и в его членах, в социуме и в природе, пронизывая, наполняя и питая их. Гуа репрезентируют энергии, которыми устроен космический порядок, социальная реальность и внутренний мир индивида.

Действенность каждой гуа оказывается возможной лишь при правильном понимании репрезентированных всеми 64 гуа энергий по отдельности и в их взаимоотношении друг с другом, а также при правильном обращении с каждой энергией по отдельности и со всей системой энергий. Это, как представляется, позволяет раскрыть космос в мышлении человека, которое оказывается связующим центром, во всей внутренней связи и единстве самого космоса, где энергии дополняют и подкрепляют друг друга. Уподобление частей тела и частей космоса на основе комбинирования первоэлементов в виде стихий и энергий в архаичных культурах многих народов составляет основу простейшей ориентации в мире.

Так, весь мир оказывается разом данным в измерении гексаграмм, а система Люшисыгуа оказывается соотносенной с человеком, социумом и местным ландшафтом; в силу этого, сам знак события не есть нечто просто придуманное или воображаемое, а вплетен в событие, в место, в котором событие или ситуация разворачиваются. Поскольку архитектура понималась как рукотворное продолжение ландшафта, подчеркивающее его и выражающее его возможности, то система Люшисыгуа нашла себе применение и в тенденциях архитектуры. Концепция Люшисыгуа определила и саму сущность архитектуры Китая,

поскольку строение не только связывало и гармонизировало потоки космических энергий, выходящая в роли медиума, но и являлось развитием надгробия и памятника, т.е. конституировало гармоничную для экзистенции форму согласия энергий как в пространстве, так и во времени. По этой причине, первые архитектурные решения и архитектурные формы, инспирированные системой Люшисыгуа, стали прототипами для архитектуры дворцов-мавзолеев следующих эпох.

Дальнейшее формирование даосизма продолжалось на протяжении времени правления династий Цинь и Хань. Поскольку даосизм формировался в рамках государственной идеологии Цинь (культ императора и культ бессмертия императорского рода), он испытал влияние легизма, что привело к тому, что центральной линией течений даосского круга стала идея достижения бессмертия через психосоматические практики (仙學, сянь-сюэ) [7, с. 175]. Однако главным аспектом даосизма оказалась реакция на тезисы легистов. В ответ на «культ закона», культ императора и драконовские меры правления даосы разработали идею того, что добродетель обретается не на земле под давлением власти на человека, а в неземном Пути через духовную трансформацию.

Все практики даосов составляют суть «внутренней алхимии» и к «внешней алхимии», которая делится на два аспекта. Первый аспект, как это отчетливо показал исследователь Е.А. Торчинов, составляют психотехники, являющиеся повторением йоги или буддийских практик. Например, техника «сидячего забвения» (цзюван) является аналогией «сидячей медитации» (цзочань) в буддизме [8, с. 287]. Аскеты-даосы аналогично индийскому обычаю, к которому восходит и буддийский обычай, практиковали удаление из городов и, уходя в лес, в уединении с природой практиковали «питание тела» и «питание духа».

«Питание тела» заключалось в жизни по определенному режиму, который монах выводил для себя как диалектическую меру между биоритмами своего организма и ритмами природы, а также в соблюдении строжайшей диеты и практик дыхания. Конечная цель практик – наполнять организм животворящим эфиром ради воодушевления и возвышения, питаться солнечным светом – чистой формой выражения энергии Ци, а также достичь питания эфирами росы и собственной слюной, т.е. тело должно напитываться собственными соками и, опираясь на свои внутренние закономерности и процессы, проявлять полную самодостаточность и независимость подобно природе. Питание духа и питание тела обретают свою полноту в деле «питания жизни».

Следуя древнему анимистическому представлению о том, что человек – поле действия сил, как бы сосуд, постоянно и permanently подвергающийся интервенции сверхъестественных сил (духов), даосы считали человека обиталищем многочисленных духов (сил), поэтому стремились достичь способности сосредотачивать и

накапливать в себе только божественные силы. Ввиду этого духовные упражнения, которые были «питанием души», также имели первостепенное значение. Главными условиями для духовных упражнений были сосредоточенность на собственной судьбе (доле), разрыв с мирскими интересами, молчание, постижение (созерцание) невыразимого Дао, созерцание сил и ритмов природы, через наблюдение ее явлений и циклов.

«Небо и земля обладают великой красотой, но молчат; четыре времени года обладают ясным порядком, но его не обсуждают; вся тьма вещей следует совершенным естественным законам, но о них не говорит. Постигнув красоту неба и земли, мудрец постигает законы тьмы вещей. Поэтому настоящий человек (чжижэнь, чжэнь-жэнь) предаётся недеянию, великий мудрец ничего не создает, лишь наблюдает за небом и землей» [9, с. 138].

Даосам также представлялось, что во Вселенной царит порядок, поэтому духи, населяющие Вселенную, тоже упорядочены и имеют свою иерархию, подобную иерархии небес. Действуя в небесных сферах, духи вели счет добрых и плохих дел, и определяли срок жизни человека, призывали блюсти заповеди, быть добродетельным.

На примере развития архитектурных памятников погребальной культуры видим в этом формирование и развитие представлений о наличии у правителя двух тел: физического и метафизического. Значительно это представление развивается в эпоху Шан-Инь и достигает кульминации в эпоху Цинь. Начиная с периода «Сражающихся царств» и до периода династий Хань и Вэй, древние представления обрели философскую рефлексию: идеи бессмертия и вечной жизни и идея «двух тел» получила новое осмысление. В связи с этим конфуцианство предполагало формирование в человеке бессмертного духовного тела путем воспитания и образования – приобщение физического тела к цивилизационным ценностям и моральным обязанностям. Легисты предполагали формирование в человеке бессмертного духовного тела – правового субъекта и гражданского лица – путем воздействия на биологическое тело политических технологий и пенитенциарных практик. Даосские течения предполагали формирование в человеке бессмертного духовного тела путем реализации практик внешней и внутренней алхимии – телесного и духовного деланий. Благодаря даосам, тело человека начало восприниматься не как темница души и препятствие к ее спасению, но как светлая горница, прекрасное обиталище, подлинный храм души, который нужно очистить от нечистот страстей и дурных помыслов, наполнить энергией Ци, под действием которой будут гармонизированы телесное и духовное начала, что в свою очередь откроет возможность созерцать Дао как вовне, так и внутри себя, и сообразоваться с ним. Популярность даосских течений, исповедующих внеклассовую универсальность духовного и физического деланий, привела к демократизации темы долголетия и бессмертия, а также, идеи «двух тел» – потреб-

ность в формировании бессмертного духовного тела, не подверженного порче и тлению, стало общим чувством. Поскольку многие даосы восприняли буддизм, приходящий в Китай с I в. н.э., как продолжение даосизма, то даосские течения оказались синтезированы с идеями и ценностями буддизма. Для буддизма этого периода также было характерно решение актуальных смысловых проблем эпохи «с точки зрения вечности». К моменту встречи с даосскими течениями буддизм также уже развил в себе идею наличия «двух тел»: таковое физическое тело – Татхагата (तथागत), а второе – Тело совершенно ясного сознания (बुद्ध, Будда) [10, с. 83]. Все психосоматические практики буддизма были рассчитаны на автономизацию существования Будды и помещения Татхагаты в состояние буддовости, поскольку считалось, что изобразительное искусство и каллиграфия берут свое начало от сакральных символов и отображения образов природы, издревле сочетали в себе сверхъестественную силу природы и предков, поэтому стали пониматься как «богословствование и медитация красками», а архитектура – как «богословствование и медитация камнем и пространством», что нашло выражение в строительстве ступ-пагод, аллегорически изображающих чистое сознание, и в исполнении посвященных Калачакре ритуалов, в ходе которых происходит медитативное создание и разрушение мандалы. Конечной целью всех буддийских практик, входящих в «Восьмеричный путь», но не ограничивающихся им, является формирование нового,

бессмертного и неподверженного порче духовного тела-спрульпа (निमित्त), способного преодолеть череду перерождений и обрести полную покоя, но принципиально не познаваемую человеческим умом подлинную жизнь вне колеса Сансары. Интертекстуальный нарратив, сформировавшийся в пересечении и наложении дискурсов друг на друга в рамках одной традиции, в действительности оказался гипертекстовой парадигмой для всей Поднебесной. Основополагающей установкой этой парадигмы оказывается следующее: человек как биологическое существо принадлежит природе и ее циклам, но моральное начало в человеке, которое он может сформировать практиками и техниками себя в лоне чистого сознания способно не только наделять его метафизическим бессмертием, но и преобразовать его жизненный мир; фундирующим гарантом сохранности и развития реальности жизненного мира, задаваемого природой ума, является совершенно ясное сознание, т.е., человек обретает предельную свободу, ясность и покой не по природе, а по благодати.

В заключение следует отметить, что в период раннего Средневековья в буддийских, даосских и конфуцианских текстах стало фигурировать понятие «триады учений» (三宗, саньцзяо), что свидетельствует об осознании китайскими мыслителями того факта, что, взаимно влияя друг на друга, эти течения сформировали единый метафизический нарратив, определяющий культурный код как традиционной архитектуры Китая, так китайской культуры в целом.

Литература:

1. Торчинов Е.А. Пути обретения бессмертия. Даосизм в исследованиях и переводах. СПб. : Пальмира, 2017. 602 с.
2. Ермаков М.Е. Магия Китая. СПб. : Нева, 2003. 306 с.
3. Лян Сычэн. Великая традиция и наследство архитектуры Китая. Барнаул : Издательство АГПА, 2013. 172 с.
4. Торчинов Е.А. Путь ученика. Введение в буддизм. СПб. : Пальмира, 2020. 432 с.
5. Цзун-ми. Философия китайского буддизма / Цзун-ми, Хун-Жэнь. СПб. : Азбука, 2016. 288 с.
6. Торчинов Е.А. Даосские практики. Путь золота и киновари в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова. СПб. : Азбука-классика, 2007. 456 с.
7. Торчинов Е.А. Путь золота и киновари. Даосские практики в исследованиях и переводах. СПб. : Пальмира 2017. 472 с.
8. Торчинов Е.А. Даосизм и алхимия в традиционном Китае / Е.А. Торчинов // Петербургское востоковедение. Альманах. Вып. 2. СПб., 1992. С. 272–315. URL : http://ec-dejavu.ru/a/Alchemy_East.html

Literature:

1. Torchinov E.A. Ways of gaining immortality. Taoism in research and translation. SPb. : Palmyra, 2017. 602 p.
2. Ermakov M.E. Magic of China. SPb. : Neva, 2003. 306 p.
3. Liang Sicheng. Great tradition and legacy of Chinese architecture. Barnaul : AGPA Publishing House, 2013. 172 p.
4. Torchinov E.A. The path of the student. Introduction to Buddhism. SPb. : Palmyra, 2020. 432 p.
5. Zong-mi. Philosophy of Chinese Buddhism / Zong-mi, Hong-Ren. SPb. : Azbuka, 2016. 288 p.
6. Torchinov E.A. Taoist practices. The path of gold and cinnabar in research and translation E.A. Torchinova. SPb. : Azbuka-klassika, 2007. 456 p.
7. Torchinov E.A. The path of gold and cinnabar. Taoist Practices in Research and Translation. SPb. : Palmyra 2017. 472 p.
8. Torchinov E.A. Taoism and alchemy in traditional China / E.A. Torchinov // Petersburg Oriental Studies. Almanac. Vol. 2. SPb., 1992. P. 272–315. URL : http://ec-dejavu.ru/a/Alchemy_East.html

9. *Торчинов Е.А.* Даосизм. Опыт историко-религиозного описания. СПб. : Лань, 1998. 448 с.

10. *Емохонова Е.* Художественная культура буддизма. Освобождение от страданий, порожденных желанием, – ключевая идея культуры буддизма. М. : Русское слово, 2011. 168 с.

9. *Torchinov E.A.* Taoism. Experience of historical and religious description. SPb. : Lan, 1998. 448 p.

10. *Emokhonova E.* The artistic culture of Buddhism. Liberation from suffering generated by desire is the key idea of Buddhism culture. M. : Russian Word, 2011. 168 p.

Лю Юйси
бакалавр,
факультет искусств,
Университет Хэцзэ
774263090@qq.com

ПРОДВИЖЕНИЕ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ МАСТЕРОВ

Аннотация. Как отмечает автор публикации, с 1920 по 1948 гг. в Китае проживало много художников – выходцев из России, поэтому искусство представителей русской эмиграции в настоящее время рассматривается как неотъемлемая часть русской культуры. Искусство эмигрантов в Китае изучено меньше, чем в европейской эмиграции. Китай не был главным центром эмигрантского искусства, был его периферией). Художники не стремились приезжать в Китай, они следовали туда в силу определенных обстоятельств. Среди них не было выдающихся людей, определивших будущее искусства. Это были профессионалы второго сорта.

Ключевые слова: русская эмиграция, художественное искусство, Китай, школа живописи.

Около 130 русских эмигрантов профессионально работали в сфере изобразительного искусства в Китае в период с 1920 по 1948 годы.

Русская община была активной и дееспособной. Художники устраивали художественные выставки, выполняли крупные работы по строительству церквей, росписи фресок и икон, а также, некоторые инсталляции к памятнику А.С. Пушкин в Шанхае. Они объединялись в ассоциации с определенной программой и стратегией деятельности («Понедельник», «Объединение художников, писателей, актеров, музыкантов «ХЛАМ» и др.). В программе были пункты, показавшие, что русская художественная интеллигенция понимает свое предназначение в условиях эмиграции:

- 1) в сохранении и развитии традиций собственной культуры;
- 2) в признании ее неотъемлемой частью всей русской культуры (включая эмиграцию в Европу и Советскую Россию);
- 3) в терпимости к различным художественным течениям;
- 4) в открытости к влиянию других культур.

Liu Yuxi
Bachelor,
Faculty of Arts,
Heze University
774263090@qq.com

PROMOTION OF THE SCHOOL OF PAINTING OF THE RUSSIAN EMIGRATION OF THE XX CENTURY IN THE WORKS OF CHINESE MASTERS

Annotation. As the author of the publication notes, from 1920 to 1948. Many Russian artists lived in China, so the art of the Russian emigration is now regarded as an integral part of Russian culture. The art of emigrants to China has been studied less than in European emigration. China was not the main center of emigrant art, it was its periphery). Artists did not seek to come to China, they followed there due to certain circumstances. Among them there were no outstanding people who determined the future of art. They were second class professionals.

Keywords: Russian emigration, art, China, school of painting.

М.А. Кичигин, В.С. Подгурский стали самыми известными художественными педагогами «русского Китая». М. Кичигин преподавал рисование в харбинских городских школах, в основанной, русским эмигрантам частной художественной студии «Лотос» и в собственной мастерской. Контингент учащихся интернациональный: русские, европейцы, китайцы. Среди его учеников были художники, ставшие профессионалами и получившие признание в России, США, Франции: В.М. Арнаутов, Л.В. Вертинская (Циргвава), В. Горовая-Лещенко, Т.П. Жаспар (Филиппова), Г.В. Третчиков, М.Ю. Щировский. Художник В. Подгурский преподавал в Китайском государственном университете в Шанхае (1920–1922), в Шанхайском колледже изящных искусств (1924–1929) и несколько лет – в Шанхайском художественном клубе [2].

Школа живописи русских эмигрантов предопределила профессиональный уровень живописи и рисунка. «Прорыва» в искусстве не произошло, но в Китае русские художники оказались в иной культурной среде под сильным влиянием ориентализма. Местная действительность, такая как окружающая среда, население и культура Китая, была настолько привлекательна для художников своей свежестью, светом и цветом, что первым их желанием было просто рисовать то, что видел глаз. Он не требовал никакого преобразования

формы. Поэтому они культивировали образные, реалистические стили, в разной степени близкие натуре: неоакадемизм, натурализм, поздний импрессионизм, стилизация, салонное искусство. В них также не было недостатка в этнографических или восточных элементах.

Западная культура (американская и английская) также оказала влияние на русских эмигрантов, особенно в таком многонациональном мегаполисе, как Шанхай. Искусство 1930-х – 1950-х годов (период активности русских эмигрантов в Китае) тяготело к образным стилям, стабильности и контакту с аудиторией в разных регионах – Европе, США, СССР. «Русский Китай» не стал исключением, так как развивался под сильным влиянием арт-рынка. Портрет стал самым популярным жанром изобразительного искусства. Стиль портретного рисунка, вероятно, родился из академических исследований.

Обучение расширилось за счет творческой работы и темы, которую можно было бы назвать «Лица Китая» или «Китай в лицах». На протяжении многих лет художники-эмигранты создали десятки портретов китайского населения (М. Кичигин: Певицы. Харбин (1920-е), Коммивояжер (1930), Семейный обед (1930), Старый каллиграф (1937), (В. Кузнецова: Старик с трубкой (1937), Монах (1939) [1].

Техника рисования сангиной не нова. Сангиной и древесным углем любили работать старые мастера эпохи Возрождения, художники академической школы. М. Кичигин дал академическому рисунку новый художественный импульс XX века, присущий его собственному видению. В его творчестве раскрывалась его индивидуальность в виде внутренней энергии, способа обобщения природы, хорошо выверенной композиции. Все рисунки большого размера, практически в натуральную величину. Они близки к природе, но не переходят черту, отделяющую природу от натурализма [3].

М. Кичигин никогда не стремился к фотографическому сходству, никогда не копировал модель механически, а понимал необходимость художественного обобщения.

Виктор Степанович Подгурский был одним из самых ярких общественных деятелей художественной жизни Шанхая. Он стал великим мастером жанровых сцен, отражающих особенности китайской жизни. В. Подгурский ловко запечатлел забавные моменты жизни: На рынок (1937, Уличный ресторан (1930-е), Дешёвая распродажа (1930-е), Уличный цирюльник (1938). Академический рисунок лежал в основе его работ. Натурализм в жесткой форме придавал его рисункам характер фоторепортажа (до такой степени, что в книжных репродукциях они действительно выглядели фотографиями) [1].

Композиции строятся по принципу выхватывания «случайного» кадра из реальности и неожиданного обрезания изображения. Манера рисования очень аккуратная и точная. Все «шероховатости» сглаживаются освещением яркого дня или

искусственным светом. Все эти приемы мастерски маскируют творческий процесс, уподобляя глаз художника бесстрастному объективу фотоаппарата, а художественный продукт – фотографии. Для жанровых сцен художник использовал портретные этюды, называемые китайскими типами. Эти рисунки выглядят настолько иллюзорными, что кажется, что они вот-вот сойдут с бумажного листа.

В манере художника, желающего изобразить природу «объективно», видны элементы натурализма, рожденные под влиянием философии и эстетики позитивизма. Этот стиль принес В. Подгурскому любовь публики. Его работы неизменно раскупались с выставок даже в 1940-е годы (период Великой Отечественной войны), в самые трудные для русских художников-эмигрантов времена.

Рисовальная манера М. Кичигина и В. Подгурского не выпадала из художественной практики того времени. Наиболее яркими представителями этого стиля, определяемого как неоклассицизм (неоакадемизм), были В.И. Шухаева (1887–1973) и А.Е. Яковлева (1887–1938) [1].

Пейзаж был вторым по популярности у русских эмигрантов в Китае жанром, представленным пленэрной живописью, обогащенной декоративной яркостью природно-культурной среды Китая. Море, горы и китайская архитектура стали излюбленными мотивами в картинах русских художников (М. Кичигин – Мальчики (1929), Летний дворец в Пекине (1930), На прогулке по Жемчужине), Река (1932), В. Подгурский – Сбор урожая (1946)) [1].

Исследование о русском искусстве в Китае было бы неполным без упоминания так называемой русской темы, которая оставалась очень важной для русских художников-эмигрантов как средство самоидентификации. М. Кичигин не мог жить и творить без русских образов. На выставках в Харбине и Шанхае он всегда показывал любимые сюжеты из русской деревенской жизни: Сенокосение, Сбор яблок, Деревенский праздник, Крестьянская свадьба, все это рука об руку с китайскими этюдами. В 1930-х годах в Шанхае художник написал «Портрет родителей», изображающий отца, мать и крестную мать. Необычно выглядит композиция портрета: три головы на горизонтально вытянутом холсте. Художники этим пользовались, когда хотели подчеркнуть родство, общение людей, особую связь между изображаемыми людьми (В.И. Шухаев, Три головы (1922 г.); К.С. Петров-Водкин, Автопортрет с женой и дочерью (1933). Фактически, художник использовал традиционную композицию русской иконы: Христос, Мадонна и Иоанн Креститель. Образы родителей слились для М. Кичигина с понятием «родная земля» и стали иконой, как и вся Россия, которой он молился и которую вспоминал в мыслях и словах. В 1941 году в шанхайском журнале «Рубеж» появилась статья с выразительным названием «С палитрой в международном аду Шанхая», в которой журналистка Н. Ростова опубликовала интервью с художником: «Известный мастер кисти Китчигин однажды

ответил на вопрос о жизни русских художников в Шанхае: «Мы живем, как можно жить, оторвавшись от родной земли, которая так же необхо-

дима художнику, как краски и вдохновение...», – подчеркнул в интервью Китчигин [3].

Литература:

1. Чэнь С. Школа живописи российской эмиграции XX века в Китае как отдельное культурное ответвление мирового художественного искусства / С. Чэнь // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 3. С. 190.
2. Ван Пин. Русская художественная эмиграция в Китае в первой половине XX века : дис канд. искусствоведения. М. : Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразит. искусств Рос. акад. художеств, 2017. 326 с
3. Цинь Сяофэн. Российско-китайское взаимодействие в сфере изобразительного искусства XX века / Цинь Сяофэн // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2020. № 1. 210 с.
4. Бондаренко А.В. Творчество как феномен культуры / А.В. Бондаренко // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 4(45). С. 252–254.
5. Никитина В.В. Конструирование этнической картины мира / В.В. Никитина, М.А. Штанько // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 485–486.
6. Кольчева В.А. Цифровизация данных о продажах предметов русского искусства: проблема несовпадения спроса и предложения / В.А. Кольчева // Дискуссия. 2022. № 1 (110). С. 40–50.

Literature:

1. Chen S. The School of Painting of the Russian Emigration of the 20th Century in China as a Separate Cultural Offshoot of World Art / S. Chen // Modern Problems of Science and Education. 2018. № 3. P. 190.
2. Wang Ping. Russian artistic emigration in China in the first half of the 20th century : dis cand. art history. M. : Nauch.-issled. in-t theory and history will portray. art Ros. acad. Arts, 2017. 326 p.
3. Qin Xiaofeng. Russian-Chinese interaction in the field of fine arts of the twentieth century / Qin Xiaofeng // Bulletin of the Kazan State University of Culture and Art. 2020. № 1. 210 p.
4. Bondarenko A.V. Creativity as a phenomenon of culture / A.V. Bondarenko // Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies. 2015. № 4(45). P. 252–254.
5. Nikitina V.V. Constructing an ethnic picture of the world / V.V. Nikitina, M.A. Shtanko // Eurasian Legal Journal. 2021. № 8(159). P. 485–486.
6. Kolycheva V.A. Digitalization of data on sales of Russian art objects: the problem of mismatch of supply and demand / V.A. Kolycheva // Discussion. 2022. № 1(110). P. 40–50.

Ма Тяньци
бакалавр,
факультет музыкального фортепиано,
Российский государственный
педагогический университет
имени А.И. Герцена
859739791@qq.com

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КИТАЙСКОЙ ФОРТЕПИАННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Актуальность данной статьи заключается в том, что интегративную роль обязательного обучения игре на фортепиано в музыкальном образовании приобретают знания и навыки сознательной работы, которая считается основным направлением формирования искусства фортепиано в Китае. Большая часть его проводится и реализуется в территориально различных средах музыкальных школ с целью овладения знаниями, темами восприятия нотного текста, осознания степени использования заложенного потенциала дополнительных фортепианных возможностей, связанных с повышением эффективности учебной деятельности. В условиях фортепианных школ, большое количество учеников воспринимают этот предмет только как хобби. Для них эти меры зачастую сводятся к реализации соответствующих программ. Фортепиано, как и любой другой предмет, развивает музыкальность и способствует осмыслению музыкального произведения. Автор нацелен выявить и рассмотреть роль китайской фортепианной школы в формировании китайского искусства фортепиано.

Ключевые слова: фортепиано, китайская культура, музыка, межкультурный диалог.

Динамичные изменения в обществе, цивилизационный прогресс и трансформации внутри китайского фортепианного искусства заставляют взглянуть на музыкальное образование и указать на необходимость его творческой и педагогической связи. Возможность чувствовать искусство и выражать себя в созерцательно-рецептивной форме так или иначе активно влияет на роль китайской фортепианной школы.

С введением фортепианные инструменты, Китай открыл историю фортепианного образования. После столетий исследований и практики китайское фортепианное образование постепенно сформировало школы, учебную сеть и взрастило большое количество фортепианных талантов. Обязательное обучение игре на фортепиано в музыкальном образовании является основным фактором формирования искусства фортепиано в Китае. Большая часть обучения проводится в различных музыкальных школах с целью овла-

Ma Tianqi
Bachelor,
Faculty of Musical Piano,
Russian State
Pedagogical University
named after A.I. Herzen
859739791@qq.com

ON THE FEATURES OF THE CHINESE PIANO CULTURE

Annotation. The relevance of this article lies in the fact that the integrative role of the obligatory learning of the piano game in musical education acquire knowledge and skills of conscious work, which is considered the main direction of the formation of piano art in China. Most of it is carried out and implemented in geographically different environments of music schools in order to master the knowledge, topics of perception of musical text, awareness of the degree of use of the mortgaged potential of additional piano capabilities associated with increasing the effectiveness of educational activity. In conditions of piano schools, a large number of students perceive this subject only as a hobby. For them, these measures often come down to the implementation of the relevant programs. The piano, like any other subject, develops musicality and helps to comprehend the musical work. The author is aimed at identifying and considering the role of the Chinese piano school in the formation of Chinese art piano.

Keywords: piano, Chinese culture, music, intercultural dialogue.

дения знаниями, темами восприятия нотного текста, осознания степени использования заложенного потенциала дополнительных фортепианных возможностей. Фортепиано, как и любой другой предмет, развивает музыкальность и способствует осмыслению музыкального произведения. Поэтому через фортепианные произведения в современный период времени активно проецируется китайская культура и история на весь глобальный мир искусства. Такие музыкальные произведения выполняют различные функции, в том числе эстетическую, социальную, дидактическую и терапевтическую. В сочетании с фортепианном ремеслом она является не только средством познания мира, но и стимулом к удовлетворению потребности переживания, что особенно важно для человека через различные формы эстетического воспитания. Именно поэтому основное внимание следует уделять фактуре китайского фортепиано [1].

Уроки китайской музыки – это уникальная возможность интегрировать музыкальные сообщества, так как во время совместного обучения и исполнения музыки молодые люди не только узнают традиции и культуру своей страны, но и имеют шанс подружиться с ней на всю жизнь. Несмотря на культурные различия, универсальный язык музыки преодолевает коммуникативные барьеры. В традиционной китайской музыке правила прочтения произведения в рамках стиля четко определены под влиянием процесса и анализа восприятия с развитием техники, науки, промышленности и изменений в общественном сознании, обусловивших многие направления и стили в искусстве в широком смысле.

Влияние китайского искусства фортепиано на человеческое развитие и функционирование во всех сферах жизни побуждает ученых, художников, музыковедов и педагогов различных дисциплин прямо или косвенно связывать обоснование научных или исследовательских соображений с образовательными контекстами познания мира.

Китай открыл для себя историю китайской фортепианной музыки, когда в 19 веке миссионеры и деловые люди представили фортепианные инструменты. После более чем 100 лет исследований постепенно возникла фортепианная культура с китайской спецификой.

Китайская фортепианная музыка имеет уникальный аспект с точки зрения исполнительского мастерства, теоретической базы и творческого мышления. Благодаря большому международному обмену и распространению опыта китайское фортепианное искусство совершило стремительный скачок. После нескольких лет обучения многие молодые китайские пианисты, такие как Лан Лан, Ли Юнди, Чен Са, работающие на международной музыкальной сцене, привлекают внимание мировой музыкальной сцены [2].

Фортепианные школы характеризуются полной, научной и продуманной системой творчества, обучения и исполнения. Новое понимание и принятие искусства позволяет смело использовать китайский стиль и китайскую гармонию в создании музыки и способов мышления. Сформировалось многообразное направление развития фортепианного искусства, в нем нашли отражение многообразие музыкальных элементов и стилей. Благодаря совместным усилиям композиторов и пианистов, китайское фортепианное искусство, несомненно, становится все более расцветающим.

Исторический опыт является бесценным культурным и духовным богатством, которое становится важнейшим элементом для китайского фортепианного искусства [5]. Реальный социальный статус фортепиано в Китае был реализован в движении «Школьная музыка и песня» в начале 20 века. Это беспрецедентное музыкальное движение в истории китайской музыки, основанное на школе и распространяющее влияние на всё глобальное общество [3].

Китайская фортепианная культура представляет собой кристаллизацию слияния китайской и западной культур в контексте интеграции образования и науки современного Китая в мировое образовательное пространство. При оценке успехов музыкального образования уровень фортепианного образования еще не достиг желаемого уровня. Однако нерешенным вопросом остается высокая стоимость обучения, которая влияет на выбор, квалификацию, качество и продолжительность процесса деятельности [4].

Остаются актуальными проблемы: внедрение новейших школьных технологий, подготовка квалифицированных специалистов, концептуальная практическая база и целевые научные исследования. В государственных образовательных документах и программах Китая указывается, что предпосылками для осуществления непрерывного обучения игре на фортепиано являются: обеспечение единства, взаимосвязи содержания, согласованности целей и методов обучения на соответствующих образовательных этапах. Внимание к этому повышено именно в аспекте модернизации и формирования фортепиано в целом за счет формирования соответствующего учебно-методического обеспечения.

Значительным приоритетом китайской фортепианных школ является обеспечение и поддержка уже существующей системы обучения с последующим продвижением достаточного уровня развития мирового искусства. В связи с этим, важно гарантировать школам расширение перечня дисциплин, дипломированных и высококвалифицированных специалистов, использование современных технологий.

Анализ практических достижений и исследовательских работ показывает отсутствие всестороннего теоретического и методического обеспечения обучения фортепиано в китайской системе фортепианного образования, что привело к определенным противоречиям между:

- реальным положением фортепианных учебных заведений;
- возрастающей потребности современного общества в квалифицированных специалистах, способных продвигать мировое музыкальное искусство;
- непоследовательностью в организации процесса обучения игре на фортепиано в китайских школах;
- в отсутствии четкого понимания мировой системы обучения игре на фортепиано [5].

Роль китайской фортепианной школы в формировании фортепианного искусства следует рассматривать как целостный, сложный и непрерывный процесс передачи и усвоения знаний, умений, навыков и способов игры на фортепиано.

Литература:

1. *Ван Ин*. Претворение национальных традиций в фортепианной музыке китайских композиторов XX–XXI веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2019. С. 219.
2. Популярные фортепианные сочинения китайских композиторов: ноты / Сост. Сян Чень мэй. Сычуань : Лит. и искусство, 2020. С. 315.
3. *Гайдай П.В.* Роль традиционной музыкальной культуры в развитии фортепианного искусства Китая / П.В. Гайдай // Искусствоведение. 2021. С. 61–64.
4. *Сергеев Н.П.* О фортепианном искусстве Китая. М. : «Прогресс», 2020. С. 730.
5. *Смирнов А.Ю.* Культура в обществе как фундаментальная основа функционирования института образования в теории институтов А. Гелена / А.Ю. Смирнов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10(161). С. 551–555.
6. *Родионова А.Н.* История современной музыки. М. : «Старый парк», 2019. С. 150.

Literature:

1. *Van In*. The implementation of national traditions in the piano music of the Chinese composers of the 20th – XXI centuries : abstract. dis. cand. art criticism. SPb., 2019. P. 219.
2. Popular piano works of Chinese composers: notes / Comp. Xiang Chenmei. Sichuan : lit. And art, 2020. P. 315.
3. *Gaidai P.V.* The role of traditional musical culture in the development of the piano art of China / P.V. Gaidai // Artistic. 2021. P. 61–64.
4. *Sergeev N.P.* About the piano art of China. M. : «Prigram», 2020. P. 730.
5. *Smirnov A.Yu.* Culture in society as a fundamental basis for the functioning of the Institute of Education in the theory of institutes by A. Gelen / A.Yu. Smirnov // Eurasian Legal Journal. 2021. № 10 (161). P. 551–555.
6. *Rodionova A.N.* History of modern music. M. : «Old Park», 2019. P. 150.

Меркулова Наталья Геннадьевна
кандидат культурологии,
доцент,
заведующая кафедрой культурологии,
Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина
n.merkulova@365.rsu.edu.ru

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ГОЛОВЫ И ЛИЦА ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭПОХИ 1940–1950-Х ГОДОВ

■ ■ ■

Аннотация. Исследование сущности культуры, её ключевых смыслов и доминант, определяет методологическую целесообразность обращения к категории культурного кода, понимаемой как набор установок, особенностей восприятия и оценки явлений и феноменов действительности, позволяющий перейти от значения объекта к его смысловому содержанию в конкретной культурной системе. В представленной статье автор осуществляет реконструкцию культурных кодов соматизмов «голова» и «лицо» человека на материале произведений отечественной живописи и скульптуры послевоенных лет.

Ключевые слова: культурный код, соматические концепты, голова, лицо, изобразительное искусство, живопись, скульптура, послевоенные 1940–1950-е годы.

■ ■ ■

Для исследования сущности, квинтэссенции, ключевых смыслов и доминант культурной системы методологически целесообразно использование категории *культурного кода*, под которым следует понимать набор установок, устойчивых образов и особенностей восприятия явлений и феноменов окружающей действительности, который входит в состав ментальности определенного человеческого сообщества и позволяет перейти от значения определенного объекта (общепризнанного наименования) к смыслу (специфике восприятия данного концепта и его места в картине мира). Материалом для выявления и реконструкции культурных кодов являются объективированные результаты деятельности человека, среди которых наиболее информативным и достоверным можно считать произведения искусства в силу особой, образной природы художественного языка. Так, рассмотрим культурные коды соматизмов «голова» и «лицо» человека в произведениях отечественной живописи и скульптуры послевоенной эпохи 1940–1950-х годов.

После окончания суровых и беспощадных военных лет в судьбе нашей Родины наступает дру-

Natalia G. Merkulova
Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor,
Head of the Department of Cultural Studies,
Ryazan State University
named after S.A. Yesenin
n.merkulova@365.rsu.edu.ru

CULTURAL CODES OF THE HUMAN HEAD AND FACE IN THE RUSSIAN FINE ART OF THE POST-WAR ERA OF THE 1940–1950S

■ ■ ■

Annotation. The study of the essence of culture, its key meanings and dominants, determines the methodological expediency of referring to the category of cultural code, understood as a set of attitudes, features of perception and evaluation of phenomena and phenomena of reality, which allows moving from the meaning of an object to its semantic content in a particular cultural system. In the presented article, the author reconstructs the cultural codes of somatisms «head» and «face» of a person on the basis of the works of Russian painting and sculpture of the post-war years.

Keywords: cultural code, somatic concepts, head, face, female images, painting, sculpture, post-war 1940s–1950s.

■ ■ ■

гая эпоха: страну нужно было поднимать из руин, восстанавливать экономику, промышленность, заново возводить разрушенные города и села, обустраивать повседневный быт простого человека, зачастую теперь – лишённого всего: не только крыши над головой, но и своих близких и дорогих людей, своего привычного мира. Перед искусством встала задача – поддерживать, вдохновлять и воодушевлять, показывая прекрасную советскую реальность, где так счастлив народ-победитель.

Целый ряд живописных полотен послевоенных лет представляет зрителю своих героев, которые изображены в мирные моменты: либо пока редкие, между боями; либо уже полные надежды и радости, связанной с предчувствием окончания времени жестоких испытаний и проверки на прочность всех – от мала до велика. Лица персонажей подобных произведений, несмотря на абсолютную разницу в окружающей их обстановке, будто излучают свет любви к жизни, к людям, воодушевление и эмоциональный подъем. Таким жизнеутверждающим пафосом проникнуты работы *А.И. Лактионова «Письмо с фронта»* (1947); *Б.М. Неменского «О далеких и близких»*

(1950), «*Дыхание весны*» (1955); Ю.М. Непринцева «*Отдых после боя*» (Василий Теркин)» (1951).

На полотне «*Письмо с фронта*» А.И. Лактионов воссоздает жизненную сценку, свидетелем которой был сам. Однажды в подмосковном Загорске, идя по улице, он увидел бойца, медленно шедшего, тяжело опираясь на костыль. Художнику стало понятно, что местность бойцу не знакома, так как пришел он с каким-то поручением. Солдат, завидев живописца, обратился к нему – достал исписанный листок и начал спрашивать о таком-то адресе. Художник предложил проводить его. Пока шли, разговаривали – о фронтовых буднях, о долгожданной Победе, а также – что раненый боец несёт семье товарища хорошие вести. Живописец провел солдата к воротам, поэтому увидел, как он поднялся на крыльцо, как его окружили родные друга, как увидели письмо, читали и перечитывали, вслушиваясь в каждое слово. Так у мастера родилась идея картины, за которую он впоследствии получил высшую возможную тогда награду – Сталинскую премию первой степени.

На своем полотне А.И. Лактионов представляет зрителю пять персонажей, объединенных чтением письма с фронта. Все участники действия расположились вокруг сидящего на табурете мальчика, которому и было доверено чтение вслух долгожданных строк. Его лицо залито ярким солнечным светом, от которого тот немного щурит глаза, сосредотачиваясь и со всей ответственностью погружаясь в серьезное дело. Словно купается в ярком солнце и лицо светловолосой девушки с красной повязкой дежурного ПВО на руке. Ее золотистые локоны будто растворяются в солнечном свете, пронизывающем всю сценку и наполняющем ее радостью, теплом и истинным счастьем. Девушка открыто и широко улыбается, её внимательный и немного оценивающий взгляд устремлен на солдата, а легкий наклон головы подчеркивает искренний интерес. Принесший семье долгожданное письмо раненый солдат изображен в профиль, с дымящейся папиросой во рту, зажатой между оставшимися зубами. Его лицо – самое смуглое на картине, выдающее долгое пребывание под палящими солнечными лучами. Боец так же внимательно, как и все остальные, слушает мальчика, словно вновь погружаясь в реалии военных будней, выступая их живым свидетелем. Вполоборота к мальчику, практически спиной к зрителю представлены фигуры двух других персонажей – девочки с длинными косами и держащей конверт пожилой женщины в платке, которых художник разместил по обеим сторонам дверного проема. Их лица даны в полупрофиль от зрителя, но всё же видно, что взгляды прикованы к письму, которое является композиционным центром полотна и словно само источает тот яркий свет, которым пропитано всё пространство картины.

В работе «*О далеких и близких*» Б.М. Неменский рисует расположившихся в землянке солдат в момент отдыха, в перерыве между боями читающих и перечитывающих вслух строки, получен-

ные от дорогих и любимых, таких далеких, но самых близких сердцу людей.

Надо сказать, что в Москве боец Неменский для прохождения службы был приписан к Студии военных художников имени М.Б. Грекова. Художники этого объединения направлялись на передовую, осуществляли натурные зарисовки на местах боев, запечатлевая самое пекло сражений. Материалом для полотна послужили впечатления, эмоции от первой командировки живописца зимой 1942 года в передовую часть, которая удерживала местность, глубоко врезающуюся во вражеские расположения. На эти позиции редко и с большими переборами доставляли полевую почту. В таких ситуациях письма, которые бойцы перечитывали друг другу помногу раз, становились особенно ценными.

Светом, будто исходящим от самого письма, озаряются и проступают из темноты ночной землянки лица пятерых бойцов. В их выражениях читается и радость, любовь и воодушевление, словно от трогательной и долгожданной встречи с близкими и родными; и нежная грусть и безысходная горечь от долгой разлуки и невозможности скорой встречи; и светлые надежды на долгожданное счастье и мирную жизнь.

Таким образом, можно сказать, что целый ряд художественных произведений послевоенной советской эпохи указывает на культурный код, связанный с представлением о *герое времени и человеке-герое как о мужественном, сильном своим жизнелюбием и неиссякаемой бодростью духа; верящем, что невзгоды всегда сменяются радостью, и черпающем силы в любви: к близким, к природе, к Отчеству.*

Следует отметить, что изобразительное искусство послевоенного времени изобилует и другими по эмоциональной тональности работами, раскрывающими глубокие, драматические переживания, предельное напряжение душевных сил, высочайший эмоциональный градус состояния героев: В.Н. Костецкий «*Возвращение*» (1947), Б.М. Неменский «*Машенька*» (1956), «*Земля опаленная*» (1957).

Так, захлестывающими эмоциями, пережитыми в жестокое военное время, пропитана картина В.Н. Костецкого «*Возвращение*», представляющая сцену долгожданной встречи вернувшегося с фронта солдата. В центре полотна спиной к зрителю изображена фигура главного героя, стоящего на лестничной площадке перед уже открытой ему дверью в квартиру. Навстречу герою-победителю выбежала жена и так и застыла в крепких, горячих объятиях, спрятав заплаканное лицо у него на груди. К ногам прижался мальчишка лет шести-семи с рано повзрослевшим лицом детей войны. Он немного смущен и взволнован, еще не до конца осознает случившегося счастья, но в лице ребенка отчетливо читается восторг и благоговение. А у дверного проема словно застыла старушка – мать солдата, с любовью и нежным трепетом взирающая на сына.

Эту картину художник задумал еще будучи солдатом на войне, а написал в 1947 году, вернувшись с фронта, практически как автопортрет. К слову, В.Н. Костецкий изобразил реальную лестничную площадку перед своей квартирой в доме 8/14 по улице Большой Житомирской в Киеве, где он жил с семьёй и где впоследствии проживал его сын Александр.

Важно указать, что на полотне художник не показывает лицо солдата и его жены, и именно этот прием делает картину такой пронзительно-надрывной, скрытые от зрителя лица только подчеркивают предельный градус переживаемых героями эмоций. А атмосферу радости Победы и волнительной встречи создают и говорящие детали: старая шинель и пилотка, вещмешок за плечами, кирзовые сапоги, брошенный на пол солдатский чемодан. Тусклые, времен войны, обшарпанные стены лестничной клетки – как прощальные штрихи страшного, тяжелого, военного времени. Белая блузка женщины – как проблеск света и наступающей мирной, созидательной эпохи. И ребенок – как будущее молодой страны-победительницы.

На картине *Б.М. Неменского «Машенька»* изображен эпизод из жизни военного госпиталя: ночное дежурство совсем юной медсестры, устало присевшей и облокотившейся на стол, где аккуратно накрыта листом бумаги керосиновая лампа – чтобы ее свет не тревожил спящих. Сидящую рядом у стола в стеганой фуфайке подружку-напарницу сморил тяжелый сон. Над столом – полувзвешенное одеялом окно, через которое в тишину ночного полумрака пробивается чуть забрезживший рассвет. Молоденькая героиня, почти еще девочка, в белой косынке и белом халате, представляющихся символами чистоты и юности, словно на минуту погрузилась в свои мысли, воспоминания, светлые ускользающие мечты. Что ей грезится? Может, родной дом, мать и недавнее детство. Но волнение и тревога, ни на секунду не оставляющие тишину военного госпиталя, будто заставляют спрашивать у предрассветного неба, что грядущий день готовит ей и ее подопечным.

Черты лица девушки чистые, трогательные и по-детски мягкие; во взгляде, задумчивом и устремленном внутрь себя, – нежность, мечтательность, сострадательность, смирение и кротость, но, в то же время, внутренняя собранность, готовность самоотверженно выполнять свой долг: под грохочущими орудиями и разрывающимися снарядами спасать бойцов даже ценой собственной жизни.

У картины *«Машенька»* есть второе название – *«Сестры наши»*, в нем воплотилось искреннее тепло и благодарность солдата Неменского всем девушкам-медсестрам за их мужество и подлинный героизм; не только физически, но и морально тяжелый труд, когда эти юные практически девочки оказывались в жесточайших условиях военного времени, перед лицом чудовищных реалий фронтовых будней.

Зритель чувствует, что героиня *Б.М. Неменского* готова выдержать всё, лишь бы спасти, вылечить, вернуть к жизни и к бою искренних солдат. Картина трогает добротой, искренностью, а также – легкой нотой печали; здесь, говоря словами *Л.А. Неменской*, жены живописца, «живет образ волшебной сказки, рассказанной по-своему, по-солдатски правдиво, бесхитростно, искренне... Машенька – та же Ассоль. Или Золушка» [1, с. 17]. Автору удалось воплотить удивительное состояние девушки «между сном и явью, между реальностью и мечтой» [1, с. 16]. Творческий поиск осуществлялся долго, было написано огромное количество лиц. В итоге был создан образ такой проникновенный, что множество солдат, прошедших войну, уверенно утверждали: на полотне изображена именно спасавшая их медсестра.

Таким образом, можно отметить, что изображение лица и головы героев целого ряда произведений иллюстрируют культурный код, связанный с пониманием, что *советский народ выстоял в жесточайшей борьбе за свою свободу, прошел через суровые испытания, ужасы, неимоверные тяготы военных лет, и боль от потерь заглушить невозможно, она останется навсегда в памяти поколений.*

Широкий ряд живописных и скульптурных произведений советской послевоенной эпохи представляет зрителю героические образы бесстрашных, решительных и стойких, несокрушимых защитников Родины. Это образы как выдающихся личностей многовековой русской истории, так и современников авторов, героев совсем недавнего прошлого, ставших истинной, надежной опорой страны: *М.С. Сарьян «Портрет маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна» (1947); Б.В. Иогансон, В.В. Соколов, Д.К. Тегин, Н.Н. Чебаков, Н.П. Файдыш-Крандиевская «Выступление В.И. Ленина на III съезде комсомола» (1950); Н.В. Томский «Памятник генералу армии И.Р. Апанасенко» (Белгород, 1949), «Памятник генералу армии И.Д. Черняховскому» (Вильнюс, 1950); С.М. Орлов, А.П. Антропов, Н.Л. Штамм «Памятник Юрию Долгорукому» (Москва, 1954); Е.В. Вучетич «Перекуем мечи на орала» (Нью-Йорк, 1957); Ф.Д. Фивейский «Сильнее смерти» (1957).*

Так, в работе *М.С. Сарьяна «Портрет маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна»* перед зрителем предстает выдающийся советский военачальник, талантливый полководец, известный своим волевым и непреклонным характером. Однако художнику удается создать многогранный образ народного героя, в спокойной уверенности которого читается скрытая сила.

Иван Христофорович Баграмян в белом кителе изображен сидящим в ясный солнечный день на застекленной веранде. Лёгкая улыбка проступает на его добродушном, приветливом и в то же время твердом и мужественном лице. Потоки света льются сквозь окна, и солнечные блики играют на лице и фигуре. И хотя, на первый взгляд, художником создан образ простого, благожелательного человека, лицо портретируемого

завораживает сквозящей мудростью и чувством глубокой ответственности, что раскрывает зрелую, цельную и незаурядную личность.

В скульптурном монументе *Н.В. Томского «Памятник генералу армии И.Р. Апанасенко»* зрителю представлен образ еще одного поистине народного героя, надежного, как скала, защитника Отечества. Иосиф Родионович Апанасенко к июню 1941 года находился в должности командующего Дальневосточным фронтом, где проявил себя как смелый командир, принимающий не только твердые решения, но несший лично всю меру ответственности за выполнение каждого, а также – как деятельный, неутомимый и продуктивный военный хозяйственник. На вверенном участке ему удалось ликвидировать транспортный вакуум: за 150 дней была построена отсыпная трасса протяженностью в тысячу километров, в результате – к 01 сентября 1941 г. по стратегически важной для всей страны дальневосточной дороге Хабаровск – Белогорск поехали первые армейские автомобили. Благодаря решительности, энергичному и твердому характеру И.Р. Апанасенко это оказалось возможным в первый, самый сложный год Великой Отечественной войны.

С обострением обстановки под Москвой, в конце осени 1941 года И.Р. Апанасенко начинает переброску к столице дальневосточных дивизий вместе с танками и самолетами. Многие сибиряки стали свидетелями фантастической картины: по Транссибу, вздымая вихри снежной, а также паровозной пыли, к столице с дальневосточных территорий с двойной силой неслись военные составы. На отдельных участках встречное движение останавливали и ураган эшелонов, сопровождаемый несмолкаемым рёвом, создавал поистине ирреальное зрелище. Друг за другом на минимальном допустимом расстоянии дальневосточные воинские составы, укомплектованные военными кадрами, спешили к Москве.

Поезда гнали строго секретно при полной маскировке, без сигнального света; они мчали не останавливаясь с курьерской скоростью, пробегая по восемьсот километров в сутки. Таким образом и были переброшены свежие силы для подкрепления под Москву всего за несколько недель.

Последний владивосточный эшелон отправили 17 октября, а уже 28 октября 1941 года воинские части разгружались в Истре под Москвой. А в ноябре эти дивизии уже вели бои, защищая столицу, и в начале декабря перешли к наступлению. Без этих хорошо подготовленных частей выиграть битву за Москву было бы, скорее всего, невозможно.

Но и о дальневосточных рубежах генерал армии И.Р. Апанасенко позаботился довольно хитрым способом. Направляя свои дивизии на передовую, он сразу же на их места ставил другие формирования с такими же номерами. Такова была его инициатива, не согласованная с командой центра, поэтому потенциально наказуемая. Формируя части-дублиеры, И.Р. Апанасенко орга-

низовал призыв мужчин возрастом до 55 лет включительно из различных союзных республик, а также – И.Р. Апанасенко вытаскил из ссылки и тюрем успешных командиров и принял их в свою армию. В целом, генерал в чрезвычайно краткие сроки сумел укрепить оборону ключевых населенных пунктов русского Востока, сделав эти рубежи неприступными крепостями. Теперь Япония стала серьёзно воспринимать военную мощь СССР, с которым безопаснее стало поддерживать вооруженный нейтралитет.

Независимо от столь бурной деятельности, генерал просился в действующую армию: в мае 1943 г. ему удалось согласовать с И.В. Сталиным командировку в войска Воронежского фронта. Однако Иосифу Родионовичу удалось повоевать лишь сто дней, пока, будучи заместителем командующего Воронежским фронтом, он не погиб во время обстрела под Белгородом.

В скульптурной работе Н.В. Томского на высоком постаменте, облицованном черным мрамором, перед зрителем предстает трехметровая, отлитая в бронзе, могучая фигура в шинели, застывшая в решительном движении, полном внутренней энергии и поистине богатырской мощи. Черты лица генерала – крупные, мужественные, грубоватые, с твердым жестким взглядом и непоколебимо уверенным выражением лица.

Таким образом, можно сказать, что в целом ряде живописных и скульптурных произведений послевоенного периода раскрывается культурный код, связанный с установками общественного сознания о том, что *«всегда было и есть кому отстаивать родную русскую землю, поскольку её героические защитники – поистине неустрашимая, надежная и несокрушимая опора Отечества; стоящие, как скала, на страже мира и благополучия своего народа; преодолевшие и преодолевающие все преграды, угрозы и опасности»*.

Следует также отметить, что произведения второй половины 1940-х – 1950-х гг., преимущественно – живописные, демонстрируют зрителю и образы советских тружеников, с энтузиазмом и воодушевлением взявшихся за восстановление народного хозяйства, работающих на благо и процветание страны, возрождающейся после разрушительных потерь военных лет: А.А. Дейнека *«Эстафета по бульварному кольцу»* (1947), *«У моря»* (1957); С.А. Чуйков *«Утро»* (1947); Т.Н. Яблонская *«Хлеб»* (1949); А.А. Мильников *«На мирных полях»* (1950); Л.В. Кабачек *«Геологи»* (1951), *«На Енисее»* (1952), *«Отдохнули»* (1950-е), *«Победители скачек»* (1959), *«С праздника»* (1957), *«Портрет бригадира колхоза «Гвардеец» А.И. Перепелкина»* (1959); А.А. Пластов *«Ужин трактористов»* (1951), *«Весна»* (1954); А.И. Лактионов *«В новую квартиру»* (1952); С.А. Мамбеев *«У юрты»* (1958); Ю.М. Непринцев *«Метростроевцы-проходчики»* (1959); С.Т. Коненков *«Текстильщица»* (1959).

«Хлеб» – одно из широко известных полотен Татьяны Ниловны Яблонской, принесшее советской художнице Сталинскую премию II степени, а

также бронзовую медаль на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году.

На картине изображен момент, когда деревенские женщины собирают обмолоченное и провеянное зерно в мешки на гумне.

Колорит выдержан в золотистой теплой гамме. Это поддерживается не только цветом зерна, но и потоками солнечного света, который буквально заливает все пространство холста.

На заднем плане находится огромная скирда, загораживающая практически весь горизонт и выступающая общим фоном происходящему в разных частях полотна. Вдали – идёт молотья, а также погрузка зерна на машины, украшенные красными полотнами.

Фигуры и элементы на заднем плане образуют полукруг, выделяя трех основных персонажей переднего плана: это девушка, завязывающая мешок, закатывающая рукав рубахи улыбающаяся колхозница и сыпавшая зерно крестьянка, отвернувшаяся от зрителей.

Общее настроение картины – это радость и воодушевление от созидательного труда, который заряжает юношеским задором и оптимизмом. Вполне в духе принятой в послевоенное время установки на увековечивание подвигов героев войны и труда Т.Н. Яблонская писала: «Я хотела, чтобы моя картина звучала, как хорошая народная песня о труде, смотрелась бы, как памятник этим людям» [2, с. 61].

Центральный персонаж картины – выпрямившаяся во весь рост в недолгую минуту отдыха статная девушка, прервавшая свою работу, чтобы поправить спустившиеся рукава. Её лицо, от которого зрителю трудно оторваться, искрится жизнелюбием и энергией радостного труда, широкая озорная улыбка притягивает бодростью и ощущением истинного счастья.

Рядом в профиль изображено лицо ещё одной юной героини, повернувшей голову вправо, в сторону группы женщин у молотилки. Выбивающиеся из-под косынки светлые волосы, курносый нос, пухлые губы и, в целом, простые, грубоватые черты лица создают народный, крестьянский, притягательный женский образ, завораживающий своей природной, основательной, крепкой красотой.

Важно указать, что головы всех изображенных на картине женщин покрыты чистыми, белоснежными косынками, что подчеркивает общее

Литература:

1. *Неменская Л.А.* Художнику Борису Михайловичу Неменскому – 95! / Л.А. Неменская // Развитие личности. 2017. № 4. С. 10–37.
2. *Яблонская Т.Н.* Как я работала над картиной «Хлеб» / Т.Н. Яблонская // Из творческого опыта. Вып. 3. М. : Советский художник, 1957. 171 с.

ощущение праздника, искренней радости труда, подлинного счастья изобилия, молодости и силы.

В работе С.А. Чуйкова «Утро» на общем фоне величественного пейзажа киргизских гор, залитых ярким светом восходящего солнца, изображена статная молодая женщина, пришедшая к реке за водой, а рядом с ней – несмелыми шагами, с интересом и осторожностью, заходит в воду крепкий, пухлый малыш. Изображение крупной человеческой фигуры на переднем плане, на фоне гор и безоблачного неба придает образу монументальность и эпичность.

Картина полна света, воздуха, величавого покоя, здесь жизнь человека и природы слиты воедино. Это гимн пробуждающейся новой жизни, непреходящей красоте окружающего. Великолепно владея цветом, С.А. Чуйков сообщает своему полотну особую пластическую и живописную выразительность. Колористическая гамма гармонично сочетает лиловые, синие, розовые, голубые тона одновременно.

Голова женщины повязана белой косынкой, выступающей, как и в выше рассмотренном произведении Т.Н. Яблонской, символом свежести, радости, даже – торжественности момента. Взгляд молодой киргизки с правильными чертами лица устремлен вдаль, вперед, навстречу восходящему солнцу, от ослепительных лучей которого она прикрывает глаза поднятой ко лбу ладонью. Молодое лицо героини с простыми, но гармоничными восточными чертами и здоровым румянцем, уверенная и прямая посадка головы раскрывают образ советской труженицы послевоенных лет – сильной, красивой и счастливой свои мирным трудом – и формируют общее настроение картины – утро новой жизни, как восходящее солнце, слепит глаза своей мощью и яркостью.

Таким образом, следует отметить, что изображения лица и головы персонажей в широком ряду произведений изобразительного искусства указывают на культурный код в ментальных структурах общественного сознания послевоенной советской эпохи, связанный с *представлением о новом герое мирного времени – сильным, красивом своими крепкими природными формами и чертами, счастливым труженике, а преимущественно – труженице, так как именно на женские плечи в тот долгожданный, но крайне сложный период легла тяжелейшая задача восстановления разрушенной войной страны.*

Literature:

1. *Nemenskaya L.A.* Artist Boris Mikhailovich Nemensky is 95! / L.A. Nemenskaya // Personal development. 2017. № 4. P. 10–37.
2. *Yablonskaya T.N.* How I worked on the painting «Bread» / T.N. Yablonskaya // From creative experience. Issue. 3. M. : Soviet artist, 1957. 171 p.

Павлова Ольга Александровна
доктор филологических наук,
доцент,
доцент кафедры
социально-культурной деятельности,
Краснодарский
государственный институт культуры
lexfati72@mail.ru

«МЯГКАЯ СИЛА» КУЛЬТУРЫ КАК МАНИПУЛЯТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ Д. НАЯ

Аннотация. В статье предпринят анализ концепции культуры как «мягкой» политической силы, вошедшей в научный дискурс, благодаря разработкам Д. Ная. Через российскую интерпретацию «мягкой силы» и китайский концепт «дискурсивная сила» обозначена близость позиций России и КНР в трактовке данной концепции, изначально, в позиционировании Д. Ная, ориентированной на манипулятивные технологии пропаганды и лоббирования интересов коллективного Запада. В свете этого, процессы глобализации, ускорившиеся, благодаря цифровизации и развитию интернета, в статье трактуются как реконструкция в реалиях развивающегося информационного общества модели неокolonиальной политики. Исходя из того, что в эпоху цифровизации интенсифицируются процессы глобализации и унификации культур по западным «эталонным» образцам, автор статьи рассматривает национальные культуры как эффективный инструмент как сохранения национальной идентичности, так и формирования многополярного мира в современных геополитических условиях.

Ключевые слова: культура, глобализация, информационное общество, культурная политика, «мягкая» политическая сила, манипуляция, медиакommunikation.

Концепция культуры как «мягкой» политической силы весьма популярна в современном мире. Об этом свидетельствует ее востребованность не только на Западе, где на нее ориентируются не только на Западе – при разработке «культурных программ и культурной дипломатии в организации политических стратегий Евросоюза» [1, с. 46] и в продвижении политического имиджа США как оплота демократии, но и на Востоке, например, в КНР, где она выступает «в качестве теоретической основы при разработке внешнеполитических стратегий XXI века» – от доктрины «мирного возвышения Китая» до «наступления эпохи досуга в КНР» [1, с. 79]. К

Olga A. Pavlova
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Social and Cultural Activities,
Krasnodar State Institute of Culture
lexfati72@mail.ru

«SOFT POWER» OF CULTURE AS MANIPULATIVE COMMUNICATION: EXPERIENCE IN INTERPRETING THE CONCEPT OF D. NAYA

Annotation. The article undertook an analysis of the concept of culture as a «soft» political force that entered the scientific discourse thanks to the developments of D. Nye. Through the Russian interpretation of «soft power» and the Chinese concept of «discursive power», the proximity of the positions of Russia and the PRC in the interpretation of this concept is indicated, initially, in the positioning of D. Nye, focused on manipulative technologies for propaganda and lobbying of the interests of the collective West. In light of this, the processes of globalization, accelerated by digitalization and the development of the Internet, are interpreted in the article as a reconstruction of the model of neo-colonial politics in the realities of the developing information society. Based on the fact that in the era of digitalization, the processes of globalization and the unification of cultures according to Western «reference» models are intensified, the author of the article considers national cultures as an effective tool for both preserving national identity and the formation of a multipolar world in modern geopolitical conditions.

Keywords: culture, globalization, information society, cultural policy, «soft» political power, manipulation, media communications.

тому же, в работах китайских учёных исследование культуры как «мягкой» политической силы носит фундаментальный комплексный характер и имеет статус самостоятельного научного направления [1, с. 80].

Тем не менее, концепцию культуры как «мягкой» политической силы Д. Ная разработал исключительно с целью геополитического продвижения имиджа США как мирового оплота демократии и либеральных ценностей. Данная установка декларировалось названием книги 1990 года, в котором США позиционировались как страна, «обреченная лидировать» – «Bound to Lead: The

Changing Nature of American Power». В данной работе Д. Най выдвинул идею «мягкой» политической силы Америки, выразителями которой выступают культура и система ценностей, а инструментами продвижения – внешнеполитическая дипломатия. В связи с этим, основами мирового лидерства США Д. Най провозглашал гражданское общество и либеральные ценности.

Итак, американская культура имеет полномочия «мягкой» политической силы, так как большинство стран в мировом сообществе стремятся быть похожими на США в силу того, что разделяют такие их ценности, как «свобода (либерализм), частная собственность (рыночная экономика) и стремление к счастью» [2, с. 25]. Подчеркнув, что истоки этих ценностей коренятся в идеологии западноевропейского Просвещения, в аксиологическом контексте которой, собственно, и формировались США, акцентируем внимание на утилитарном значении концепции Д. Най, выразив солидарность с позицией М.В. Харкевич. По мнению ученого, «утилитарная задача популяризации концепции “мягкой силы” заключается в преодолении в американском академическом сообществе ожиданий скорого заката США», вызванного рядом обстоятельств, среди которых – отмена президентом Никсоном «привязки доллара к золоту», «фактическое поражение во Вьетнаме», «мировой нефтяной кризис» [2, с. 25]. В данных обстоятельствах Д. Най опубликовал книгу, в которой доказал, что США не утратят своей гегемонии в мире и не повторят судьбу Великобритании, ибо, в отличие от нее, доминирует в мире благодаря привлекательному политическому режиму, репрезентантом которого выступает «мягкая» сила культуры.

Впоследствии, на протяжении более двадцати лет, Д. Най, будучи не только политологом, но и практикующим политиком, развивает концепцию «мягкой» политической силы на американском «материале» в многочисленных публикациях. Реализация «мягкой» политической силы, по его утверждению, заключается в способности страны «делать свою политику настолько дружелюбной и привлекательной, что сообщество захочет помочь вам в достижении общих целей» [3, с. 5].

Технология функционирования «мягкой» политической силы состоит в «эффекте притяжения» общих ценностей и целей, а инструментом ее реализации являются продвижение этих ценностей через создание системы международных правил и институтов [3, р. 6, 9]. В качестве основных «ресурсов» «мягкой» политической силы Америки Д. Най называет:

- «культуру», «политические ценности» (включая «идеологию» и «сильную экономику»);
- «внешнюю политику», имеющую в мировом сообществе легитимный статус и авторитет;
- «международные институты»;
- приоритет в иницировании и постановке «международной повестки дня»;
- «международных правил игры» [3, р. 10–11].

Подчеркнем, что в перечне «ресурсов» «мягкой» политической силы Д. Най первенство отдает культуре, полагая, что именно благодаря массовой культуре, США достигли своей популярности в мировом сообществе.

Кроме того, самоидентификация американцев осуществляется в контексте ценностей массовой культуры, и США «являются главными импортерами массовой культуры в другие государства», обеспечивая там «адаптацию этнических и национальных ценностей под модель массовой культуры» [1, с. 22–23]. Массовая культура – проводник не столько «вечных» общечеловеческих ценностей, даваемых в упрощенно-утрированной, в современных реалиях, дополненной толерантными смыслами, форме, сколько ретранслятор стереотипов «общества потребления» с его гедонистическим индивидуализмом. И потому массовая культура – наглядное проявление процессов глобализации, которые Дж. Ритцер метафорически емко определил как «макдональдизацию общества», где люди превратились в «автоматы для потребления», функционирующие в соответствии с принципами «эффективности, просчитываемости, предсказуемости и контроля» [4, с. 75]. И США в глобализационных процессах являются эталонной моделью, ибо «для идущих в фарватере их политики европейских стран именно американские ценности доминируют над национальными интересами европейцев» [5, с. 113]. В свете этих рассуждений, концепция Д. Най представляется, своего рода, методологическим алгоритмом, выполняющим функции не только технологии лоббирования интересов США через продвижение их политического имиджа как оплота легитимности и демократии, но и объяснительной модели геополитического американского лидерства.

В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что новые информационно-коммуникативные технологии как ускорили процессы глобализации и унификации культур, так и существенно видоизменили феномен «мягкой» политической силы, обнаружив и акцентировав ее коммуникативную природу, связанную с продвижением политического имиджа США. С одной стороны, благодаря цифровизации и развитию интернета «размываются» границы мирового сообщества, и ускоряются процессы глобализации как лоббирование интересов коллективного Запада, в котором модель «привлекательной» американской политики выступает в роли цивилизационного стандарта, эталона. В свете такого подхода, глобализация, несомненно, предстает реконструкцией неокolonialной политики, инструментами реализации которой являются вышеупомянутые «ресурсы» «мягкой» политической силы в трактовке Д. Най. С другой стороны, новые информационно-коммуникативные технологии в глобальном мире, в связи с ужесточением конкуренции государств за ресурсы, отстаиванием национальной идентичности и борьбой за геополитическое лидерство, способствуют активному использованию в этой борьбе манипулятивных технологий информационной войны. В этой ситуации, по мнению Д. Най, «важно не преувеличивать воз-

действие мягкой силы», так как ее применение фактически ограничено такими «целями общих ценностей, как продвижение демократии, права человека и свобода» [6, с. 152]. Упомянув об «общих ценностях», Д. Най вновь обращается к традиционной атрибутике США как оплота демократии и либерализма. В итоге, концепция «мягкой» политической силы обнаруживает свою двойственную природу и манипулятивный характер. На данные свойства теории «мягкой» силы Д. Най указывает китайский и российский варианты ее интерпретации, применяемые в культурной и внешней политике этих стран.

Концепция «мягкой» политической силы Д. Най явилась основой как новой Пекинской революции, так и внешнеполитических стратегий КНР начала XXI века, в которых китайская культура представляла эффективным инструментом позиционирования КНР в геополитическом пространстве. Таковы программы «мирное возвышение Китая», «гармоничное развитие Китая», «построение могущественного культурного государства в Китае», «развитие культурных индустрий в Китае» и др. Вследствие реализации данных программ, в КНР происходило интенсивное развитие культурных индустрий и становление креативной экономики, а китайская внешняя политика активизировалась в мировом сообществе через открытие институтов Конфуция, развитие туризма, стипендиальные программы («Тысяча талантов», «Приникнем к китайским корням» и др.), популяризацию китайской литературы, видеопродукцию, традиционную культуру (например, китайскую оперу) [1, с. 84–88]. При этом китайские ученые и политики (Ван Хунин, Чжан Гоцзо, Чжэн Бяо и др.), творчески переосмысливая концепцию Д. Най, подчеркивали коммуникативность ее технологий, связанных с формированием и продвижением политического имиджа страны посредством информационных технологий и медиакommunikаций. Значит, чтобы занять подобающее ему место в геополитической иерархии, Китай должен разрушить монополию Запада на формирование мировой повестки дня и сам формировать общественное мнение, а не пассивно наблюдать за информационными манипуляциями Запада. Логическим продолжением данных рассуждений явилось то, что во внешней политике КНР в конце 2010-х гг. концепцию «мягкой» политической силы сменяет теория «дискурсивной» силы, восходящая к идеям М. Фуко. Как верно заметил И.Е. Денисов, применительно к КНР, «концепт «дискурсивная сила» носит стратегический характер», так как связан «с планами Пекина по реформе глобального управления и интернационализации китайских стандартов», с «воздействием на ценности мировых ак-

торов и их мировоззрение, а через это – на политический выбор и политические решения» [7, с. 42, 51].

Итак, в китайской интерпретации несомненна преемственная связь между концепциями «мягкой» силы и «дискурсивной силы» как теоретическими основами политических технологий манипуляции массовым сознанием

На манипулятивный характер, применяемой в глобальном мире «мягкой» политической силы, еще в 2012 году указал В.В. Путин, обозначив ее как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» с целью «прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств» [8]. В «Концепции внешней политики РФ», утвержденной Президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 года, «мягкая сила», понимаемая как сущностная характеристика современной внешней международной политики, трактовалась как «комплексный инструментарий» альтернативных «классической дипломатии» гуманитарных, информационно-коммуникационных технологий», которые нередко используются в целях манипулятивного политического давления на суверенные государства. В то же время, в «Концепции внешней политики РФ», утвержденной Указом Президента № 640 от 30 ноября 2016 года, в пункте 9 давалась положительная характеристика «мягкой силы», по-прежнему понимаемой как коммуникационная технология. При этом Указом № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», подписанной Президентом В.В. Путиным 24 декабря 2014 года, культура провозглашается одним из национальных приоритетов России, неотъемлемой основой национальной безопасности страны. В «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ № 326-р от 29 февраля 2016 года, «мягкая сила российской гуманитарного влияния за рубежом» провозглашается эффективным инструментом «осуществления действенной культурной политики» в условиях западных гонений на русский мир.

Итак, в современных реалиях глобального мира концепция «мягкой» политической силы представляет собой манипулятивную коммуникацию, альтернативную традиционной дипломатии, нацеленную на лоббирование интересов коллективного Запада, на что указывают КНР и РФ, подчеркивающие принципиальную значимость национальных культур в формировании многополярного мира.

Литература:

1. Павлова О.А. Социально-культурная деятельность за рубежом. Краснодар : Изд-во КГИК, 2021. 107 с.
2. Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции / М.В. Харкевич // Вестник МГИМО. 2014. № 2(35). С. 22–29.

Literature:

1. Pavlova O.A. Socio-cultural activities abroad. – Krasnodar: KGIK Publishing House, 2021. 107 p.
2. Harkevich M.V. «Soft Power»: The political use of a scientific concept / M.V. Harkevich // MGIMO Bulletin. 2014. № 2(35). P. 22–29.

3. *Nye J.S., Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y. : Public Affairs, 2004. 192 p.
4. *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества. М. : Праксис, 2011. 592 с.
5. *Леонова О.Г.* Джозеф Нпи и «мягкая сила»: попытка нового прочтения / О.Г. Леонова // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 101–114.
6. *Най Дж.С.* Будущее власти. М. : АСТ, 2014. 444 с.
7. *Денисов И.Е.* Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине / И.Е. Денисов // Сравнительная политики. 2020. № 4. С. 42–52.
8. *Путин В.В.* Россией и меняющийся мир. URL : <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения 02.03.2023).

3. *Nye J.S., JR.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y. : Public Affairs, 2004. 192 p.
4. *Ritzer J.* McDonaldization of society. M. : Praxis, 2011. 592 p.
5. *Leonova O.G.* Joseph Npi and «soft power»: an attempt at a new reading / O.G. Leonova // Social and humanitarian knowledge. 2018. № 1. P. 101–114.
6. *Nai J.S.* The future of power. M. : AST, 2014. 444 p.
7. *Denisov I.E.* The concept of «discursive power» and the transformation of Chinese foreign policy under Xi Jinping / I.E. Denisov // Comparative Politics. 2020. № 4. P. 42–52.
8. *Putin V.V.* of Russia and the changing world. URL : <https://www.mn.ru/politics/78738> (date of the application 02.03.2023).

Пэн Хаоюй
магистр,
факультет искусств,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
15666381906@163.com

ТВОРЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННЫХ МОСКОВСКИХ И КИТАЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности российско-китайской межкультурной коммуникации в сфере изобразительного искусства, которые особенно ярко проявились начиная со второй половины XX в. и продолжают до сих пор. Китайско-российские отношения становятся все более тесными по мере постоянного роста национальной мощи Китая. Сотрудничество в политике, экономике, энергетике и других сферах продолжает углубляться. В этом контексте, необходимо углублять китайско-российское сотрудничество в области культуры и искусства. Это стало тенденцией. Именно через художественное искусство все больше россиян имеют возможность понять Китай. Культурные и художественные обмены приведут к большему сотрудничеству в широких областях. Через культуру и искусство прокладывается мост между двумя народами и формируются все новые и новые эффективные способы китайско-российского культурного и художественного обмена. Необходимо обеспечить устойчивое развитие культурных обменов и способствовать постоянным инновациям и развитию искусства в двух странах. Это будет способствовать постоянному развитию дружеских отношений между Китаем и Россией.

Ключевые слова: художники, культурный обмен, Китай, Россия, творческое взаимодействие.

Каждый конкретный случай межкультурного взаимодействия обладает набором специфических черт, требующих детального изучения. Анализ общепринятых типов коммуникации позволяет показать специфические формы взаимодействия между Россией и Китаем. Эти особенности во многом связаны с тем, что процесс межкультурного контакта происходит не только на уровне общения между представителями двух народов, но и в процессе стилового, художественного обмена на уровне восприятия произведений изобразительного искусства. Тем самым, под межкультурной коммуникацией понимается процесс обмена информацией на разных уровнях.

К особенностям российско-китайской коммуникации следует отнести внутриличностное вос-

Peng Haoyu
Master,
Faculty of Arts,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
15666381906@163.com

CREATIVE INTERACTION BETWEEN CONTEMPORARY MOSCOW AND CHINESE ARTISTS

Annotation. The article discusses the features of Russian-Chinese intercultural communication in the field of fine arts, which have been especially pronounced since the second half of the 20th century. and are still ongoing. Sino-Russian relations are becoming closer as China's national power continues to grow. Cooperation in politics, economy, energy and other areas continues to deepen. In this context, it is necessary to deepen Chinese-Russian cooperation in the field of culture and art. It has become a trend. It is through art that more and more Russians have the opportunity to understand China. Cultural and artistic exchanges will lead to greater cooperation in broad areas. A bridge is being built between the two peoples through culture and art, and more and more effective ways of Chinese-Russian cultural and artistic exchange are being formed. It is necessary to ensure the sustainable development of cultural exchanges and promote continuous innovation and development of art in the two countries. This will contribute to the continuous development of friendly relations between China and Russia.

Keywords: artists, cultural exchange, China, Russia, creative interaction.

приятие русского искусства, образных, стиливых и жанровых особенностей русской реалистической московской школы, оказавшее влияние на стиль китайских художников, а также взаимодействие между отдельными художниками и студентами.

В XX веке коммуникации носили, чаще всего, односторонний характер, когда китайские студенты и художники перенимали традиции русской реалистической школы живописи как в процессе приглашения русских мастеров в Китай, так и при обучении в России. Специфика проявляется также во взаимодействии между творческими союзами художников, в совместном проведении выставок, организации пленэров, в процессе которых происходит разноуровневый обмен культурами. Важно подчеркнуть, что в рам-

ках мероприятий, посвященных 70-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, в Москве прошла «Международная неделя моды Шелкового пути» [1]. Данное мероприятие явилось важнейшим событием во взаимодействие московских и китайских художников.

В рамках мероприятия, во Всероссийском музее прикладного декоративного искусства и народного искусства в Москве состоялась церемония открытия «передвижной выставки». В мероприятии приняли участие более 300 человек, в том числе, директор Московского китайского культурного центра Гун Цзяцзя, вице-председатель Ассоциации дизайнеров моды Китая Цзэн Фэнфэй, высокопоставленный чиновник аппарата президента России Шубин, депутат Государственной Думы (нижняя палата парламента) РФ Билеус и директор Музея декоративного искусства Тедова. Ван Хаотянь, председатель Организационного комитета Международной недели моды Шелкового пути, сказал в своем выступлении, что Международная неделя моды Шелкового пути является глобальной трансграничной платформой для показа произведений искусства и окном для выпуска культуры, искусства, дизайна и творчества, направленным на то, чтобы люди во всем мире лучше понимали китайскую культуру и любили китайское искусство через эту форму. Впоследствии, российские и китайские деятели выразили свое приветствие и ожидания в отношении культурных обменов между двумя странами, полностью подтвердили форму художественной презентации «передвижной выставки» и выразили надежду на дальнейшее укрепление дружбы между двумя народами через мультикультурное взаимодействие и признание искусства между двумя странами [2]. На церемонии открытия китайские и российские модели также совместно продемонстрировали работы китайских модельеров, позволив россиянам ощутить вблизи очарование китайской традиционной культуры и инновационного дизайна.

В рамках вышеупомянутого мероприятия, эксперты из индустрии моды Китая и России провели художественный симпозиум и мастер-класс. На симпозиуме заместитель директора Российского музея декоративного искусства Богатлев высоко оценил изысканные экспонаты Китая. Он сказал, что китайско-российские мероприятия по культурному обмену вошли в Музей декоративного искусства и заставили людей чувствовать себя удовлетворенными, – «так же, как российские дизайнеры интегрируют отличные традиционные ремесла в дизайн одежды, китайские современные модельеры по-прежнему придерживаются своих собственных традиционных элементов». Он пригласил китайских художников в Москву, «надеясь, что обе стороны создадут новые искры через обмены, чтобы мы могли продолжать тесно сотрудничать по некоторым крупным проектам» [2].

Андреева, стратегический советник музея, акцентировала внимание на проекте международ-

ного сотрудничества «Наследство», направленном на содействие национальным культурным обменам, а также на выставочных и обменных проектах, таких как матрешка, чайная культура, шелк и ситца, кружева, которые музей готовит и продвигает.

Лин Хунлянь, преподаватель Гуандунского технологического университета, с интересом сказал – «В Китае есть много художников и дизайнеров, которые ищут хорошее кружево, и я готов подключиться и представить выставку в Гуандуне, я верю, что она даст хорошие результаты» [2].

Цзэн Фэнфэй, лауреат премии «Golden Top Award», высшей награды в индустрии дизайна Китая, сказал, что Россия – это страна, которая хорошо сочетает в себе жизнь и искусство: «Я думаю, что дизайнеры должны хорошо интерпретировать культуру страны и воспроизводить традиционную культуру художественно. Каждая страна имеет свою уникальную культуру, культура влияет на жизнь, и дизайн должен быть интегрирован в жизнь» [2]. Ло Цзинь, директор отдела дизайна одежды музея, выразил полное согласие с мнением Цзэн Фэнфэя: «Все неотделимо от дизайна, мы живем в дизайне» [3].

В ходе работы «передвижной выставки» было экспонировано более 30 видов произведений искусства нематериального культурного наследия Китая, а работы нематериального культурного наследия таких дизайнеров, как Цзэн Фэнфэй, дизайнер премии «Золотой купол», Гу Аксинь, наследник вышивки Мяо, и Чжун Цингер, пропагандист китайской традиционной культуры, назвали московскую аудиторию «удивительной» [3]. Юй Цяньцян, руководитель проекта, сказал журналистам отметил, что эта «передвижная выставка» должна представить отличное китайское нематериальное культурное наследие. Через границы, предоставляя аудитории со всего мира, возможность глубоко понять китайскую культуру, нематериальное культурное наследие и художественное творчество.

Московский зритель Жуков взволнованно сказал журналистам, что качество работ в этом «туре» невообразимо, – «Я могу только использовать слово «чудо» для его описания, единственное сожаление, что выставка длится всего 4 дня, время действительно слишком короткое» [4]. «Передвижная выставка» финансируется Национальным фондом искусств, который, в основном, финансируется центральным правительством Китая для проектов общественного благосостояния, уделяя особое внимание художественному искусству.

Таим образом, всё более открытыми делаются контакты между китайскими и московскими художниками и коллекционерами, всё разнообразнее поиски выразительных средств. Наблюдается процесс творческого взаимообмена не только внешними художественными приемами, но и культурными кодами [5; 6; 7]. Это дает уникальные результаты и способствует обогащению китайской и русской культур.

Литература:

1. *Валерий Леднев*. Земля и люди Поднебесной. Альбом. СПб. : НП-Принт, 2019. 119 с.
2. *Грачева С.М.* Основные тенденции современного академического изобразительного искусства Санкт-Петербурга / С.М. Грачева // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2(87). С. 129–142
3. *Цзинь Лихуа*. Творческий путь Ван Теню (Ван Теню и его историческая монументальная живопись) / Цзинь Лихуа; Ред. С.М. Грачева // Война, беда, мечта и юность! Искусство и война: Материалы международной науч. конф. М. : БуксМАрт, 2015. С. 587–592.
4. *Блохин Г.П.* Живопись и вызовы современности. М. : «Арт-дизайн», 2021. С. 410.
5. *Бондаренко А.В.* Творчество как феномен культуры / А.В. Бондаренко // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 4(45). С. 252–254.
6. *Егорова Ю.Р.* О природе слова в искусстве и философии / Ю.Р. Егорова // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4(155). С. 482–484.
7. *Колычева В.А.* Цифровизация данных о продажах предметов русского искусства: проблема несовпадения спроса и предложения / В.А. Колычева // Дискуссия. 2022. № 1(110). С. 40–50.

Literature:

1. *Valery Lednev*. Earth and people of the Middle Kingdom. Album. SPb. : NP-Print, 2019. 119 p.
2. *Gracheva S.M.* The main trends in contemporary academic fine arts in St. Petersburg / S.M. Gracheva // Bulletin of the Russian Fund for Basic Research. Humanities and social sciences. 2017. № 2 (87). P. 129–142
3. *Jin Lihua*. The creative path of Wang Tenyu (Wang Tenyu and his historical monumental painting) / Jin Lihua; Ed. S.M. Grachev // War, trouble, dreamand youth! Art and war: Proceedings of the international scientific. conf. M. : BuxMart, 2015. P. 587–592.
4. *Blokhin G.P.* Painting and the challenges of modernity. M. : «Art-design», 2021. P. 410.
5. *Bondarenko A.V.* Creativity as a phenomenon of culture / A.V. Bondarenko // Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies. 2015. № 4(45). P. 252–254.
6. *Egorova Yu.R.* On the nature of the word in art and philosophy / Yu.R. Egorova // Eurasian Legal Journal. 2021. № 4(155). P. 482–484.
7. *Kolycheva V.A.* Digitization of data on sales of Russian art objects: the problem of mismatch between supply and demand / V.A. Kolycheva // Discussion. 2022. № 1(110). P. 40–50.

Синь Хуэйли
доктор наук,
доцент,
Институт марксизма,
Шанхайский
политико-юридический университет
xinhuili2005@163.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНКИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В КИТАЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Аннотация. Существует много причин, по которым курсы и оценки нравственного воспитания студентов сталкиваются с повсеместным пренебрежением, среди которых основными являются строительство учебных программ и дисциплины. Внешняя причина слабости экзаменов по нравственному воспитанию студентов заключается в том, что в течение многих лет не уделялось должного внимания преподаванию, а внутренняя причина - концепция строительства учебной программы и дисциплины, которая до сих пор не прояснена. С макро точки зрения, естественным выходом из оценки курса нравственного воспитания является соблюдение регулярности процесса подготовки кадров и развития дисциплины. С микро точки зрения, идеальным выходом из оценки курса нравственного воспитания является построение системы оценки, соответствующей развитию дисциплины нравственного воспитания. Чтобы усилить и улучшить идеологическое и морально-теоретическое образование студентов, необходимо вернуться к разработке учебных программ, следовать законам подготовки кадров и обучения, уважать регулярность процесса подготовки кадров и развития учебных программ, а также, создать систему оценки, соответствующих с развитием учебных программ по нравственному воспитанию. Ключевые слова: курсы нравственного воспитания студентов, педагогическая оценка, строительство дисциплины.

Ключевые слова: университетский курс нравственного образования, техническое образование, курс обучения конструированию.

Introduction.

The ideological and political theory course is the key course to implement «the fundamental task of fostering virtue» [1]. As a compulsory course required by the Ministry of Education of the People's Republic of China, moral education for university students plays an important role in the process of university students' ideological and moral education. The curriculum construction of moral education for university students has been showing positive progress, but there are some problems that are either

Xin Huili
Doctor of Science,
Associate Professor,
Institute of Marxism,
Shanghai University of Politics and Law
xinhuili2005@163.com

STUDY ON THE EVALUATION OF MORAL EDUCATION IN CHINESE UNIVERSITIES

Annotation. There are many reasons why university students' moral education courses and evaluation face the dilemma of being generally neglected, and the construction of courses and curriculum is the main reason. The external cause of the weakness of the examination of the moral education course for university students is the teaching aspect that has been neglected for years, the internal cause is the concept of curriculum and discipline construction that has yet to be clarified. The natural way out of the evaluation of moral education courses from a macroscopic perspective is respecting the regularity of the process of cultivating talents and the development of disciplines, the desirable way out of the evaluation of moral education courses from a micro perspective is building an evaluation system consistent with the development of moral education disciplines. To strengthen and improve moral theory education for university students, we must return to the construction of courses and curriculum, follow the laws of talent cultivation, education and teaching, respect the regularity of talent cultivation process and curriculum development, and build an evaluation system that is consistent with the development of moral education curriculum.

Keywords: University students' moral education courses, Teaching evaluation, Curriculum construction.

neglected or misunderstood. For example, questions related to examinations of moral education courses for university students: Should examinations be given for moral education courses for university students? How should the examinations of moral education courses be conducted? What requirements should be met by the form and content of the evaluation of moral education courses for university students? In fact, the problem of evaluation of moral education courses for university students reflects a general

and realistic problem in humanities and social science education in China, which needs to be explored, practiced and started to be solved in conjunction with the construction of subjects and courses. On this basis, the curriculum construction of moral education courses for university students and the moral education can achieve due results.

The external cause of the weakness of the evaluation of the moral education course for university students: the teaching aspect that has been neglected for years

Evaluation is a way and method of examining the learning and effectiveness of the course. As the final part of the course teaching, the significance of exams is probably twofold. The first is a measure of the degree of student learning and achievement, and the second is a way and method of feedback on the goals and requirements to be achieved by the teaching content and system.

As long as the course is taught, there must be a certain form and standardized examination or test, otherwise it will not constitute an orderly and complete course teaching system. Therefore, as an important part of the course teaching, the evaluation of moral education course for university students is necessary. In addition to achieving the objective measurement of students' learning performance, the evaluation also reflects the teaching process, teaching level and teaching effect of the previous period, and is the continuation and summary of teaching activities. Evaluations are not an end but a means. The evaluations help students to master the main content and system of the course or subject and consolidate the ideas, concepts, principles and methods taught in the course so that they can be applied by university students in their life and social activities.

However, the current situation facing the teaching of moral education courses for university students is that evaluations is still a weak link. There is a widespread and long-standing phenomenon of disregard and indifference to the evaluation of moral education courses for university students. The teaching and evaluation of moral education courses for university students are far from receiving sufficient attention, which is indisputably related to the unscientific and unregulated examination of moral education courses, and the fact that a proper social consensus and cultural synergy have not yet been formed. At present, the neglect for the evaluations of moral education courses for university students has affected the teaching of moral education and thus weakened the proper effectiveness of education and teaching. As far as examinations are concerned, moral education courses for university students are still in the iterative repeated stage of «belittling or neglecting – improper learning style – strengthening and improving – weak teaching and examinations».

The internal cause of the weakness of the evaluation of the moral education course for university students: the concept of curriculum and discipline construction that has yet to be clarified

The main reason for the weakness of the evaluation of moral education courses for university students lies in the construction of the moral education discipline itself, which has not yet explored an objective standard that can assess and measure the effectiveness of education and teaching, and has not built a scientific and perfect moral education teaching system.

First, On the objectivity of examinations for moral education courses

In reality, students do not know «how to learn» and «what to learn», and teachers do not know «how to test» and «what to test» in moral education courses. As a result, exams for moral education courses are caught in a dilemma: either they emphasize rote memorization and make students go through the motions, or they are disguised as eliminating the exams, for example, by linking them to students' actual conduct – and still going through the motions. The teaching of moral education courses and their evaluations are far from being scientific and professionalized, and do not yet provide an objective basis for students to achieve results through hard study, and do not establish an evaluation mechanism for fair study and assessment. Both in terms of evaluation format and content, compared to courses in foreign languages, mathematics, physics and computer science, moral education courses have many inherent difficulties regarding curriculum and discipline development due to their subject specificity and the relative weakness of discipline construction. It seems to be a problem of the content and effect of evaluations of moral education courses, but in essence it is a problem of teaching materials, teaching methods, faculty and teaching level, including relatively weak academic research.

Second, On the disciplinary and theoretical aspects of moral education

«How can a course of moral education, which is more practical in life and society, measure the performance of students through a paper examination?» «How can a score grade based on a written exam indicate the level of a person's morality?» Some may even ask, «How can the moral level of university students be easily assessed as failing through an examination?» Questions such as these reflect many misunderstandings about the basic nature of moral education courses for university students and their disciplines, that is, the disciplinary and theoretical nature of moral education. It seems to be that: moral education courses are offered to address the actual thoughts and behaviors of university students; leaving the actual behavioral performance of university students, there is no meaning of education teaching and examinations. Or, the examination results of moral education courses should reflect the level of students' compliance with the law in real life; or, the excellent examination results should indicate the excellent behavioral performance of students, and the failing evaluation results mean the bad moral character of students. Because of all these confusions, for a long time, the questions of the evaluations of moral education courses are simple and the

contents are superficial and vague, and they are detached from the proper level of life, moral, legal and value education of university students – rote memorization or perfunctory examination becomes the norm of teaching and evaluation, and the contents of the evaluations are nothing but the popular common knowledge of moral and legal education. In addition, the evaluation norms set by some school teaching administrations lack due respect for the subject and characteristics of moral education, such as stipulating that evaluations must follow an established format, including uniform question types, question sizes and times, as well as setting standard answers, etc. As a matter of fact, this simplistic and administrative way of management has exacerbated the formalism and dogmatism of evaluations of moral education courses for university students, which not only cannot strengthen and improve, but also is weakening the teaching of moral education and its effect.

Third, Questions about human moral qualities, social and moral activities and their structure and principles

In the moral activities of people and society, «knowledge» and «action» are different categories of moral education. Although moral behavior is a conscious act, the knowledge of goodness is only a necessary but not a sufficient condition for moral behavior. Knowing is for doing, but knowing does not necessarily mean doing. As one of the ways of moral education, the moral education course aims to improve the moral cognition of university students through classroom teaching, and its effectiveness can only be a theoretical educational effectiveness. Such a view of evaluation, if put into practice, will be against the essence and laws of education and deviate from the disciplinary nature of moral education courses for university students. Because it generalizes the teaching of moral education courses for university students, which belongs to higher education. «Regardless of the characteristics and laws of different stages and forms of moral education, regardless of the different focuses of moral education in cognitive, emotional, normative and habitual education, the effect of teaching is generally attributed to the actual behavior performance of students, and this is used as the basis for measuring students' academic performance» [2, p. 27]. It will make education and teaching lose itself: it will go against the guidance of «knowledge» for «action», the enlightenment of freedom of mind and moral wisdom, and will only attempt to «force» students to behave in a coercive and external way. Although there is no lack of good intentions, but because of the utilitarian goal of moral education, forcing the educated can only be poor and perfunctory. At present, «academic quality standards», «curriculum quality standards» and «teaching quality evaluation» in the context of international school education are defined only in terms of «the competencies and levels that students can achieve after a certain stage of education», but not in terms of possible behavioral outcomes [3, p. 128]. The «cognition-understanding-practice» of university students is a complex process of change, in which there are many uncertainties, and these factors are beyond the control of university students' moral ed-

ucation course teaching. The teaching effectiveness of moral education characterized by «cognition», «understanding», and «evaluation» [4, p. 125] belongs to the realm of education and teaching at a specific stage, that is, limited theoretical education effectiveness, which is still not parallel to the actual moral behavior of people. In the process of teaching moral education, to think that education is all-powerful, to strive for immediate results in teaching, to equate moral cognition, moral understanding and moral judgment with moral cultivation with practical significance, is inevitably contrary to the laws of education and teaching. The education and teaching of moral education courses for university students focuses on the concept of life, morality, law and values, including the establishment of basic concepts, principles and norms, precisely in an effort to change and enhance the nature of human ignorance, fearlessness or shamelessness, and to help people emerge from their narrow and limited selves to a certain extent.

The natural way out of the evaluation of moral education courses from a macroscopic perspective: respecting the regularity of the process of cultivating talents and the development of disciplines

The reform and improvement of the teaching and examination system of moral education courses for university students must be based on the premise of respecting the regularity of talent cultivation process and scientific development, return to the construction of moral education disciplines, reconcile the basic nature of moral education disciplines for university students, and improve the quality and teaching level of professional teachers. Moreover, we should make it clear that good or bad grades in the evaluations of moral education courses can only reflect the degree of students' knowledge and understanding about life, morality, legalism and values, which are the basis for university students to carry out a noble moral life, but cannot be linked or equated with students' actual character.

First, Moral education course evaluations should reflect the objectivity and regularity of the discipline and academics

For a long time, most universities have unrealistically treated moral education courses on par with social or natural sciences, requiring that evaluations for moral education courses must be developed with standard answers and measured on a percentage scale. This «artificial objectivity» of formal sense has become a force of alienation in the teaching of moral education courses. The values-based nature of the moral education curriculum dictates that neither its teaching nor its evaluations can achieve, or need to pursue, such high-definition resolution. The evaluations of moral education courses, which unify the questions and set the so-called standard answers and use the percentage system as the evaluation standard, make the teaching of the discipline, which is originally based on ideas, logic and principles, metamorphose into a discrete and knowledge base as normative indoctrination education, deviating from the value goal of the moral education discipline and going against the regularity of the discipline construction.

Moral education course is a basic theory course with moral education and legal education as the main lines. Changing the current unsatisfactory state of evaluations in moral education courses should return the evaluation of this course to the discipline and scholarship, which must be based on the premise of disciplinary and academic standards, pedagogical ideas and artistic standards. The content of the evaluation should not be limited to the general knowledge of moral education and legal education, but should reach a higher level of higher education, and require students to face certain obscure and vulgar «common sense» of society, but also have a certain degree of analysis and critical ability.

Second, Moral education course evaluations should give teachers the qualifications and rights to proctor and administer the evaluations

Edward Shils, contemporary American educator, emphasizes «University teachers enjoy various privileges, including university autonomy and academic freedom, for example in terms of appointment and promotion, teaching methods, curriculum, examination arrangements and administration, as well as freedom of scientific research» [5, p. 7]. Strengthening the rights and responsibilities of teachers is a very important aspect in the construction of today's disciplines and curricula. Evaluation or test is a system designed to measure the level of education, teaching and the effectiveness of student learning. The format of the exams, the content of the questions and the level of student completion are complementary to the level of teaching of the teachers and learning of the students. Therefore, the examination is not only a test of students' learning condition, but also a test of teachers' teaching and research level. The higher education and teaching level is inevitably reflected in the form and content of the evaluation questions, and the condition of the examination paper inevitably reflects the degree and level of teaching carried out by teachers and students. Scientific and rational propositions are the key to objectively and fairly measuring student learning outcomes, as well as promoting teaching effectiveness, guiding discipline building and faculty development. Therefore, in the evaluation of moral education courses, teachers who are competent to teach should be allowed to enjoy the qualifications and rights to proctor and administer the examinations while teaching and researching, rather than adopting simple administrative management and regulations.

Third, Moral education course evaluations should reflect the ideological and practical nature of the subject of moral education

The ideological and practical nature of the subject of moral education requires that the evaluation questions should have a certain depth, breadth and difficulty, that there is a difference between correct and incorrect views and methods, and that students should be able to answer the questions in depth and comprehensively, which is difficult to develop standard answers or to differentiate quantitatively by percentages. In the actual teaching and evaluation of moral education courses, it is difficult to truly

assess students' mastery of the content and the level of teaching of moral education. Teaching and evaluations that lack ideology, principles and objectivity are often limited to the content of some rules and boxes, forms and slogans, or just some artificial knowledge memorization and test-taking skills, rather than moral wisdom with ideology, practice and creativity. We found that students who did not take the classroom instruction seriously, or who were tempted to memorize or write «fake» or «lofty» [6, p. 57] content before the exam, were able to pass. This kind of test-taking behavior, which can only focus on «empty knowledge» memorization but not the actual teaching ideas and principles, ignores the development of education and teaching and the cognitive subject of students, which not only promotes the spread of bad learning style, but also fetters the formation of scientific literacy and good moral character of university students, and is not conducive to the cultivation of students' creativity and practical ability.

The desirable way out of the evaluation of moral education courses from a micro perspective: building an evaluation system consistent with the development of moral education disciplines

The results of written examinations in moral education courses can only make a relative measure, especially the scores calculated by the percentage system, and are not an absolute measure of students' academic performance because the written examinations themselves are limited by a variety of factors, but they are still by far a relatively objective and fair way of evaluation. What we need to do is to go beyond the traditional administrative management mode of taking tests, deal with the dialectical unity between the ideology, principle and objectivity of the subject and the subjectivity of teaching, establish the most scientific and reasonable evaluation mechanism as possible, and build an evaluation system that is consistent with the development of the subject of moral education. The establishment of the evaluation system for moral education courses is to transform the education and teaching system, which was originally expressed as a normative one, into a more ideological and creative one. In order to increase university students' interest in learning and enhance the effectiveness, combining with the characteristics of university students' moral education, we advocate the adoption of open-book examinations for moral education courses and encourage university students to use relevant information to analyze and solve relevant problems, which not only leaves room for students' independent learning, but also can give full play to their creativity. Of course, open-book examinations do not belittle and exclude subject knowledge and memorization, but rather follow the laws of teaching and learning in higher education, that is, the shift from rote memorization to comprehension and the overarching role of students' values in them. However, Open-book examinations undoubtedly put forward more stringent requirements for teachers to teach and develop questions, i.e. how to make the educational and teaching system, which was originally presented as normative, transform into a more

creative educational and teaching system, further reflect its ideology, principle and academic nature of the discipline, so that the examinations are rule-based, evidence-based, and moderately difficult? If not handled properly, if too much emphasis is placed on the normative aspect, students will either become teacher-oriented, memorizing the teacher's classroom lecture notes by rote, or become book-oriented, copying from the outline; if too much emphasis is placed on creativity, students will easily leave the classroom teaching completely, based on «fake» or «lofty» content. The evaluation system for moral education courses should be established so that the content of the evaluations is integrated with teachers' teaching, emphasizing the disciplinary consistency of the types, questions and contents of the evaluations, and changing from a focus on testing conclusions to methods of thought and principles. The current moral education course examination should strengthen education on life, morality, legalism and values from the perspective of cultivating socialist core values, focus on the development of judgment and evaluation questions, and include concepts, principles, principles and norms of moral education in the design of conceptual judgment and content evaluation in order to assess the objectivity of ideological concepts. The content and system should be consistent with the teaching of the textbook and the syllabus, but the scope, depth and difficulty of the evaluation should be increased. Both the content of the book and teachers' key lectures should be tested; both the concepts, norms and principles should be tested, and how to use the basic norms, principles of judgment analysis and problem solving should be better tested. Of course, the appropriate increase in the difficulty of the evaluation questions is not to propose biased and strange questions, deviating from the proper content and system of curriculum teaching, contrary to the objectives of education and teaching and its regularity. Undoubtedly, under the historical conditions of reform and opening up and renewal of values, this puts higher demands on the discipline and academic level of teachers. Only in this way can the evaluations of moral education courses measure the academic performance of university students in a more objective and fair way, thus helping to improve the ideology and way of thinking of university students and improve their level and ability to analyze and solve problems by applying the principles they have learned.

Conclusion. The establishment of the evaluation system for moral education courses is to enable the transformation of moral education from a normative moral education model to a moral intelligent education model.

Литература:

1. Си Цзиньпин призывает проложить новый путь к развитию университетов мирового уровня в Китае. 2022.04.26. URL : https://m.china.com.cn/wm/doc_1_29303_2222612.html

For one thing, the usual grades should be used reasonably and carefully. In order to enhance the objectivity and comprehensiveness of the examination assessment, the evaluation of moral education courses should pay attention to students' usual study results, but the percentage should not be too large. This is because, for larger classroom sizes, as the randomness of student sampling increases, the element of chance increases, and the artificiality of measuring students' usual performance increases in the absence of teaching assistants' assistance. The increase in randomness and artificiality will weaken the objectivity and fairness of evaluations and mislead students to «perform for the sake of performance» [7, p. 11], and teachers will have to devote more energy to classroom evaluations and score calculations rather than to teaching and research discipline building.

Second, the usual grades should cover a wide range. In order to ensure the objectivity and fairness of the subject teaching and its assessment as much as possible, the examination of students' ordinary grades should focus on students' teaching extension research, in addition to the regular contents such as class attendance, class participation and after-class assignments. Because issues related to the concept of life, morality, legalism, values and methodology are different for each student's perspective and level of understanding, some are not quite clear and even not quite correct. By involving students in extended research, we can help them further deepen the methodological issues of «what» and «why» as well as «what to do» and «how to do», thus further promoting the transformation of moral education from a normative moral education model to a moral intelligent education model.

In conclusion, as a necessary and important part of education and teaching, the real purpose of examinations in moral education courses is to deepen the teaching content, promote the construction of the subject, and facilitate students' independent, conscious and more productive learning. Examinations are a means, not an end of teaching and learning, not a test-based education model of «I talk, you listen, I talk, you remember, I test, you learn». Strengthen and improve the examination of moral education courses, make the moral education of university students out of the mode of «exam-oriented education», make many students move from the passive «want I to learn» to the active «I want to learn» mode [8, p. 83–86]. With the starting point and purpose of improving the moral culture and theoretical literacy of university students, the effectiveness of moral education teaching for university students will be naturally manifested.

Literature:

1. Xi calls for blazing new path to developing China's world-class universities. 2022.04.26. URL : https://m.china.com.cn/wm/doc_1_29303_2222612.html

2. *Сяо Чэньюн*. Вернемся к нравственному рациональному воспитанию / Сяо Чэньюн // Чанша: Журнал педагогических наук Хунаньского педагогического университета. 2007. № 2. 27 с.
3. *Синь Тао*. Определение стандартов качества образования в международной перспективе / Синь Тао, Цзян Юй // Пекин: Дайджест китайских журналов. 2012. № 17. 128 с.
4. *Чжан Вэй*. Обзор тридцатилетних исследований целостности традиционных китайских добродетелей / Чжан Вэй // Чанша: Исследования в области этики. 2018. № 1. 125 р.
5. *Эдвард Шилс*. Академическая этика и другие эссе о высшем образовании / Эдвард Шилс // Пекин: Издательство Пекинского университета. 2010. 7 р.
6. *Ян Синьтун*. О политическом значении идейно-политического образования в новую эпоху / Ян Синьтун // Шанхай: идеологическое и теоретическое образование. 2017. № 10. 57 с.
7. *Чжу Хуэйпин*. Эксперименты с построением сообщества преподавания и обучения – на основе расшифровки экзистенциальных конфликтов между учителями и учениками в классе / Чжу Хуэйпин // Тайюань: Теория и практика образования. 2019. № 17. 11 с.
8. *Цзинь Цзэцин*. О реформе университетских экзаменов в контексте кредитной системы / Цзинь Цзэцин, Чжао Лэйхун // Цзиньхуа: Журнал Чжэцзянского педагогического университета (социальные науки). 2006. № 3. С. 83–86.
2. *Xiao Chengyong*. Back to Moral Rational Education / Xiao Chengyong // Changsha: Journal of Educational Science of Hunan Normal University. 2007. № 2. 27 p.
3. *Xin Tao*. Defining Education Quality Standards in an International Perspective / Xin Tao, Jiang Yu. // Beijing: Digest of Chinese Journals. 2012. № 17. 128 p.
4. *Zhang Wei*. A Review of Thirty Years of Research on the Integrity of Traditional Chinese Virtues / Zhang Wei // Changsha: Studies in Ethics. 2018. № 1. 125 p.
5. *Edward Shils*. The Academic Ethic and Other Essays on Higher Education / Edward Shils. // Beijing: Beijing University Press. 2010. 7 p.
6. *Yang Xintong*. On the Political Value of Ideological and Political Education in the New Era / Yang Xintong // Shanghai: Ideological & Theoretical Education. 2017. № 10. 57 p.
7. *Zhu Huiping*. Experimenting with the construction of a community of teaching and learning – based on the deciphering of existential conflicts between teachers and students in the classroom / Zhu Huiping // Taiyuan: Theory and Practice of Education. 2019. № 17. 11 p.
8. *Jin Zuqing*. On University Examination Reform in the Context of Credit System / Jin Zuqing, Zhao Leihong // Jinhua: Journal of Zhejiang Normal University (Social Sciences). 2006. № 3. P. 83–86.

Синь Юйфэн
аспирант,
Краснодарский
государственный институт культуры
postmodernist@MAIL.RU

ОТНОШЕНИЕ К ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: КИТАЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. В статье рассматривается современная стратегия прогрессивного развития китайского социума. В этой концепции основополагающую роль играет традиционная культура. Неразрывная связь традиционной китайской культуры и современной модернизации является основополагающим принципом, сформулированным Си Цзиньпином. Автор обсуждает различные аспекты современной «стратегемы» и необходимость неразрывной связи современной диджитализации с другими стратегическими принципами китайского развития, сформулированными в китайской идеологии прошлого. Фэй Сяотун определил «культурное сознание» как «самопознание» своей культуры и включающее три основных области: культурное признание, культурную адаптацию и культурные инновации. Предполагается не только пробуждение культурного сознания Китая и проявление его культурной уверенности, но и начало культурного самосовершенствования страны. Предполагается, что Китай движется к своему превращению в державу, доминантой развития которой является культура.

Ключевые слова: культура, культурная преемственность, модернизация, «культурное сознание».

Введение. Китайская цивилизация – единственная великая цивилизация в мире, которая не прерывалась и дошла до наших дней. В эту новую эпоху нужно исследовать современную ценность традиционной китайской культуры, чтобы актуализировать культурное сознание предшествующих поколений. Вопросы цивилизационного прогресса, проблемы модернизации в экономике, в идеологии, культуре и социуме, в целом, находятся в постоянном внимании китайских политиков и ученых – Шао Ифэй [1], Ю Нуна [2], Ю Ли [3], Лю Чжичэн [4], Пэй Лиюань [5] и др. При этом китайские идеологи и ученые не боятся показаться традиционалистами. В Китае продолжают использовать в равной мере как Маркса, так и Конфуция. С точки зрения модели развития, Китай продолжает стратегию «социализм с китайской спецификой», постоянно обновляя его, продолжая придерживаться мысли о социализме и в то же время, используя и приспосабливая к современности конфуцианство [6].

Xin Yuifeng
Postgraduate,
Krasnodar State Institute of Culture
postmodernist@MAIL.RU

ATTITUDES TOWARD TRADITIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION: THE CHINESE CONTEXT

Annotation. The article examines the modern strategy for the progressive development of Chinese society. Traditional culture plays a fundamental role in this concept. The inseparable connection between traditional Chinese culture and modern modernization is a fundamental principle formulated by Xi Jinping. The author discusses various aspects of modern «stratagem» and the necessity of inseparable connection of modern digitalization with other stratagem principles of Chinese development, formulated in the Chinese ideology of the past. Fei Xiaotong defined «cultural awareness» as «self-knowledge» of one's culture and including three main areas: cultural recognition, cultural adaptation and cultural innovation. It assumes not only the awakening of China's cultural consciousness and the manifestation of its cultural confidence, but also the beginning of the country's cultural self-improvement. It is assumed that China is moving toward its transformation into a power whose development is dominated by culture.

Keywords: culture, cultural continuity, modernization, «cultural consciousness».

Обсуждение. Концепция наследования и актуализации традиционной культуры определена как в высказываниях Си Цзиньпина [7, с.23; 8, с. 84], так и многих китайских и российских исследователей – Ван Вэй [9, с. 240], Ван Синь [10] и Чоу Бинцин, Ли Фэнлян [11] и Гу Чжэньцин, Хэ Линь [12], Лю Чжичэн [13], И.И. Грузинов [14], А. Маслов [15], Э. Ознос [16], С.М. Ковалев и Н.А. Абрамова [17].

Ли Цзюнь отмечает, что современная ценность традиционной культуры стратегически ориентирована в высказываниях генерального секретаря Си Цзиньпина [18]. Это не только пробуждение культурного сознания Китая и проявление его культурной уверенности, но и начало культурного самосовершенствования страны, поскольку Китай движется к превращению в державу высокого культурного статуса. Термин «культурное сознание» впервые предложил Фэй Сяотун (1997). Он приобрел статус «звездного терми-

на», поскольку способствовал эффективному рассмотрению отношений между людьми и обществами в ответ на неизбежную тенденцию глобализации. Фэй Сяотун определил «культурное сознание» таким образом: «Люди, живущие в определенной культуре, обладают «самопознанием» своей культуры, понимая ее истоки, процесс формирования, ее особенности и тенденцию ее развития, без какого-либо значимого «культурного регресса». Речь не идет о приверженности старому, о тотальной вестернизации или тотальной инаковости. Адекватное самосознание предполагает способность к автономии над культурной трансформацией и принятием решения об адаптации к новой среде и совершения культурного выбора [19].

В этом контексте понятие «культурное самосознание» должно охватывать три области: *культурное признание, культурную адаптацию и культурные инновации*. Понятие «культурное сознание», в таком контексте, должно охватывать три измерения: *культурную идентичность, культурную адаптацию и культурные инновации*, которые вместе образуют взаимосвязь и служат целям культурного сознания. Поэтому теория культурного самосознания, выдвинутая Фэй Сяотун, говорит о том, как мы должны относиться к традиции с точки зрения понимания ее статуса, постижения ее законов и принятия ответственности за нее. С точки зрения понимания статуса традиции, он отмечает, что мы должны уважать ее, беречь и активно защищать. Продуктивность его позиции подтверждается следующим фактом: по состоянию на июль 2019 года в Китае насчитывается 55 объектов Всемирного Культурного Наследия, что делает его самым популярным среди стран. Тот факт, что Китай так далеко ушел вперед по количеству объектов Всемирного наследия, свидетельствует о богатстве его традиционных ресурсов, что является не только результатом участия всего народа в культуре, но и продуктивности возрождения культурного сознания.

Ян Сюлянь отмечает, что преемственность включает сохранение и передачу традиционной культуры, критику и усвоение мировой культуры, ориентацию и создание современной культуры с тем, чтобы достичь идеала. Именно культура рассматривается как собственно человеческий способ существования: способ существования, в котором люди создают культуру, но, как только культура создана, она оказывает ограничивающее воздействие на людей, которые зависят от нее и формируются под ее влиянием [20].

В определенном смысле, культура – это гуманизация как людей, так и природы. С точки зрения постижения правил, теория культурного сознания непосредственно предлагает методологию наследования и продвижения традиционной культуры, т.е., постижение диалектической взаимосвязи между культурным наследованием и продвижением, и использование основного духа и внутренних правил традиционной культуры, чтобы реагировать на изменения без изменений. Разработка и использование культурных ресурсов – лучший пример использования законов,

присущих традиционной культуре. С точки зрения ответственности, традиционная культура – это культурный стандарт, который был просеян сквозь века и наиболее способен тронуть сердца людей, украсить их умы, очистить их этику и питать их характер. Поэтому бережное отношение к традиционной культуре – это, не только миссия истории, но и ответственность времени.

Результаты. В настоящее время представлены два основных пути модернизации и трансформации традиционной культуры в Китае – это трансформация и инновационное развитие. Они содержат в себе творческое выражение, технологическое и коммуникационное мышление инновационного развития, которое может обеспечить особый художественный опыт для современной трансляции и распространения традиционной культуры. Китайская концепция трансформации «четыре в одном» [21, с. 84] включает в себя всестороннюю защиту, живое наследие, оригинальные инновации и бесконечную преемственность традиционной культуры. Концепция также содержит принципы трансформации и интеграции древнего и современного, интеграцию Востока и Запада, открытость и плюрализм. Это делается с целью формирования нового мышления для трансформации и встраивания китайской традиционной культуры в современную.

Начиная с XVIII-го съезда партии, генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно и глубоко разъяснял великую ценность превосходной китайской традиционной культуры для реализации цели «двухсот лет» и китайской мечты о великом омоложении китайской нации. В докладе XIX-го Всекитайского съезда Генеральный секретарь Си Цзиньпин пять раз упомянул «превосходную китайскую традиционную культуру» и назвал ее самым ценным стратегическим ресурсом [22]. Традиционной культуре был присвоен статус стратегического ресурса. Эти важные заявления обладают исторической, идеологической и практической силой. Они имеют большое значение для руководства в области идеологии, культуры, для практики управления. Они поднимают роль превосходной китайской традиционной культуры на новую высоту, обеспечивают понимание превосходной китайской традиционной культуры на совершенно новом уровне и продвигают строительство социалистической культуры с китайской спецификой на новую историческую вершину. Можно считать, что серия выступлений генерального секретаря Си Цзиньпина о превосходной китайской культуре и его утверждение ее ценности вызвали широкую озабоченность во всех слоях общества. Наследование и возрождение высоких достижений традиционной культуры Китая придаст культуре и искусству более богатый и оригинальный геном и станет краеугольным камнем подъема современной культуры и искусства. Все это будут способствовать развитию традиционных ремесел, этнических культурных и творческих индустрий и связанных с ними отраслей культуры, откроют новые пути для предпринимательства и возможностей трудоустройства; способствует появлению новых тенденций и моды, изменяя досуг и образ жизни людей. В контексте новой эпохи переосмысление современной ценности превосходной китай-

ской традиционной культуры является активным ответом на культурный запрос о развитии новой эпохи. Превосходная китайская традиционная культура является эндогенной силой для пробуждения национального культурного сознания.

Заключение и выводы. Современное культурное самосознание является логической отправной точкой в стратегии Си Цзиньпина и формулой решения проблемы отношения к традиции. «Культурное сознание» понимается как культурное пробуждение и сознательные действия нации или политической партии. Оно содержит глубокое понимание статуса и роли социальной памяти в культурном строительстве, подразумевает сохранение и наследование традиционной культуры, критическое усвоение мировой культуры и всяческое сохранение современной культуры. Предполагается не только пробуждение культурного сознания Китая и проявление его культурной уверенности, но и начало культурно-

го самосовершенствования страны, поскольку Китай движется к превращению в державу, доминантой развития которой является культура. Логика этой «стратегемы» такова: наследование и возрождение «превосходной» традиционной культуры Китая придаст культуре и искусству более богатый оригинальный геном и станет краеугольным камнем подъема современной культуры и искусства. Оно будет способствовать развитию традиционных ремесел, этнических культурных и творческих индустрий и связанных с ними отраслей культуры, открывая новые пути для предпринимательства и возможностей трудоустройства. Развитие на этой основе понимается как продвижение к появлению новых тенденций культуры, искусства, моды, изменению досуга и образа жизни людей. В контексте новой эпохи переосмысление современных ценностей превосходной китайской традиционной культуры является активным ответом на запрос новой эпохи.

Литература:

1. Шао Ифэй. Двустороннее взаимодействие между модернизацией марксистской философии и китайской традиционной культурой [J]. Культура китайских иероглифов. 2020. № 16. P. 179–180.
2. Ю Нуна. Актуальность китаизации марксизма и китайской традиционной культуры Актуальность марксизма в Китае и китайской традиционной культуры [J]. Банк знаний. 2020. № 13. P. 184–186.
3. Ю Ли. Исследование взаимодействия и интеграции китаизации марксизма и традиционной китайской культуры [J] / Ю Ли // Журнал экономических исследований. 2020. № 19. С. 3–4.
4. Лю Чжичэн. Дебаты между «вопросом» и «доктриной» в контексте китайской традиционной культуры – на основе Движения за новую культуру Четвертого мая [J] / Лю Чжичэн // Журнал Таншаньского нормального колледжа. 2020. № 42(04). С. 96–100.
5. Пэй Лиюань. Направление марксистской модернизации традиционной культуры в Китае [J].
6. Zhu Guangya. От западного обучения к возрождению конфуцианства: модернизация конфуцианства в контексте марксизма в Китае [J] / Zhu Guangya, Jiang Junren // Журнал Пекинского университета науки и технологии (издание по общественным наукам). 2020. № 36(02):96.
7. Си Цзиньпин. Отчет о работе 19-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин : Народное издательство, 2017.
8. Си Цзиньпин. Выдержки из дискурсов о координации «четырех всеобъемлющих» стратегических планов [M]. Пекин : Центральное издательство литературы, 2015.
9. Ван Вэй. Некоторые вопросы социально-политического курса «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» / Ван Вэй // Власть. 2018. № 7. С. 240.

Literature:

1. *Shao Yifei*. Two-way interaction between the modernization of Marxist philosophy and Chinese traditional culture [J]. Chinese Hieroglyphic Culture. 2020. № 16. P. 179–180.
2. *Y. Nuna*. The Relevance of Chinese Marxism and Chinese Traditional Culture The Relevance of Marxism in China and Chinese Traditional Culture [J]. Knowledge Bank. 2020. № 13. P. 184–186.
3. *Yu Li*. Exploring the interaction and integration of Chinese Marxism and Chinese traditional culture [J] / Yu Li // Journal of Economic Research. 2020. № 19. P. 3–4.
4. *Liu Zhicheng*. The debate between «question» and «doctrine» in the context of Chinese traditional culture – based on the New Culture Movement of May Fourth [J]. Journal of Tangshan Normal College. 2020. № 42(04). P. 96–100.
5. *Pei Liyuan*. The direction of Marxist modernization of traditional culture in China [J].
6. *Zhu Guangya*. From Western Learning to Confucian Revival: Modernizing Confucianism in the Context of Marxism in China [J] / Zhu Guangya, Jiang Junren // Journal of Peking University of Science and Technology (social science publication). 2020. № 36(02):96.
7. *Xi Jinping*. Report to the 19th National Congress of the Communist Party of China. Beijing : People's Publishing House, 2017.
8. *Xi Jinping*. Excerpts from speeches on the coordination of the «four comprehensive» strategic plans [M]. Beijing : Central Publishers of Literature, 2015.
9. *Wang Wei*. Some Issues of the Social and Political Course of China's Dream of the Great Revival of the Chinese Nation / Power. 2018. № 7. P. 240.

10. Ван Синь. «Мягкая сила» во внешней политике Китая при решении глобальных проблем современности» / Ван Синь, Чо Бинцин // Век глобализации. 2022. № 3. С. 97–111.
11. Ли Фэнлян. Ценность, путь и принципы модернизации и преобразования превосходной китайской традиционной культуры в новую эпоху [J] / Ли Фэнлян, Гу Чжэньцин. Дунъюэ Шуан Шуан. 2020. № 11.
12. Хэ Линь. Развитие нового мышления конфуцианства [M]. Культура и жизнь. Пекин : Коммерческая пресса, 2015.
13. Лю Чжичэн. Дебаты между «вопросом» и «доктриной» в контексте китайской традиционной культуры – на основе Движения за новую культуру Четвертого мая [J] / Лю Чжичэн // Журнал Таншаньского нормального колледжа. 2020. № 42(04). P. 96–100.
14. Грузинов И.И. Роль и место традиционной китайской идеологии в концепции «китайской мечты» / И.И. Грузинов // 47-я научная конференция Общество и государство в Китае. Ученые записки отдела Китая. М. : Институт Востоковедения РАН, 2017. Т. 27. С. 570–571.
15. Маслов А. Мы плохо понимаем, что в реальности происходит в Китае. URL : https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redirect=eJwNyrsNwjAQAFcvwgAXk0CCwjYWHMrJX_kOm5QMqIHgmXoaJiBkp60T28SSbzXutbanCgUzEymyWcdsLLGgkFYG4eWkcAbdrGAnyG5aKclKQbyBj0cJolQIKNxlblQpByJl3lkWdySGIRt24-jUu3Qd7v1ph06dVNycb_V9_V-zJ_r8_4H6s01qA&src=27eb1dc&via_page=1&user_type=3&oid=a03b8e708835af42 (19.03.2023).
16. Ознос Э. Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае. М. : АСТ, 2016. 528 с.
17. Ковалев С.М. Интерпретация содержания новейшей идеологии КНР «Китайская мечта» в исторической ретроспективе. – Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия / С.М. Ковалев, Н.А. Абрамова // Сборник Восточного центра. 2017. С. 56–60.
18. Guangming Daily. 22 февраля 2019 года.
19. Фэй Сяотун. Отражение, диалог и культурное самосознание / Фэй Сяотун // Журнал Пекинского университета (издание по философии и социальным наукам). 1997. № 3.
20. Ян Сюлянь. Экспериментальная дискуссия о культурном существовании людей. Академический обмен. 2011. № 11.
21. Си Цзиньпин. Выдержки из дискурсов о координации «четырех всеобъемлющих» стратегических планов [M]. Пекин : Центральноеиздательстволитературы. 2015. С. 84.
22. Reading Book of General Secretary Xi Jinping's Series of Important Speeches (2016 Edition). Beijing : Study Publishing House and People's Publishing House, 2016 Edition. P. 201–203.
10. Wang Xin. «Soft power in China's foreign policy in dealing with the global challenges of modernity» / Wang Xin, Chao Bingqing // Century of Globalization. 2022. № 3. P. 97–111.
11. Li Fengliang. Value, path and principles of modernization and transformation of superior Chinese traditional culture in the new era [J] / Li Fengliang, Gu Zhenqing. Dongyue Shuang Shuang. 2020. № 11.
12. He Lin. The development of the new thinking of Confucianism [M]. Culture and Life. Beijing : Commercial Press, 2015.
13. Liu Zhicheng. The debate between «question» and «doctrine» in the context of Chinese traditional culture – based on the New Culture Movement of the Fourth of May [J] / Liu Zhicheng // Journal of Tangshan Normal College. 2020. № 42(04). P. 96–100.
14. Gruzinov I.I. The role and place of traditional Chinese ideology in the concept of «Chinese Dream» / I.I. Gruzinov // 47th Scientific Conference Society and State in China. Scientific Notes of the Department of China. M. : Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 27. P. 570–571.
15. Maslov A. We don't understand well what is really going on in China. URL : https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redirect=eJwNyrsNwjAQAFcvwgAXk0CCwjYWHMrJX_kOm5QMqIHgmXoaJiBkp60T28SSbzXutbanCgUzEymyWcdsLLGgkFYG4eWkcAbdrGAnyG5aKclKQbyBj0cJolQIKNxlblQpByJl3lkWdySGIRt24-jUu3Qd7v1ph06dVNycb_V9_V-zJ_r8_4H6s01qA&src=27eb1dc&via_page=1&user_type=3&oid=a03b8e708835af42 (19.03.2023).
16. Oznos E. A Century of Ambition: Wealth, Truth, and Faith in the New China. M. : AST, 2016 528 p.
17. Kovalev S.M. Interpretation of the content of the latest ideology of the PRC «Chinese Dream» in a historical retrospective. – Russia and China: Problems of strategic interaction / S.M. Kovalev, N.A. Abramova // Collection of the Eastern Center. 2017. P. 56–60.
18. Guangming Daily. February 22, 2019.
19. Fei Xiaotong. Reflection, Dialogue, and Cultural Identity / Fei Xiaotong // Peking University Journal (Philosophy and Social Science Press). 1997. № 3.
20. Yang Xueliang. An Experimental Discussion of Human Cultural Existence. Academic Exchange. 2011. № 11.
21. Xi Jinping. Excerpts from Discourses on the Coordination of the «Four Comprehensive» Strategic Plans [M]. Beijing : Central Publishers of Literature, 2015. P. 84.
22. Reading Book of General Secretary Xi Jinping's Series of Important Speeches (2016 Edition). Beijing : Study Publishing House and People's Publishing House (2016 Edition). P. 201–203.

Тан Итин
магистр,
кафедра струнно-смычкового искусства,
Московский государственный институт
музыки имени А.Г. Шнитке
1026321423@qq.com

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ СКРИПИЧНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. Современные профессиональные скрипачи сталкиваются с постоянным воздействием мультикультурных композиций. Для достижения наилучших результатов необходимо уметь понимать, улавливать и выражать тонкости различных стилей. Скрипка и ее репертуар распространились в Китае через европейских миссионеров в конце семнадцатого века и продолжали развиваться китайскими учеными и музыкантами, обучавшимися за границей. В течение двадцатого и двадцать первого веков китайские композиторы написали множество произведений для скрипки, вдохновленных уникальным звучанием китайских инструментов. Кроме того, китайские музыковеды написали множество эссе, в которых обсуждался новый китайский стиль. Техника китайских скрипичных композиций уникальна и основана на традиционных инструментах, включая струнные, духовые и ударные. Кроме того, на стиль таких композиций влияют элементы китайской культуры, такие как язык, элитарное общество и его поэтическая традиция, исторические легенды и события. В данной статье приводятся примеры китайского скрипичного репертуара.

Ключевые слова: скрипка, китайская культура, скрипичные произведения, струнные и смычковые инструменты.

Первостепенное значение имеет тот факт, что музыка и философия Китая всегда были неразрывно взаимосвязаны [4; 5]. За исключением особых случаев, большая часть китайской музыки имеет двойной ритмический рисунок, что отражает конфуцианскую «доктрину среднего», подчеркивающую умеренность и баланс [1].

Современные профессиональные скрипачи сталкиваются с постоянным воздействием мультикультурных композиций. Скрипка и ее репертуар распространились в Китае через европейских миссионеров в конце семнадцатого века и продолжали развиваться китайскими учеными и музыкантами, обучавшимися за границей. В течение двадцатого и двадцать первого веков китайские композиторы написали множество произведений для скрипки, вдохновленных уникаль-

Tang Yiting
Master,
Department of String Art,
Moscow State Institute Music
named after A.G. Schnittke
1026321423@qq.com

FEATURES OF THE CHINESE VIOLIN SCHOOL

Annotation. Today's professional violinists face constant exposure to multicultural compositions. To achieve the best results, it is necessary to be able to understand, capture and express the subtleties of various styles. The violin and its repertoire spread to China through European missionaries in the late seventeenth century and continued to be developed by Chinese scholars and musicians trained abroad. During the twentieth and twenty-first centuries, Chinese composers have written many violin works inspired by the unique sound of Chinese instruments. In addition, many essays have been written by Chinese musicologists discussing the new Chinese style. The technique of Chinese violin compositions is unique and based on traditional instruments, including strings, winds and percussion. In addition, the style of such compositions is influenced by elements of Chinese culture, such as language, elite society and its poetic tradition, historical legends and events. This article provides examples of the Chinese violin repertoire.

Keywords: violin, Chinese culture, violin works, string and bowed instruments.

ным звучанием китайских инструментов. Кроме того, китайские музыковеды написали множество эссе, в которых обсуждался новый китайский стиль. Техника китайских скрипичных композиций уникальна и основана на традиционных инструментах, включая струнные, духовые и ударные. На стиль таких композиций влияют элементы китайской культуры, такие как язык, элитарное общество и его поэтическая традиция, исторические легенды и события.

Китайцы традиционно проявляли любовь к природе, а музыкальных произведений, изображающих природу, больше, чем произведений, выражающих человеческие чувства. Классическая китайская музыка тесно связана с китайской живописью и поэзией. Например, в традиционной живописи для пейзажей обычно нет явных программных описаний, но каждая часть как бы

имеет свою направленность таким образом, что многообразие местного характера гармонирует со всей картиной, даже с «пустыми частями». То же самое и с музыкой, в которой тонкие впечатления передаются с помощью гармоний и красочных инструментов. Китайская вокальная музыка возникла из песенных стихов и стихов на музыку. Зачастую, многие классические произведения имеют очень поэтические, а иногда, и философские названия.

Мелодия и тембр являются выдающимися выразительными чертами китайской музыки, и большое внимание уделяется правильной артикуляции и оформлению каждого музыкального тона. Это похоже на китайский язык, где одно и то же произношение с разными тонами имеет разное значение, в зависимости от того, является ли это плоским тоном, или переходом от более низкого к более высокому тону, или от более высокого к более низкому, или их комбинации.

Таким образом, одна фраза в китайской классической музыке – это не просто последовательность нот, каждая нота имеет свою собственную жизнь и значение, в зависимости от того, как музыкант играет ее в контексте [2].

Большая часть китайской музыки основана на пентатонике. Вся традиционная китайская музыка мелодична, а не гармонична. Акцент делается на мелодическом пассаже произведения. Многие инструментальные формы китайской музыки монотематичны. Даже сюита – это просто набор музыкальных частей, слабо связанных между собой. Эти движения могут быть независимыми выборками, не имеющими очевидной мелодической или ритмической связи, или они могут быть связаны программными причинами.

В отличие от вариаций западной музыки, включающих гармонические, ритмические и мелодические изменения и украшения, в китайских инструментальных вариациях используются идентификационные мотивы, которые появляются в начале и в конце каждой части произведения, что считается вариационной техникой. Благодаря западному и российскому влиянию, китайская скрипичная школа превратилась в современную инструментальную народную музыку.

Важно помнить, что Китай является многонациональной страной. Различные культуры, истории, физическая среда и языковые ритмы делают музыку китайских этнических меньшинств разнообразной и красочной. Народные песни меньшинств часто адаптируются китайскими музыкантами для формирования репертуара китайской музыки. Самая известная сольная пьеса для скрипки «Берегите память о родном городе» – 2-я часть из «Сюиты «Внутренняя Монголия»»

Литература:

1. Претворение традиций китайского театра сицуй в Скрипичном концерте Хэ Чжаньхао и Чэнь Гана «Лян Чжу» // Театр и театральное образование в культурном наследии России. Мате-

Ма Сиконга. Композитор использует монгольскую народную песню в качестве основной темы и включает западные композиционные приемы и китайский традиционный музыкальный язык. Это новаторское исследование «запад встречает восток» хорошо принимается публикой, и с момента премьеры оно становится одним из самых популярных концертных номеров. Безутешное начало выражает чувство тоски по дому и семье, за которой следует средняя часть ми-мажор, иллюстрирующая сладкий сон, в котором человек возвращается в родной город. Музыка заканчивается аккордом «Diminished Seven», как бы, не желая возвращаться к реальности. Народная мелодия Монголии также используется в качестве основной темы в «Мадригале» Ша Ханьцуня. Свободный ритм и гармонии в нижних струнах создают тихую, туманную атмосферу, изображая такую красивую картину: клочки мягких облаков, плывущих по лугам; пастух поет, чтобы выразить свою любовь к природе и родине.

Одна из самых популярных китайских сольных пьес для скрипки – «Весна в Синьцзяне» Ма Яочжуня и Ли Чжунхана; провинция Синьцзян находится в дальне-западной части Китая, граничащей с Россией, и ее музыка тесно связана с традиционным среднеазиатским стилем. В этой музыке композиторы создают атмосферу праздника в этом регионе с помощью узнаваемого мелодического материала, синкопированного ритма Дапа, и дутары. Дап и дутар – популярные музыкальные инструменты в районе Синьцзяна [3].

На китайскую скрипичную музыку неизбежно повлияла китайская традиционная музыка. Подражание звукам китайских инструментов часто используется для характеристики китайских мотивов. В китайских скрипичных произведениях часто сочетаются богатые скрипичные приемы с некоторыми традиционными инструментальными приемами.

Когда скрипка прибыла в Китай, музыканты использовали ее как для модернизации существующей музыки, так и для вестернизации оригинальных китайских композиций. Нельзя сказать, может ли модернизация или вестернизация стать более влиятельной в будущем, но несомненно, что скрипка несет новые идеи в китайскую культуру. Музыкальная гибкость и звучность скрипки позволяют ей быть подходящей для многих стилей в руках способных музыкантов повсюду. По утверждению Питера Кука, «ни один другой музыкальный инструмент до недавнего времени не использовался так широко среди всех классов во всем мире, как скрипка» [6].

Literature:

1. The implementation of the traditions of the Chinese Xiqu theater in the Violin Concerto by He Zhanhao and Chen Gang «Liang Zhu» // Theater and theater education in the cultural heritage of

риалы научно-методического семинара. Самара : Самарский гос. ин-т культуры, 2020. С. 96–100.

2. *Му Цюаньчжи*. Становление скрипичного образования в Китае в первой половине XX века / Му Цюаньчжи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2021. № 8(82). С. 125–127.

3. *Ван Я*. Исследование стремлений к национальному характеру в скрипичном творчестве Ма Сыцуна / Ван Я // Дом театра. 2020. № 2-1(219). С. 54–55.

4. *Бондаренко А.В.* Интуиция и творчество / А.В. Бондаренко // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6-2. С. 50–54.

5. *Бондаренко Н.Г.* Свобода в контексте идентичности человека и общества / Н.Г. Бондаренко // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 508–509.

6. *Кан Юэ*. Исследование ранних произведений для скрипки Ма Сыцуна / Кан Юэ // Музыкальное творчество. 2019. № 5. С. 107–109.

Russia. Materials of the scientific-methodical seminar. Samara : Samara State. Institute of Culture, 2020. P. 96–100.

2. *Mu Quanzhi*. Formation of violin education in China in the first half of the 20th century / Mu Quanzhi // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov : Diploma, 2021. № 8(82). P. 125–127.

3. *Wang Ya*. Study of aspirations for a national character in the violin art of Ma Sytsun / Wang Ya // House of Theater. 2020. № 2-1(219). P. 54–55.

4. *Bondarenko A.V.* Intuition and creativity / A.V. Bondarenko // Historical and socio-educational thought. 2014. Vol. 6. № 6-2. P. 50–54.

5. *Bondarenko N.G.* Freedom in the context of human identity and society / N.G. Bondarenko // Eurasian Law Journal. 2021. № 7(158). P. 508–509.

6. *Kang Yue*. Study of early works for violin by Ma Sytsun / Kang Yue // Musical creativity. 2019. № 5. P. 107–109.

Урюпина Марина Анатольевна
преподаватель кафедры
военно-политической работы
в войсках (силах),
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза
А.К. Серова
dma101@mail.ru

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБА РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

■ ■ ■

Аннотация. Первые два десятилетия XX века в России характеризовались активной работой общественного сознания. Оно напряженно решало коренные экзистенциальные проблемы русской жизни. Русская идея, цивилизационный выбор, патриотизм – коренные концепты этого времени. Их социальная агонизация обусловлена мировой войной и двумя революциями. В работе рассматривается проблема осознания социальной идентичности и патриотизма в России в контексте философской дискуссии первых двух десятилетий XX в. При этом анализируются концептуальные дискуссии, содержание которых отражает взгляды славянофилов и западников по проблемам войны, революции, жизни и смерти, исторических судеб России. Полнее представлены философские концепции Н.А. Бердяева, А.И. Ильина, В.В. Розанова, а также ряда современных отечественных мыслителей.

Ключевые слова: Первая мировая война, революция, русская философия, патриотизм, западники, славянофилы.

■ ■ ■

В условиях глобальной милитаризации современных общественных отношений тема патриотизма конструируется как самая актуальная. Ныне она является таковой для государства Российского в силу, по крайней мере, следующих обстоятельств.

Во-первых, активно ведущейся современным Западом во главе с руководством США информационной войной против нашей страны. Ее идейная основа – русофобия, которая всей мощью западных СМИ повсеместно и системно навязывается мировому сообществу.

Во-вторых, необходимостью противодействия навязываемых неолиберальной идеологией нетрадиционных ценностей, которые, якобы, должны стать универсальными и глобальными. Российское общество – общество традиционных ценностей. «Их отличие от так называемых неолиберальных ценностей в том, – отметил Прези-

Marina A. Uryupina
Lecturer of the Department
of Military-political Work
in the Military (forces),
Krasnodar Air Force Institute for Pilots
named after the Hero
of the Soviet Union A.K. Serov
dma101@mail.ru

WORLD WAR AND THE FATE OF RUSSIA: RETROSPECTIVE PHILOSOPHICAL DISCOURSE

■ ■ ■

Annotation. The first two decades of the twentieth century in Russia were characterized by the active work of public consciousness. It intensely solved the fundamental existential problems of Russian life. The Russian idea, civilizational choice, patriotism – the fundamental concepts of this time. Their social agonization is conditioned by the world war and two revolutions. This paper examines the problem of awareness of social identity and patriotism in Russia in the context of philosophical discussion in the first two decades of the 20th century. The author analyzes conceptual discussions reflecting the views of Slavophiles and Westerners on the problems of war, revolution, life and death, and the historical fate of Russia. The philosophical concepts of N.A. Berdyaev, A.I. Ilyin, V.V. Rozanov as well as a number of contemporary domestic thinkers.

Keywords: the First World War, the Revolution, Russian philosophy, patriotism, Westerners, Slavophiles.

■ ■ ■

дент России В.В. Путин, – что в каждом случае они неповторимы, потому что вытекают из традиций конкретного общества, его культуры и исторического опыта».

В-третьих, проблемами различного характера и уровня, обусловленными Специальной военной операцией РФ на Украине. Ведь от ее исхода будет зависеть не только судьба России, но и мировой цивилизации в целом.

Отсюда цель данного исследования состоит в том, чтобы, вернувшись к истокам отечественной философии, еще раз осмыслить наше прошлое для поиска путей в будущее России.

Для реализации поставленных задач применялась методология исторического, диалектического, герменевтического и структурно-функционального анализов.

В первых десятилетиях начала XX века в России произошли эпохальные события. Они сыграли для общественного сознания страны кардинальное значение. Речь идет о Первой мировой войне и двух, – Февральской и Октябрьской, – социальных революциях 1917 года. Когда речь идет о начале войны и осознании ее сущности на основе российского традиционного самосознания, то отечественный патриотизм мыслится в неразрывном единстве с фигурой Царя. Никто не мог предполагать, что шаг вступления в войну окажется трагическим не только для Империи, ее народа, но и для российского императора. В настоящее время мы только начинаем осознавать актуальность событий столетней давности, так как они явились началом и прологом последующих событий – II Мировая война, Холодная война, конфликт России и коллективного Запада во главе с США на территории Украины.

Метафоры правят миром и в них закодирована историческая судьба народов. Традиционное благородное общественное сознание России также формулировало свои оценки и самооценки преимущественно в образно-эмоциональной форме. Тот чудовищный акт, который совершили большевики уже был закодирован поэтической метафорой в морали отечественного сознания. Он, этот шаг, воплощенный в политическом радикализме большевиков, вырос из отчуждения общественного сознания и самосознания народа, как творца государства и имперской властью, вместе с аристократией, отчужденной от народа [1, с. 6, 7]. Пробужденное войной нигилистическое революционное сознание осуществило этот акт самоуничтожения своих правителей и их наследников. Патриотизм и идентичность оказались оторванными от осознания корневых свойств российской верховной власти.

Судьба России оказалась тесно связанной с международными событиями, геополитикой, что метко отметил в своих работах о психологии войны Н.А. Бердяев: «...После того, как началась мировая война, никто уже не может с презрением отвращаться от «международного», ибо ныне оно определяет внутреннюю жизнь страны» [2, с. 44]. Геополитика глубоко проникла как в ценностные механизмы идеологии, так и в личностное сознание россиянина. Нравственно-личностные оценки приобрели весомый характер даже на уровне геополитических или исторических оценок. Философия столь обмирщилась, что во многом превратилась в феноменологию социального бытия. Важнейшей темой социальной дискуссии стала перекликающаяся с современностью тема социальной идентичности в России.

Концептуальная дискуссия. В концептуальной дискуссии участвовали ведущие философы, в своем дискурсе определявшие концептуальный строй русской философии. Сам концептуальный дискурс представлял собой междисциплинарную интеграцию терминов политики, социологии, религии – В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Иванов, И.А. Ильин, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн. Основные антиномии этой дискуссии – война и мир, жизнь и смерть, смысл жизни и Ро-

дина (патриотизм). Рассматривался цивилизационный статус России, а экзистенциальная напряженность ситуации была обусловлена концентрированной напряженностью социального дела, времени, энергии народной массы в алармистской точке истории [3, с. 77]. Формула Булгакова всецело экзистенциальна. Общественное сознание России стало кардинальным образом меняться, а дилемма «Родина или смерть» обозначает экзистенциальный характер проснувшегося патриотизма. Если мы обратимся к концептуальным позициям современного российского сознания, то увидим, что в своей патриотической форме оно наследует концепты и метафоры, рожденные патриотическим сознанием XX века.

В области философской рефлексии над духом милитаризма общественное сознание проявило себя по-разному. Один из подходов заключался в том, что философские категории стали переосмысливаться в аспекте милитаризации общественного сознания и самосознания [4, с. 433]. Прямой иллюстрацией продуцирования такого рода онтологических конструкций являются рассуждения В.Ф. Эрн. Эрн убежден, что философия германского духа Канта-Гегеля коррелятивна фабрично-заводской практике германского милитаризма в сталелитейной промышленности Круппа [5, с. 308–309] и др. С другой стороны, открытая и прямолинейная милитаризация мировоззренческой проблематики не совсем правомерна. Известно, что первый в истории трактат «К вечному миру» принадлежит Канту. Это значит, что И. Кант рассматривал общечеловеческие ценности как высший вид должностования. Более того, он допускал существование социума без войн [6].

Интересно, что милитаристский дискурс вернулся в настоящее время в западный арсенал идеологической борьбы с Россией в контексте с ситуацией на Украине 2022 года. Современные западные санкции стали превращаться в негацию по отношению к русской культуре. В одном из Миланских университетов под запрет попал курс литературы по Достоевскому, в Великобритании Кардиффский филармонический оркестр побоялся исполнять музыкальное произведение П. Чайковского увертюра «1812 год».

В контексте Первой мировой войны русская философия в качестве основных принципов и категорий, в рамках которых шла дискуссия, использовала феноменологию русского сознания в аспекте морализаторского духа философии жизни. Бердяев отмечает эту склонность отечественных мыслителей к морализаторству, стремление «применять к истории моральные категории, взятые из личной жизни [2, с. 45]. Дух германского милитаризма получил свой философско-рефлексивный ответ в рассуждениях отечественных философов.

Другой представитель русской философии серебряного века И.А. Ильин, полагает, что война пробудила в русском народе дух общности, доверия, доброты и возвысила народный дух над обыденностью повседневности. Иван Александрович рассматривал патриотизм как духовный

процесс, духовное отношение к Родине, единение народа [7, с. 5–7]. Патриотический дискурс отечественных философов: Бердяев, Ильин, Розанов, полностью лишен геополитических амбиций. Однако он не лишен скромной или высокой степени эсхатологизма и мессианизма: основания патриотизма видятся лишь в глубинах души, в Богообусловленности, Богоизбранности русского народа. Последовавшее затем наступление революционного духа не отменило духа патриотизма, по крайней мере в сознании русских философов, которые оказались за рубежом. Н.А. Бердяев провозглашает, что зрелость России для мировой истории проявится прямо пропорционально гражданскому патриотизму [8, с. 93, 95]. Как трагично это все проявляется в эмиграции описывает В. Набоков в своих произведениях «Дар», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь» [9, с. 441]. Переживание чувства Родины крайне трагично, потому что большинство мыслителей, подобно С.М. Волконскому, оказались в эмиграции [10, т. 2, с. 5]. Отношения с Родиной в разлуке Волконский переживает и описывает метафизически. Булгаков сравнивает постижение Родины с радостью постижения бытия [3, т. 1, с. 64]. Глобальную идентичность России Бердяев связывает с Востоко-Западом. Е.В. Спекторский связывает идентичность России с самореализацией стратегии Святая Русь, Великая Русь, Свободная Русь на основе христианства [11, т. 4, с. 163–182].

Дискуссия славянофилов и западников является для России значимой во Вселенском масштабе, трансформируясь и модифицируясь, она переходит от эпохи к эпохе. Современные российские философы часто реализуют антизападную позицию [12]. Так, А.С. Стрельцов считает, что подходить к России с западными мерками нельзя: Россия до сих пор решает проблемы, поставленные при Петре и Ломоносове – нищета большей части народа, защита русского языка, сырьевые богатства Сибири. Государстворешает, как бы, не собственные задачи, а задачи, востребованные с Запада. Русская философия, формулирующая собственные задачи, основывается только на патриотизме. Русскую душу, считает Стрельцов, разгадали лишь Славянофилы» [13, т. 1, с. 70]. А.С. Стрельцов в заочной форме дискутирует с В. Грановским («Альманах Пространство и Время») по теме формирования патриотического самосознания в России. Он обвиняет Грановского неправильной постановке вопроса: он поддерживает С.А. Нижникова [14, с. 3], который считает, что в современной России, как и во времена «Вех», нет патриотической интеллигенции. При этом, слово «интеллигенция» Стрельцов употребляет в особом смысле этого слова, который используется в России: «В российском смысле этого слова на первое место ставят умение почувствовать душу народа, понять его интересы и защитить их. Этими людьми могут быть и политики, и военные, и школьные учителя, врачи, актеры и все другие, кто искренне (какое хорошее слово, правда, сегодня так редко осуществимое, ибо живем-то мы в век поголовного лицемерия и всяческих технологий, и главной технологии «лицемерной искренности») заботится о ближнем, значит, заботится об

обществе (не «шкурники», по выражению Н. Бердяева)» [15, т. 7, с. 19].

Очень взвешенной звучит оценка Ф.А. Степуном рефлексивных усилий отечественной философии, который в «Мыслях о России» (1926) писал [16, с. 25], что русской философии следовало в большей мере заниматься не переоценкой религиозной сущности русской души, а аналитической критикой общественного сознания. С его точки зрения, в эпоху созревания революционной ситуации это было бы более продуктивно. Оно способствовало бы не революционному радикализму, а более зрелому и умеренному оцениванию общественных противоречий и более взвешенным мировоззренческим и политическим решениям. Эта оценка может быть применена и к мессианским интенциям В.С. Соловьева, который считал, что, только опираясь на свою веру он совершит свое мессианское призвание, показав истинный путь человечеству [17, т. 1, с. 30]. Свои мессианские оценки Соловьев делал исходя из интуитивно-мистических устремлений собственного сознания, умозрительной оценки сложившейся ситуации, исходя из религиозно-православного аффекта.

Однако было бы ошибочно думать, что философский дискурс был однороден. Василий Васильевич Розанов создал своеобразный феноменологический облик эпохи «Война 1914 года и русское Возрождение» [18]. Такое впечатление, что на протяжении многих лет читатели не обращали внимания, что существует работа Розанова о русском возрождении. 17 июля – накануне войны слышно всеобщее пробуждение народа, движение к единению, единству, возвышению. Это движение двух миров – германского и славянского друг на друга. Розанов уподобляет это взаимное встречное движение народных сил войне 1812-го года: «Это вторая «отечественная» война, это – защита самых основ нашего Отечества» [18, с. 6]. Как в средневековом тексте у Розанова присутствуют обращения к Богу, с тем чтобы послать силу Государю и Родине. В заметке 22 июля говорится о погроме Германского посольства в Петербурге, но сдержанно, без особого сожаления.

23 июля – Розанов беллетристически фиксирует различия псевдообразов русских офицеров, отталкивающих Скалозубовых, и реальные публицистические образы молодых офицеров, которых он встречает на улице и которые, не похоронив жену и бросив малых детей, вынуждены все бросить и двинутся на фронт для защиты славянских народов. Возникает противоречие патриотизма и критических образов армии.

Розанов рассматривает процессы онемечивания, как они зафиксированы в русском языке и как они представляют собой итоги этнического противоборства, борьбы и стремления к уничтожению путем захвата земель, переименования местности и народов и пр. Примеры онемечивания он рассматривает на примере мифологии именования «Померания» как замещение «Поморья», «Эльба» как замещение «Лабы» и пр. Феноменология Розанова проявляется и в том,

что он фиксирует обыденно-повседневные характеристики народов: славяне слишком мягки и женственны, они не самостоятельны, они есть «прирожденно-рабская нация». Эта формула воспроизводится и в настоящее время в более идеологизированной форме, как антитеза Запада и Востока, англосаксонского мира и русского мира.

Война глубоко влияет на социальные и духовные процессы в социуме. На это обращает внимание и указывает В.В. Розанов: освободительные войны России формируют дух героизма, жертвенности, возвышения, а завоевательные войны Германии превратили ее в захватническое государство «крови и железа», чему не соответствует никакое возвышенное содержание. Рассматривая позитивное содержание русских войн как освободительных, в этом контексте Розанов приходит к определению патриотического содержания российских войн.

В.В. Розанов обосновывает завоевательный характер германских войн и, напротив, указывает на воспитательное значение освободительной войны для русского народа. Он пишет, что «скелет» и «душа» государственности проявляется в его великой готовности умереть. Ничего не может быть выше и героичнее, чем эта готовность умереть. Он сравнивает это с мученичеством за веру: вот также умирают воины за Отечество. В представлении В.В. Розанова Отечество представляется колоссальным складом высших, идеальных ценностей, какие вообще носимы народом. Когда идут и умирают за Русь, не может быть сомнения, что это есть высшая ценность. И тогда ни у кого не поколеблется сердце, чтобы начать поносить Родину и ее вековые святыни. Другими словами, можно констатировать, что в период войн 1812 и 1914 гг. Россия как Отечество понимается, прежде всего, как атрибут русского этноса. И только в настоящее время это определение меняется и переходит в цивилизационный статус. Россия становится единокровной цивилизацией многих этносов. Этнический фактор как определяющий теряет свое свойство и переходит в цивилизационный, определяемый общими наднациональными и даже надрелигиозными ценностями.

В.В. Розанов критикует отечественных демократов Белинского, Писарева и др. за то, что они презирают славянофильство. Специально он это анализирует в разделе «Забывшие и оправданные» (Поминки по славянофилам).

Розанов полагает, что В.Г. Белинский считал славянофильство некоторым «неприличным местом» в духовной жизни России, Писарев солидаризировался с этим, именуя труды славянофилов, писателей и ученых «Ванькиной литературой». Вместе с атеизмом это было также убеждение западническое, беспочвенное.

Философ дает ответ на вопрос: Что значит «Признают Россию?».

Рассматривая историософские пути России, славянофилы считали, что сущность западной

политической идеологии есть насилие сильного над слабым. В марксизме это проявляется в форме классового господства. Ницше признает господство сверхчеловека.

Западноевропейские княжества, королевства, империи формируются «рыцарями», ставятся укрепленные дома – «замки», окруженные рвом и высокой стеной. Насилие выступает как главное средство, обращающее население, окружающее эти «замки», в рабов. «Господа» и «рабы», «феодалное дворянство» и «крестьянство», «ремесленники» – все они составляют сущность принудительных отношений. Как считает Розанов, насилие и угнетение есть та субстанция, из которой соткана вся Европа. Католическая церковь также проявляет себя как «виноград» Папы, епископов. Без «насилия» в англосаксонском мире не было ни королевств, ни церкви, ни короля, ни папы. Лютеранство, – говорит Розанов, – сразу, после рождения, кинулось в борьбу против прежней веры, что пробудило 30-летнюю войну.

В.В. Розанов идеализирует Россию, считая, что для россиянина власть в большей мере бремя, чем долг. Власть для русских князей есть что-то тяжелое, поэтому рядовой гражданин от нее хочет освободиться. Это проявилось при избрании Михаила Федоровича Романова на царство. Розанов считает, что вся русская история «тихая», «мирная», их характеры никак не коррелируются с революциями и войнами. Проявляя себя как феноменолог русской истории, В.В. Розанов конструирует теорию русского альтруистического человека: «Русские люди по своей природе славные»; в благоприятных условиях из них реализуется добрый человек – они неодолимо вырастают в ласковых, приветных, славных людей. Псевдолингвистические аргументы Розанова таковы – прилагательное «славный» синонимично с именем «славяне» [19, с. 51].

История идет широкою дорогою, и в ней выражен закон, правило, а не аномалия, и так, выражено в русском бытии, что очевидно, – считает Розанов [19, с. 51]. Как видим, в своей феноменологической историософии В.В. Розанов создает образ русской истории по славянофильской кальке. Это кроткая, беззлобная власть, беззлобный, миролюбивый народ, который предпочитает социальное согласие на основе общинной морали. Розанов оценивает проект славянофилов как мирный цивилизационный проект, включающий в себя устойчивость и плавное течение мирной жизни. Славянофилы полагали, что Европа тоже постепенно придет к обществу миролюбия, преодолев конкурентное антагонистическое сообщество.

Дилемма славянофильство-западничество фиксирует корневые интенции историософского сознания России в их перспективной проекции. Победивший большевистский проект также был глобальным и мессианским. Идею он был основан на классовой форме понимания социальных антагонизмов, социальной борьбы и социального прогресса. Однако большевистский проект был западнический и насильственно-

диктаторский по политической сути. Морально-общинная форма социальной интеграции и взаимопомощи была утрачена. Моральная, социальная и политическая интеграция стали осуществляться под эгидой диктатуры пролетариата.

Предпринятый выше анализ дает достаточно оснований для следующих обобщений.

Литература:

1. *Бердяев Н.А.* Русская идея / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. С. 43–271.

2. *Бердяев Н.А.* Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М. : Изд. Г.А. Лемана, С.И. Сахарова, 1918. 240 с.

3. *Булгаков С.Н.* Моя Родина. Proetcontra. СПб. : РХГИ, 2003. Т. 1. 1000 с.

4. *Корнилов С.В.* Русские философы : справочник. СПб. : Лань, 2001. 445 с.

5. *Эрн В.Ф.* От Канта к Круппу / В.Ф. Эрн // Сочинения. М. : Правда, 1991. С. 308–319.

6. *Кант И.* К вечному миру. URL : http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения 22.12.2022).

7. *Ильин И.А.* Духовный смысл войны. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. 48 с.

8. *Бердяев Н.А.* О России и русской философской культуре: Философы рус. послеокт. Зарубежья / Н.А. Бердяев; АН СССР, Науч. совет по пробл. рус. культуры; Сост. М.А. Маслин; Вступ. ст. М.А. Маслина, А.Л. Андреева // Сборник. М. : Наука, 1990. 528 с.; С. 43–271.

9. *Аманова З.С.* Тема эмиграции в творчестве Владимира Набокова / З.С. Аманова, Э.Ф. Гиздулин. // Молодой ученый. 2021. № 6(348). С. 440–442.

10. *Волконский С.М.* Мои воспоминания : в 2-х т. Т. 2. М. : Искусство, 1992. 381 с.

11. *Спекторский Е.В.* Эпохи Русской культуры / Е.В. Спекторский // Записки русской академической группы в США. 1970. Т. 4. С. 163–182.

12. *Проханов А.А.* Русская мечта – это стремление к построению идеального, божественно справедливого общества... URL : <https://www.youtube.com/playlist?list=PL2zbO1Ks2ovwLzX9AkxK2xOZR5hf0ZdvD> (дата обращения 23.12.2022).

13. *Киреевский И.В.* Каких перемен желал бы я в теперешнее время в России / И.В. Киреевский, П.В. Киреевский // Полное собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. Калуга : Гриф, 2006. 579 с.; С. 66–70.

Во-первых, вопросы, которые волновали отечественных мыслителей в прошлом актуальны и в наше время. Более того, сегодня они приобрели статус судьбоносных, причем не только для России, но и для мировой цивилизации.

Во-вторых, с особой остротой, на уровне закономерности проявляет себя проблема необходимости защиты Русского мира.

Literature:

1. *Berdyayev N.A.* The Russian Idea / N.A. Berdyayev // On Russia and Russian Philosophical Culture: Philosophers of the Russian Post-October Abroad. M. : Nauka, 1990. P. 43–271.

2. *Berdyayev N.A.* The Fate of Russia: Experiments on the Psychology of War and Nationality. M. : Izd. of G.A. Lehman, S.I. Sakharov, 1918. 240 p.

3. *Bulgakov S.N.* My Motherland. Proetcontra. SPb. : RCHI, 2003. Vol. 1. 1000 p.

4. *Kornilov S.V.* Russian philosophers : handbook. SPb. : Lan', 2001. 445 p.

5. *Ern W.F.* From Kant to Krupp / W.F. Ern // Essays. M. : Pravda, 1991. P. 308–319.

6. *Kant I.* To the eternal peace. URL : http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (date of the application 22.12.2022).

7. *Ilyin I.A.* Spiritual sense of war / I.A. Ilyin. M. : typ. of I.D. Sytin, 1915. 48 p.

8. *Berdyayev N.A.* On Russia and Russian Philosophical Culture: Philosophers of Russian Post-October Abroad : Collection / N.A. Berdyayev; USSR Academy of Sciences, Scientific Council on Problems of Russian Culture; Comp. Compiled by M.A. Maslin; Transcendental Art. M.A. Maslin, A.L. Andreev. P. 5–42. M. : Nauka, 1990. 528 p.; P. 43–271.

9. *Amanova Z.S.* The theme of emigration in the works of Vladimir Nabokov / Z.S. Amanova, E.F. Gizdulin // Young scientist. 2021. № 6(348). P. 440–442.

10. *Volkonsky S.M.* My Memoirs : in 2 vol. 2. M. : Art, 1992. 381 p.

11. *Spektorsky E.V.* Epochs of Russian Culture / E.V. Spektorsky // Notes of the Russian Academic Group in the USA. 1970. Vol. 4. P. 163–182.

12. *Prokhanov A.A.* The Russian Dream is an aspiration to build an ideal, divinely fair society... URL : <https://www.youtube.com/playlist?list=PL2zbO1Ks2ovwLzX9AkxK2xOZR5hf0ZdvD> (date of the application 23.12.2022).

13. *Kireevsky I.V.* What changes would I wish in the present time in Russia / I.V. Kireevsky, P.V. Kireevsky // Complete Works : in 4 vol. Vol. 1. Kaluga : Griff, 2006. 579 p.; P. 66–70.

14. *Нижников С.А.* Интеллигенция и Россия / С.А. Нижников // Русская философия и формирование патриотического самосознания России. Вып. 3. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 3–17.

15. *Стрельцов А.С.* Об истоках русского патриотизма (ответ В.В. Грановскому) / А.С. Стрельцов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 7. № 1.

16. *Степун Ф.А.* Чаемая Россия. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. 475 с.

17. *Соловьев В.С.* Сочинения : в 2 т. / В.С. Соловьев; Под общ. ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Loseva. М. : Мысль, 1990. Т. 18. 92 с.

18. *Розанов В.В.* «Война 1914 года и русское Возрождение». М. : Книга по требованию, 2012. 243 с.

19. *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское Возрождение. Петроград : Тип. т-ва А.С. Суворина – «Новое время», 1915. 234 с.

14. *Nizhnikov S.A.* Intellectuals and Russia / S.A. Nizhnikov // Russian philosophy and formation of patriotic self-consciousness of Russia. Release 3. Kaluga : K.E. Tsiolkovsky KSU, 2014. P. 3–17.

15. *Streltsov A.S.* On the Origins of Russian Patriotism (Response to V.V. Granovsky) / A.S. Streltsov // Electronic scientific edition Almanac Space and Time. 2014. Vol. 7. № 1.

16. *Stepun F.A.* Chased Russia. SPb. : RCHI Publishing House, 1999. 475 с.

17. *Solov'ev V.S.* Works : in 2 vol. / S.S. Solov'ev; Under the general editorship of A.V. Gulygi, A.F. Loseva. M. : Thought, 1990. 892 p.

18. *Rozanov V.V.* The War of 1914 and the Russian Renaissance. M. : Book on Demand, 2012. 243 p.

19. *Rozanov V.V.* The War of 1914 and the Russian Renaissance. Petrograd : Company printshop A.S. Suvorin – «Novoe Vremya», 1915. 234 p.

Хуан Кэюнь
преподаватель,
факультет искусства и дизайна,
Политехнический институт Фучжоу,
г. Фучжоу, Китай,
Краснодарский государственный
институт культуры
277906234@qq.com

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ САДОВО-ПАРКОВОГО ИСКУССТВА КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности и основных этапов становления традиции садово-паркового искусства Китая. На основании проведенного анализа сделан вывод о том, что древние времена сад в Китае выступает как «медиа-пространство», способное генерировать и воспринимать высшие, духовно-метафизические символы и смыслы. В Китае в эпоху династий Шан и Цинь сады становятся также способом создания легитимирующих власть нарративов, репрезентировать миф и конституировать миф, в котором живет общество. В более поздний период, что характерно для садово-паркового искусства Китая эпохи Мин, сады и парки оказываются «медиа-пространством» не только для производства мифа государственного триумфа, но также сад оказывается пространством субъективации. Сад выступает как «медиа», создающий условия для развития личности человека. Таким образом, в основе китайского культурного кода традиции садово-паркового искусства лежит установка на концентрацию и развитие органичных природе экзистенциальных и жизнеутверждающих основ, всеобщих гуманистических идеалов.

Ключевые слова: метафизика, дух, садово-парковое искусство Китая, сад как «медиапространство», язык китайского сада, метакультура Китая.

Современные исследования показывают, что во всем мире продолжается процесс урбанизации и специфические черты урбанизация принимает, сопрягаясь с «четвертой промышленной революцией» и ростом технологического потенциала современного человечества. Технологизация и медиатизация культуры, урбанизм как образ жизни в искусственной среде обитания и духовная жизнь в больших городах как философские проблемы стали осознаваться еще в начале XX века. Однако осмыслением городского пространства на Западе (Европа и США) исследователи занялись лишь в конце XX – начале XXI века. С каждым днем становится все более

Huang Keyun
Teacher,
Faculty of Art and Design,
Fuzhou Polytechnic Institute,
Fuzhou, China,
Krasnodar State Institute of Culture
277906234@qq.com

FEATURES OF THE FORMATION OF THE TRADITION OF LANDSCAPE GARDENING ART IN CHINA

Annotation. The article is devoted to the study of the essence and main stages of the formation of the tradition of landscape art in China. Based on the analysis, it was concluded that in ancient times the garden in China acts as a «media space» capable of generating and perceiving the highest, spiritual and metaphysical symbols and meanings. In China, in the era of the Shang and Qin dynasties, gardens also become a way to create narratives that legitimize power, represent the myth and constitute the myth in which society lives. In the later period, which is typical for the landscape art of Ming China, gardens and parks turn out to be a «media space» not only for the production of the myth of state triumph, but also the garden turns out to be a space of subjectivation. The garden acts as a «media» that creates conditions for the development of a person's personality. Thus, at the heart of the Chinese cultural code of the tradition of garden and park art lies the focus on the concentration and development of existential and life-affirming foundations organic to nature, universal humanistic ideals.

Keywords: metaphysics, spirit, landscape art of China, garden as «media space», language of the Chinese garden, metaculture of China.

очевидно, что по мере урбанизации и повышения плотности застройки отношение к городскому ландшафту меняется, ввиду чего растет интерес к открытым пространствам и к «зеленому каркасу» городов. В прежние времена природа и город мыслились в противопоставлении друг другу – сады и парки были участками искусственно созданной природы в городе. Однако в последние три десятилетия трендов городского планирования стало создание экологических каркасов, т.е. использование садово-парковых пространств и соединяющих их зеленых коридоров как естественной инфраструктуры. Ожидается, что сегодня парки должны создавать единую

природную сеть, а коридоры – обеспечивать экологическую связь между ними. Идея одного большого центрального парка в городе сегодня оказывается не актуальной – в каждом районе города должны быть маленькие парки и «зелёные зоны», выполняющие множественные социальные, экономические, экологические и идеологические (концептуальные) функции.

Садово-парковое искусство предоставляет, в этом плане, изобилие возможностей: с одной стороны, сады и парки сделают городскую среду более комфортной и экологичной для жизни горожан, а с другой – выразят самобытность региона. Во-вторых, сегодня происходит процесс формирования «множественного модерна» или «метамодерна», ставящего европоцентричную глобализацию вод вопрос и опирающегося на самобытные ценности. Это вызывает потребность стран и регионов обратиться к собственной культурной памяти, ее реактуализации и мемориализации собственной культуры. В этом плане, садово-парковое искусство также имеет колоссальный потенциал, поскольку сады и парки могут выступать в качестве медиа: на концептуальном уровне формировать нарративы и транслировать культурные коды, диалектически сочетающие в себе природную, так и социокультурную среду. Помимо этого, сады и парки могут выступать как «места силы» и «места притяжения», так и в качестве способов сохранения и передачи коллективной памяти и социально значимых ценностей.

Таким образом, ключевое предметно-проблемное содержание данной статьи обладает как теоретико-методологической, так и практической актуальностью.

Очевидно, что обнаружение аутентичных культурных кодов и выявление традиционных метафизических нарративов, а также традиционных способов медиации нарративов и создания партиципаторной среды посредством садово-паркового искусства позволит использовать колоссальный потенциал для решения задач как современного урбанизма, так альтер-глобалистской модернизации стран и регионов

Традиционный китайский сад – сплав мастерства природы и искусной работы человеческих рук, который в китайской культуре воплощает мудрость и опыт мастеров, а также, отражает степень раскрытия идеи природы и глубину понимания Вселенной. Как форма архитектурного искусства китайский сад имеет длительную историю и теоретический опыт.

Сады – важная часть традиционной китайской культуры, которая отражает многие философские и религиозные идеи. Китайский сад вбирает в себя всю суть национальной культуры Китая, поскольку они всегда были тесно связаны с мировоззрением и традициями китайского народа, потому нередко становились темами поэзии, живописи и многих других форм искусства. Сады представляли собой участки естественной природы, выделенные из окружающего ландшафта.

Эстетическая идея искусства китайских садов ориентирована на естественную красоту. Задача сада – внушать, словно, он создан самой природой и полностью выражает ее глубинные законы.

Археологические находки показывают, что уже в культуре позднего Яншао стали складываться крупные потестарные поселения, перед которыми стояла необходимость решения масштабных экономических задач. Очевидно, что именно в этот период происходило становление огорода и сельскохозяйственных угодий как прототипа садов. Как показывают археологические находки, вернее отсутствие следов садов и парков, садов как отдельных мест, гетеротопий, еще не существовало – средой обитания древнего человека была природа и вся повседневность происходила на природе, а жилища как раз, скорее, выполняли функцию гетеротопии.

В традиционной истории древнего Китая первым этапом формирования цивилизации считается эпоха Шан-Инь, XVII–XI вв. до н.э. (1600–1050 гг. до н.э.). Согласно историческим источникам, культура традиционных китайских садов зародилась именно при этой династии. Государство Шан-Инь стало политическим и культурным центром своей эпохи. Раздираемое внутренней борьбой, государство Шан-Инь, успешно расширило свои территории. В эту эпоху возникла иероглифическая письменность, разработана технология производства бронзы, а также социально-политическая и архитектурная модель города-государства. Поскольку космические, метеорологические, природные и сверхъестественные силы понимались как проявления единой вселенской энергии, то они не были персонифицированы в конкретных образах, ввиду чего в Древнем Китае не сформировался пантеон богов, системного религиозно-мифологического учения и, соответственно, не сформировалось сословие жрецов. Во главе урбанистической цивилизации стоял ван (правитель-жрец), который имел божественное происхождение и обладал сверхъестественными (шаманскими) способностями, а также имел поддержку и управлял государством под покровительством духов своего рода. Считалось, что предки подарили жизнь, наследство в виде земель и поселений, а также подарили накопленные ими знания, позволяющие стать «совершенно мудрым».

Поскольку земледелие было основой экономики, большое значение придавалось изучению природы и астрономии. Сады использовались как места оракулов: созерцание природы было одной из экстатических психопрактик, которые меняли обыденное состояние сознания на восприимчивое к коммуникации с духами и силами природы, от которых в большей степени зависела жизнь и повседневность первобытных китайцев.

Влияние этих неизведанных сил имело стихийный характер и непредсказуемые последствия, из-за чего первобытное сознание воспринимало волю случая как собственную волю стихий, способную как одарить человека благами, так и причинить порчу и вред. Поэтому в период династии Шан колоссальное значение имело гадание

и составление заклинательных формул. Так, помимо прочего императорский сад-резиденция являлся местом оракула, где через природные формы и природные явления Вселенная давала Откровение. Во дворце-храме императора, расположенном посреди этого сада, находился архив предсказаний, записанных на панцирях черепах и бараньих костях общим счетом ок. 150 000 штук. Наличие этого «Иньского оракула» (殷墟卜辭) и уникальность его архива подчеркивает значимость императорского сада и его фундаментальность для китайской цивилизации эпохи Шан. Для полноты отражения ценности сада стоит также отметить, что гадательные знаки «Иньского оракула» дали начало традиционной китайской письменности, которая имеет легендарные основания в оракулах Фу-Си.

В традиционных легендах о предке-покровителе Фу-Си также сообщается о двух местах оракула, через который герой получил Откровение и высшую мудрость, переданную им человечеству. Есть несколько версий легенд, согласно которым местом оракула был именно сад: когда Фу-Си сидел в саду у реки появилась божественная черепаха с начертанными на ее панцире письменами, через которые герой воспринял Откровение и которые он взял за основу разработок письменности. В другой версии этой легенды говорится, что Фу-Си воспринял Откровение через узоры на спине дракона инь-луна, выплывшего из реки Хуанхе, когда герой проводил время в саду. По другой легенде местом оракула были охотничьи угодья. Некоторые исследователи считают, что само имя Фу-Си изначально в древнем Китае имело значение как «устраивающий засады на жертвенных животных» [1, с. 134]. Во всех случаях мы видим, что сад или угодья, связывающие человека в его искусственной среде обитания с природой, являются оракулом – именно связь с природой и созерцание различия естественной и искусственной сред обитания дает Откровение и высшую мудрость.

Как говорилось выше, основной средой обитания являлась природа, поскольку значительная часть повседневного и экзистенциального опыта осуществлялись под небом, на открытой земле, среди пения птиц и звуки животных. В общих чертах поведение людей и животных имело общие характеристики и было подчинено проблеме выживания, обживания и защиты территории. Жилище и дворец правителя являлись гетеротопиями: местами для нетипичного для животных (культурного) поведения, для занятия политикой (собрание общины), проведение церемоний и празднеств, а также для принятия оракула. Гетеротопия «город», являющаяся продолжением центра – гетеротопии «дворец-храм-усыпальница», была окружена природой. На раннем этапе становления китайской цивилизации исключительным местом являлся именно город и его прототип – дворец-храм-усыпальница.

План и внешняя форма дворца выражали идею сакральной власти правителя, установленной Небом, а также, центрального места императора и его жёлтого «драконьего» рода в обществе и в мире. Если из-за недолговечности материалов

до нас от строения дошел лишь фундамент, то погребальные сооружения правителей и их приближенных дошли до нас в превосходном состоянии. Огромные размеры и совершенная техника подземного строительства указывает на древнюю традицию заупокойного обряда, который предусматривал сооружение для покойного правителя целого погребального некрополя, причем более масштабного и пышного, чем наземный дворец.

В Древнем Китае считалось, что когда-то в истории человечества были времена, когда человек жил в гармонии с природой, поэтому был по-настоящему счастлив, здоров и продуктивен. Однако однажды человек начал отделяться от природы, жить, уклоняясь от неизбежных всеобщих законов и, движимый себялюбием, страстями и страхами, стал жить противоестественно, но, поскольку остался неразрывно связан с природой, человек все же подпадает под влияние космических, метеорологических, стихийных явлений, а история человечества продолжает быть включенной в контекст всеобщих процессов. Поэтому Вселенная продолжает оказывать влияние на человека и его цивилизацию. Связь человека с местом его обитания – загадочна, но очевидна. Ведает ею известный древним дух места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. На линиях органического пересечения художника и архитектора с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии [2, с. 186]. Творческая активность человека сближала его с Небом и Землей. Поскольку мир в целом виделся как единый живой организм, освоение принципов управления энергетическими особенностями пространства через творческую активность давало возможность воздействия на события отдельной человеческой жизни или общества в целом. На основе этого принципа произошло сращивание фен-шуй и системы ба-гуа. Однако поскольку события различны в переменах, а перемены – смена одного на другое, то параллельно с тем учение ба-гуа сращивалось с теорией неразделимости и взаимодействия инь – ян [3, с. 17].

Еще в древние времена выдающиеся китайские мыслители осознали наличие метафизической реальности всемирной связи, будучи убежденными в наличии неочевидной сферы энергообмена всего сущего. Человек и его мир оказываются центром, через который энергии сообщаются и выражают себя в высшем единстве – в форме культуры и цивилизации, которая реализовалась в потестарных поселениях и городах-государствах. Государство, главная задача которого в организованном управлении массами, позволяющем обеспечить жизнь сообщества и воспроизводство производственных сил. Однако человек связан с местом не только узами жизни, но и узами смерти. Поскольку древние верили, что смерть – это большой или испорченный сон, то они стремились сохранить тела усопших: обрабатывали трупы веществами с антисептическими свойствами: мёдом, растительными мас-

лами, посыпали красной охрой, известью, сажей и бамбуковой эссенцией. Помимо прочего трупам нанесли татуировки, которые были призваны изменить качества или свойства тел покойных, что должно было восстановить их к жизни или хотя бы уберечь тела от порчи. Как показывают археологические находки захоронений культуры Яншао для того, чтобы уберечь тела от порчи и обеспечить максимальную сохранность тела, учитывали также особенности окружающей среды и способы ее воздействия на тела. Как показывают находки, с течением времени сложились и стали соблюдаться определенные принципы обращения с телом и работы с пространственной средой, в которую полагался покойный на сохранение.

Известно, что при строительстве жилых домов и при организации мест погребения китайцы на протяжении всех эпох обязательно придерживались правил традиционной геомантии – феншуй. Помимо этого, при строительстве домов большое внимание уделялось также древней китайской натурфилософии, базирующейся на понятиях Инь и Ян, т.е. любое строение, независимо от его проекта и назначения, должно быть в рамках полярного первоначала [4, с. 71].

Древняя китайская натурфилософия является хорошим обоснованием строительства домов и садов. И в северных, и в южных районах страны жилища и постройки любого размера включают дом-помещение и двор-пространство. Дом – это ян, реальное, существующее, а двор – это инь, т.е. пространство. По теории неразделимости и взаимодействия инь – ян, с научной точки зрения, положительно разрешены такие существенные житейские проблемы, как солнечное освещение, естественный воздухообмен, отопление, термическая защита, световое отражение, звукоизоляция и т.д., что позволяет жилищам и садам выдержать палящие лучи солнца, проливные дожди и сильные бури [5, с. 34]. Со временем принципы стали восприниматься в качестве всеобщих и основополагающих для всех сфер жизни и для всех состояний организма, а потому легло в основу социальной реальности и в основу садово-паркового искусства. Это породило стремление организовать человеческую жизнь и смерть в гармонии с миром, т.е. организовать реальность на основе принципа равновесного обмена энергиями между человеком и природой. В этом открывается еще одна функциональная задача сада. Сад, разбитый вокруг дворца-усыпальницы, должен был аккумулировать энергию Ци и концентрировать ее потоки в центре. На пересечении потоков энергии Ци, идущих от периферии сада к центру, располагалось погребение значимого покойного так, чтобы эти энергии питали его, замедляя процессы порчи тела, а также восстанавливая естественные, основополагающие жизненные силы усопшего дабы гарантировать и ускорить его пробудительное «выздоровление» от смерти как от «большого сна» и возвращение к жизни.

Как показывают археологические находки, дворец императора выполнял функцию храма, семейной усыпальницы и местом собрания ста-

рейшин и имел символическое значение центра мироздания. В основе фундамента лежали фигуры квадрата и круга, символизировавшие союз квадрата плоской земной тверди и купала неба. Таким образом мироздание (космос) представляет собой целостную систему. Целостной системой является и сам человек. Компоненты этой системы взаимозависимы и влияют друг на друга, изменение в одной из них неизбежно отзывается в остальных. В тексте более позднего периода – «Тайпин цзин» – этот принцип сохраняется и выражается следующим образом: «Небо, землю и человека объединяет общая «изначальная ци». Будучи разделенными, все три (элемента) имеют общее начало» [6, с. 101]. Там же отмечается, что изначальная ци, сгустившись, сформировала первый (элемент), называемый небом; инь, порожденное «изначальной ци», образовало землю – второй (элемент); сверху небо, внизу земля – инь и ян, соединившись, реализовались в человеке. В итоге, человек выступает в своей сущности как часть триады – небо, земля, человек.

Таким образом, первая китайская цивилизация оказывается выстроена на триаде «Небо – Человек – Земля», а основополагающей идеей оказывается «единство Неба и человека, единство природы и человека» (天人合) [7, с. 233].

Археологические находки показывают, что вокруг дворца-усыпальницы простиралась царские угодья, огороженные стеной, а за стеной располагались поселения простолюдин. Храм-дворец выполнял для города функцию алтаря, через который циркулирует вселенская энергия Ци через небесную и земную-подземную сферу, а также через дворец-храм эта энергия Ци распространяется по пространству города и перманентно наполняет его. Город, в свою очередь, разрастается от дворца и является расширением или продолжением дворца и его угодий. Основой экономики Шан было масштабное земледелие, развивались ремесла, садоводство и шелководство, животноводство, охота и рыболовство. Дворец и придворные угодья являлись хозяйственным центром страны, поэтому, как известно из «Происхождения китайских иероглифов» СюйШэня, такие сады считались парками-питомниками для охотничьих угодий, а также выполняли функцию первых зоопарков: «Иньский император Чжоу расширил столицу на юг до Чаогэ и на север до песков Ханьдана, все ради своего загородного дворца, где полным-полно собак, лошадей и дивных животных. На песках построили башню, полную диких птиц» [8, с. 77].

Как мы видим, самый древний найденный китайский сад был императорским и имел онтологически-основополагающее значение.

Поскольку империя династии Шан-Инь является первой цивилизацией в истории Китая, а дальнейшая история показывает, что эта цивилизация в течение времени разделялась на княжества, которые периодически и эпизодически воссоединялись, а также интегрировались с территориями других племен или имели с ними взаимное влияние, то допустимо заключить, что

культура и принципы цивилизации Шан-Инь стали метакультурой всех дальнейших царств будущих династий, а сама шанская цивилизация выступила прототипом всех остальных цивилизаций в истории Китая. По всей видимости, как показывают археологические находки резиденций следующих правителей, читалось, только правильно организованный сад надлежащим образом репрезентировал космические процессы, производил оракул, а также был способен вводить в надлежащее для восприятия Откровения состояние сознания. Поэтому идея и отражающее ее устройство шанского сада, как и всего дворцово-паркового комплекса-угодья, воспроизводилось при последующих правителях.

После падения династии Шан гадательные практики постепенно теряли свое значение, уступая в жизни древних китайцев место прогностическим системам, основанном на анализе накопленного опыта, ввиду чего при некоторых правителях эпизодически сады теряли значение оракула и происходила секуляризация жизни, приводившая садово-парковое искусство к отступлению от принципов фен-шуй и к появлению декоративных элементов, служащих роскошной демонстрацией богатства, а также атрибутов, выражающих власть и могущество императора.

Во времена последнего шанского правителя Ди-Синя, по свидетельству СымаЦяня в «Исторических записках», императорский сад выполнял в большей степени функцию резиденции и заявлял могущество императора: на горе в столице Чаогэ была «выше облаков» возведена гигантская «Оленья башня», а сам император стал именоваться Небесным правителем. Эта башня была окружена отделанными нефритом гигантскими дворцами, а вокруг них он разбил многочисленные сады для увеселений и любовных утех. В садах Чжоу-Синь поселил красивых женщин из простых семей. Отовсюду привозили скакунов и породистых собак. Его музыкант Шицзюань сочинил несколько непристойных песен, которые сопровождалась разнузданными танцами. Чжоу разбил сады, воздвиг огромные павильоны и беседки со множеством дорогих птиц и редких диких зверей. Затем приказывал наполнить пруд вином, развесить на деревьях куски мяса, раздеться догола всем мужчинам и женщинам [9, с. 13]. После чего, он сгонял в озера и сады своих слуг и рабов и наблюдал, как они напиваются и тонут. Кто не исполнял его желаний, того он подвергал казни паогэ – хождению по бронзовому горячему столбу, лежащему на раскалённых углях.

К периоду династии Западная Чжоу (1027–770 до н.э.) питомники стали официально именоваться садами и появились профессиональные смотрители за ними. Упомянутый выше СюйШэнь в «Происхождении китайских иероглифов» писал: «Питомники – сады для разведения птиц и животных» [10, с. 79]. В исторических записках указано, что чжоусский Вэнь-ван,

Литература:

1. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М. : Наука, 1984.

правлящий в IX в. до н.э. на западе Сианя возвел башню для любовных утех, назвав ее «обителью души». Рядом были пруд с рыбками, который назывался «пруд души», и питомник-зоопарк с животными – «питомник души», в чем мы видим повторение тенденции, заданной правителями династии Шан-Инь.

Анализ процесса зарождения и становления ранних этапов китайского садово-паркового искусства показывает, что сады всегда символизировали собой мир, полагающийся и раскрывающийся вне типизированный и закодированных регламентами социальных отношений. Поскольку сад репрезентирует собой не только материальную значительность, но и социокультурную значимость, его визуальное значение напрямую связано с его экзистенциальной значимостью; более того – значительность сада является видимым свидетельством его значимости в структуре священного топоса родового пространства, постольку пространство территории-собственности и родовой усадьбы было организовано вокруг ансамбля «дом-сад», в пространстве которого реализуется принцип «странствия» духа. Сад – место, в которое попадает человек выйдя из дома. Поскольку дом, как и дворец, был метафорой мира, ансамбль «дом-сад» метафорически означал полноту Бытия, поскольку, покидая мир, репрезентированный в доме, человек попадает в «мир иной», репрезентированный в саде [11, с. 4]. Таким образом, идея сада выражает то, что человек выходит вовне мира и вовне себя, но таким образом возвращается к себе. После того, как сад перестал быть местом оракула, правда китайского сада перестала быть откровением, ниспосланным богами, и разновидностью высшего знания, открывающего дорогу к Бессмертию. Правда сада как гетеротопии стала заключаться в самой «жизни, как она есть», переживанием ее неоспоримой подлинности, действительностью его «жизненного мира». Сады стали подлинным средоточием истинной жизни: излюбленным местом игр, прогулок, музицирования, чтения, занятия живописью, ученых бесед, встреч литераторов и художников – всевозможных практик проявления самости. Сад в китайском понимании – это не просто участок земли с растениями, а целый мир, вмещающий жизнь человека, мир в мире и, следовательно, особый мир, мир игровой [12, с. 23].

В этом смысле, сад, в понимании средневекового китайца, был более важным объектом, чем дом. Если город – пространство жестких регламентов правящей династии, где индивид является элементом большой машины, то дом является пространством жестких регламентов собственного рода, которому ты принадлежишь и перед которым несешь обязательства, являясь его агентом. В обоих случаях, человек с его чувствами и переживаниями не принадлежит сам себе. Лишь сад оказывается местом субъективации и проявления самости.

Literature:

1. Yangshina E.M. Formation and development of ancient Chinese mythology. M. : Nauka, 1984.

2. *Виноградова Н.А.* Стиль китайского традиционного архитектурного ансамбля. М. : Памятники исторической мысли, 2007.
3. *Виноградова Н.А.* О чем говорит китайский сад. М. : Памятники исторической мысли, 2007.
4. *Голосова Е.В.* Ландшафтная архитектура погребальных комплексов Китая / Е.В. Голосова // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2006. № 3. С. 71–73.
5. *Голосова Е.В.* Влияние философии буддизма на садовое искусство Китая и Японии. М. : Традиция, 2017.
6. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Знание, 1977.
7. *Малявин В.В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового Времени. М. : АСТ, 2000.
8. *Лян Сычэн.* Великая традиция и наследство архитектуры Китая. Барнаул : Издательство АГПА, 2013.
9. *Новикова Е.В.* Человек и природа в традициях садово-паркового искусства Китая. Человек и природа в духовной культуре Востока. М. : Крафт+, 2004.
10. *Лян Сычэн.* Великая традиция и наследство архитектуры Китая. Барнаул : Издательство АГПА, 2013.
11. *Поляков Е.Н.* История становления, основные разновидности традиционного китайского сада / Е.Н. Поляков, Л.В. Михайлова. Томск : Издательство ТомГАСУ, 2016.
12. *Голосова Е.В.* Теория национального китайского сада / Е.В. Голосова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 10(90). С. 197–201.
2. *Vinogradova H.A.* The style of Chinese traditional architectural ensemble. M. : Monuments of historical thought, 2007.
3. *Vinogradova H.A.* What does the Chinese garden say. M. : Monuments of historical thought, 2007.
4. *Golosova E.V.* Landscape architecture of burial complexes in China / E.V. Golosova // Bulletin of the Moscow State University of the Forest – Forest Bulletin. 2006. № 3. P. 71–73.
5. *Golosova E.V.* Influence of Buddhist Philosophy on the Garden Art of China and Japan. M. : Tradition, 2017.
6. *Averintsev S.S.* Poetics of Early Byzantine Literature. M. : Knowledge, 1977.
7. *Malyavin V.V.* Twilight Tao. Chinese culture on the threshold of the New Age. M. : AST, 2000.
8. *Liang Sicheng.* Great tradition and legacy of Chinese architecture. Barnaul : AGPA Publishing House, 2013.
9. *Novikova E.V.* Man and nature in the traditions of landscape art in China. Man and nature in the spiritual culture of the East. M. : Kraft+, 2004.
10. *Liang Sicheng.* Great tradition and legacy of Chinese architecture. Barnaul : AGPA Publishing House, 2013.
11. *Polyakov E.N.* The history of formation, the main varieties of the traditional Chinese garden / E.N. Polyakov, L.V. Mikhailova. Tomsk : TomGASU Publishing House, 2016.
12. *Golosova E.V.* Theory of the national Chinese garden / E.V. Golosova // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2010. Iss. 10(90). P. 197–201.

Хуан Цзюньхэ
магистр,
факультет мастерства
сценических постановок,
Российский государственный институт
сценических искусств
598102399@qq.com

ТРАДИЦИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА КИТАЯ

Аннотация. Театральное искусство Китая в основном включает в себя оперу и драму. После длительного периода развития и эволюции, постепенно сформировались основные китайские оперные драматические жанры, существующие и по сей день. Классическая китайская опера является важной частью китайской культуры, которую можно назвать национальным достоянием, а ее художественная и уникальная исполнительская форма, была и остается любимой всеми поколениями. Китайская опера занимает особое положение в мировом театре и известна как одна из трех основных древние драмы мировой культуры вместе с древнегреческой трагикомедией и индийской санскритской драмой.

Ключевые слова: театр, искусство, опера, драма, Китай.

Становление китайской оперы можно проследить с начала династий Цинь и Хань. Однако процесс формирования был довольно длительным, и только в период династиях Сун и Юань она полноценно сформировалась. Можно подчеркнуть, что современная опера произошла из с мета-разнородной оперы, пройдя непрерывное развитие со времен династий Мин и Цин и войдя в современную эпоху которой уже более 360 лет. В длительном процессе своего развития последовательно появились четыре основные формы классической китайской оперы, в числе которых опера Сун-Юань, опера династии Юань, опера династии Мин и Цин, опера династии Цин и современная опера [1]. Рассмотрим их подробнее:

1. Опера Сун Юань.

Опера Сун и Юань была поставлена в конце династии Северной Сун и ранней династии Южной Сун, Вэньчжоу в Чжэцзяне и Цюаньчжоу, и Фучжоу в Фуцзяни, что было важнейшим периодом становления оперы. Опера Сун Юань является более ранней и зрелой формой оперы в Китае. Она объединяет пение и танцы, для полноты визуализации драматической истории. Из-за перипетий сюжетной линии сценарий оперы излишне длинный, в несколько раз больше, чем

Huan Gjunhe
Master,
Faculty of Mastery
of Stage Productions,
Russian State Institute
of Performing Arts
598102399@qq.com

CHINESE THEATER TRADITIONS

Annotation. The theatrical art of China mainly includes opera and drama. After a long period of development and evolution, the main Chinese opera drama genres gradually formed, which still exist today. Classical Chinese opera is an important part of Chinese culture, which can be called a national treasure, and its artistic and unique performance form has been and remains loved by all generations. Chinese opera occupies a special position in the world theater and is known as one of the three major ancient dramas of world culture along with ancient Greek tragicomedy and Indian Sanskrit drama.

Keywords: theater, art, opera, drama, China.

в драме «Beiqu Miscellaneous». В ней используются южные мелодии, и нет строгих правил для рифмы и музыки. Ее стиль пения богат разнообразием, включая сольное пение, дуэтное пение, ротационное пение, а также хор. Музыкальным инструментом в основном является барабанная доска. Важным фактом является то, что введение в оперную литературу ЦяньНаньяна содержит 238 видов оперных текстов Сун и Юань, большинство из которых являются произведениями династии Юань. Среди этих опер единственными, которые сохранились до наших дней, являются «Чжан Се Чжуаньюань» (обычно считается произведением династии Южная Сун), «Дети секты евнухов, стоящие неправильно», «Сяосунь Ту», «ПипаЦзи», «Запись белого кролика», «Цзин ЧжэньЦзи», «Павильон поклонения Луне», «Убийство собаки» и так далее.

2. Опера династии Юань.

Опера династии Юань также называется оперой «Бэйцзюй». Данная опера была впервые поставлена в районе Чжэньдин в Хэбэе и Пинъян в Шаньси в конце династии Цзинь. Опера Юань была первым золотым веком китайской оперы. Она достигла очень высокого литературного уровня. Ван Говэй сказал по этому поводу, – «*Стихи Тан, слова Сун и песни Юаня – все это*

так называемая литература поколения. Разнообразная опера Юань достигла высокого статуса наравне с поэзией Тан и поэзией Сун, и ее выдающиеся достижения в основном проявляются в ее глубоком идейном содержании и высоких художественных достижениях» [1].

3. Опера династий Мин и Цин.

Опера династий Мин и Цин - это оперные формы, разработанные из Оперы Сун и Юань. Она была создана в конце династии Юань, сформировалась в начале династии Мин, процветала в период Мин Цзяцзин Ванли и окончательно популяризировалась в культуре Китая в период поздней династии Мин и ранней династии Цин, и многие работы были известны как «Гора и море слов». Из-за общей любви к опере среди всех социальных слоев населения Китая династии Мин, куньшаньский и иянский диалекты были популярны в стране. Королевский двор, резиденции чиновников и ученых, а также храмовые дворы и травяные террасы выполняли роль театральных сцен. Что касается музыки то, разные вокальные камеры имеют разные характеристики. Например, куньшаньский диалект является кульминацией северных и южных песен. Сопоставление различных официальных мелодий и аранжировка выступлений была стандартизированной, но и в то же время широко использовала усовершенствованный набор музыкальных элементов для большей выразительности. Певческое мастерство актеров в этот период становится все более изысканным, требуя от них «петь всевозможные песни с глубоким смысловым и философским содержанием», достигая высоты персонализации и драматизма. Это опыт, обобщенный драматургами и артистами в практике оперного пения Куньцзюй в течение длительного времени, стал важным наследием китайской национальной вокальной музыки. Конфигурация инструментов аккомпанемента куньшаньского акцента и организация сцен оркестра также была богаче и полнее, так что исполнение можно осуществлять в заданном стиле и ритме, применяя оркестровое сопровождение более поздних оперных вокальных камер и драматических жанров. Опера династий Мин и Цин оказала глубокое влияние на музыку более поздних драм.

4. Опера династии Цин.

Опера династии Цин имеет нечто общее с современной оперой. В конце династии Канси, опера династии Цин процветала в Хуабу, и конкурировала с оперой Куньцзюй под названием Ябэ. Эти 150 лет являются эпохой оперы династии Цин. Она имела сильный и пронзительный стиль, сформировавший музыкальную систему, в которой доминировали вариации новой формы драматической литературы. Подобная структурная форма драматического текста лучше воспринималась аудиторией, однако имела недостаток в виде сложного языка изложения сюжета.

5. Современная опера.

Опера 1840 и 1919 годов называется современной оперой, и включает в себя Пекинскую оперу, сформированную в периоды Тунчжи и Гуансуй,

а также в период появления китайского оперного реформаторского движения, возникшего в начале 20-го века. Во время Движения новой культуры «четвертого мая» традиционная опера подверглась яростной критике, и с тех пор китайская традиционная опера вступила в эпоху современной оперы. Становление Пекинской оперы является результатом развития оперы династии Цин, а после того, как Пекинская опера стала национальной представительной драмой, она несколько не подавила развитие местной оперы. От местной оперы династии Цин до Пекинской оперы, это была эпоха крайнего процветания китайской оперы.

В начале 20 века, с тенденцией изменений в области китайской культуры, процветало и театральное реформаторское движение. Однако новые драмы того времени не имели режиссёрской постановки [2].

В 1921 году драматург ХунШэнь вернулся с учебы из США, и в спектакле Шанхайской драматической ассоциации он и его коллеги создали официальную режиссерскую репетиционную систему, а также сформулировали относительно полную режиссерскую систему театрального искусства. После этого, уже в 30-х годах, искусство театральной режиссуры началось активно развиваться.

Так, режиссер Чжоу СиньфанЦзюнь поставил две новаторские пьесы, объединив воедино культуру и боевые искусства Китая. Однако полноценное появление режиссерской системы в Пекинской опере произошло после создания Китайской Народной Республики, а реальным внедрением режиссерской системы в область оперы, стали 40-е годы. Потому, что 30-е годы были временем великой скорби в истории Китая. Этнические противоречия усилились, и в 1931 году, с одной стороны произошло вторжение японской армии в северо-восточный регион Китая, а, с другой стороны, обострились классовые противоречия, нарастала борьба рабочих и крестьян против капиталистов и помещиков [3].

В течение этого периода времени, китайская драма продолжала ставиться и заимствовать репертуар из западной драмы, но она перешла от эклектичного сочетания жанров к ориентации на реализм, и театральный эксперимент модернизма постепенно исчез.

Культурные базисы того времени вычеркнули из китайской драмы романтические и сентиментальные основы прошлого и взяли на себя важную задачу «пробуждения народа и спасения страны». Однако там, где начинается политика – нет места искусству. Поэтому основными характеристиками китайской драмы того времени является тесная интеграция драмы с потребностями китайского общества и народа того непростого времени, а западная драматургия была трансформирована в форму искусства с традиционным китайским художественным духом, делая ее разновидностью драмы, которая нужна политической системе Китая [4], [5]. Однако это дало и положительные результаты: появилась

группа выдающихся драматургов таких как Цао Юй и СяЯнь, а также стали появляться профессиональные театральные труппы, а искусство актерского мастерства вышло на мировой уровень [3].

Таким образом, опера всегда пользовалась популярностью у народа и имеет глубокие корни в китайскую традиционную культуру. Согласно статистике, в различных этнических регионах Китая насчитывается около 360 видов местной

оперы и десятки тысяч традиционных опер, среди которых Пекинская опера, Опера Юэ, Опера Хуанмэй, Опера Пинцзюй и Опера Юй известные как пять основных оперных жанров Китая. Каждая региональная драма имеет свою аудиторию. После основания Китайской Народной Республики и адаптации традиционных пьес, исторические драмы в новом исполнении и современные драмы, выражающие реализм и тему современной жизни, были тепло встречены широкой аудиторией.

Литература:

1. Шулунова Е.К. История современного китайского театра. М. : ИПЦ «МАСКА», 2020. 62 с.
2. Белозеров Н.Н. Современные китайские исследователи о проблемах китайского традиционного театра / Н.Н. Белозеров // Теоретические проблемы изучения литератур. 2019. С. 420.
3. Петруханов В.А. Жанры в китайской опере. М. : «МИР», 2021. С. 1400.
4. Егорова Ю.Р. О природе слова в искусстве и философии / Ю.Р. Егорова // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4(155). С. 482–484
5. Виноградова Н.В. Чувственный образ: сущность и его роль в процессе интуитивного познания / Н.В. Виноградова, А.В. Бондаренко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 3. С. 254–257.

Literature:

1. Shulunova E.K. History of modern Chinese theater. M. : IPC «MASK», 2020. 62 p.
2. Belozerov N.N. Modern Chinese Researchers on the Problems of Chinese Traditional Theater / N.N. Belozerov // Theoretical Problems of Studying Literature. 2019. P. 420.
3. Petrukhanov V.A. Genres in Chinese opera. M. : «MIR», 2021. P. 1400.
4. Egorova Yu.R. On the nature of the word in art and philosophy / Yu.R. Egorova // Eurasian Legal Journal. 2021. № 4(155). P. 482–484.
5. Vinogradova N.V. Sensual image: the essence and its role in the process of intuitive cognition / N.V. Vinogradova, A.V. Bondarenko // Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2009. Vol. 15. № 3. P. 254–257.

Цзоу Боюй
магистр,
факультет искусств,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
407730875@qq.com

КИТАЙСКИЕ УЧЕНИКИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ-ЭМИГРАНТОВ В КИТАЕ В XX В. КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

■ ■ ■

Аннотация. Художественное искусство русских эмигрантов в Китае является составной частью русского национального культурного наследия, которая остается центральной частью русской культуры, а также особым видом творчества. Многие талантливые русские художники достигли больших высот в творчестве, уехав в Китай. Они много лет жили в Китае и впитывали в себя китайскую культуру, красоты природы и социальные проблемы. Поэтому элементы синтеза русской и китайской культуры в полной мере проявляются в работах китайских учеников русских эмигрантов.

Ключевые слова: китайско-русское искусство, русские художники, диалог двух культур.

■ ■ ■

Изучение национальных и этнических образов и стереотипов в современных условиях приобретает чрезвычайно важное значение по отношению к научной и практической значимости. Требуется не только проследить эволюцию образов различных народов, определяя тенденции их пространственно-временного развития, но и найти причины возникновения и сохранения тех или иных образов, репрезентирующих другие страны как «чужие» в рамках определенного национального менталитета.

Исследователи, изучающие круг проблем в рамках психологической парадигмы рассматривают понятие реального и воображаемого образов любого народа или этноса как предмет этнического самосознания. Говоря об этнических стереотипах, можно смело предположить, что они формируются на основе этнических образных систем. Они обобщены, стабильны и сильно заряжены, они складываются через исторические аспекты межэтнических отношений, регулируют восприятие и образ поведения своих носителей. На данный момент достигнуты значимые результаты в сфере разработки концепции этнических стереотипов. Этнологи заявляют, что этнические стереотипы безусловным образом влияют на поведение людей и могут формировать этнические антипатии или добрые чувства, раздвигая нации или сближая их. Они также могут пред-

Zou Boyu
Master,
Faculty of Arts,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
407730875@qq.com

CHINESE STUDENTS OF RUSSIAN EMIGRANT ARTISTS IN CHINA IN THE 20TH CENTURY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A DIALOGUE OF CULTURES

■ ■ ■

Annotation. The art of Russian emigrants in China is an integral part of the Russian national cultural heritage, which remains a central part of Russian culture, as well as a special kind of creativity. Many talented Russian artists have reached great heights in creativity, having left for China. They lived in China for many years and absorbed Chinese culture, inspiration from natural beauty and social issues. Therefore, elements of the synthesis of Russian and Chinese culture are fully manifested to a greater extent precisely in the works of Chinese students of Russian emigrants.

Keywords: Chinese-Russian art, Russian artists, dialogue between two cultures.

■ ■ ■

определять поведение человека в любой ситуации, отражаясь в произведениях художников, оказавшихся в тех или иных условиях. Настроение художников, их окружающая среда, обстоятельства напрямую влияют на их произведения.

A.C. Мыльников предложил термин «этническая имагология». Ее проблемными моментами являются:

1. Формирование этно/этнокультурного мировоззрения на протяжении разных исторических периодов, отличающегося и переходящего от одного народа к другому.
2. Изучение формирования этно/этнокультурных стереотипов и действий в отношении разных народов и их представителей;
3. Разработка комплекса вопросов, связанных с исследованием понятий национального характера, этнического мировоззрения и явлений, порождающих соответствующие этнокультурные стереотипы. Следовательно, анализ этого комплекса вопросов необходимо проводить с учетом общегрупповых социокультурных образов, обычно отличающихся от общеэтнических образов.
4. Исследование феномена исторической памяти, который через взаимосвязь этнических, пространственных и диахронических факторов обес-

печивает преемственность этно/этнокультурной традиции из прошлого в настоящее и будущее.

Таким образом, согласно концепции А.С. Мильникова, основными разделами этнической имагологии являются: мировоззрение, этнокультурные стереотипы, этническая установка, историческая память, – которые, в совокупности, открывают возможности для понимания этнопсихологических механизмов на системном уровне. *«Восприятие – составная часть этнической имагологии, отображающая общественные чувства и сознание. Оно так же беспристрастно, как и то, что на нем изображено»* – отмечает он [1].

Исследователи, работающие в сфере культурных парадигм, имеют свою точку зрения на формирование и функционирование образов и стереотипов в произведениях русских эмигрантов. Они полагают, что *«умение понимать «необычные» и «чужие» явления и процессы их коммуникации является одной из важнейших проблем истории культуры»* [2]. Культурные антропологи утверждают, что намерение понять «чужую» культуру позволяет человеку понять пределы своего собственного мира и погрузиться в другие культурные сферы. Это очень важно для развития собственной культуры [5; 6; 7].

В настоящее время под влиянием глобализации это утверждение становится все более популярным. На основе вышеизложенного можно утверждать, что эволюция во взаимных образах России и Китая началась с эмиграции русских художников в Китай.

Набор восприятий новой для них культуры образовало модель, достаточно сильную, чтобы влиять на стереотипы и формирование образов. В свою очередь, «стереотип» (этнический, национальный) является составляющей коллективного сознания. Это устойчивый образ, закрепившийся в общественном сознании и состоящий из необычайно стандартизированных коллективных переживаний, получаемых в процессе общения. «Стереотипы» могут основываться как на объективных знаниях, так и на заблуждениях, сложившихся в обществе или созданных под давлением пропаганды. Они часто могут трансформироваться в устойчивые формы, сохраняющиеся в сознании некоторых групп людей или даже народов. Именно поэтому работы учеников русских эмигрантов в Китае имеют свой исключительный стиль, отличающийся от работ китайских художников и работ русских художников.

«Представления» и «стереотипы» могут вызывать «предрассудки» — негативное отношение к любому этносу, нации или государству. Этнические предрассудки часто становятся элементом глобального общественного сознания. Они могут порождать различные теоретические построения. На основе этих конструктов формируются многие геополитические и внешнеполитические концепции объективно или, может быть, только в соответствии с определенной политической обстановкой. Известный американский психолог

Гордон Олпорт (1897–1967) провел исследование источников предрассудков и роли предрассудков в структуре национального характера. Он пытался использовать социологические, а также исторические подходы и психологические данные при написании своей книги «Природа предрассудков» [3].

Совокупность «представлений», «стереотипов», а в некоторых случаях и «предрассудков» образует «образ» нации – специфический коллективный портрет, который проецируется в ее коллективное сознание. На основании этого можно констатировать, что «образ», говоря глобально, оказывается объективным явлением, состоящим из совокупности представлений и стереотипов, изображаемых в разных сферах общественной жизни и сознания.

На данный момент существует анализ образа России в Китае в XX в., в котором уделяется большое внимание работам русских иммигрантов. Следует обратить внимание на исследование известного российского китаеведа, академика С.Л. Тихвинского (1918–2018): «Китайские представления об образе России» [4]. Он первым среди российских китаеведов предложил подробный исторический обзор и анализ образа России, возникшего и развивавшегося в Китае, в том числе в XX веке. Современному этапу эволюции этого образа посвящена кандидатская диссертация и монография молодого российского исследователя Н.В. Тена [4].

Необходимо констатировать, что при изучении эволюции образа России в Китае в XX в. необходимо принимать во внимание взаимное взаимопроникновение двух устойчивых социокультурных традиций: конфуцианства и русского православия. По этой причине соответствующие этнические образы сильно привязаны к восприятию другого типа культуры, других форм социальной и политической организации. Здесь взаимные образы России и Китая сформировались к началу XX века. К тому моменту в России уже сложился достаточно устойчивый и разноплановый образ Китая, тогда как представления о России в Цинской империи были сильно ограничены и отрывочны, информация о Китае была доступна лишь небольшой группе людей.

Процесс рецепции феномена эмиграции и восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании пришелся на годы яростной общественно-политической борьбы внутри китайского общества, становления новой коммунистической идеологии и новой эстетики, ориентированной на советские образцы. В лучших образцах китайской литературы 20–40-х годов XX века гуманистический настрой авторов позволил снять с образов восприятия эмигрантов стереотип «жестокости и варварства». В корреляции «своего» и «чужого» образ восприятия русских эмигрантов стал подобен зеркалу, отражающему образы самовосприятия прогрессивных китайцев в тот период истории. При этом в художественном творчестве китайских учеников русских эмигран-

тов отразились сложные процессы работы этнического сознания, обнажились фреймы, прису-

щие китайцам в восприятии иностранцев с глубиной древности.

Литература:

1. *Чжао Цзяньчэн*. Творческое воплощение темы русско-китайских эмигрантов в Китае. Молодые писатели. 2020. Вып. 27. С. 245.
2. *Мелихов Г.В.* Русская эмигрантская литература в Китае (1917–1924 гг). М. : «Мир», 2017. с. 779.
3. *Жун Цзе*. Литература русской диаспоры / Жун Цзе // Обучение английскому языку в Китае. 2019. № 1. С. 336.
4. *Ван Ямин*. Исследование литературы русской диаспоры в Китае 20-го века. Издательство Ланьжоуского университета. 2020. С. 426.
5. *Колычева В.А.* Цифровизация данных о продажах предметов русского искусства: проблема несовпадения спроса и предложения / В.А. Колычева // Дискуссия. 2022. № 1(110). С. 40–50.
6. *Бондаренко А.В.* Творчество как феномен культуры / А.В. Бондаренко // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 4(45). С. 252–254.
7. *Никитина В.В.* Конструирование этнической картины мира / В.В. Никитина, М.А. Штанько // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 485–486.

Literature:

1. *Zhao Jiancheng*. Creative embodiment of the theme of Russian-Chinese emigrants in China. Young Writers. 2020. Iss. 27. P. 245.
2. *Melikhov G.V.* Russian emigrant literature in China (1917–1924). M. : «Mir», 2017. P. 779.
3. *Rong Jie*. Literature of the Russian Diaspora / Rong Jie // Teaching English in China. 2019. № 1. P. 336.
4. *Wang Yaming*. A Study of Russian Diaspora Literature in China in the 20th Century. Lanzhou University Press. 2020. P. 426.
5. *Kolycheva V.A.* Digitalization of data on sales of Russian art objects: the problem of mismatch of supply and demand / V.A. Kolycheva // Discussion. 2022. № 1(110). P. 40–50.
6. *Bondarenko A.V.* Creativity as a phenomenon of culture / A.V. Bondarenko // Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies. 2015. № 4 (45). P. 252–254.
7. *Nikitina V.V.* Constructing an ethnic picture of the world / V.V. Nikitina, M.A. Shtanko // Eurasian Legal Journal. – 2021. № 8(159). P. 485–486.

Цинь Шиюй
аспирант,
Академия русского балета
имени А.Я. Вагановой
7852031@qq.com

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ, СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ В РУССКОМ БАЛЕТЕ

Аннотация. Балет принято определять как вид театрально-музыкального искусства, содержание которого определяется в хореографических образах. Автор данной статьи рассматривает русский фольклорный материал как важную часть русского балетного искусства. Проследив генезис русского балета в контексте создания сюжетов и образов, взятых из русского фольклора, автор статьи приходит к выводу, что национальные черты балета наполняют это вид хореографического искусства новым содержанием, раскрывающим национальную жизнь народа.

Ключевые слова: русский балет, фольклорные образы, сюжет, мотив, национальные традиции.

Балет принято определять как вид театрально-музыкального искусства, содержание которого определяется в хореографических образах [2, с. 2]. Однако не будем забывать, что балет глубоко национален, в связи с чем, часто отталкивается от фольклора и народных традиций, приближая тем самым балетное искусство к народу. Различные формы народности на уровне мотивов и образов всегда присутствовали в русском балете, истоки которого восходят к обрядовым и бытовым народным пляскам, широко представленным в различных народных гуляньях. Однако на заре своего зарождения, русский классический балет был лишен национальных черт. Учитывая тот факт, что балет изначально предназначался для аристократии, то свои сюжеты он черпал из области античной мифологии.

Первым балетмейстером, которого заинтересовал фольклорный материал, стал австрийский хореограф Гаспаро Анжиолини, приехавший в Россию в 1777 году. Конечно, обратился он к русскому фольклору не сам, а с подачи императрицы Екатерины II, почитательницы народного искусства.

Но, изучая народные традиции, он так проникся национальным духом, что решил на основе русских народных плясок и песен, поставить балет «Забавы о святках». Широко используя русские народные мелодии, Анжиолини сам написал му-

Qin Shiyu
Graduate Student,
Academy of Russian Ballet
named after A.Ya. Vaganova
7852031@qq.com

FOLKLORE MOTIVES, FOLKLORE PLOT AND FOLKLORE CHARACTERS IN RUSSIAN BALLET

Annotation. Ballet is usually defined as a type of theatrical and musical art, the content of which is determined in choreographic images. The author of this article analyzes Russian folklore material as an important part of the Russian ballet art. Examining Russian ballet's evolution in the context of the plot and characters taken from Russian folklore, the author of the article comes to the conclusion that that the national features of ballet fill this kind of choreographic art with new content that reveals the national life of the people.

Keywords: russian ballet, folklore characters, plot, motive, national traditions.

зыка. Чтобы спектакль был принят императорским двором, фольклорный материал в этой постановке подвергся большой переработке в сторону его «облагораживания», но это не лишило его национальной самобытности и оригинальности, чего так не хватало русской культуре в то время [1, с. 32].

В конце XVIII века народные тенденции балетного искусства в России прочно закрепились, создав предпосылки для появления фольклорных сюжетов и образов в балетных спектаклях. Следует сказать, что новая национально-фольклорная струя в хореографии ярче всего проявилась в народных плясках, первоначально входивших в состав русской комической оперы. Фольклорные мотивы помогали актерам почувствовать себя более свободно, поскольку «русские артисты балета принадлежали к простонародью и приносили в театр свои эстетические взгляды на танец» [1, с. 72].

Народные пляски и стилизованные танцы в национальной манере постепенно готовили почву для появления балетных спектаклей, полностью построенных на фольклорном материале. А пока, сценический танец в фольклорных традициях постепенно выделился в самостоятельный танцевальный дивертисмент, хореография которого «включала элементы русской народной пляски, а музыка, как, правило, основывалась на народно-песенном материале» [3, с. 141].

XIX век в России стал «золотым» веком не только литературы, изобразительного искусства, классической музыки во всех ее видах, но и балета. Неисчерпаемым источником для вдохновения композиторов и балетмейстеров этого времени стал подлинно народный танец, хотя он по-прежнему был задействован только в балетных дивертисментах, один из которых был поставлен в 1815 году в московском театре И.М. Аблецом – танцовщиком, который очень удачно исполнял русские пляски. Он назывался «Семик, или Гулянье в Марьиной роще» и пользовался огромной популярностью у публики. Спустя четыре года, И.К. Лобановым был поставлен дивертисмент «Деревня на берегу Волги», после чего балетмейстер стал регулярно выступать как сочинитель подобных спектаклей.

Событием исключительного значения стала для России постановка А.П. Глушковским в 1821 году балета «Руслан и Людмила». Это был первый большой сюжетный балет, построенный на подлинно народном сюжете.

В 1830-е годы балет, вслед за литературой, драмой и оперой, балет стал последовательно переходить на позиции реализма. В этот период большое внимание деятели музыкального искусства стали уделять народному танцу, в котором раскрывается душа народа. В этот период времени на театральном «олимпе» России появляется величественная фигура М.И. Глинки, который вводит в созданную им оперу «Иван Сусанин» народные танцы, без которых трудно было представить эту постановку. Это событие определило развитие русского национального балета в будущем. После опер Глинки прежняя форма народного танца, основанная на отборе наиболее изящных канонических движений русской пляски, перестала удовлетворять передовую часть зрителей [1, с. 90]. В 1840-е годы народный танец не только окончательно утвердился на балетной сцене, но и приобрел особое значение. В некоторых балетах он стал основной формой танцевальной выразительности, что, в свою очередь, обогатило танец классический. Однако говорить пока о сюжетных балетах на исключительно фольклорную тематику говорить было пока рано. Приглашенный в Россию в 1859 году французский балетмейстер А. Сен-Леон, разглядев фольклорный потенциал русского искусства. Изучив народные пляски всех национальностей России, он понял, что русскому танцу нет равных и пришел к выводу о том, что то «национальное» искусство», умытое и причесанное, которое приходится по вкусу петербургскому придворно-аристократическому зрителю, не несет в себе положительного заряда и является псевдонародным.

Учитывая пристрастия А. Сен-Леона к народным танцам, актеры предложили ему поставить балет на фольклорную тематику, выбрав для этой цели сказку П.П. Ершова «Конек-Горбунок». Сен-Леон охотно согласился и в несколько вечеров, пользуясь советами петербургских балетных артистов, разработал сценарий спектакля. Однако в процессе работы над либретто, французский балетмейстер существенно изменил сюжет,

превратив спектакль в верноподданнический панегирик самодержавию. А. Сен-Леон всячески стремился не затрагивать в своем постановке русскую жизнь, о которой он не имел никакого представления. Но, несмотря на то, что русского народного духа в «Коньке-Горбунке» не было, а дивертисмент заключал в себе пляски двадцати двух народностей, населявших Россию, премьера прошла под восторженные аплодисменты зрителей.

Аристократическая публика рассматривала постановку А. Сен-Леона как серьезное произведение хореографического искусства, но немногочисленные зрители держались совершенно иного мнения. Они хотели видеть в «Коньке-Горбунке» первый русский национальный балет, чего, к сожалению, не произошло. Истинно народный дух ершовского произведения утонул в реке великосветских восторженных оваций. В 1876 году балетмейстер С. Соколов поставил заново балет «Конёк-Горбунок», пытаясь избавиться от псевдонародных штампов предшествующих постановок, а в начале XX века за этот многострадальный балет взялся А.А. Горский, коренным образом переделав предшествующие постановки.

В эпоху «серебряного века» балет стал рассматриваться в контексте создания сказочных образов средствами классического танца. И, в данном ключе, интересно творчество композитора Н.Н. Черепнина, который в предреволюционные годы написал три балета на фольклорные сюжеты, почерпнутые из сказок: «Золотая рыбка» (1912), «Марья Моревна» (1913), «Сказка о царевне Улыбе и Соловье-разбойнике» (1916). Музыка балета «Золотая рыбка» была рождена вне идеи сценического воплощения. Однако сам композитор хорошо срежиссировал ее, поскольку это произведение сценично изнутри. Черепнин иллюстрирует поведение каждого персонажа, характеризуя его уникальным музыкальным материалом. Вводит диалоги и монологи героев, следуя сюжету сказки А.С. Пушкина. Возможно, эти особенности музыки сказки дали возможность хореографу М.М. Мордкину (в прошлом – артисту балета) воплотить ее в балетном спектакле, премьера которого состоялась 04 апреля 1937 года, но, к сожалению, не в России, а в Нью-Йорке [6]. В основу сюжета для балета «Марья Моревна», созданного Н.Н. Черепниным за короткие сроки, легла одноименная русская сказка. Идею композитору подсказали иллюстрации художника И.Я. Билибина к народным сказкам, среди которых были и иллюстрации к «Марье Моревне». Эти иллюстрации заинтересовали Черепнина, решившего продолжить идею воплощения этих образов в жанре балета [6]. Балет «Марья Моревна» является новым этапом «фольклорного» творчества Н. Черепнина. Как отмечает Ю.А. Финкельштейн, на фоне общего тяготения балета того времени к импрессионистической манере, в балете «Марья Моревна» усиливается тенденция к исползованию мелоса в стиле русских народных песен [5, с. 16]. В 1914 году Дирекцией Императорских театров Черепнину был заказан балет «Сказка о царевне Улыбе». Сказка. Лежавшая в основе либретто, не

была подлинно русской народной сказки, но отвечала всем ее канонам и содержала ряд фольклорных образов, известных по другим сказкам [6].

Таким образом, именно Н.Н. Черепнин стал зачинателем в русском сюжетном балете фольклорного начала. Используя национальный колорит, он создал фольклорные образы, которые до сих пор покоряют весь мир.

В советскую эпоху перечень фольклорно-сказочных образов на балетной сцене пополнился спектаклем «Золотой петушок» на музыку Н.А. Римского-Корсакова, а также – «Снегурочкой» Б.В. Асафьева, «Каменным цветком» С.С. Прокофьева, новой версией «Конька-Горбунка» Р.К. Щедрина и др. [4, с. 234]. Но подлинным открытием фольклорного направления в балетном искусстве стали балеты И.Ф. Стравинского и, в первую очередь, балеты «Жар-птица» и «Петрушка». Балет «Петрушка», поставленный М.М. Фокины, является вершиной творчества и композитора, и балетмейстера. Изначально поставленный в 1913 году для «русских сезонов» Дягилева и переработанный в 1948 году, этот балетный спектакль открыл почитателям балета из других стран подлинно национальное русское сознание. Петрушка – народный герой балаганов и ярмарок является знаковым персонажем всего

Литература:

1. *Бахрушин Ю.А.* История русского балета. М. : Советская Россия, 1965. 227 с.
2. *Ванслов В.В.* Статьи о балете. Музыкально-эстетические проблемы балета. Л. : Музыка, 1980. 192 с.
3. История хореографического искусства: Учебное пособие / Сост. Т.Н. Тищенко. М. : Издательство «Спутник +», 2016. 141 с.
4. *Фетисова Н.Е.* Фольклорно-сказочные образы в хореографическом искусстве: историко-культурный аспект / Н.Е. Фетисова // Вестник МГУКИ. 2011. № 6(44). С. 333–239.
5. *Финкельштейн Ю.А.* Балетное творчество Н.Н. Черепнина в контексте эпохи : автореф. ... канд. искусств. М., 2012. 25 с.
6. *Финкельштейн Ю.А.* Образы русской сказки и их воплощение в балетном творчестве Н. Черепнина. URL : <http://www.globecsi.ru/Articles/2011/Finkelshtein.pdf>

русского искусства и, прежде всего, театра. Создавая образ Петрушки на балетной сцене, И.Ф. Стравинский показал истинно народную жизнь, не побоявшись художественно оформить всем близкие и знакомые напевы городских улиц и сохранить национальные черты в героях этих улиц. Композитор показал, что «не действительность надо прихорашивать, а поступать как раз наоборот – идти от живой музыкальной практики, от музыкально-жизненного языка города и деревни, от тех ритмов и интонаций, которые вырабатывает ежедневным опытом и годами создает быт, создает и закрепляет в поколениях» [3, с. 78]. И так, удивительно трагедия Петрушки передана правдивой до боли музыкой! Смерть Петрушки – всего несколько строк музыки – таит в себе десятки страниц глубокой симфонической поэмы.

В заключение скажем, что русский национальный фольклор, пройдя все этапы внедрения в балетное искусство, пусть и не сразу, но стал национальным достоянием, а связано это с тем, что фольклорные образы, как верно замечает Н.Е. Фетисова, обладают большими возможностями эстетического и эмоционального воздействия на массового зрителя, пробуждают национальное самосознание и патриотические чувства у всех, кто неравнодушен к национальной культуре [4, с. 234].

Literature:

1. *Bakhrushin Yu.A.* History of Russian ballet. M. : Soviet Russia, 1965. 227 p.
2. *Vanslov V.V.* Articles about ballet. Musical and aesthetic problems of ballet. L. : Music, 1980. 192 p
3. History of choreographic art : textbook / Comp. T.N. Tishchenko. M. : Publishing house «Sputnik +», 2016. 141 p.
4. *Fetisova N.E.* Folklore and fairy-tale images in choreographic art: historical and cultural aspect / N.E. Fetisova // Bulletin of MGUKI. 2011. № 6(44). P. 333–239.
5. *Finkelstein Yu.A.* Ballet creativity of N.N. Cherepnin in the context of the epoch : abstract ... cand. arts. M., 2012. 25 p.
6. *Finkelstein Yu.A.* Images of the Russian fairy tale and their embodiment in the ballet work of N. Cherepnin. URL : <http://www.globecsi.ru/Articles/2011/Finkelshtein.pdf>

Чжао Яньчжань
аспирант кафедры культурологии,
Институт социально-гуманитарного
образования,
Московский педагогический
государственный университет
920489871@qq.com

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛОРИТ РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ФОРТЕПИАННОЙ МУЗЫКИ

■ ■ ■

Аннотация. В XIX веке русская национальная музыка достигла своего расцвета и заняла видное место в мировой музыкальной культуре. М.И. Глинка явился основоположником русской национальной музыкальной школы, которая в дальнейшем развивалась, благодаря творческой деятельности П.И. Чайковского, членов «Могучей кучки» и других музыкантов. Мощный подъём национального самосознания в России, вызвавший всестороннее развитие культуры, продемонстрировал богатство и духовную силу русского характера, стойкость русского народа, оказав большое влияние на мировое искусство. Значительному влиянию подверглась и музыкальная культура Китая. Автор статьи анализирует концепцию и особенности композиции китайской фортепианной музыки XX века, раскрывая глубокое влияние русской национальной музыки XX века на ее развитие.

Ключевые слова: русская музыкальная школа, китайская фортепианная культура, культурное влияние, национальный колорит.

■ ■ ■

Начиная с середины XIX века, прогрессивная литература и театр, воплощенные в русской культуре идеями демократии и критического реализма, оказывали глубокое влияние на российское музыкальное искусство. Русская национальная музыкальная школа, богатая и своеобразная по форме и содержанию, не только способствовала процветанию русской профессиональной музыки, но и значительно повлияла на развитие мировой музыки. Появление китайского фортепианного искусства в XX веке также многим обязано русской национальной музыкальной школе.

В первой половине XX века китайская музыкальная культура оказалась под мощным влиянием западной музыки, и развитие традиционной китайской музыки в это время замедлилось настолько, что ее дальнейшее существование ставилось под сомнение. Возникновение и развитие русской национальной школы музыки убедило китайцев, что культура страны не сможет

Zhao Yanran
Postgraduate Student
of the Department of Culturology,
Institute of Social
and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University
920489871@qq.com

THE NATIONAL COLOR OF RUSSIAN MUSIC SCHOOLS IS THE FACTOR THAT AFFECTS THE DEVELOPMENT OF CHINESE PIANO MUSIC

■ ■ ■

Annotation. In the 19th century, Russian national music entered its heyday and stood out in the world's music world. Throughout the development of its national music, M.I. Glinka opened the prelude to the Russian national music school. After that, with the efforts of «Powerful Group», Peter Tchaikovsky and other musicians, they jointly promoted the comprehensive development of the national music culture, demonstrated the strong heart and perseverance of the Russian nation, and also gave great inspiration to the world music culture. The author of this paper analyzes the creative characteristics of Chinese piano music in the XX century and reveals the profound influence of Russian national music on its development in the XIX century.

Keywords: russian music school, chinese piano culture, cultural influence, national peculiarity.

■ ■ ■

полноценно развиваться без контакта и взаимодействия с иностранными культурами. Чжао Юаньжэнь, Хуан Цзы, Сяо Юмэй, Ли Шухуа и другие китайские музыканты пришли к выводу о том, что, если китайская музыка хочет быть частью мировой музыкальной традиции будущего, она должна идти по пути русской национальной музыкальной школы, и что создание китайской национальной музыкальной школы с национальным характером должно основываться на западных музыкальных методах с органичным сочетанием и использованием старой китайской и западной музыки [3].

Выдающиеся произведения, созданные русскими композиторами, позволили китайским музыкантам шире оценить силу фортепианной музыки, почувствовать то особое, мощное художественное очарование, сияние национальных красок и мотивов, которое исходит от музыки с народным колоритом.

Концепция композиции.

Есть некоторое сходство между развитием фортепианной музыки в России и в Китае: и та, и другая развивались в условиях войн и социальных волнений. Русская национальная музыкальная школа возникла в исторический период подъема патриотических настроений начала XIX в., победы в Отечественной войне 1812 года, движения декабристов и отмены крепостного права. С развитием русского искусства и культуры наступил небывалый расцвет национальной музыки. Фортепианное искусство в Китае тоже возникло в условиях социальных изменений и суровых испытаний, его создатели боролись за выживание и развитие в бурной и нестабильной исторической ситуации. Начиная с войны против Японии и Освободительной войны 1945–1950 гг., последовательно проходивших в первой половине XX века, китайские композиторы, находясь в сложной социальной обстановке в условиях военного сопротивления и политической борьбы, тесно связали фортепианное искусство с идеологией и жизнью народа. Они создали множество музыкальных произведений полных динамизма, оптимизма, несгибаемой воли и боевого духа.

В 1934 году русский музыкант А.Х. Черепнин, переехавший в Китай, организовал конкурс «фортепианной музыки с китайским колоритом», чтобы стимулировать в обществе интерес к национальной музыке, привлечь внимание к ней и придать новый творческий импульс китайским композиторам. Это стало причиной появления большого количества фортепианных произведений высокого художественного уровня, написанных в китайском стиле. Сложившаяся ситуация сформировала предпосылки для дальнейшего постепенного развития и укрепления китайской национальной фортепианной школы.

В стремлении создать национальную фортепианную школу китайские композиторы активно изучали традиции и опыт русской национальной музыкальной школы, смело заимствуя мотивы и идеи традиционной национальной культуры и пытались привнести их в создаваемые музыкальные произведения. Переняв русский опыт, композиторы исследовали богатую и красочную китайскую традиционную народную музыку, постигали ее колорит, самобытность и специфику, и объединяли ее с передовыми западными композиторскими техниками. Так, придерживаясь принципов реализма и народной композиции, они сформировали концепцию национальной школы композиции, тем самым открывая слушателям стиль и очарование китайской музыки. Музыкальные произведения в характерном национальном стиле с высоким художественным мастерством создают образ родных гор и рек, природных пейзажей, показывают фольклор и народный быт, передавая позитивное и восторженное, оптимистическое отношение к жизни, воспевая великий патриотизм и героизм.

Особенности композиции.

1. Национальный колорит.

Две великие державы – Китай и Россия – имеют богатейшие национальные народные культур-

ные традиции. Именно богатые народные культурные традиции стали главной движущей силой развития музыкальных культур этих стран, а вдохновляли их культура и сама жизнь. Фортепианная музыка занимает значительное место в русской национальной музыке XIX века. Композиторы, принадлежавшие к русской национальной школе, многое заимствовали из народной традиции, национальной культуры страны. Они исследовали сокровища народной музыки и вдохновлялись ими. При создании сочинений композиторы использовали народные ритмы и мелодии, национальный музыкальный язык. Русская национальная музыкальная школа опирается на духовную силу нации и правдиво отражает социальную реальность и голос народа [2]. Русская национальная музыкальная школа внесла значимый вклад в популяризацию народной музыки в стране, сыграв активную роль в национальном демократическом движении.

Китайские композиторы на протяжении всего XX века опирались в своем фортепианном творчестве на разнообразные традиционные китайские музыкальные источники. Чтобы подчеркнуть этническую принадлежность своей музыки, они использовали фольклорный материал или заимствовали элементы из народных песен, цитируя или адаптируя традиционные инструментальные пьесы и тонко соединяя их с элементами традиционной оперы. Приверженность национальным традициям и использование народных музыкальных элементов в китайских фортепианных произведениях поддерживает их тесную связь с национальной музыкой, тем самым способствуя большим успехам в развитии современной национальной китайской фортепианной школы. Например, в произведениях для сольного фортепиано, таких как «Флейта пастушка», «Цветочный барабан» и «Счастливые дни», композиторы обратились к большому потенциалу китайской народной культуры, использовали собственные образцы народной музыки и уникальную китайскую народную пентатонику. Они следовали принципу реалистической композиции и использовали фортепианные произведения в качестве средства выражения голоса китайского народа, его позитивного и оптимистического духа, а также отражали общественные взгляды разных времен. В этот период времени музыка создавалась в китайском народном стиле и с китайскими особенностями [3].

2. Характерные названия.

Китайские фортепианные произведения имеют характерные названия, которые напрямую передают слушателям замысел произведения и позволяют им лучше понять его подтекст, тем самым проникаясь идеей автора. Это характерно и для произведений русской национальной музыкальной школы, таких как «Картинки с выставки» М.П. Мусоргского и сюиты для фортепиано «Времена года» П.И. Чайковского, которые являются образцами эталонных программных произведений. Так, сочинение китайского композитора Цзян Цзусинь «Храмовая ярмарка», состоящее из пяти частей: «Частушка артиста», «Двойной танец», «История старика», «Танец шэн» и «Социальная опера», ярко изображает

оживленные сцены на храмовой ярмарке. Произведение базируется на китайской народной культуре, а музыка полна богатого народного колорита. Сам композитор говорил, что, работая над этим произведением, он находился под непосредственным влиянием русской национальной музыкальной школы [6].

3. Реализм.

Русский философ Н.Г. Чернышевский уверял, что «красота существует в действительности», и решительно выступал против «искусства ради искусства». Он уверял, что главная задача искусства – «воспроизводить жизнь» [5]. Как считали В.Г. Белинский и Н.А. Добролюбов, «искусство должно выражать дух нации и отражать жизнь нации». Эти прогрессивные идеи русских революционных демократов XIX века оказали глубокое влияние на мышление русских композиторов, представителей национальной школы того времени. Русские композиторы стали настаивать на реализме как принципе музыкальной композиции, отражая национальное своеобразие в своих произведениях и делая акцент на выражении народной самобытности. Сосредотачиваясь на исторических темах, они отражали прошлое и создавали объективную картину современной жизни общества, во многом раскрывая страдания русского народа, выражая критическое отношение к действительности и безграничные надежды на лучшее будущее своей страны.

В XX веке китайские композиторы также писали фортепианную музыку в реалистическом стиле, раскрывая в своих произведениях радости и горести жизни китайского народа. В 1969 году Инь Чэнцзун, Чжу Ваньхуа, Лю Чжуани и ряд других китайских композиторов создали фортепианный концерт «Река Хуанхэ». Это знаменитый шедевр данного периода времени, для которого характерен реалистический стиль. Данная работа основана на «Кантате реки Хуан Хэ», китайском вокальном произведении времен антияпонской войны. В нем используются композиционные техники и приемы западных музыкальных жанров, но, кроме этого, оно включает в себя и традиционные китайские музыкальные элементы. Это, например, мелодия лодочного рожка, имитация техники народной инструментальной музыки. Эти средства служили достоверному и объективному воспроизведению реалий китайской культурной революции. Хуан Хэ – это один из символов стойкости и силы китайской нации, «река-матушка», вскормившая многие поколения китайцев.

В 1939 году в масштабном вокальном произведении «Хор Хуан Хэ» китайского композитора Сянь Синхая образ и тема Хуан Хэ проходит через все произведение. Эта музыкальная эпопея, отразившая национально-освободительную борьбу китайцев против Японии, наряду с реалиями войны отражает великий дух трудолюбия, отваги, упорства и героического сопротивления китайского народа. Фортепианное произведение «Река Хуан Хэ» продолжает и развивает национальный дух кантаты, перерабатывая восемь

отрывков оригинала в четыре части фортепианного концерта. В этом произведении используется традиционная музыкальная структура «зачин, изложение, поворотный момент, окончание». Река Хуан Хэ здесь является символом наиболее полного выражения национального духа. Описанные выше два музыкальных произведения на тему Хуан Хэ, исполненные яркого национального своеобразия и реализма, были созданы в эпоху драматических событий китайской истории и являются продуктом конкретного исторического периода, с присущими ему страстями и мотивами.

В последние годы, на фоне развивающихся культурных контактов, Китай и Россия совместно организовали такие дружественные мероприятия, как «Национальный год», «Год языка», несколько международных музыкальных симпозиумов, чтобы придать новый импульс культурному обмену между странами. Известный китайский музыкант Ян Яньди так оценил российскую музыку: «Русская музыка – одна из наиболее быстро развивающихся творческих достижений и наибольшего мирового влияния среди всех «национальных музыкальных школ». К концу XIX и началу XX века Россия стала «музыкальной державой», сопоставимой с сильными державами музыкальных традиций Франции и Италии [7]. Китайский музыковед, профессор Тао Ябин, выступая на симпозиуме по китайско-российским музыкальным и культурным обменам в 2009 году, сказал: «Российская музыкальная культура является заграничной музыкой, которая оказала самое значительное влияние на развитие современной китайской музыки в XX веке, это влияние сопровождало развитие китайской музыки. Советская и русская музыка оказали огромную поддержку и помощь Китаю. Музыкальный стиль русской национальной музыки и эстетические взгляды советского революционного реализма стали образцами для подражания в развитии китайской музыки и оказали глубокое влияние на направление развития новой китайской музыки [4 : 5].

Заключение.

В XIX веке русская музыка в своем развитии достигла небывалых высот. Появилось большое количество всемирно известных национальных композиторов, пропагандировавших национальную музыку и тематику, в результате чего, было создано большое количество классических произведений по мотивам народной музыки, ставших духовным достоянием как русского народа, так и всего мира.

Китайские композиторы активно учились у своих соседей и впитывали творческий потенциал русской национальной музыкальной школы. На основе глубокого погружения в фольклорную культуру своего народа они смело перенимали и комбинировали творческие приемы западной музыки и тембровые характеристики фортепианных музыкальных произведений, появившихся в XX столетии, создавая собственный музыкальный язык, где демонстрируются ярко выраженные национальные особенности, реалистические

черты и самобытные детали. В этот период времени китайская фортепианная школа быстро развивалась и достигла своего расцвета, что позволило китайским исполнителям представить миру превосходные национальные фортепианные произведения. Жизнь доказала, что национальное искусство принадлежит мировой культуре.

Литература:

1. *Бень Мен*. Судьба моей музыки / Бень Мен // Фортепианное искусство. 1997. № 2. URL : <http://api.gou5juan.com/download> (дата обращения 02.11.2022).
2. *Лю Ян*. Русская национальная музыка XIX века / Лю Ян // Художественный форум « Северное сияние». 2000. № 2. С. 5–11.
3. *Сяо бо*. Влияние произведений русской национальной музыки на фортепиано в конце XIX века / Сяо Бо // Северная музыка. 2007. № 1. С. 22–26.
4. *Тао Ярань*. Обзор и современные размышления об истории китайско-российского музыкального обмена. Пекин: Народное музыкальное издательство, 2011. 5 с.
5. *Фэн Чанчунь*. Исследование современных музыкальных течений в Китае. Пекин : Народное музыкальное издательство, 2007. С. 155–157.
6. *Чернышевский Н.Г.* Эстетические отношения искусства к действительности. 1853.
7. *Ян Яньди*. О подъеме русской музыки / Ян Яньди // Северная музыка. 2022. № 1. С. 55–64.

туре. Развитие китайского фортепианного творчества в этом, безусловно, опиралось на успехи и опыт русской национальной музыкальной школы. Ведь только музыкальные произведения с национальными особенностями могут быстро стать популярными и навсегда оставить свой след в душе и памяти народа.

Literature:

1. *Ben Men*. The fate of my music / Ben Men // Piano art. 1997. № 2. URL : <http://api.gou5juan.com/download> (date of the application 02.11. 2022).
2. *Liu Yang*. Russian national music of the XIX century / Liu Yang // Art Forum «Northern Lights». 2000. № 2. P. 5–11.
3. *Xiao Bo*. Influence of the works of Russian national music on the piano at the end of the XIX century / Xiao Bo // Northern music. 2007. № 1. P. 22–26.
4. *Tao Yaran*. Review and modern reflections on the history of Chinese-Russian music exchange. Beijing: Folk Music Publishing House, 2011. 5 p.
5. *Feng Changchun*. A study of modern musical trends in China. Beijing : Folk Music Publishing House, 2007. P. 155–157.
6. *Chernyshevsky N.G.* Aesthetic relations of art to reality. 1853
7. *Yang Yandi*. About the rise of Russian music / Yang Yandi // Northern music. 2022. № 1. P. 55–64.

Чжоу Мяоцзин
магистр,
факультет искусств,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1395056585@qq.com

АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСА СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В РОССИИ И В КИТАЕ

Аннотация. Международное современное искусство не имеет истории не только из-за того, что его прогресс не удалось обнаружить, но и из-за того, что его начало неясно. Нельзя найти явного разрыва между современным искусством России и современным искусством Китая. «Современное китайское искусство» – это тема Первого китайского форума современного искусства, организованного Джеймсом Элкинсом и ПэнФэном в Пекине в 2009 году. Современное китайское искусство кажется непрым для определения. Но это не значит, что подобная фраза бесполезна или бессмысленна. Автор отличает современное китайское искусство теоретически и практически не только от китайского традиционного искусства, но и от современного искусства России.

Ключевые слова: современное искусство, сравнительный анализ, международные отношения, история искусства.

Есть ли в современном искусстве этапы или процессы? Есть ли у современного искусства история? По словам Артура Данто и Ганса Белтинга, ответ должен быть отрицательным. «Современное искусство, – пишет Ганс Бельтинг, – демонстрирует осознание истории искусства, но больше не продвигает ее вперед» [1]. Для Артура Данто современное искусство достигает постисторической стадии искусства. Он писал: «Сегодня уже нет черты истории. Все разрешено» [1].

Слово «постисторический» буквально означает после или без истории. Если правы Данто и Бельтинг, значит, современное искусство России не имело бы истории. Россия представляет интернациональность и постмодернизм, поэтому можно сказать, что интернациональное современное искусство или постмодернистское искусство – это искусство без истории.

Международное современное искусство не имеет истории не только из-за того, что его прогресс не удалось обнаружить, но и из-за того, что его начало неясно. Нельзя найти явного разрыва между современным искусством России и современным искусством Китая. Как писал Данто,

Zhou Miaoqing
Master,
Faculty of Arts,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
1395056585@qq.com

ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF THE STATUS OF CONTEMPORARY ART IN RUSSIA AND CHINA

Annotation. International contemporary art has no history, not only because its progress has not been discovered, but also because its origins are unclear. There is no clear gap between contemporary Russian art and Contemporary Art in China. «Contemporary Chinese Art» is the theme of the First Chinese Contemporary Art Forum organized by James Elkins and Peng Feng in Beijing in 2009. Contemporary Chinese art seems difficult to define. But this does not mean that such a phrase is useless or meaningless. The author distinguishes contemporary Chinese art theoretically and practically not only from Chinese traditional art, but also from the contemporary art of Russia.

Keywords: contemporary art, comparative analysis, international relations, art history.

«характерно для современности то, что она должна была начаться коварно, без лозунга или логотипа, без особого осознания того, что это произошло... Современное искусство, напротив, не имеет никакого отношения к искусству прошлого, никакого чувства того, что прошлое есть нечто, от чего оно должно быть освобождено» [2]. Но ситуация в Китае и России, т.е., в постсоциалистической стране, иная.

Начало современного искусства в постсоциалистической стране очевидно. Лозунгов много, и почти все в художественном кругу и даже все общество знают о его зарождении. На самом деле, есть революция или реформация. Враг современного искусства – очевидный и несомненный социалистический реализм. Короче говоря, современное искусство в постсоциалистической стране отличается от современного искусства в постмодернистских странах, таких как Северная Америка и Западная Европа.

Однако история современного искусства в России также не ясна, нельзя найти разрыв между современным искусством и соцреализмом. Современное искусство в России имеет свое начало, но нет прогресса или процессов, необходи-

мых для истории. Радикальная революция в России сразу изменила общество. Современное искусство выиграло борьбу с социалистическим реализмом и выполнило свою миссию в очень короткие сроки, поэтому не было длительности его развития и процессов.

Современное искусство России быстро поглощается международным современным искусством и, наконец, достигает своей постисторической стадии. Ситуация в Китае отличается не только от постмодернистской, но и от постсоциалистической. Вместо радикальной революции Китай проводит реформы постепенно. Современное искусство еще не побеждает в борьбе с социалистическим реализмом. Оно еще не выполняет свою миссию, то есть способствует политическим реформам и социальным изменениям. Поэтому современное искусство в Китае приближается, но еще не достигает своего конца, так называемого постисторического этапа. Например, социалистический реализм полностью исчез в России, тогда как в Китае он еще держится и даже возрождается. В 2006 году центральное правительство инвестировало миллиарды юаней в проект «Значительное историческое событие». Большинство картин и скульптур в этом проекте напоминают соцреализм.

С непрерывным развитием китайской экономики, особенно после международного финансового кризиса 2008 года, все больше и больше китайских художников начали изучать свои собственные традиции. Возникает новое направление с неуловимой «китайскостью» или, проще говоря – «New China Style». Все больше и больше художников используют символы традиционной китайской культуры для создания современных инсталляций. Например, павильон Китая на Венецианской биеннале 2011 года был основан на пяти элементах, которые являются важными идеями традиционной китайской философии. Пять художников сосредоточились на пяти ароматах, таких как лечебные травы, байцзю (прозрачный зерновой ликер с долгой историей праздничного использования в Китае), зеленый чай, цветы лотоса и ладан соответственно. Как отметил Ричард Вайн, китайский павильон пытается «познакомить иностранных посетителей с неуловимым понятием «китайскости» [3].

«Возможно, самая запоминающаяся работа в китайском павильоне в этом году была наименее материальной. Сухой ледяной туман Юань Гун, периодически возникающий на лужайке и одновременно заполняющий интерьер, напоминает туманное пространство традиционной живописи шань-шуй (горная вода). Но оно также вызывает тонкость, уступчивость и, наконец, обволакивающую вездесущность, с которой китайская культура на протяжении тысячелетий поглощала своих потенциальных завоевателей» [3].

Идентичность, в этом случае, состоит из китайских черт современности и художественности. В последние десятилетия китайское современное искусство многое заимствовало из богатых традиций китайской культуры. Но, начиная с 2008 года, спрос на искусство с китайской спецификой

стал заметным явлением в художественных кругах. Многие художники-авангардисты, такие как Фэн Мэнбо в Пекине и Цю Чжицзе в Ханчжоу, отказались от экспериментов с новыми медиа и вернулись к традиционной живописи тушью. Это не значит, что они превратились в старых мастеров живописи тушью. Вместо этого, стремление к современности превратило старую живопись тушью в новое искусство.

Подобно модернистам начала XX века, таким как Т.С. Эллиот, новизна их искусства могла быть чем-то традиционным. Вместо того, чтобы оспаривать границы искусства, современные китайские художники защищают статус искусства или художественности. Большинство современных художников Китая имели академическое образование. Они не верят таким лозунгам, как «Каждый художник», провозглашенный Йозефом Бойсом, и «Все дозволено (быть искусством)», провозглашенный Артуром Данто.

Требование китайских особенностей, стремление к современности и защита художественности приводят к еще одному художественному движению в Китае, а именно к движению «NewInkArt». Их работы экспонировались на десятках выставок, таких как «UndoingShuimo: Invitational Exhibition of International Contemporary Ink Art» в Шанхайском музее современного искусства «Duolun» в октябре 2012 года и «MoCA» в Пекине в январе 2013 года, «Re-Ink: Invitational Exhibition of Contemporary Ink and Wash Painting» 2000, 2012 г. в Музее изобразительных искусств Хубэй в декабре 2012 г. и Музее современного искусства в апреле 2014 г., «Искусство тушью: прошлое как настоящее в современном Китае» в Музее искусств Метрополитен в декабре 2013 г. и так далее.

Несомненно, волна нового чернильного искусства становится все сильнее. Это свежее движение новой туши отличается от движения экспериментальной туши, которое началось в 1980-х и закончилось в 1990-х. По иронии судьбы, последний даже новее первого. Экспериментальное искусство тушью было настолько увлечено стремлением к новизне, что с трудом сохранило свой китайский характер или свою художественность и быстро подошло к концу. Разница между новой тушью 2010-х и экспериментальной тушью 1990-х в чем-то похожа на разницу между граффити и стрит-артом. Даже, если они во многом одинаковы, современное уличное искусство явно более тонкое и эстетичное, чем граффити. Стрит-арт нацелен на «эстетическую интеграцию», а не на занятие.

«Просмотр уличного искусства – это нечто большее, чем эстетическая оценка новой формы искусства» [4]. Новая тушь участвует в этом возвращении эстетики и может рассматриваться как возвращение от современности или постмодерна к модерну. Модернизм, кажется, появляется в Китае в третий раз после конца современного искусства.

Китай все еще находится на пути к более открытому и демократическому обществу. Процессы

современного китайского искусства соответствуют социальным изменениям в Китае. Существует необходимость сочетания теоретических построений и их творческого утверждения молодыми художниками. Это открывает путь к действительно новому исследованию (фундаментальному), в котором кураторские идеи обретут зрелую, современную и полемическую форму, отвечающую новым задачам, поставленным но-

выми молодыми профессионалами искусства XXI века [5; 6; 7].

В настоящее время нужно не только найти, но и взрастить семена, которые посеяны в работах молодых художников. Их можно упрекнуть в, разного рода, небрежности, но нельзя недооценить их искреннее стремление действовать в настоящем и продвигать свои гуманистические концепции.

Литература:

1. Цай Чжэнфэй. Одновременное чтение русского искусства / Цай Чжэнфэй // Southwest Journal. 2019 (01). С. 82–92.
2. Цуй Иньин. Размышления о феномене китайско-русского обмена искусством в историческом зеркале / Цуй Иньин // ArtCriticism. 2020 (15). С. 177–179.
3. Цзян Даке. Влияние учебы в Советском Союзе на художественное образование в Китае / Цзян Даке // Украшение. 2021 (06). С. 319.
4. Гуо Ли. История и реальность китайско-русского гуманитарного сотрудничества. Харбин : Heilongjiang University Press, 2020. С. 510.
5. Бондаренко А.В. Творчество как феномен культуры / А.В. Бондаренко // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 4(45). С. 252–254.
6. Никитина В.В. Конструирование этнической картины мира / В.В. Никитина, М.А. Штанько // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 485–486.
7. Колычева В.А. Цифровизация данных о продажах предметов русского искусства: проблема несовпадения спроса и предложения / В.А. Колычева // Дискуссия. 2022. № 1(110). С. 40–50.

Literature:

1. Cai Zhengfei. Simultaneous reading of Russian art / Cai Zhengfei // Southwest Journal. 2019 (01). P. 82–92.
2. Cui Yingying. Reflections on the phenomenon of Chinese-Russian art exchange in the historical mirror / Cui Yingying // Art Criticism. 2020 (15). p. 177–179.
3. Jiang Dake. The impact of studying in the Soviet Union on art education in China / Jiang Dake // Ornament. 2021 (06). P. 319.
4. Guo Li. History and reality of Chinese-Russian humanitarian cooperation. Harbin : Heilongjiang University Press, 2020. P. 510.
5. Bondarenko A.V. Creativity as a phenomenon of culture / A.V. Bondarenko // Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies. 2015. № 4(45). P. 252–254.
6. Nikitina V.V. Constructing an ethnic picture of the world / V.V. Nikitina, M.A. Shtanko // Eurasian Legal Journal. 2021. № 8(159). P. 485–486.
7. Kolycheva V.A. Digitalization of data on sales of Russian art objects: the problem of mismatch of supply and demand / V.A. Kolycheva // Discussion. 2022. № 1(110). P. 40–50.

Шефель Сергей Викторович
доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия
sergey_shefel@mail.ru

РОЛЬ ЭКОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ЭТНОСОВ ЮГА РОССИИ КАК ФАКТОРА ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

■ ■ ■

Аннотация. В статье в контексте отечественного культурологического дискурса выявлена роль экокультурных традиций этносов Юга России как фактора гармонизации их отношений и выяснены возможности использования потенциала, присущей им модели, для творческого применения в иных субъектах Российской Федерации, отличающихся этноконфессиональным своеобразием. Актуальность реализации положений, сформулированных в данной статье, обусловлена влиянием противоречивой динамики геополитической ситуации на состояние этноконфессиональных отношений в стране в современных условиях одновременно решаемых задач специальной военной операции и формирования экологического технологического уклада социально-экономической жизни.

Ключевые слова: экокультура, этноконфессиональные отношения, негативная и позитивная поляризация социокультурных субъектов, их гармонизация.

■ ■ ■

В современных значимо изменяющихся геополитических условиях развития Российской Федерации с особой остротой встал вопрос о необходимости ускорения перехода к экологичному технологическому укладу социально-экономической жизни, способному гарантировать как безопасность среды обитания российского социума, так и комфортные условия для творческой самореализации личности россиян как самого эффективного средства укрепления их благосостояния и биосоциального благополучия. Реальные возможности для прорыва на такой уровень жизни заложены в еще недостаточно эффективно используемом потенциале экокультурных традиций этносов России. Задача их использования концептуально увязана с положениями стратегии экологического развития страны [15] и Федеральной целевой программы «Укреп-

Sergey V. Shefel

Doctor of Philosophy,
Professor,
Head of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,
Crimean branch
of the Russian State University of Justice
sergey_shefel@mail.ru

THE ROLE OF ECOCULTURAL TRADITIONS OF THE ETHNOSES OF THE SOUTH OF RUSSIA AS A FACTOR OF HARMONIZATION OF INTERETHNIC AND CONFESSIONAL RELATIONS

■ ■ ■

Annotation. In the article, in the context of domestic cultural discourse, the role of eco-cultural traditions of the ethnic groups of the South of Russia as a factor in harmonizing their relations is revealed, and the possibilities of using the potential of their inherent model for creative application in other regions of the Russian Federation, which are distinguished by ethno-confessional originality, are clarified. The relevance of the implementation of the provisions formulated in this article is due to the influence of the contradictory dynamics of the geopolitical situation on the state of ethno-confessional relations in the country in modern conditions of simultaneously solving the tasks of a special military operation and the formation of an environmentally friendly technological way of socio-economic life.

Keywords: eco-culture, ethno-confessional relations, negative and positive polarization of socio-cultural subjects, their harmonization.

■ ■ ■

ление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [22].

Не ставя задачи всеобъемлющего анализа имеющихся научных работ в этом плане [1–3; 6–8; 11; 14; 20; 21; 23; 27], а также социальной практики, накопленной в данной связи в разных регионах страны [4; 9; 10; 17], ограничимся осмыслением того не очень широко репрезентированного бесценного багажа экотрадиций, который имеют этносы, населяющие обширный суперрегион Юга России [5; 16; 18; 24–26].

Особая специфическая значимость экокультурных традиций данного суперрегиона Российской Федерации для решения вышеуказанной стратегической задачи в современных условиях ее модернизации объясняется сложным соотношением

в присущем ему полиэтноконфессиональном сообществе ранее исторически сложившихся и взаимодействующих в нем доминантных экокультурных традиций православия, буддизма и ислама. Их потенциал, с одной стороны, все в большей мере предрасположен в силу действия алгоритма «позитивной поляризации» социокультурных субъектов [13; 19, с. 200–230] к усложнению и углублению своих проявлений на ментальной интеграционной почве формирующейся модели соборно-синтезирующегося типа личности, а, с другой стороны, по мере усиления проявления креативных последствий указанного алгоритма в содержании действий интегрально участвующих в его функционировании социокультурных субъектов, обуславливает создание всей совокупности предпосылок для преодоления пагубного воздействия инерции алгоритма «негативной поляризации» [12; 19, с. 200–230], исторически длительное время продвигаемой так называемым «глубинным государством» в контексте системной по своей сути экофобной, и даже экоцидной, неокOLONIALИСТСКОЙ западно-центрической стратегии правящих кругов США и ее спутников.

В частности, несмотря на кажущуюся малозначительность возможностей влияния численно ограниченного сообщества носителей буддистской ментальности Юга России на креативизацию позитивно-поляризованного их участия в гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, нельзя преуменьшать ту, несомненно, значимую, с нашей точки зрения, роль, которую они могут сыграть в данном интеграционно-консолидирующем процессе. Ментальность указанного типа имеет наиболее фундаментальное, подлинно глубинное укоренение в экопрофиле этногеосферы южного суперрегиона Российской Федерации. Оно выводится из жизнеутверждающей формулы биосоциального бытия носителей этой ментальности: сама жизнь = дитя = женщина. Именно такая органическая связь качественно усиливает роль данного типа этнопсихокосма как естественной «скрепы» складывающегося веками на территории Юга России интеркультурного синтеза. Трудно переоценить, в этой связи, значение, присущего буддизму, комплекса творчески-альтруистических качеств, в том числе: сострадание, самопожертвование, способность бескорыстно «отдаваться» своему творению, растворяясь в нем как в Нирване, тем самым, сохраняя непрерывность жизнеутверждения. Более того, его благотворное воздействие на указанный процесс серьезно подпитывает общезначимый и для него, и для ислама, и православия потенциал социокультурной традиции почитания материнства и с его фундаментальной биосоциальной заботой о «вскармливании» подрастающего поколения, и социоцентрической функцией сбережения семейного очага, и, что немаловажно, с поощрением трансформации у мужчин чувства сыновьей любви к собственной матери, в беззаветную преданность семейным ценностям, в заботу о жене и детях, и, наконец, в готовность неустрашимо защищать Родину-мать.

В свою очередь, не менее значимой в указанном формате интеграционно-консолидирующей модели этноконфессиональных отношений выделится и роль экосоциокультурных традиций ислама. Речь идет о воздействии на характер субъектов социокультурных отношений факторов, находящихся в разной степени взаимной адаптации. Имеются в виду, прежде всего, такие проявления мусульманской ментальности, как любовь к природе родного края, уважение к представителям старшего поколения не в ущерб заботе о представителях «слабого» пола и детях, а также иные качества личности, соответствующие нравственным предписаниям Корана. Они, в значительной степени, перекликаются с чертами, характеризующими, в основе своей, социокультурный код буддистов и православных жителей Юга России, которые совокупно представляют доминантные этноконфессиональные сообщества данного суперрегиона.

Естественно, на фоне порой неоднозначного, но, в целом, позитивно-поляризованного взаимодействия каждого из вышеуказанных этноконфессиональных сообществ, исторически выкристаллизовалась, едва ли, не ведущая в нем роль носителей православной веры, прежде всего, численно преобладавших этнических русских, но также греков, расселившихся при политической поддержке Екатерины II на обширных территориях Северного и Восточного Причерноморья, Приазовья и Северного Кавказа, как правило, всегда довольно толерантно общавшихся с издавна проживавшими здесь представителями иных христианских конфессий, но, особенно, с армянской диаспорой. Такая роль носителей православной культуры обуславливается высокой степенью ее экоцелостности, базирующейся на неискоренимом стремлении к достижению экоправовой справедливости, закрепляющей статус охраны и защиты жизни, как таковой, высшей биосоциальной ценностью. Действительно, анализируя исторические факты взаимоотношений между этноконфессиональными сообществами, нетрудно прийти к выводу о том, что православные русские являют собой один из ярчайших примеров стремления к миролюбию, установлению с иными этносами взаимовыгодных и равноправных отношений, толерантного диалога с ними. Ради установления миропорядка на таких основаниях отдали свои жизни миллионы русских людей, в том числе, освобождая от порабощения колонизаторами народы Евразийского континента и, одновременно, сберегая их природные ресурсы. В этом и состоит соборно-синтезирующая сущность этнопсихокосма русских, как и российских этносов, в основном, славянского и финно-угорского происхождения, и идентифицируемая ими в законодательных документах стратегия жизнеутверждения на основе достижения единства российской нации с учетом соблюдения этноконфессионального самовыражения входящих в нее народов.

Резюмируя изложенное, отметим, что религиозное измерение духовной сферы вышеперечисленных доминантных этноконфессиональных со-

обществ Юга России, бесспорно, в определенной своей императивной части, представляет собой глубинную, подлинно источниковую, фундаментальную «вязь», присущих им, экокультуру. В этом смысле, содержание данной сферы духовности можно соотнести с понятием некоего исходного – животворного – знания человечества, которое в условиях качественно когнитивно нового, современного этапа позитивно-консолидационной социокультурной интеграции основной, репрезентационной массы представителей указанных сообществ наполняется инновационным содержанием, превращающим его в знание животворящее. Очевидно, что инновационно обновленные, в таком ключе, экокультуры этносов Юга России, наравне с иными существенными компонентами (институтами государственного строительства и экономико-хозяйственного развития, науки, образования, культуры во всем ее многообразии и т.д.), участвующими в позитивно-консолидационном процессе народов Российской Федерации, способны

Литература:

1. *Алилова К.М.* Экологическая культура в контексте познавательной культуры / К.М. Алилова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 3(82). С. 30–33.
2. *Бойко И.В.* Формирование экологической культуры молодежи: социологический аспект проблемы / И.В. Бойко // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 1. С. 26–28.
3. *Гирусов Э.В.* Экологическая культура как высшая форма гуманизма / Э.В. Гирусов // Философия и общество. 2009. № 4. С. 74–92.
4. *Гордин И.В.* Экологизация социально-экономических процессов / И.В. Гордин, Е.В. Рюмина. М., 2021. 240 с.
5. *Гусейнов О.М.* Семья как агент экологической воспитания в условиях кризиса экологической культуры российского общества / О.М. Гусейнов, Ж.О. Гусейнова // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. Вып. 5. С. 218–224.
6. *Захарова Е.Ю.* Экологическая культура соционатурэкоисотемы : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Чита, 2012. 39 с.
7. *Зубанова Л.Б.* Экологическая культура: эффективность формирования и сценарии воспроизведения в стресс-регионах / Л.Б. Зубанова, Н.Л. Зыховская, С.Б. Синецкий, М.Л. Шуб // Социологические исследования. 2017 № 7. С. 132–139.
8. *Ивлева М.Л.* Проблема формирования социальной парадигмы экоцентризма: опыт философского осмысления социологического исследования в вузе / М.Л. Ивлева, В.Ю. Ивлев, С.Н. Курилов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4. С. 692–706.

успешно выполнить миссию фактора гармонизации этноконфессиональных отношений в контексте использования его потенциала при созидании экологичного технологического уклада нашей страны. При этом задача всех институциональных структур и гражданского общества России состоит в том, чтобы помочь, в первую очередь, представителям молодого поколения на всех стадиях их образования и воспитания переосмыслить прошлое и настоящее, преобразовать себя, не теряя своих социокультурных корней, но творчески используя их потенциал для выстраивания толерантного диалога сотрудничества с иными субъектами социокультурного синтеза для достижения общего для всех результата – превращения в экотворческую личность соборно-синтезирующего, евразийского типа, умудренного знанием и опытом реализации императивов священных книг человечества как условиями экологизации формируемого инновационного уклада социально-экономической жизни.

Literature:

1. *Alilova K.M.* Ecological culture in the context of cognitive culture / K.M. Alilova // Humanitarian and socio-economic sciences. 2015. № 3(82). P. 30–33.
2. *Boyko I.V.* Formation of ecological culture of youth: the sociological aspect of the problem / I.V. Boyko // Social and humanitarian review. 2017. № 1. P. 26–28.
3. *Girusov E.V.* Ecological culture as the highest form of humanism / E.V. Girusov // Philosophy and Society. 2009. № 4. P. 74–92.
4. *Gordin I.V.* Ecologization of socio-economic processes / I.V. Gordin, E.V. Ryumin. M., 2021. 240 p.
5. *Huseynov O.M.* Family as an agent of environmental education in the context of the crisis of ecological culture of the Russian society / O.M. Huseynov, Zh.O. Huseynova // Bulletin of the Dagestan State University. 2014. Iss. 5. P. 218–224.
6. *Zakharova E.Yu.* Ecological culture of the socio-nature ecosystem : abstract of the thesis. dis dr. philosopher. sciences. Chita, 2012. 39 p.
7. *Zubanova L.B.* Ecological culture: formation efficiency and reproduction scenarios in stress regions / L.B. Zubanova, N.L. Zykhovskaya, S.B. Sinetsky, M.L. Shub // Sociological research. 2017 № 7. P. 132–139.
8. *Ivleva M.L.* The problem of the formation of the social paradigm of ecocentrism: the experience of philosophical understanding of sociological research at the university / M.L. Ivleva, V.Yu. Ivlev, S.N. Kurilov // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2019. Vol. 19. № 4. P. 692–706.

9. *Кургузов В.Л.* Экологический туризм как фактор сохранения и использования культурного и природного наследия / В.Л. Кургузов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2013. № 1(11). С. 108–114.
10. *Курбанов А.Р.* Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) / А.Р. Курбанов, В.А. Прохода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4(152). С. 347–370.
11. *Марар О.И.* Экологическая культура в современном российском обществе : автореф. дис. ... доктора социолог. наук. М., 2012. 41 с.
12. *Мякинников С.П.* Специфика западного типа мировоззрения общества как препятствие для глобальной экологизации / С.П. Мякинников // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 7(182). С. 30–36.
13. *Никонорова Е.В.* Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции / Е.В. Никонорова // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13. № 6. С. 644–651.
14. *Опарин Р.В.* Экологическое образование как ведущий принцип современного личностно-ориентированного образования / Р.В. Опарин // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4(16). С. 204–206.
15. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. // «КонсультантПлюс»: СПС. Версия Проф. Электрон. дан.: «КонсультантПлюс», 2013.
16. *Панина Г.В.* Экологическая культура как компонент профессиональной культуры современного специалиста / Г.В. Панина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 3(88). С. 46–53.
17. *Рыбакова М.В.* Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления. М. : КДУ. 2012. 318 с.
18. *Серебрякова О.В.* Семья в системе формирования экологической культуры российской молодежи : автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Ростов-н/Д., 2014. 40 с.
19. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени / П.А. Сорокин; Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильевой. М. : Наука, 1997. 351 с.
20. *Субетто А.И.* Экокультура как форма неклассического социоприродного гомеостаза на базе общественного интеллекта / А.И. Субетто // Экологическая культура в научных, философских и богословских интерпретациях: материалы IX Междунар. конгресса (г. Санкт-Петербург, 17–19.10.1996 г.). СПб. : Изд. фирма «Наука», 1996. С. 112–116.
9. *Kurguzov V.L.* Ecological tourism as a factor in the preservation and use of cultural and natural heritage / V.L. Kurguzov // Problems of the socioeconomic development of Siberia. 2013. № 1(11). P. 108–114.
10. *Kurbanov A.R.* Ecological culture: empirical projection (attitude of Russians to climate change) / A.R. Kurbanov, V.A. Prokhoda // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2019. № 4(152). P. 347–370.
11. *Marar O.I.* Ecological culture in modern Russian society : author. dis..... doctor of sociology. sciences. M., 2012. 41 p.
12. *Myakinnikov S.P.* The specificity of the Western type of society's worldview as an obstacle to global greening / S.P. Myakinnikov // Bulletin of the Orenburg State University. 2015. № 7(182). P. 30–36.
13. *Nikonorova E.V.* Culture and sustainable development: grounds for mutual influence and contours of integration / E.V. Nikonorova // Observatory of Culture. 2016. Vol. 13. № 6. P. 644–651.
14. *Oparin R.V.* Ecological education as a leading principle of modern personality-oriented education / R.V. Oparin // World of science, culture, education. 2009. № 4(16). P. 204–206.
15. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030: approved. President of the Russian Federation on April 30, 2012 // Consultant Plus: ATP. Version of Prof. Electronic Data: Consultant Plus, 2013.
16. *Panina G.V.* Ecological culture as a component of the professional culture of a modern specialist / G.V. Panina // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2014. № 3(88). P. 46–53.
17. *Rybakova M.V.* Social ecological practices: state and management mechanisms. M. : KDU. 2012. 318 p.
18. *Serebryakova O.V.* Family in the system of formation of the ecological culture of Russian youth : abstract of the thesis. dis. ... cand. sociologist. Sciences. Rostov-on/D., 2014. 40 p.
19. *Sorokin P.A.* The main trends of our time / P.A. Sorokin; Transl. from English, comp. and foreword. T.S. Vasilyeva. M. : Nauka, 1997. 351 p.
20. *Subetto A.I.* Ecoculture as a form of non-classical socio-natural homeostasis based on public intelligence / A.I. Subetto // Ecological culture in scientific, philosophical and theological interpretations: materials of the IX Intern. Congress (St. Petersburg, October 17–19, 1996). SPb. : Ed. firm «Nauka», 1996. P. 112–116.

21. *Титаренко Л.Г.* Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения / Л.Г. Титаренко // Социологические исследования. 2015. № 2(370). С. 106–112.
22. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». URL : <http://government.ru/media/files/41d47o4f0588b3037601.pdf>
23. *Филончик О.А.* Экологическая культура в контексте культурологических исследований / О.А. Филончик // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 19. С. 134–139.
24. *Чермит К.Д.* Экологическая социализация личности в современном пространственно-временном континууме / К.Д. Чермит, А.Н. Аутлева, К.И. Бузаров // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. № 4(146). С. 83–89.
25. *Хапай Н.А.* Экологическая культура молодежи современной России: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Майкоп, 2009. 27 с.
26. *Ходченков А.В.* Экологическая культура российской молодежи : автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Ростов-н/Д., 2006. 26 с.
27. *Яницкий О.Н.* Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики / О.Н. Яницкий // История и современность. 2005. № 1. С. 136–161.
21. *Titarenko L.G.* Ecological Aspect of Lifestyle: Basic Values and Types of Behavior / L.G. Titarenko // Sociological Studies. 2015. № 2(370). P. 106–112.
22. Federal target program «Strengthening the unity of the Russian nation and the ethno-cultural development of the peoples of Russia». URL : <http://government.ru/media/files/41d47o4f0588b3037601.pdf>
23. *Filonchik O.A.* Ecological culture in the context of cultural studies / O.A. Filonchik // Culture. Spirituality. Society. 2015. № 19. P. 134–139.
24. *Chermit K.D.* Ecological socialization of personality in the modern space-time continuum / K.D. Chermit, A.N. Autleva, K.I. Buzarov // Bulletin of the Adyghe State University. 2014. № 4(146). P. 83–89.
25. *Khapay N.A.* Ecological culture of the youth of modern Russia: a sociological analysis : author. dis. ... cand. sociologist. sciences. Maykop, 2009. 27 p.
26. *Khodchenkov A.V.* Ecological culture of Russian youth : author. dis. ... cand. sociologist. Sciences. Rostov-on/D., 2006. 26 p.
27. *Yanitsky O.N.* Ecological culture of Russia in the 20th century: an essay on sociocultural dynamics / O.N. Yanitsky // History and Modernity. 2005. № 1. P. 136–161.

Ши Цюн
аспирант,
Краснодарский
государственный институт культуры
postmodernist@mail.ru

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. Традиционная культура испытывает повышенное внимание со стороны исследователей. Это обусловлено как дефицитом новейших исследований в этой области, так и практическими потребностями. Традиционная культура остается необходимой частью продвинутых социумов, так как она тесно соединена с этнической основой всякого социума и имеет первостепенное значение для его идентификации. В статье анализируется понятие «традиционная культура», концепты традиционной культуры, аналитика осуществляется в российском контексте. Особое внимание уделяется наиболее репрезентативным темам российского контекста – энциклопедизму и методологии фундаментальных исследований. Рассматриваются различные виды энциклопедических изданий в этой области. Обращается внимание на те формы исследовательской практики и методологии, которые имеют позитивное значение для китайских исследователей традиционной и современной культуры.

Ключевые слова: культура, народная культура, этнос, народ, идентичность, методология.

Введение. Понимание фундаментальной роли культуры в современном цивилизационном процессе обусловлено самой субстанциональностью культуры в человеческом существовании, что подчеркивает известный отечественный исследователь традиционной культуры А.М. Мехнецов [1], который считает, что в своей субстанциональности, культуру можно рассматривать как продукт многообразной продуктивной деятельности и сгусток человеческого опыта и отношений. Культурное обнаруживает себя как целесообразность в производстве, науке, образовании, общественных отношениях, искусстве, историко-стадиальной многослойности через оппозицию Космоса и Хаоса, как закономерность упорядочивания Хаоса Топосом. Поэтому очевидно, что прогресс современной цивилизации неотрывен от социальной преемственности, что неоднократно подчеркивал Си Цзиньпин и что является одной из стратегий его современной политики в Китае [2, с. 84]. Изучение и сохранение традиционной культуры этносов является основой их самосохранения и развития не только в прошлом, но и в современном глобальном

Shi Qiong
Graduate Student,
Krasnodar
State Institute of Culture
postmodernist@mail.ru

THE EXPERIENCE OF TRADITIONAL CULTURE RESEARCH: THE RUSSIAN CONTEXT

Annotation. Traditional culture is experiencing increased attention to its scientific research. This is due both to the scarcity of the latest research in this field and to practical needs. Traditional culture remains an essential part of advanced societies, as it is closely connected with the ethnic basis of any society and is of paramount importance for its identification. The article analyzes the concept of «traditional culture», the concepts of traditional culture, the analysis is carried out in the Russian context. Particular attention is paid to the most representative themes of the Russian context – encyclopedism and basic research methodology. Different types of encyclopedic publications in this field are examined. Attention is drawn to those forms of research practice and methodology that are of positive significance for Chinese researchers of traditional and contemporary culture.

Keywords: culture, folk culture, ethnos, people, identity, methodology.

мире, так как архаичный Топос неискореним из культурной наследственности.

Обсуждение. Особый интерес представляют современные исследования, касающиеся концептуализации феномена традиционной культуры.

Согласно Э.С. Маркаряну специфика традиционной культуры в том, что она представляет собой социально-определенную форму стереотипизированного и организованного человеческого опыта [3].

В теории В.М. Каирова, традиция и традиционная культура представляют собой форму коллективной памяти, хранящей совокупный опыт (знания, обычаи, правила поведения и деятельность) человеческого сообщества [4].

С.С. Аверинцев в определении традиционной культуры в качестве ведущего признака берет оппозицию «рефлексивное-дорефлексивное» [5].

В.С. Чистов ведущим признаком традиции рассматривает трансмиссию культуры [6].

Коренную модификацию понятия «традиция» произвел Ш. Эйзенштадт, предложив рассматривать традицию как всеобщий атрибут социальных изменений и развития. Согласно Эйзенштадту, любая модернизация не исключает, а включает в себя некоторые традиции, – семейные, институциональные, – на которые она опирается [7].

Нам симпатична позиция А.М. Мехнецова, который полагает, что глубинные тексты народной культуры представляют те социокоды, которые в латентной форме содержатся в общественной памяти и общественном сознании в виде традиционной культуры, и формы

которой вырабатываются в жизненной практике этносов как значимые нормативные и ценностно-оценочные регулятивы. Народная культура опредмечивается во всех предметных и знаковых аккумулирования опыта и в сознательно-бессознательной форме транслируется через инкультурацию. Нельзя не отметить, что универсальной формой знакового кодирования здесь предстает естественный (народный) язык [1].

Е.А. Тетерина и А.Ю. Питерова [8], рассматривая историографию проблемы, высказывают мнение о том, что в области познания традиционной русской культуры производство нового знания уступает первенство воспроизводству в виде переиздания классических трудов из минувшего прошлого – трудов Е. Авдеевой [9], М. Забылина [10], Ю.М. Лотмана [11]. С этой точки зрения, заслуживает уважения академическая стратегия современных китайских гуманитариев, предполагающая неразрывность опыта прошлого и современности. Важно понимать, что рефлексивное (в том числе и философско-рефлексивное) осмысление опыта прошлого, распределение содержания и смысла кодов традиционного этноса способствует успешному прогрессу российского социума в современном цивилизационном процессе. Можно сказать, что непрерывность опыта и традиции является одним из законов успешного цивилизационного прогресса.

Исследование русской традиционной культуры имеет множество аспектов, а среди наиболее авторитетных ученых можно назвать – Е. Авдееву, М.М. Громыко, В. Даля, В.Н. Ермолова, М. Забылина, И. Забелина, Д. Зеленина, И. Калининского, Н. Костомарова, А. Коринфского, Л.С. Лаврентьеву, С. Максимова, А.М. Махнецова, О.А. Платонова, И. Снегирева, И. Сахарова, Н. Степанова, А.В. Терещенко, Н. Толстого, И. Шангину, В. Чистова, и др.

Отметим два важных направления в исследовании, которые имеют важное значение как с точки зрения общетеоретической, так и с точки зрения заимствования опыта: это энциклопедизм и фундаментальность.

Уже в XIX в. пионерские научные труды отечественных этнографов были ориентированы на фундаментальность и энциклопедизм.

В качестве подтверждения могут фигурировать:

– трехтомное издание «Быт русского народа» А. В. Терещенко, с этнографической точки зрения характеризующее жизнь, традиции, обряды и праздники русского народа [12];

– четырехтомное издание «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», подготовленное и выпущенное этнографом М. Забылиным [10], систематически излагающее различные сведения о народных праздниках, обрядах и традициях, знания о народной медицине, приметах, пословицах, поговорках, а также, описывающее костюмы, охоту, музыку, песни.

Фундаментальный характер носит издание М.М. Громыко «Мир русской деревни», созданное на основе использования документальных свидетельств XVIII, XIX, XX веков.

Книжное издание «Культура русского народа. Обычаи, обряды, занятия, фольклор», подготовленное Л.С. Лаврентьевой, также отличается энциклопедизмом подачи материала, касающегося культуры русского народа второй пол. XIX – начала XX вв. Особое достоинство произведения заключается в том, что автор реконструирует утраченные обычаи и восстанавливает логику появления различных форм современного этикета и традиций [13].

Первой в мире этнографической энциклопедией, в прямом смысле этого слова, является двухтомное издание О.А. Платонова «Русский народ» (2300 статей и 3000 иллюстраций) [14]. Вполне логично, что труд основан на исследованиях ведущих русских этнографов (систематизированы 250 источников).

«Энциклопедия обрядов и обычаев» (Л.И. Брунная, З.М. Гуревич, О.Л. Дмитриева) также является источником универсального знания в области традиционных, православных и частично советских праздников [15]. В энциклопедии также содержатся сведения о событиях жизни, связанных с рождением, крещением, именованьем, именинами, юбилеями, свадьбами, погребениями, поминовениями. Рассмотрены конфессиональные особенности традиций.

Интересным энциклопедическим изданием, раскрывающим бытие русского человека в пространстве между повседневностью и праздниками, служит издание «Русский народ. Будни и праздники: энциклопедия» [16]. Книга подготовлена И. И. Шангиной, в ней отражены праздники в различных мировоззренческих системах и различных формах жизненного уклада прошлого.

Издание энциклопедического характера также можно назвать книгу М. Семенович «Мы – славяне!» [17], достоинством которого является опора на документальные источники и иллюстрации, источником которых послужили полевые исследования и наблюдения.

Популярно энциклопедический характер носит работа Н.В. Юдиной «Русские обряды и обычаи»

[18], в которой обычаи и обряды рассматриваются в контексте жизненного цикла человека как персонально, от рождения до погребения, так и в контексте календарных, астрономических циклов.

Заключение и выводы. Таким образом, изучение традиций, обычаев, обрядов русской культуры мы постигаем ее «корневые основы». «Корневые основы» – это базовые элементы образа жизни и ценностей, которые определяют как идентичность, так и культурный код. Культурный код включает в себя набор стандартов и правил деятельности и образа жизни, обеспечивающих адаптацию к природной среде и выживаемость в некотором социальном контексте. При переходе

Литература:

1. Мехнецов А.М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры / А.М. Мехнецов // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2008. № 4. С. 132–135.
2. Си Цзиньпин. Выдержки из дискурсов о координации «четырёх всеобъемлющих» стратегических планов. Пекин : Центральное издательство литературы, 2015.
3. Маркарян Э.С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений / Э.С. Маркарян // Методологические проблемы этнических культур: Мат. симпозиума. Ереван : Изд-во АН АССР, 1978.
4. Каиров В.М. Традиции и исторический процесс. М., 1994.
5. Аверинцев С.С. Судьба европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью / С.С. Аверинцев // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.
6. Чистов В.К. Народные традиции и фольклор. Очерк теории. Л., 1986.
7. Eizenshtadt S.N. Tradition, Change, Modernity. N.Y., 1973.
8. Мехнецов А.М. Фольклорный текст в структуре явлений традиционной народной культуры / А.М. Мехнецов // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2008. № 4. С. 132–135.
9. Тетерина Е.А. Исследования русских традиций, обычаев, обрядов. Историографический обзор / Е.А. Тетерина, А.Ю. Питерова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2016. Т. 4. № 2(14). URL : <http://esj.pnzgu.ru> (14.04.2023).
10. Авдеева Е. Записки о старом и новом русском быте (репринтное издание 1842 г.). М. : Литео, 2014. 164 с.
11. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.

сообщества на более высокие стадии цивилизации этнокультурные социокоды остаются генетически базовыми, обеспечивая выживаемость социума в условиях значительного кризиса.

В современном Китае культурная преемственность, как наследование ценностей традиционной китайской культуры, рассматривается как важная стратегема общего плана достижения «Китайской мечты». Опыт исследования традиционной русской культуры, методология и практика этих исследований имеют неопределимую ценность для китайских исследователей.

Literature:

1. Mekhnetsov A.M. Folklore text in the structure of phenomena of folk traditional culture / A.M. Mekhnetsov // Traditional Culture. Scientific Almanac. M., 2008. № 4. P. 132–135.
2. Xi Jinping. Excerpts from Discourses on the Coordination of the «Four Comprehensive» Strategic Plans. Beijing : Central Publishers of Literature, 2015. P. 84.
3. Markarian E.S. Cultural tradition and the task of differentiating its common and local manifestations / E.S. Markarian // Methodological problems of ethnic cultures: Mat. Symposium. Yerevan : Publishing House of the ASSR, 1978.
4. Kairov V.M. Traditions and Historical Process. M., 1994.
5. Averintsev S.S. The Fate of European Cultural Tradition in the Period of Transition from Antiquity to the Middle Ages / S.S. Averintsev // From the History of Middle Ages and Renaissance Culture. M., 1976.
6. Chistov V.K. Folk Traditions and Folklore. Sketch of the Theory. L., 1986.
7. Eizenshtadt S.N. Tradition, Change, Modernity. N.Y., 1973.
8. Mekhnetsov A.M. Folklore text in the structure of phenomena of traditional folk culture / A.M. Mekhnetsov // Traditional Culture. A scientific almanac. M., 2008. № 4. P. 132–135.
9. Teterina E.A. Studies of Russian traditions, customs, rituals. Historiographic review / E.A. Teterina, A.Yu. Piterova // Electronic scientific journal «Наука. Society. State» 2016. Vol. 4. № 2(14). URL : <http://esj.pnzgu.ru> (14.04.2023).
10. Avdeeva E. Notes on the old and new Russian way of life (reprint edition of 1842). M. : Liteo, 2014. 164 p.
11. Zabylin M. Russian people. Its customs, rites, traditions, superstitions and poetry / M. Zabylin. M. : Institute of Russian Civilization, 2014. 688 p.

12. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX века). М. : Азбука, 2015. 608 с.
13. *Терещенко А.В.* Быт русского народа. М. : Русская книга, 1999. 1000 с.
14. *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, традиции, суеверия и поэзия. М. : Институт Российской Цивилизации, 2014. 688 с.
15. *Лаврентьева Л.С.* Культура русского народа. Обычаи, обряды, занятия, фольклор / Л.С. Лаврентьева, Ю.И. Смирнов. М. : Паритет, 2004. 448 с.
16. *Платонов О.А.* Русский народ. Этнографическая энциклопедия. Вера и обычаи. Работа и быт. Будни и праздники : в 2-х т. М. : Институт русской цивилизации, 2013. 1488 с.
17. *Брудная Л.И.* Энциклопедия обрядов и обычаев / Л.И. Брудная, З.М. Гуревич, О.Л. Дмитриева. М. : Респекс, 1996. 560 с.
18. *Шангина И.И.* Русский народ. Будни и праздники: энциклопедия. М. : Азбука, 2003. 560 с.
19. *Семенова М.* Мы – славяне: популярная энциклопедия. СПб. : Азбука-классика, 2005. 558 с.
20. *Юдина Н.В.* Русские обряды и обычаи. М. : Вече, 2005. 316 с.
12. *Lotman Y.M.* Conversations on Russian culture: Genesis and traditions of the Russian nobility (XVIII–XIX centuries). M. : Azbuka, 2015. 608 p.
13. *Tereshchenko A.V.* Genesis of the Russian people. M. : Russian book, 1999. 1000 p.
14. *Zabylin M.* Russian people. Its customs, rites, traditions, superstitions and poetry. M. : Institute of Russian Civilization, 2014. 688 p.
15. *Lavrentieva L.S.* Culture of the Russian people. Customs, rituals, occupations, folklore / L.S. Lavrentieva, Y.I. Smirnov. M. : Paritet, 2004. 448 p.
16. *Platonov O.A.* Russian people. Ethnographic Encyclopedia. Beliefs and Customs. Work and Life. Weekdays and holidays : in 2 vol. M. : Institute of Russian Civilization, 2013. 1488 p.
17. *Brudnaya L.I.* Encyclopedia of rites and customs / L.I. Brudnaya, Z.M. Gurevich, O.L. Dmitrieva. M. : Respex, 1996. 560 p.
18. *Shangina I.I.* Russian people. Weekdays and Holidays: Encyclopedia. M. : The ABC Book, 2003. 560 p.
19. *Semyonova M.* We are Slavs: a popular encyclopedia. SPb. : ABC-Classics, 2005. 558 p.
20. *Yudina N.V.* Russian rites and customs. M. : Veche, 2005. 316 p.

Юэ Чжихэн
магистр наук,
факультет искусств,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
649916684@qq.com

ЭВОЛЮЦИЯ СТИЛЯ КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОКАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

■ ■ ■
Аннотация. При поддержке современной социальной среды, хотя китайская национальная вокальная музыка была разнообразной, она также сталкивается со многими рисками. В данной статье в основном рассматривается эволюция и развитие художественного стиля китайской национальной вокальной музыки, выявлены некоторые проблемы в его развитии, а также, выдвинуты некоторые предложения и планы по решению этих проблем. Китайская национальная вокальная музыка относится к формам вокальной музыки, которые отличаются от западной вокальной музыки, например, характеристиками музыкального стиля. Сегодня китайская национальная вокальная музыка вступила в новый этап истории развития, представляя собой развитие эпохи и процветание культуры.

Ключевые слова: Китай, вокальное искусство, развитие музыки, культурный диалог.

■ ■ ■
О глядываясь назад на 1930-е годы, многие композиторы, такие как Сянь Синхай, основали сочетание оперы и песни, которое развилось из пения таких певцов, как Го Ланьин, которое отличается от предыдущего художественного стиля и было принято публикой. С определенной точки зрения, люди ошибочно полагают, что этот стиль является единственной формой выражения национального вокального стиля, а его сложившееся «этническое пение» подражали многим группам энтузиастов. Среди основных авторов песен и репрезентативных произведений: «Сестра находит слезы брата» Ван Мина, «Конференция» «Молодые друзья приходят» Гу Цзяньфэня и многие другие классические произведения. Художественный стиль национальной вокальной музыки стал проявлять свою диверсификацию, отразившись в появлении основных мелодических произведений. Репрезентативная национальная вокальная музыка вступила в стадию всестороннего расцвета и развития, а также под воздействием популярной музыки и других аспектов, постепенно начала трансформироваться и национальная вокальная музыка.

Yue Zhiheng
Master of Science,
Faculty of Arts,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
649916684@qq.com

STYLE EVOLUTION OF CHINESE NATIONAL VOCAL MUSICAL ART

■ ■ ■
Annotation. With the support of the modern social environment, although the Chinese national vocal music has been diverse, it also faces many risks. This article mainly discusses the evolution and development of the artistic style of Chinese national vocal music, identifies some problems in its development, and puts forward some proposals and plans to solve these problems. Chinese national vocal music refers to forms of vocal music that differ from Western vocal music, such as musical style characteristics. Today, Chinese national vocal music has entered a new stage in the history of development, representing the development of an era and the flourishing of culture.

Keywords: China, focal art, music development, cultural dialogue.

■ ■ ■
Китай имеет большое количество этнических групп и большую территорию, а географическая среда, обычаи и культура каждой этнической группы весьма различны [5; 6]. Это создало разнообразие и различие национальных вокальных музыкальных стилей в Китае, таких как монгольская протяжная мелодия и цзяннаньский минор. Аранжировки к лирике являются проявлением местных обычаев и культуры. С точки зрения типов, национальный стиль звукового искусства моей страны включает в себя множество типов, таких как народные песни, народное искусство, рэп и опера. Каждый тип достаточно богат местными этническими элементами [1].

Благодаря сегодняшнему быстрому экономическому развитию и непрерывному социальному прогрессу, культурный обмен между Китаем и миром постепенно увеличился, а обмены между различными этническими культурами стали более частыми. Поэтому, если Китай хотим сделать свою национальную культуру долговечной, ему необходимо постоянно внедрять инновации. Музыка может использоваться как связующее звено для эмоционального общения людей и

важная форма передачи в развитии социальной человеческой культуры. Сочетание национальную музыкальную культуру с реализмом, способствует обмену и совместному развитию местной музыкальной культуры и современной культуры, чтобы люди могли не только понимать разные национальные культуры и даже обычаи, но и укреплять понимание различных национальностей. Вокальное музыкальное искусство является важным носителем национальных культурных обменов. В сегодняшнем мультикультурном фоне Китая также активно выступает за диверсифицированное развитие. Разнообразие стилистических характеристик и исполнительских форм музыкального искусства всегда обогащало развитие национального музыкального искусства. Культурная самобытность и межэтнические обмены между этническими группами играют ключевую роль в процветании и развитии, тем самым, способствуя идентификации и обмену между национальными культурами.

Китайская национальная вокальная музыка имеет глубокие исторические и культурные корни. На протяжении долгой истории, в отличие от сегодняшних крупных художественных академий, западная вокальная музыка преподавалась в классах крупных художественных академий Китая, и ее популярность росла с каждым годом (происходит из Италии и Франции). Вокальные произведения в других странах сегодня стали обязательным или факультативным курсом для студентов-искусствоведов. Это связано со стандартизацией и систематизацией западной вокальной музыки. Сегодняшние студенты также имеют определенное понимание западной культуры и языка. Специальные классы бельканто также могут способствовать совершенствованию и изучению вокальной музыки. На основе сочетания бельканто китайская национальная вокальная музыка не забывает особенностей национального стиля, совершенствует свое национальное певческое мастерство и обогащает его коннотацию. Поэтому Китай считает, что на основе объединения обычаев и культур различных этнических регионов он впитает в себя суть западной музыкальной культуры и объединяет их для долгосрочного развития национального вокального искусства. Развитие народной песни также постоянно совершенствуется, и его конечной целью является распространение китайской вокальной музыки в мире. Благодаря непрерывным усилиям и инновациям китайские певцы донесли до мира характеристики национальной вокальной музыки и еще больше укрепили ее связь и наследие. Например, Пэн Лиюань провела концерты в Сингапуре, а известная китайская певица Сун Цзуин также провела концерты с китайской национальной спецификой в Австралии. Это доказывает, что китайские певцы несут в мир песни, богатые национальной культурой. Из-за неполных опросов и статистических данных все больше и больше певцов выводят китайскую национальную вокальную музыку на мировую арену. Он отражает прогресс и наследственность развития национальной вокальной музыки и в то же время обеспечивает платформу для общения и наследования национальной музыки в Китае [2].

Вокальное искусство – это вид художественного исполнения, имеющий большое значение для развития национальной музыки в Китае. Все больше и больше певцов посвящают себя наследованию и развитию национальной вокальной музыки, что еще больше отражает ее важность. В разнообразной ценности произведений. Зрители понимают инновационное развитие национальной вокальной музыки во время просмотра, и их собственный уровень оценки также повышается. В долгосрочной перспективе, если национальная вокальная музыка Китая хочет иметь более долгосрочное развитие, необходимо повысить уровень признания людьми и постоянные инновации вокальной музыки. Национальная вокальная музыка должна укреплять непрерывные углубленные исследования и инновации содержания и стиля исполнения произведения. В то же время мы обнаружили, что разнообразие национальных вокально-музыкальных стилей может не только способствовать его наследованию и развитию, но и привлекать больше слушателей. С разнообразием народных песен увеличилось количество кружков по интересам, а также возросла популярность у публики. Например, на музыкальном прослушивании спутникового телевидения Хунань в 2018 году Гун Шуан, аспирант второго курса, выиграл ежегодный чемпионат с народной песней, состоящей из нескольких элементов. Оригинальные классические произведения были адаптированы и обновлены и представлены большому количеству зрителей с использованием соответствующих платформ. Также были добавлены современный популярный аккомпанемент и западное бельканто, которые были поддержаны жюри и публикой [3].

Национальная вокальная музыка имеет свои сильные местные особенности, обычаи и культуру, поэтому, певец должен обратить особое внимание на уникальность национальной музыки, которую невозможно ни скопировать, ни выучить поверхностно.

Национальная вокальная музыка должна полностью раскрывать свои местные особенности и глубоко изучать певческие навыки, обычаи и культуру всех этнических групп. Например, Цзинь Линь объединяет научное пение с национальными песнями, а У Ся сочетает народные песни и оперы с сильными стилями [4].

Развитие национальной вокальной музыки должно идти в ногу с развитием мировой музыкальной культуры. Например, «Qianmen Qingsi Big Bowl of Tea» сочетает пекинскую оперу с популярными песнями, что может не только привлечь больше любителей музыки, но и способствовать наследию национальной культуры [4].

Подводя итог, можно сказать, что развитие стиля национального вокального искусства должно основываться на традиционной культуре и местных обычаях, на основе сохранения самобытного национального художественного стиля, сочетающего в себе преимущества западной музыкальной культуры и непрерывный социальный прогресс.

Литература:

1. *Ма Юйцин*. Современные тенденции развития вокального искусства в Китае / Ма Юйцин // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 2А. С. 292–296.
2. *Дун Ц.* Вокальное искусство – развитие итальянского бельканто в Китае / Ц. Дун // Материалы IX Международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках «Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире». Екатеринбург, 2022. С. 124–129.
3. *Лежнева Т.М.* Традиционные особенности китайской песенной культуры в контексте вокально-хорового обучения иностранных студентов / Т.М. Лежнева // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 3. № 3. С. 48–53.
4. *Саракаева Э.А.* Концепт «герой» в китайской культуре / Э.А. Саракаева // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Язык в социокультурном пространстве и времени». Астрахань, 2019. С. 159–165.
5. *Никитина В.В.* Конструирование этнической картины мира / В.В. Никитина, М.А. Штанько // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 485–486.
6. *Бондаренко А.В.* Интуиция и искусство / А.В. Бондаренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-1. С. 37–39.

Literature:

1. *Ma Yuqing*. Modern trends in the development of vocal art in China / Ma Yuqing // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. № 2A. P. 292–296.
2. *Dong Ts.* Vocal art – the development of Italian bel canto in China / Dong Ts // Proceedings of the IX International scientific and practical conference of young scientists in foreign languages «Actual problems of the professional sphere in the modern world». Yekaterinburg, 2022. P. 124–129.
3. *Lezhneva T.M.* Traditional Features of Chinese Song Culture in the Context of Vocal and Choral Teaching of Foreign Students / T.M. Lezhneva // Review of Pedagogical Research. 2021. Vol. 3. № 3. P. 48–53.
4. *Sarakaeva E.A.* The concept of «hero» in Chinese culture / E.A. Sarakaeva // Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation «Language in Socio-Cultural Space and Time». Astrakhan, 2019. P. 159–165.
5. *Nikitina V.V.* Constructing an ethnic picture of the world / V.V. Nikitina, M.A. Shtanko // Eurasian Legal Journal. 2021. № 8(159). P. 485–486.
6. *Bondarenko A.V.* Intuition and art / A.V. Bondarenko // Humanities, socio-economic and social sciences. 2014. № 12-1. P. 37–39.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Ван Пэйюй
магистр,
Высшая школа государственного
администрирования,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
w1585130244@163.com

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. Китайская модель государственного управления представляет собой уникальное сочетание политических и культурных основ, состоящих из коммунистических и конфуцианских ценностей. Актуальность данного исследования обусловлена уникальным опытом Китая и его феноменальными успехами в большинстве секторов общественной и хозяйственной жизни общества, которые требуют научного осмысления для возможности прикладного использования. Объект исследования – государственное администрирование, как прикладное выражение деятельности государственных органов. Предмет исследования – модель государственного управления, исходя из отличительных признаков национального суверенитета. Цель исследования – раскрыть содержание модели государственного управления Китая. Результаты исследования: 1. Представлена укрупнённая модель государственного управления с базовым элементом ВСНП; 2. Раскрыто содержание модели и механизм взаимодействия между элементами иерархии.

Ключевые слова: собрание народных представителей, автономия, государственный институт, государственный совет, постоянный комитет.

■ ■ ■

О тчёт государственности Китайской Народной Республики, в той форме, в которой мы её можем идентифицировать в настоящий момент, начинается с 1949 года, когда правительство Пекина сделало официальное заявление о законности и единоначалие правительства во всём Китае, включая материковый Китай и Тайвань. Структура государственного управления строится иерархически от локальных признаков к глобальным: каждое местное отделение находится в равном подчинении местного лидера и руководителя соответствующего отделения, бюро или министерства следующего более высокого уровня. В Китае существует такой государственный институт, как Всекитайское Собрание народных представителей (ВСНП) и местное собрание народных представителей (СНП), членов Собрания народных представителей на местном уровне избирает народ. На рисунке 1

Wang Peiyu
Master,
Graduate School
of State Administration,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
w1585130244@163.com

THE CHINESE MODEL OF PUBLIC ADMINISTRATION

■ ■ ■

Annotation. The Chinese model of public administration is a unique combination of political and cultural foundations consisting of communist and Confucian values. The relevance of this study is due to the unique experience of China and China's phenomenal success in most sectors of social and economic life of society, which require scientific understanding for the possibility of application. The object of the study is public administration as an applied expression of the activities of state bodies. The subject of the study is a model of public administration based on the distinctive features of national sovereignty. The purpose of the study is to reveal the content of China's public administration model. Research results: 1. An enlarged model of public administration with a basic element of the NPC is presented; 2. The content of the model and the mechanism of interaction between the elements of the hierarchy are disclosed.

Keywords: assembly of People's Representatives, autonomy, state institution, state Council, standing committee.

■ ■ ■

представлена укрупнённая модель государственного управления в Китае.

Народные собрания местного уровня несут ответственность за надзор за местными органами власти и избирают членов в провинциальные (или муниципальные в случае независимых муниципалитетов) народные собрания. Собрание народных представителей провинции, в свою очередь, избирает членов Всекитайского собрания народных представителей, которое ежегодно собирается в марте в Пекине. Собрание народных представителей на каждом уровне играет большую роль в выборе подходящих кандидатов для избрания в местный конгресс и на более высокие уровни.

Президент Китая является главой государства, выступая в качестве формальной главы Всекитайского собрания народных представителей.

Премьер -министр Китая является главой правительства, председательствует в Государственном совете, состоящем из четырех вице-премьеров и глав министерств и комиссий. В однопартийном государстве генеральный секретарь Коммунистической партии Китая обладает

высшей властью и властью над государством и правительством. Должности президента, генерального секретаря и председателя Центральной военной комиссии одновременно принадлежат одному лицу с 1993 года, что дает этому лицу, де-юре и де-факто, власть над страной.

Рисунок 1— Укрупнённая модель государственного управления Китая.

Источник: составлено автором.

Постоянный комитете ВСНП состоит из 7 членов:

1. 习近平 (Си Цзиньпин) – Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая, Председатель Китайской Народной Республики, Председатель Центрального военного совета.
2. 李强 (Ли Цян).
3. 赵乐际 (ЧжаоЛеджи).
4. 王沪宁 (Ван Хунин).
5. 蔡奇 (Кай Ци) – Первый секретарь Центрального секретариата.
6. 丁薛祥 (Дин Сюэсян).
7. 李希 (Ли Си) – Секретарь Центральной комиссии по проверке дисциплины.

Также важнейшим элементом государственного управления в Китае является институт национальной районной автономии, который предполагает наличие органа самоуправления в конкретном районе, наделённым этим правом руководством страны. Подобный институт позволяет национальным меньшинствам осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность на конкретной территории согласно Закону о национальной районной автономии (принят в 1984 году на второй сессии ВСНП 6-го созыва).

В Китае долгое время сохраняются порядка пяти крупных автономных районов:

1. Внутренняя Монголия.
2. Синьцзян – Уйгурский район.
3. Гуанси – Чжуанский район
4. Нинся – Хуэйский район
5. Тибетский район.

Также существует 30 округов автономий, 120 уездных автономий и свыше 1100 автономных национальных волостей. Центральное правительство осуществлять общий контроль, регулирование и финансирование в виде различных инициатив, в частности расширения программ по обеспечению населения автономий государственным жильём: «...Китайское правительство за последние несколько лет приступило к крупномасштабному расширению предоставления государственного жилья» [1, с. 534].

С момента создания Китайской Народной Республики в 1949 году, страна активно участвует наравне с международным сообществом в оказании иностранной помощи другим странам. В модели государственного управления значительное внимание уделяется международной активности; за последние несколько десятилетий международное сообщество стало свидетелем увеличения китайской иностранной помощи. В частности, недавним примером является инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП). Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) представляет собой инфраструктурный проект, запущенный в 2013 году китайским лидером Си Цзиньпином. Целью программы является расширение морских маршрутов и сетей наземной инфраструктуры, соединяющих Китай с Азией, Африкой и Европой, что способствует развитию торговли и экономического роста: «В январе 2018 г. Китай опубликовал Белую книгу «Арктическая политика Китая», в ней, в частности, отмечено, что Китай готов сотрудничать по вопросам развития и использования арктического водного пути для совместного строительства «Ледового Шелкового пути» со всеми заинтересованными сторонами» [2, с. 35]. В программе выделено пять основных целей, среди которых: «Координация политики, содействие связности, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и установление новых связей между людьми» [3]. В частности, это предполагает масштабное развитие торговых путей, что

приведет к значительному расширению наземной транспортной инфраструктуры и новых портов в Тихом и Индийском океанах для облегчения региональных и межконтинентальных торговых потоков и увеличения поставок нефти и газа.

Модель государственного управления Китая предполагает многопартийность, так в Китае, помимо Коммунистической партии Китая, существуют восемь партий:

- Революционный комитет китайской партии Гоминьдан;
- Демократическая лига Китая;
- Ассоциация демократического национального строительства Китая;
- Ассоциация содействия развитию демократии Китая;
- Рабоче-крестьянская демократическая партия Китая;

Литература:

1. *Chen J.* The new Chinese model of public housing: A step forward or backward? / J. Chen, Z. Yang, Y.P. Wang // *Housing Studies*. 2014. Vol. 29. № 4. P. 534–550.
2. *Фу С.* Проект «Ледовый Шелковый путь», его преимущества и возможности / С. Фу, Б.М. Малашенков // *Дискуссия*. 2022. № 4(113). С. 32–40.
3. *Hong Z.* China's one belt one road: An overview of the debate. 2016.
4. *Базина О.О.* Защита персональных данных в Европейском Союзе и Китае. Система социального кредита Китайской Народной Республики / О.О. Базина // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 12(163). С. 67–73.
5. *Ян Т.* Механизм наблюдательного совета в Китае: исследование эффективности по законодательству и практике / Т. Ян // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 9(160). С. 45–48.

- Китайская партия Чжигундан (Партия стремления к справедливости);
- Общество Цзюсань (Общество 3сентября);
- Лига демократической автономии Тайваня.

В Китайской Народной Республике централизованное управление осуществляет ведущая партия - Коммунистическая партия Китая (КПК), возглавляемая генеральным секретарем КПК, который, как правило, является национальным лидером Китая.

Китай является одним из немногих современных примеров устойчивого политического строя, который систематически показывает крайне высокую эффективность функционирования бюрократического аппарата и политических элит [4; 5]. Подобная система политического устройства может быть использована как теоретическая модель государственного управления для аналогичного выстраивания системы политического менеджмента в других странах.

Literature:

1. *Chen J.* The new Chinese model of public housing: A step forward or backward? / J. Chen, Z. Yang, Y.P. Wang // *Housing Studies*. 2014. Vol. 29. № 4. P. 534–550.
2. *Fu S.* The project «Ice Silk Road», its advantages and opportunities / S. Fu, B.M. Malashenkov // *Discussion*. 2022. № 4(113). P. 32–40.
3. *Hong Z.* China's one belt one road: An overview of the debate. 2016.
4. *Bazina O.O.* Personal data protection in the European Union and China. Social Credit System of the People's Republic of China / O.O. Bazina // *Eurasian Legal Journal*. 2021. № 12(163). P. 67–73.
5. *Yang T.* The mechanism of the Supervisory Board in China: a study of effectiveness in legislation and practice / T. Yang // *Eurasian Legal Journal*. 2021. № 9(160). P. 45–48.

Оплетаева Олеся Николаевна
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории,
философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет
opleole@gmail.com

Корсакова Лидия Викторовна
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории,
философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет
likors@rambler.ru

А.А. ЗИНОВЬЕВ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: КОММУНА И ИНДИВИД

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена интерпретации работ известного философа, ученого А.А. Зиновьева. Актуальность и элемент новизны данной работы определяется помещением высказываний философа в контекст современных событий. Важно, что целью этого помещения является не оценка происходящего, а их изучение с помощью метода классической дедукции. Общие определения природы разных типов социальности, роли индивидуального и коллективного в функционировании возможных государственных систем, и основное, прогнозы их развития предлагается применить к описанию и измерению актуального исторического контекста. Были рассмотрены понятия «коммунизм» и «современный капитализм» в зависимости от пропорций индивидуального и общественного; в связи с преобладанием производительности либо социальности. А также, описанные А.А. Зиновьевым, стадии и прогнозы развития этих типов социального устройства.

Ключевые слова: коммунизм, капитализм, западнизм, индивид, общество, коммуна, государство, идентичность.

■ ■ ■

Особенность современной социокультурной ситуации состоит в том, что, ставшие привычными факторы кризиса идентичности личности, вдруг, либо отпадают вовсе, либо изменяют свое качество на противоположное. Еще недавно все справедливо полагали, что «течение жизни становится целиком зависимым от ритма цивилизации, продиктованной «продуктами» глобализации: механизация производства, вялотекущие и нескончаемые войны, нехватка ресурсов, несдерживаемый рост населения Земли. Эти глобальные проблемы порождают кризис идентичности и вопросы о роли личности в со-

Olesya N. Opleteva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History, Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
opleole@gmail.com

Lidia V. Korsakova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History, Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
likors@rambler.ru

A.A. ZINOVYEV ON THE ROLE OF THE PERSON IN HISTORY: THE COMMUNE AND THE INDIVIDUAL

■ ■ ■

Annotation. The article is devoted to the interpretation of the works of the famous sociologist, scientist A.A. Zinoviev. The relevance and novelty element of this work is determined by the placement of the philosopher's statements in the context of modern events. It is important that the purpose of this placement is not to evaluate what is happening, but to study them using the method of classical deduction. General definitions of the nature of different types of sociality, the role of individual and collective in the functioning of possible state systems, and the main thing, forecasts of their development are proposed to be applied to the description and measurement of the actual historical context. The concepts of communism and modern capitalism were considered depending on the proportions of individual and social; in connection with the predominance of productivity or sociality. As well as the stages and forecasts of the development of these types of social structure described by A.A. Zinoviev.

Keywords: communism, capitalism, westernism, individual, society, commune, state, identity.

■ ■ ■

временном обществе. Человек, иницировавший эти процессы, становится заложником, объектом влияния складывающихся условий. Теперь он будет отличаться значительно меньшим количеством индивидуальных, уникальных черт, так как избыток технологий лишает его главных инструментов развития индивидуальности и поддержания чувства своей идентичности, а именно – деятельности и участия в исторических процессах» [1, с. 108]. Соответствующим образом, и эксплуатируемые стратегии преодоления кризиса идентичности должны либо получить новую интерпретацию, либо быть отменены [2]. Серьез-

ность происходящих изменений не позволяет просто «поднастроить» уже используемые инструменты – нужно выбирать новые. Решение этой задачи возвращает нас к необходимости ревизии базовых положений социальности и ценностного мышления человека: каково значение социальной среды в формировании благополучия отдельного индивида, где проходит граница между общественным и личным благом и другие.

Авторы данной статьи, в поисках ответов на некоторые из возникших вопросов, обратились к философскому наследию А.А. Зиновьева, усмотрев некоторое сходство культурно-исторических обстоятельств жизни философа и нынешних. Возможные интерпретации взглядов А.А. Зиновьева, немного дальше рассматриваемых им конкретно-исторических обстоятельств и их причин: восприятия западными странами СССР как «империи зла»; «холодной войны» как противостояния Запада и СССР. Ключевым понятием, вокруг которого строится социальная рефлексия Зиновьева, стало понятие «коммунизм».

Многочисленные определения и трактовки коммунизма (как исторически, так и в актуальной ситуации) порождают тем, что носители разных культурных кодов склонны его понимать по-разному. В свойственной ему резкой манере, А.А. Зиновьев не раз заявляет, что причина проблемы определения коммунизма находится в «лицемерии»: одновременном нежелании, с одной стороны, признать за «народными массами» права на счастливое общество благоденствия, а с другой стороны, в стремлении установить строгую ассоциативную связь между советским «коммунизмом восточного типа» и «язвами» коммунистического строя. А именно, в нежелании экспертов признать, что коммунизм как идеологический проект некоего общества всеобщего счастья и благополучия был, насколько это было возможно, воплощен. А проблемы, которые возникли при таком типе общественного устройства – это не нечто специфически «восточное» или советское, а суть, общезначимое и закономерное: «Законы коммунистического образа жизни, суть, одни и те же для всех времен и народов. И то, что называют обществом восточного или советского типа, являет миру, с точки зрения, его социального типа всеобщий образец, а не нечто, из ряда вон выходящее и исключительное» [3, с. 6].

Действительно, существуют хорошо обоснованные теории, утверждающие, что социальные законы устойчивы и не зависят от места и исторического контекста. То есть, законы коммунистического общества, ровно, как и законы феодального или капиталистического общества, одинаковы для всех времен и народов [4, р. 112]. Соответственно, надо признать, что опыт реального коммунизма, воплощенный в Советском союзе, – это и есть коммунистическое общество, именно так оно реально образуется и эволюционирует при претворении в жизнь самых «передовых» идеалов человечества. Чтобы избежать этой методологической и идеологической ошиб-

ки, А.А. Зиновьев настаивает на том, что при изучении социальных явлений необходимо придерживаться позиции стороннего, беспристрастного наблюдателя, двигаться к обобщениям, руководствуясь исключительно фактами и логикой, имея цель понять явление, а не разоблачить его. Именно, подмена понимания разоблачением используется апологетами для критики СССР и «восточного коммунизма»: «Понимание, например, фиксирует тенденцию коммунистического общества к образованию своеобразной армии работников, которых общество вырывает из естественной среды и принуждает трудиться в условиях, весьма близких к условиям рабского труда. Понимание показывает, что эта тенденция закономерна, а не есть результат лишь злого умысла нескольких нехороших людей. Хорошо это явление или нет? Для одних людей оно хорошо, для других плохо. Но само по себе оно есть лишь объективный факт» [3, с. 5].

Не отрицая, в целом, вклад К. Маркса и его последователей в создание реального коммунизма, А.А.Зиновьев неоднократно отмечал, что марксистский проект устройства общества – это не что иное, как идеологический проект. А идеология не может быть научной, поскольку возникает как обоснование и оправдание определенных идей и целей, а не в ходе поиска истины. Кроме того, идеи коммунизма возникли в условиях капитализма, причем, как отрицание последнего. Этот факт, к слову, для многих западных коллег является основополагающим, когда они говорят о причинах несостоятельности и нереальности коммунистической системы [4, с. 103]. То, что было верно в отношении этого типа общества, да и то лишь отчасти, Маркс и его последователи распространили на общество вообще, на все типы общества, включая и будущее коммунистическое. Характерным примером к сказанному являются марксистские идеи насчёт производственных отношений как базиса всякого общества и насчёт политики (государства и его деятельности) как надстройки над этим базисом. А.А.Зиновьев с этим тезисом не согласен и считает его ложным по отношению к обществу коммунистическому. Базисом же коммунистического общества мыслитель считает «коммунальность» или «коммунальные отношения».

Суть коммунальных отношений заключается в борьбе людей за существование и за улучшение своих позиций в социальной среде, которая воспринимается ими «как нечто данное от природы, во многом чуждое и враждебное им, во всяком случае - как нечто такое, что не отдает свои блага человеку без усилий и борьбы» [3, с. 32]. Коммунальности люди обучаются в процессе жизни, и коммунальный индивид не действует во вред себе и препятствует другим индивидам причинять себе в ущерб, избегает ухудшения условий своего существования, отдаёт предпочтение лучшим условиям своего существования. Коммунальный поступок –это всякое сознательное действие человека, влияющее на его социальное положение и на положение других людей; и так как коммунальные отношения опосредованы групповыми отношениями, то в итоге формиру-

ется некое среднее качество характера индивида.

Фатальный характер всей коммунистической системе придаёт самая маленькая, атомарная единица в её общественном устройстве. Зиновьев её называет «клеточкой», или «коммуной». Организация, созданная для выполнения деловых функций, не имеющих ничего общего с производством материальных или духовных благ. Она существует лишь для того, чтобы поддерживать целостность системы, «разоблачая» всё, что может навредить целому, и подкрепляя то, что придаёт устойчивость. «Здесь формируется тип граждан со стандартной формой поведения. И отныне, этот человеческий материал воспроизводится как продукт нормальной жизнедеятельности общества» [3, с. 50]. Клеточки различаются по степени сложности своей структуры, а индивид существует в рамках клеточки, где действует принцип – каждому по социальному положению. Иерархия уровней и членов клеточки определяется не способностью и возможностями поддерживать статус-кво. При том, что возникает определенная простота жизни людей, обязательность их труда и система взаимного контроля, создаются социальные гарантии труда, отдыха, образования, лечения, – в коммуне получение всего затруднено. Еда, жилье, отдых, развлечения, продвижение по службе, свобода мысли. Доминирующее состояние психологии людей – унылость, скука, но обремененные в форму официальной бодрости и праздничности.

Зиновьев полагал, что цивилизация возникла из стремления противостоять коммунальной стихии. «Если коммунальность можно представить как движение по течению потока истории, то цивилизацию можно представить как движение против течения. А еще, нагляднее коммунальность можно представить как проваливание в некие дырки истории и падение вниз, а цивилизацию – как карабкание вверх» [3, с. 14]. Пути достижения цивилизации являются формирования институтов религии, права, морали, искусства. И коммунизм также может заимствовать некоторые средства цивилизации для своих целей. Поскольку это – две противоположно направленные системы, между ними неизбежно противоречие.

При этом коммунистическое общество, согласно Зиновьеву, «стабильно до такой степени, что внутри его просто не вызревают достаточно серьезные силы, способные разрушить его изнутри» [3, с. 14]. Он отмечает, что коммунизм имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с капитализмом, но при более низкой степени производственной и экономической эффективности. Поэтому своими силами коммунистические страны не смогут достичь экономического и научно-технического прогресса. При этом философ подчёркивает, что для коммунизма более опасны не дефицит и бедность, а относительное изобилие и богатство, так как они усиливают материальное неравенство и порождают паразитизм в обществе. Коммунистическое общество держится на стандартной социальной организации населения в

первичные коллективы, системе власти и управления, единой государственной идеологии и идеологической обработке населения.

Обобщая и проводя исторические параллели, А.А. Зиновьев утверждает, что, когда мы говорим о коммунизме, нам следует рассматривать реально существовавшее его воплощение, которое возникло естественно, действовало по своим законам и пришло в упадок из-за попыток нарушить естественный ход вещей и навязывании «западнизации». А потому он останется неким изгоем в среде цивилизованных западных стран, пока время не изгладит противоречия, лежащие в его основе [3, с. 79]. Таков беспристрастный анализ коммунистической модели социального устройства.

Столь же подробному исследованию был подвергнут А.А. Зиновьевым и современный капитализм в том его виде, в каком он сложился после Второй мировой войны в США, в государствах-членах Европейского союза, в ряде других стран. Философ отказывается от использования терминов «капитализм» и «демократия» как узких, описывающих лишь политические и экономические особенности строя. Так, возникает термин «западнизм» для характеристики сформировавшегося строя, сложившегося в ходе истории, благодаря усилиям западноевропейских народов. Интересно, что при характеристике Запада и западнизма учёный выводит такую закономерность: далеко не любой исторически «незападный» человек может стать частью западнизма, даже эмигрировав в страны Запада. И уж тем более это исключено для интересующихся, но остающихся гражданами собственных государств. Это, казалось бы, не позволяет поставить коммунизм и «западнизм» в один ряд сравнимых понятий: коммунизм наднационален и внеисторичен, тогда как «западнизм» укоренен в историю, культуру, географию. В игнорировании этой специфической черты и лежит, в целом, неудавшийся опыт внедрения элементов западного строя в России в конце XX века. Мыслитель набрасывает возможный вариант развития событий в случае уподобления: «оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причем, на тех ролях, какие им позволит сам единственный и неповторимый Запад» [5, с. 231].

Атомарной структурой западнизма Зиновьев называет «западноида». Это уже не коммуна, а индивид, человек определённого типа, в разной мере обладающий такими чертами, как «практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкуренции, изобретательность, способность рисковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и к успеху в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими, более сильная, чем у других народов, способность к самодисциплине и самоорганизации» [5, с. 232]. Благодаря этому человеческому капиталу, западная цивилизация стала самой значительной в истории человечества, заняла лидирующее положение в современном эволюционном процессе человечества.

Ввиду различия между этими атомарными структурами, формируется самое значительное отличие коммунизма и западнизма: коммунизм ориентирован на сохранение и воспроизводство этих сложных (состоящих из большого количества простых элементов) образований, в форме которых люди вынуждены жить. А западнизм ориентирован на производства максимального количества материальных благ, институты, структуры, механизмы западнизма возникают и существуют исключительно для какого-то определенного дела, и ни для чего другого – весь человеческий ресурс реализуется в производстве и потреблении. Так, мы возвращаемся к формуле: в коммунизме доминирует коллективизм в ущерб производительности и потреблению; в современном капитализме – второй компонент влияет на устойчивость общественной структуры.

Как эволюционирует западнизм? В сторону санкционированного государством создания тех же клеточек, коммун. Однако с точки зрения социальности, эти клеточки совершенно индифферентны. Они создаются не для общежития граждан, а только для бизнеса или производства. В них люди как атомы западнизма получают только деньги и возможности для деловой карьеры. Ничего другого западнизм людям не гарантирует: ни саму работу, ни жильё, ни пенсию, – всё это плод усилий и постоянного труда самого западника.

К концу XX века такими клеточками западнизма (эту стадию развития западнизма Зиновьев предлагает называть «современным капитализмом») становятся целые государства. Они теперь функционируют как финансовые системы, в которых социальная организация и регулирование системы жизни общества подчиняется законам функционирования денег в качестве капитала. Количественная оценка производительности проникает во все сферы: учёту и расчёту подлежит производительный труд, научная и преподавательская деятельность, искусство и медицина. Государство разрабатывает сложные механизмы контроля и поддержания деятельности этих измерительных систем. Так, постепенно государство оттеснило демократию в политической системе западнизма на второй план. Нет такой области жизни, в которой бы оно не присутствовало. Это своеобразная суперсистема, надэкономическое и надполитическое образование, оказывающее влияние на все стороны жизни людей, общества в целом. По многочисленности, сложности структурной организации и проникновению в частные аспекты жизни человека госу-

Литература:

1. *Корсакова Л.В.* Кризис идентичности в условиях глобализации и индивидуальные стратегии преодоления (историческая реконструкция) / Л.В. Корсакова, О.Н. Оплетаева, А.В. Новоселов // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2018. № 10. С. 107–112.
2. *Дюка К.В.* Философские идеи Ф. Ницше как отражение радикального мировоззрения совре-

дарственный аппарат современного капитализма, по субъективному суждению А.А. Зиновьева, может даже превосходит госаппарат СССР.

Дальнейшее развитие западнизма возможно лишь через вовлечение в проект современного капитализма других государств, но на определённых условиях: подобные западным по экономике, культуре, психологии, политическому и социальному строю, страны становятся ресурсом для воспроизводства финансовой системы запада. Новая мировая суперструктура должна иметь иерархическое строение: есть страны-лидеры, есть во всём от них зависящие. Именно, в это русло, полагает Зиновьев, западнизм направляет процесс глобализации. Западные страны устанавливают контроль над человечеством не поодиночке, а совместно, стремясь организовать его жизнь так, как это соответствует их интересам [5, с. 241]. Мировое развитие, считает Зиновьев, идет именно по такому сценарию.

Подводя итог сказанному.

В данном исследовании авторы сконцентрировались на двух основных возможностях, открывающихся при работе с наследием А.А. Зиновьева.

Первое. Следование канонам научного исследования обязательно при изучении социальных явлений. Оно является единственной возможностью для социально-философской рефлексии оставаться в рамках понимания и избегая разоблачения или оправдания этих явлений. Хотя эмоциональная тональность работ А.А. Зиновьева далека от нейтральной, философ строго следует им же самим объявленным требованиям, что позволило Зиновьеву-учёному дать обоснованные прогнозы возможного развития западной цивилизации и России.

Второе. Опираясь на работы А.А. Зиновьева, авторы дали такую интерпретацию отдельным положениям, которая поможет читателю не только понять происходящее как этап объективной динамики мировых финансово-политических процессов западнизации, но и осознать свою идентичность и роль в современных событиях, поскольку преодоление кризиса самоидентичности предполагает, хоть это и звучит парадоксально, корректную самоидентификацию, соотнесение себя с социальным, культурно-историческим, национальным или религиозным контекстом.

Literature:

1. *Korsakova L.V.* Identity crisis in the context of globalization and individual coping strategies (historical reconstruction) / L.V. Korsakova, O.N. Opletaeva, A.V. Novoselov // Electronic network polythematic journal «Scientific works of KubGTU». 2018. № 10. P. 107–112.
2. *Duke K.V.* Philosophical ideas of F. Nietzsche as a reflection of the radical worldview of modern youth /

менной молодежи / К.В. Дюка, Л.В. Корсакова, О.Н. Оплетаяева // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2018. № 5. С. 71–77.

3. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность; Кризис коммунизма : монография. М. : Центрполиграф, 1994. 495 с.

4. Andre Foursov Communism Capitalism, and the Bells of History // Review (Fernand Braudel Center). 1996. Vol. 19. № 2. Spring. P. 103–130.

5. *Зиновьев А.А.* Западнизм. Феномен Зиновьева / А.А. Зиновьев; Сост. А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. М. : Изд-во «Современные тетради», 2002. 400 с.

6. *Тужба Э.Н.* Социология культуры. М. : Изд-во «РУСАЙНС», 2018. 202 с.

K.V. Duke, L.V. Korsakova, O.N. Opletaeva // Electronic network polythematic journal «Scientific works of KubGTU». 2018. № 5. P. 71–77.

3. *Zinoviev A.A.* Communism as reality; The Crisis of Communism : monograph. M. : Tsentrpoligraf, 1994. 495 p.

4. Andre Foursov Communism Capitalism, and the Bells of History // Review (Fernand Braudel Center). 1996. Vol. 19. № 2. Spring. P. 103–130.

5. *Zinoviev A.A.* Westernism. Zinoviev phenomenon / A.A. Zinoviev; Comp. A.A. Huseynov, O.M. Zinoviev, K.M. Cantor. M. : Publishing house «Modern notebooks», 2002. 400 p.

6. *Tuzhba E.N.* Sociology of culture. M. : Publishing house «RUSAINES», 2018. 202 p.

Понеделков Александр Васильевич
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией проблем
повышения эффективности
государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор,
главный редактор,
Всероссийский научный журнал
«Наука. Образование. Современность»
popov-52@mail.ru

ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РОСТА УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

■ ■ ■

Аннотация. Как отмечают авторы публикации, широкий круг проблем, с которым сталкивается современное российское общество, вызывает необходимость его консолидации в противостоянии угрозам, исходящим, в первую очередь, от коллективного Запада, лидеры которого на протяжении столетий стремились противостоять влиянию нашей страны на мировую политику и экономику. Статья посвящена краткому обзору материалов научно-практической конференции с международным участием на тему «Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности», прошедшей в г. Ростове-на-Дону 17 февраля 2023 г. В завершение данной публикации её авторы отметили, что эта конференция, вне всякого сомнения, внесет заметный вклад в развитие патриотического движения в нашей стране как на научном уровне, так и в активизации усилий гражданского общества совместно с органами государственной в патриотическом воспитании населения нашей страны.

Ключевые слова: патриотизм, фальсификация истории, русофобия, однополярный мир, полицентричный мир, патриотическое воспитание.

■ ■ ■

Широкий круг проблем, с которым сталкивается современное российское общество, вызывает необходимость его консолидации в противостоянии угрозам, исходящим, в первую

Alexander V. Ponedelkov
Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of the Laboratory of Problems
of Improving the Efficiency of State
and Municipal Management,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Editor-in-Chief,
All-Russian Scientific Journal
«Science. Education. Modernity»
popov-52@mail.ru

PATRIOTISM IN MODERN RUSSIA IN THE FACE OF GROWING THREATS TO NATIONAL SECURITY

■ ■ ■

Annotation. As the authors of the publication note, a wide range of problems faced by modern Russian society necessitates its consolidation in confronting the threats emanating, first of all, from the collective West, whose leaders for centuries sought to counter the influence of our country on world politics and the economy. The article is devoted to a brief overview of the materials of the scientific and practical conference with international participation on the topic «Patriotism in modern Russia in the context of growing threats to national security», held in Rostov-on-Don on February 17, 2023. and in intensifying the efforts of civil society together with state bodies in the patriotic education of the population of our country.

Keywords: patriotism, falsification of history, Rus-sophobia, unipolar world, polycentric world, patriotic education.

■ ■ ■

очередь, от коллективного Запада, лидеры которого на протяжении столетий стремились противостоять влиянию нашей страны на мировую политику и экономику. И если в период времени

после завершения Второй мировой войны ведущие мировые державы вынуждены были признать статус СССР как великой державы в конструкции биполярного мира, то после его распада, в том числе, и по инициативе руководства Российской Федерации, стремящегося избавиться от марксистско-ленинской идеологии, лежащей в основе государственного устройства нашей страны с 1917 до 1991 гг., и переориентировать вектор развития государства в направлении демократии и рыночной экономики, наша страна как правопреемник СССР более чем на четверть века потеряла статус великой державы, вследствие чего мировое сообщество оказалось в условиях однополярного мира, в котором лидирующие позиции заняли США, диктовавшие мировому сообществу правила взаимоотношений с ним, которые далеко не всегда соответствовали нормам международного права. Нашей же стране в этом мироустройстве отводилась роль сырьевого придатка и, в лучшем случае – регионального державы. И это обстоятельство, если и устраивало российское руководство, то непродолжительное время, что проявилось в его стремлении вести независимую внешнюю политику и организацию внутривнутриполитической и экономической жизни государства в направлении его защиты его суверенитета и выстраивании равноправных взаимоотношений с субъектами международного права. И это обстоятельство вызвало крайне негативную реакцию со стороны западного альянса государств, стремящихся сохранить сложившийся однополярный миропорядок. С этой целью они начали организованную атаку на нашу страну в нескольких направлениях:

– введения против нее многочисленных экономических санкций против ведущих ее секторов, бизнесменов, госслужащих и политиков;

– искажения роли нашей страны в мировой истории, одним из направлений которого в последние годы стало переписывание событий Второй мировой войны таким образом, что в ней лидирующие позиции отводятся США, Великобритании и Франции, а СССР представляется как один из её инициаторов наряду с фашистской Германией, а освободительная миссия Красной Армии в Европе в западных СМИ трактуется как её оккупация.

Очередным фактором, стимулирующим искажение исторической правды, стал специальная военная операция, проводимая Вооруженными силами РФ на Украине перед реальной угрозой со стороны стран, входящих в НАТО, национальной безопасности нашей страны, что спровоцировало волну русофобии на Западе, её демонизацию как страны – агрессора.

Объективной реакцией российского государства и общества стало его объединение и консолидация в направлении защиты от внешних угроз и обеспечения безопасности русского населения, подвергавшегося на протяжении тридцати лет ущемлению прав на территории Украины. И одним из направлений этой политики стала активизация патриотического движения в нашей

стране, направленного, в частности, на восстановление исторической правды, в том числе и о решающей роли СССР в победе над германским фашизмом, о влиянии русской культуры, искусства и науки на развитие мировой цивилизации.

Именно этой теме, в соответствии с планом работы Общественной палаты Ростовской области, 17 февраля 2023 года на базе Южно-Российского института управления-филиала РАНХиГС при Президенте РФ была организована и проведена научно-практическая конференция с международным участием на тему «Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности» [1].

Соучредителями данного мероприятия выступили: Общественная палата Ростовской области, ассоциация «Совет муниципальных образований Ростовской области», Общероссийская общественная организация «Российское общество политологов», Российская ассоциация политической науки; Академия политической науки (г. Москва); факультет политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва), Ростовская научная элитологическая школа, Лаборатория проблем повышения эффективности ГМУ ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, факультет политологии ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ.

Открыла конференцию заместитель директора ЮРИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор Золочевская Елена Юрьевна. В своем выступлении она поприветствовала всех участников конференции и отметила, что в сегодняшней обстановке необходимо искать новые методы и подходы продвижения патриотизма как духовной основы безопасности нашего государства. По её мнению, патриотическое воспитание закладывается в семье, после чего, в школе и в высшем учебном заведении оно должно укрепляться. В частности, она отметила, что патриотическое воспитание в современном ВУЗе – важнейший фактор единения нашего общества, а проводимая конференция положит основу новой базе знаний, которые могут помочь не только в повседневной жизни, но и в научно-исследовательской деятельности.

С приветственным словом выступил первый заместитель председателя Общественной палаты Ростовской области Зерщиков Юрий Стефанович. Он, в частности, отметил, что нельзя забывать и о подвиге советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войне, остановившего фашизм, нацизм и японский милитаризм, к сожалению, ценой жизни десятков миллионов советских граждан. Поэтому, не случайно главной национальной идеей Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин признал патриотизм, который является основополагающим и объединяющим концептом современного общественно-политического развития многосоставного и многонационального российского общества. В.В. Путин подчеркнул, что у нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Это и есть национальная идея. Она не идеологизиро-

вана, не связана с деятельностью какой-то партии. Это связано с общим объединяющим началом. Если мы хотим жить лучше, нужно, чтобы страна была более привлекательной для всех граждан, более эффективной [2].

Участников конференции поприветствовал глава администрации Ленинского района г. Ростова-на-Дону, магистр политологии Тихонов Константин Михайлович, рассказавший об опыте и новых направлениях проектной деятельности в области патриотического воспитания молодежи и, в целом, жителей города Ростова-на-Дону.

С приветствиями выступили доктор политических наук, директор Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ РИНХ Голобородько А.Ю. и доктор политических наук, профессор, президент Академии политической науки Шабров О.Ф. (г. Москва), заместитель декана по общим вопросам факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова А.Ю. Мамычев (г. Москва).

Коллега из Международного государственного экологического института имени А.Д. Сахарова (г. Минск, Беларусь) Герменчук Мария Григорьевна, также передала организаторам и участникам приветствие из Союзного государства, отметив всю важность и актуальность работы над формированием патриотических интенций, объединяющих обе страны.

Пленарное заседание конференции открыл член Общественной палаты Ростовской области, Заслуженный деятель науки РФ Понеделков Александр Васильевич. Его доклад был посвящен трансформации угроз национальной безопасности России в условиях формирования многополярного мироустройства, обусловленного сложной геополитической турбулентностью. Александр Васильевич отметил, что в этих условиях «...фактор возрождения патриотизма как фундаментальной базовой ценности в сохранении своего суверенитета и целостности приобретает особую актуальность». В этой связи, по его мнению, реально возникает первостепенная необходимость, с учетом складывающейся геополитической ситуации, в новом переосмыслении, как самого феномена патриотизма, так и его многозадачной роли в обеспечении безопасности государства. При этом только идеология просвещенного патриотизма, по мнению А.В. Понеделкова, может стать той осознанной силой, на основе которой только и возможно сохранение целостного единства и суверенитета России.

Также, в пленарном заседании выступил целый ряд ученых из разных областей науки. Эксперты активно обсуждали правовое воспитание граждан Российской Федерации в духе патриотизма. По мнению Заслуженного деятеля науки РФ Баранова Павла Петровича, этому просто необходимо уделять повышенное внимание в условиях угроз национальной безопасности.

Разнообразные акценты были сделаны на воспитании национального «чувства благородства» профессором Бакушевым Валерием Владими-

ровичем из московского кампуса Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и на интерпретации патриотизма в качестве духовной основы национальной безопасности страны, о чем подробно рассказал профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Кочетков Александр Павлович и доктор политических наук, профессор, директор Центра евразийских исследований Кривизско-Российского славянского университета (г. Бишкек, Киргизская Республика) Хоперская Лариса Львовна.

В свою очередь, декан факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор Черкасова Татьяна Павловна рассказала о патриотизме как о неотъемлемом качестве в компетентностной модели современных политологов, подготовкой которых занимается Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Она подчеркнула важность работы над специальными рабочими программами воспитания, в которых, например, через историю или имиджологию можно продемонстрировать качества и первостепенность патриотизма, которые мы можем наблюдать в портретах политических лидеров. Татьяна Павловна уделила особое внимание принципам воспитания патриотизма, а также институционально-субъектной структуре этого процесса.

В конференции принял участие также заместитель директора ЮРИУ РАНХиГС, кандидат политических наук Трубицын Андрей Витальевич, который поднял очень важные вопросы о необходимости увековечения и защиты памяти погибших за щитников Отечества как одной из форм военно-патриотического воспитания современной молодежи.

В свою очередь, доктор социологических наук, профессор Попов Михаил Юрьевич рассказал об условиях и факторах формирования личности патриота в современной России, уделив большое внимание геополитическим факторам и, в частности, условиям и факторам, которые препятствуют формированию личности патриота в современной России.

Кроме того, выступающие делились опытом работы, проведенной ими в рамках патриотических мероприятий и новых вопросах, которые ставятся перед учеными и преподавателями изменения, происходящие в мировой политике, которая по инициативе коллективного Запада носит ярко выраженный антироссийский характер. Причем, эксперты обсуждали как положительные, так и отрицательные результаты этой работы. Например, директор Центра политических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Анна Юрьевна Домбровская рассказала о вооруженных нападениях на образовательные учреждения, о так называемом «скулшутинге», и предложила методы по борьбе с этим новым явлением. Вице-президент Российской ассоциации политической науки Лидия Николаевна Тимофеева (г. Москва) поделилась исследованием на тему «Патриотизм и качественные коммуникации в кризисных ситуациях», научный сотрудник Института востоковед-

ния РАН Шамиль Равильевич Кашаф (г. Москва) рассказал о взаимосвязи политических технологий и религиозного дискурса, а главный редактор научного журнала «Коммуникология» Феликс Изосимович Шарков (г. Москва) поделился своим мнением о проблемах патриотизма в современном медиапространстве.

Всего в мероприятии приняли участие свыше 80 экспертов из более, чем 30 ВУЗов, общественных организаций, государственных учреждений и научных институтов из разных регионов страны и ближнего зарубежья. Кроме того, на встрече присутствовали студенты бакалавриата, магистранты, аспиранты, главы районов города Ростова-на-Дону и области, священники, военные и педагоги.

В целом, организаторы конференции отметили, что она показала, насколько острой и животрепещущей сегодня является тема патриотизма, когда внешние условия заставляют Россию столкнуться с целым рядом вызовов, обуслов-

Литература:

1. Материалы научно-практической конференция с международным участием на тему «Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности». Ростов-на-Дону 17 февраля 2023 г. Таганрог 20 февраля 2023 г. Ростов-н/Д., 2023.
2. Обращение Президента РФ Федеральному собранию РФ от 21 февраля 2023 г. URL : <http://kremlin.ru>>Все события> 70565

ленных глобальной турбулентностью. Широкий спектр вопросов, обсужденных на конференции, и результаты дискуссий по широкому кругу проблем, актуальных для современного российского общества, показал всю глубину противоречий и драйверов консолидации российского общества перед этими вызовами. Очевидно, что конференция была своевременной и необходимой для научного сообщества и общественного сектора не только Юга России, но и других регионов нашей страны, представители которых приняли участие в мероприятии.

В завершение данной публикации её авторы отметили, что, проведенная в г. Ростове-на-Дону конференция, вне всякого сомнения, внесет заметный вклад в развитие патриотического движения в нашей стране как на научном уровне, так и в активизации усилий гражданского общества совместно с органами государственной в патриотическом воспитании населения нашей страны, в сохранении её исторической памяти и культурного наследия.

Literature:

1. Materials of the scientific and practical conference with international participation on the topic «Patriotism in modern Russia in the context of growing threats to national security». Rostov-on-Don February 17, 2023 Taganrog February 20, 2023 Rostov-on/D., 2023.
2. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of February 21, 2023. URL : <http://kremlin.ru>>All events> 70565

Упоров Иван Владимирович
доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Чапурко Татьяна Михайловна
доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры уголовного права
юридического факультета,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
chapurko@mail.ru

Северин Игорь Владимирович
кандидат философских наук,
преподаватель,
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
pilot120558@inbox.ru

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В СУЖДЕНИЯХ М.М. СПЕРАНСКОГО

■ ■ ■
Аннотация. В данной публикации раскрываются представления выдающегося российского государственного деятеля и правоведа М.М. Сперанского о структуре и принципах государственного управления и государственной службы, нашедшие отражение в его работах начала XIX в. Отмечается, что подход Сперанского предполагал либерализацию сословных и государственных основ, в частности, это касалось возможности для государственных служащих повышать свой социальный статус за служебные заслуги, необходимости законодательного регулирования служебных отношений.

Ключевые слова: Сперанский, государственное управление, состояние. служба, закон, дворянство.

■ ■ ■
Выдающийся российский государственный деятель Российской империи первой половины XIX в. М.М. Сперанский, помимо практической управленческой деятельности, включая его огромную роль в известной систематизации российского законодательства, оставил довольно богатое творческое наследие как ученый в сфере государственного управления, при этом его труды издавались как при жизни, так и в последующее время, включая современность.

Ivan V. Uporov
Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

Tatyana M. Chapurko
Doctor of Political Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
chapurko@mail.ru

Igor V. Severin
Candidate of Philosophical Sciences,
Teacher,
Krasnodar Higher Military
Aviation School of Pilots
pilot120558@inbox.ru

STATE GOVERNANCE AND CIVIL SERVICE IN THE JUDGMENTS OF M.M. SPERANSKY

■ ■ ■
Annotation. The theoretical and legal views of the outstanding Russian statesman and jurist M.M. Speransky on issues of public administration and public service, reflected in his works of the early 19th century. It is noted that Speransky's approach assumed the liberalization of class and state foundations, in particular, this concerned the possibility for civil servants to improve their social status for service merits, the need for legislative regulation of service relations.

Keywords: Speransky, public administration, state. service, law, nobility.

■ ■ ■
Важнейшим трудом этого автора в области государственной (гражданской) службы была его книга «План общего государственного образования». Она была представлена Сперанским в 1809 г. императору Александру I и получил позитивную оценку последнего (книга была оценена как «удовлетворительный и полезный труд» [1, с. 64].

Внутреннее государственное управление Сперанский разделял на Общую и Особенную части.

Общая часть состояла из «общего учения об исполнительной власти», включавшего в себя следующие разделы («учения»):

- о принципах внутреннего управления;
- об учреждениях, действующих в порядке исполнительном;
- о ведомствах управления;
- об административном законодательстве; учение о государственной службе.

Второй из названных разделов состоял из двух частей:

- центральные учреждения и министерства;
- губернское управление.

Особенная часть включала в себя «учение о полиции», куда входили два раздела: полиция благоустройства и полиция исполнительная.

Свою теорию государственной службы Сперанский разрабатывал в контексте константы о словном государстве с разделением власти на центральную и местные уровни [2, с. 20], и это вполне объяснимо, поскольку Россия как социум была разделена на законодательно определенные сословия.

Категорию «государственная служба» Сперанский понимал в широком смысле, то есть, буквально – как служба государству. Он полагал, что государственная служба не есть служба лично государю, а именно государству, и это несмотря на абсолютистский политический строй в Российской империи. Такой подход не был случайным. В самом начале XIX в. Сперанский, будучи в молодом возрасте, уже был увлечен демократическими идеями. Так, в 1802 г. в одной из работ он отмечал, что «есть два рода свободы в обществе: свобода политическая и гражданская». Далее им раскрывались эти понятия. Свобода политическая имеет место, «когда классы государственные более или менее участвуют в действии власти законодательной и исполнительной, когда народ управляет законом, общему волею принятым или охраняемым» [3, с. 117]. Что касается свободы гражданской (земской), то такая есть «независимость каждого класса от произвола другого в обязанностях личных и вещественных». В этом контексте, Сперанский указывал на то, что «не было ни одного государства, которое бы имело совершенную гражданскую свободу, в коем бы все состояния были равны, т.е. ни одно не зависело бы от произвола другого. В государстве, где утверждена свобода политическая, гражданское рабство уменьшается само собой» [3, с. 117].

И далее следовали, на наш взгляд, принципиальные положения, объясняющие позицию Сперанского в сфере государственного управления, в целом, и в государственной службе, в частности. В данном контексте, нам представляется целесообразным выделить следующие мысли этого государственного деятеля: «Один деспот

не может управлять всеми лично; ему необходимо нужны помощники, и, следовательно, политическое рабство не может стоять без рабства гражданского. Отчего в Европе рабство гражданское изгладилось? Оттого, что по разрушении Рима все почти государства учредились на правилах политической свободы... Хотите ли уменьшить в государстве число рабов и деспотов? Начните с себя – введите закон на место произвола. Утвердите политическую свободу. Желать, чтобы государство было составлено из рабов, друг от друга не зависимых и покоренных воле одного под именем деспота, – есть желать невозможного» [3, с. 117]. Нельзя не заметить, что по тем временам такие мысли были довольно смелыми.

Сперанский, в связи с указанными суждениями, задавался вопросом: «Каким образом устанавливается политическая свобода в государстве?». И, отвечая на него, отмечал, в частности, что «воли одного государя к сему недостаточно. Нужно единообразное устремление сей воли к свободе в продолжении многих лет. Нужно, чтобы народ столько привык к сему единообразному действию, чтобы не представлял себе и возможным другой образ управления. Уверенность сия производит, наконец, общее мнение, а общее мнение служит оплотом закону и свободе. Великие политические пользы разных классов народа удобно могут быть определены законами, утверждены силою равновесия или поддержаны действием общего мнения» [3, с. 118].

Если иметь в виду базовые положения о госслужбе, то они определялись на основе двух основных постулатов. Прежде всего, речь шла о том, что государственная служба должна осуществлять только лично, без передачи этого права другому лицу. Такая служба должна быть добровольной и свободной, и это, считал Сперанский, есть идеал. Но этот идеал недостижим, в связи с чем, нужно организовать госслужбу так, «чтобы никто не обязан был отправлять личную службу по произволу другого, но по закону» [4, с. 112]. Кроме того, Сперанский, имея вид и содержание госслужбы, считал, что таковые определяется социальным положением человека (по терминологии того времени – «состоянием» человека), учитывая официальное разделение российского общества на разные сословия (или разные социальные статусы, разные «состояния»). А поскольку был возможен переход из одного состояния в другое, то, по Сперанскому, должно предполагаться еще одно состояние – состояние государственной службы, которому должно соответствовать и наличие еще одного особого государственного сословия. Такое состояние имеет значение в получении личных, гражданских и политических прав и определяет в целом положение человека в обществе и в государстве. При этом, учитывая, что равенство и свобода всех людей невозможны, для блага государства за каждым сословием необходимо закрепить обязанности и права в специальных законах.

И в этом смысле, Сперанский уделял большое внимание взаимосвязи двух сословий-состояний:

дворянства и госслужбы. Так, он писал, в частности: «Дворянство пользуется всеми гражданскими правами, подданным российским вообще принадлежащими. Сверх сих общих прав, дворянство имеет то особенное право, что оно свободно от личной службы очередной, но обязано непременно отправлять оную в гражданском или воинском звании не менее 10-ти лет по своему выбору ... дворянство разделяется на личное и потомственное ... Дворянство личное без рода приобретает службою. Дети личных дворян, суть люди среднего состояния, ... личное дворянство не превращается в потомственное одним совершением службы; к сему потребны особенные заслуги, по уважению коих Императорскою властью в течение службы или по окончании ее даруется потомственное дворянство и удостоверяется особенным дипломом ... Дворянство потомственное пресекается и превращается в личное уклонением от службы» [4, с. 14–15].

Как видно, Сперанский очень тесно увязывает дворянство с госслужбой, причем, предпринял попытку поставить значимость госслужбы выше даже социального статуса дворянства, и в этом, очевидно, можно усматривать либеральный настрой Сперанского, полагавшего, что состояние дворянства не должно быть неприкасаемым. Более того, он допускал вступление дворян в купеческие звания, полагая возможным для них лично заниматься предпринимательской деятельностью, не теряя при этом своего состояния. Такой подход можно расценивать, вероятно, как примету того, в России начал формироваться, пока только на теоретическом уровне, рыночный капиталистический механизм, в котором экономические отношения стали все более и более влиять на общественно-политическую ситуацию в стране, в том числе в сфере госслужбы. В этом контексте следует согласиться с тем, что «Сперанский подчеркивает главный принцип государственной службы: зависимость чинов и званий не от дворянства, а зависимость самого дворянства и связанных с ним привилегий от государственной службы. Наделение земельной собственностью, владение и распоряжение ею рассматриваются Сперанским как привилегия государства, даруемая за государственную службу. Каждый дворянин в идеале должен лично заслужить право владеть собственностью и управлять ею. Оporочивший себя на государственной службе должен быть лишен не только места, но и имения, и вообще всех прав состояния» [2, с. 23].

Говоря о правах среднего состояния (купцы, мещане, однодворцы, имеющих недвижимую собственность поселяне и др.), Сперанский отмечал, что «среднее состояние имеет права гражданские общие, но не имеет особенных. Личная служба людей среднего состояния определяется по их званиям и промыслам особенным законом. Лица среднего состояния имеют политические права по их собственности. Все свободные промыслы им открыты, и из одного в другой переходят они свободно, исполнив возложенные на них повинности. Они достигают личного дворянства службою, когда вступят в оную по своему выбо-

ру, но не прежде, как исполнив службу, законом на них возложенную» [4, с. 16]. В целом, статус среднего состояния Сперанским определен в меньшей степени определенности и детализации, чем относительно дворянства. Возможно, это объяснялось тем, что обобщенного понятия «среднего состояния» в законодательстве еще не было.

Затрагивает Сперанский и еще одно состояние – «народ рабочий» (поместные крестьяне, мастеровые и их работники, домашние слуги и др.). Он отмечает, что представители этого сословия, обладая правами гражданскими, не обладали правами политическими, и, соответственно, не могли поступать на государственную службу из своего состояния так же, как дворяне или представители среднего состояния. Однако, как считал Сперанский, «переход из сего класса в следующий всем отверзт (то есть, открыт – И.У.), кто приобрел недвижимую собственность в известном количестве и исполнил повинности, коими обязан был по прежнему состоянию» [4, с. 16]. Подытоживая в этой связи свои мысли о состояниях, Сперанский отмечал: «В разделе сих состояний паче всего уважена постепенность усовершенствования и перехода из состояния низшего в высшее. Для сего в каждом состоянии назначена, так сказать, черта, соединяющая его с последующим. Так, дворянство личное связует состояние первое со вторым. Приобретение недвижимой собственности связует второе с третьим, и, таким образом, те самые лица, кои по положению их не имеют прав политических, могут их желать и надеяться от труда и промышленности» [4, с. 17]. Такого рода обобщения есть основания считать большим продвижением политико-правовой мысли России в самом начале XIX в., поскольку тогда определение на госслужбу представителей всех сословий, хотя и на определенных и неравных условиях, отражало объективный процесс, связанный с необходимостью пополнения чиновничества новыми умными, образованными, энергичными лицами [5, с. 84], что, в свою очередь, определялось прежде всего более активным развитием экономических отношений.

С государственной службой непосредственно была связана система соответствующих госучреждений. По этому поводу Сперанский указывал на то, что государственное управление есть законное управление верховной власти через систему публичных служб, которая есть механизм госуправления. В структуре внутреннего госуправления институт публичных служб – это сама исполнительная власть.

По его мнению, «порядок исполнительный, подобно прочим частям, слагается из четырех главных разделений:

- 1) управление государственное, или министерство;
- 2) управление губернское;
- 3) окружное;
- 4) волостное.

Начало, на коем порядок сей должен быть устроен, есть единство действия и ответственность. Поелику порядок сей истекает из державной власти, то все низшие его разделения должны быть сколь можно более сообразны высшему. Посему в образовании частей его, прежде всего, должно устроить высшее его разделение, или министерство» [4, с. 19]. Такая структура есть не что иное, как привычная для России вертикаль власти, какая и была при абсолютистском российском режиме в те годы. При этом на всех уровнях «исполнительного порядка» предполагалась государственная служба. Эта служба, с точки зрения организационно-структурного построения, предполагала наличие должностных лиц. Разработка статуса должностного лица также является весьма значимым достижением Сперанского [6, с. 65].

В целом, из суждений Сперанского о госуправлении и госслужбе могут быть выделены следующие общие принципы: публичность, плановость, законность, ответственность, счетность, отчетность, контроль, формальность (документальность), научность [2, с. 24]. Последнее не удивительно, учитывая, что Сперанский, по сути, лишь начинал разрабатывать теоретические основы как государственного управления, так и государственной службы, и, видимо, в силу общности предмета своих изысканий он не мог сосредоточиться на вопросах разделения, соотношения и детальной систематизации отдельных аспектов государственного управления и

Литература:

1. *Чибикеев С.М.* Политические идеи и проекты М.М. Сперанского в контексте истории российских реформ : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 172с.
2. *Черепанова И.В.* Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. 233 с.
3. *Сперанский М.М.* Еще нечто о свободе и рабстве / М.М. Сперанский; Под ред. С.Н. Валка // Сперанский М.М. Проекты и записки. М. : АН СССР, 1961. 245 с.; С. 116–118.
4. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М. : Русская мысль, 1905. 359 с.
5. *Долгов А.А.* Концептуальные и организационно-правовые основы государственной (гражданской) службы в Российской империи в последней трети XVIII – первой половине XIX вв. : дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 181 с.
6. *Шеншина В.С.* Деятельность М.М. Сперанского по преобразованию Российского государства: теория и практика: 1801–1812 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 181 с.
7. *Муравьева Л.А.* Конституционные взгляды и реформы М.М. Сперанского / Л.А. Муравьева // Финансы: теория и практика. 1999. № 3. С. 57–66.

государственной службы [5, с. 86]. Вместе с тем, мы не можем согласиться с оценками теоретических воззрений Сперанского как, едва ли, не демократа в современном понимании этого термина. Сперанский жил и работал в эпоху абсолютной монархии, был приближен ко двору императора, служил последнему, и считать его «убежденным конституционалистом» [7, с. 59] нет оснований. Другое дело, что его мысли тяготели к более либеральному развитию российского общества и государства, и, в этом смысле он, конечно, внес свой существенный вклад в развитие теоретических основ государственного управления и государственной службы.

Отметим в завершении, что рекомендации и советы, надлежащим образом обоснованные и представленные императору Александру I как в «Плане общего государственного образования», так и во многих других записках, существенно повлияли на изменения в Российской империи института государственной (гражданской) службы, что выражалось в принятии конкретных правовых актов. Причем, сам Сперанский, получивший за свои заслуги дворянство (а к концу жизни и графский титул), смог свои теоретические суждения испытать на управленческой практике в качестве высокопоставленного государственного служащего, и это у него получалось эффективно и, прежде всего, в должностях Пензенского и Сибирского губернатора, а также, на других ответственных должностях в высших эшелонах власти Российской империи.

Literature:

1. *Chibikeev S.M.* Political ideas and projects of M.M. Speransky in the context of the history of Russian reforms : dis. ... cand. political sciences. M., 2009. 172 p.
2. *Cherepanova I.V.* Gosudarstvennaya sluzhba Rossiiskoi imperii XIX veka (teoreticheskoe issledovanie) : dis. ... cand. legal sciences. Omsk, 2001. 233 p.
3. *Speransky M.M.* Another thing about freedom and slavery / M.M. Speransky Edited by S.N. Valka // Speransky M.M. Projects and notes. M. : AN SSSR, 1961. 245 p.; P. 116–118.
4. Plan of state transformation of Count M.M. Speransky (Introduction to the regulation of state laws of 1809). M. : Russkaya mysl', 1905. 359 p.
5. *Dolgov A.A.* Conceptual and organizational-legal foundations of the state (civil) service in the Russian Empire in the last third of the XVIII – the first half of the XIX centuries : dis. ... cand. legal sciences. Krasnodar, 2012. 181 p.
6. *Shenshina V.S.* Activity of M. M. Speransky on the transformation of the Russian state: theory and practice: 1801–1812 g. : dis. ... cand. legal sciences. Voronezh, 2002. 181 p.
7. *Muravyeva L.A.* Constitutional views and reforms of M.M. Speransky / L.A. Muravyeva // Finance: theory and practice. 1999. № 3. P. 57–66.

Филоненко Виктор Иванович
доктор социологических наук,
профессор Института философии
и социально-политических наук,
директор Центра социально-политических
исследований,
Южный федеральный университет
vfilonenko@sfnu.ru

Магранов Алексей Сергеевич
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Центра
социально-политических исследований,
Южный федеральный университет,
ведущий научный сотрудник,
Южно-Российский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук
alex_daredevil@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией проблем
повышения эффективности
государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор,
главный редактор,
Всероссийский научный журнал
«Гуманитарные,
социально-экономические
и общественные науки»
popov-52@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

■ ■ ■
Аннотация. Основываясь на результатах прикладного социологического исследования, авторы статьи анализируют основные элементы образа России, сложившегося в представлениях современного студенчества. Образ страны понимается авторами как совокупность имиджевых характеристик стра-

Viktor I. Filonenko
Doctor of Sociological Sciences,
Professor at the Institute of Philosophy
and Socio-political Sciences,
Director of the Center
for Socio-Political Studies,
Southern Federal University
vfilonenko@sfnu.ru

Aleksei S. Magranov
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Research Fellow
at the Center Socio-political Studies,
Southern Federal University,
Leading Researcher,
South Russian branch
Federal Research Sociological Center
Russian Academy of Sciences
alex_daredevil@mail.ru

Aleksandr V. Ponedelkov
Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Political Science,
Professor,
Head of the Laboratory of Problems
Improving Efficiency State
and Municipal Administration,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Editor-in-Chief,
All-Russian Scientific Journal
«Humanitarian, Socio-Economic
and Social Sciences»
popov-52@mail.ru

FEATURES OF THE FORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN THE VIEWS OF MODERN RUSSIAN STUDENTS

■ ■ ■
Annotation. Based on the results of applied sociological research, the authors of the article analyze the main elements of the image of Russia that has developed in the representations of modern students. The image of the country is understood by the authors as a set of image characteristics of the country, commemo-

ны, коммеморативных образов и символов, интерпретация которых в значительной степени обусловлена особенностями самоидентификации. Определена зависимость формирования образа нашей страны у студентов от их отношения к российскому гражданству. Также, выделена и рассмотрена иерархия предметов гордости представителей студенческой молодежи за свою страну.

Ключевые слова: студенчество, гражданская идентичность, образ России, патриотизм, гордость за страну, гражданско-патриотическое воспитание, Великая Отечественная война.

Результаты многочисленных социологических изысканий отечественных социологов фиксируют достаточно устойчивые тенденции:

- увеличения числа молодых людей безразличных к гражданству Российской Федерации;
- уменьшения доли учащейся молодежи, испытывающих гордость за свою страну и пр.

Реализация авторских проектов по изучению различных аспектов социализации студенческой молодежи вузов Ростовской области и Южного федерального округа позволяет нам актуализировать проблему изучения формирования образа за России в представлениях обучающихся.

Образ своей страны, сложившийся в понятиях ее жителей, во многом определяет политическую и социальную стабильность, степень ее привлекательности как территории для проживания, а также, влияет на формирование и укрепление гражданской идентичности. Сам концепт «образа страны» выступает «неотъемлемым элементом массового и индивидуального политического сознания населения, его ментальности, и включает в себя восприятие территории, социально-экономической составляющей, политической власти (и ожиданий от ее действий), культуры и самого народа» [1, с. 184–185; 5]. *Образ страны в представлениях ее граждан формируется, на наш взгляд, как совокупность имиджевых характеристик страны, коммеморативных образов и символов, интерпретация которых в значительной степени обусловлена особенностями самоидентификации.* При этом образ страны может сочетать в себе как позитивные, так и негативные элементы. С образом страны тесно сопряжено формирование в сознании граждан «предметов гордости за свою страну».

Методология исследования.

В 2020 году Центром социально-политических исследований Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (ИФиСПН ЮФУ) было реализовано социологическое исследование «Образ Великой Отечественной войны в представлениях современного российского студенчества: проблемы гражданской идентификации и гражданско-патриотического воспитания». Выборка исследования – стратифицированная. Методы исследо-

вательные образы и символы, интерпретация которых в значительной степени обусловлена особенностями самоидентификации. Зависимость формирования образа нашей страны у студентов от их отношения к российскому гражданству является определяющей. Также, иерархия предметов гордости студентов за свою страну является выделенной и рассмотренной.

Ключевые слова: студенты, гражданская идентичность, образ России, патриотизм, гордость за страну, гражданско-патриотическое воспитание, Великая Отечественная война.

вания – анкетный опрос и фокус-группа. Анкетированием было охвачено 1841 учащихся из 15 вузов и филиалов вузов, колледжа и средней общеобразовательной школы. Структура выборочной совокупности выглядит следующим образом: 84,7 % – студенты программ специалитета и бакалавриата, магистры – 8 %, аспиранты – 4%, учащиеся колледжа и СОШ – 3,3 %. Необходимо заметить, что исследование, проведенное в 2020 году, стало третьей волной масштабного социологического проекта. Первая волна была реализована в 2012 году (анкетный опрос 516 студентов 4 вузов Ростовской области), вторая – в 2015 году (метод – анкетирование, выборка – 1534 студента из 7 университетов и 2 филиалов вузов Ростовской области). Исследование проводилось с использованием схожего инструментария, что позволило проследить динамику ряда показателей за восьмилетний период. Однако отметим, что блок вопросов, касающихся гражданской идентичности и образа страны, были добавлены в анкету в 2015 году.

Образ России глазами студентов.

Прежде всего, обратимся к анализу ответов представителей студенчества на вопрос: «Скажите, с чем у Вас ассоциируется образ нашей страны, нашего народа?». Как показали результаты проведенного исследования, образ России ассоциируется у студентов, прежде всего, с Родиной – местом, где они родились и выросли (56,3 %). Кроме того, достаточно заметной оказалась и влияние коммеморации – 41,9 % связывают образ страны с общим прошлым и общей историей; вдобавок, 9,8 % отметили вариант «могилы предков, память о них», а еще у 16,1 % образ России связан с великими людьми их национальности. О том, что место, где было пройдено начало жизни, молодые люди считают именно Родиной, говорит и тот факт, что ассоциации только с территорией проживания возникли лишь у каждого пятого респондента – 22,1 %.

Ассоциирование страны с государственными символами оказалось выражено значительно слабее, нежели с образом Родины. Так, флаг, герб и гимн вспоминают при упоминании своей страны 21,5 %, а 20,2 % ставят знак равенства между понятиями «наша страна» и «государство, в котором я живу». Военную мощь нашей страны указали только 12 % респондентов, а еще 7,4 % отметили победы и достижения спортсменов.

Почти у третьей части опрошенных молодых людей (28 %) при упоминании России сразу же возникают образы, связанные с красотой родной природы, а у 23,2 % образ нашей страны неразрывно связан с русским языком. Также, для 16,3 % представителей студенчества первоначально важными представляются душевные качества русского народа; однако такие качества как трудолюбие, умение хозяйствовать отметили лишь 4,4 %. Различные ассоциации с элементами русской народной культуры при описании образа нашей страны также нашли свое отражение в ответах заметной части студентов вузов Дона. К примеру, русскую литературу и произведения искусства указали 28,1 %, а народные песни, праздники и обычаи – 19,8 %. А вот вера и религия ассоциируется с Россией только у 8,3 % респондентов. Стоит заметить, что представители студенческой молодежи были достаточно уверены при ответе на поставленный вопрос: только 1,9 % затруднились с ответом, а вариант «другое» указали 2,5 %.

Сравнительный анализ с результатами 2015 года позволил установить, что общая иерархия основных элементов образа России в представлениях донского студенчества осталась неизменной. Однако значения некоторых показателей претерпели заметные видоизменения. Так, за прошедшие пять лет отображение нашей страны у студентов вузов стало, в значительной степени, больше ассоциироваться с местом рождения и взросления (в 2015 году данный показатель составлял 44,1 %). Заметно укрепились такие элементы, как красота русской природы (значение этого показателя за пятилетие возросло на 11,1 %), родной язык (возрастание частоты упоминаний за пять лет на 6,5 %), русская литература и искусство (20,8 % в 2015 году), наши песни, обычаи и праздники (данный показатель к 2020 году вырос на 5 процентных пунктов). Также, в изображении России немного укрепились элементы государственности: флаг, герб и гимн в 2015 году отмечали 16,6 %, а вариант ответа «государство, в котором я живу» семь лет назад выбирали 17,3 %. Но, при этом военная мощь российской армии стала на 1,1 % меньше связываться с образом нашей страны у представителей современного студенчества. Кроме того, за прошедшую пятилетку на 1,4 % снизился показатель «вера и религия моего народа». Весьма интересным представляется тот факт, что душевные качества русского народа на 2,8 % стали реже включаться студентами донских вузов в образ России, однако, при этом, трудолюбие и умение хозяйствовать, наоборот, стали чаще соотноситься с нашей страной – в 2015 году данный показатель составлял лишь 1,8 %.

Как следует из данных ответов на вопрос: «Скажите, что, в первую очередь, для Вас является предметом гордости за свою страну, свой народ?», основные элементы образа России находятся на первостепенных позициях и в иерархии предметов гордости за свою страну, однако, распределение их показателей демонстрирует несколько иную картину. Прежде всего, студенты вузов гордятся историей своей страны,

общим прошлым – 52 %, однако, при этом вариант «могилы предков, память о них» указали только 9 %. Гордость за великих людей своей национальности испытывают 26,7 % опрошенных, а 14% – за российских спортсменов, достойно представляющих нашу страну на международной арене. Родную природу считают предметом гордости за свою страну 33,1 % опрошенных, а 19,4 % испытывают чувство достоинства за обширность территории России. Однако гордость за свою страну, как за место, где они родились и выросли, испытывают только 23,2 % (хотя, как уже упоминалось выше, именно этот элемент занимает первое место в структуре образа страны). Помимо этого, государственность является предметом гордости для незначительного количества представителей студенческой молодежи. Так, 8,1 % гордятся государством, в котором они живут, а государственные атрибуты – флаг, герб и гимн – выступают поводом для достоинства лишь 5,4 % студентов. Однако военную мощь страны, при ответе на данный вопрос, молодые люди отмечали заметно чаще – 16,2 %. А вот произведения русской литературы и искусства, являющиеся частью бессмертного культурного наследия, считают предметом гордости 38,9 %; традиционные праздники и обычаи, а также песни, в этой связи, отметили 14,5 %, а каждый пятый (21,3 %) гордится русским языком. Верой и религией своего народа гордятся только 6,8 % опрошенных. Душевные качества русского народа являются предметом общественного уважения для 14,7 % молодых людей, а трудолюбие и умение хозяйствовать русских людей – для 7 %.

Стоит отметить, что, как и в случае с элементами образа России, общая иерархия предметов для гордости за свою страну не слишком поменялась за период 2015–2020 гг., однако динамика ряда показателей вызывает опасения. Прежде всего, за прошедшее пятилетие было зафиксировано снижение показателей гордости студенческой молодежи за свое государство и его атрибуты.

Уменьшилось и количество тех, кто гордится военной мощью своей страны – в 2015 году таковых было 23 %. Этому есть два объяснения.

Во-первых, за период 2015–2020 гг. Россия не выступала одной из сторон масштабного военного конфликта. Успехи Вооруженных сил РФ в боевых действиях против террористов в Сирии, по всей видимости, не были восприняты молодыми людьми как демонстрация военной мощи огромной страны. Это подтверждает и тот факт, что за пять лет почти на 20 % уменьшилась уверенность студентов вузов в том, что современная Россия может одержать победу в войне такого же масштаба, как Великая Отечественная – 35 % против 54,8 % в 2015 году.

Во-вторых, результаты проведенного нами исследования зафиксировали заметное усиление космополитических взглядов в среде студенческой молодежи за прошедшее пятилетие. Так, число тех, кто, отвечая на вопрос: «Кто я такой?», просто ответил бы «человек», возросло с 31,8 % до 39,2 %, а студентов, считающих себя

гражданами мира, стало больше на 6,2 % (10,8 % в 2015 году против 17 % в 2020 году). А приверженность подобным взглядам, безусловно, подразумевает неприятие милитаризма.

Также, несколько снизилась гордость за достижения спортсменов – в 2015 году данный показатель составлял 16,9 %. Вероятнее всего, это можно, отчасти, объяснить тем, что в 2015 году у молодых людей были еще достаточно свежи впечатления от успешного выступления российских спортсменов на Олимпийских играх в Сочи в 2014 году, ставших, поистине, знаковым событием. Настораживает и заметное уменьшение гордости студенческой молодежи душевыми качествами русского народа (на 7,1 % за пять лет). Кроме того, общая история и прошлое, хоть и выступает основным предметом гордости за страну, но, по сравнению с данными 2015 года, данный показатель снизился на 9,1 %. Однако заметим, что за указанный период времени молодые люди стали почти на 7 % чаще указывать в качестве предмета гордости красоту родной природы.

Отношение к своей гражданской принадлежности и образ страны.

Принципиально важным нам представляется анализ различий в восприятии образа нашей страны у молодых людей, обладающих различными мнениями о важности своей гражданской принадлежности. Как следует из данных корреляционного анализа, у студентов, испытывающих гордость от того, что они являются гражданами России, оказалось наиболее сильно отождествление образа нашей страны с местом, где они родились и выросли (61,1 %). То есть, Россия для них, действительно, является, прежде всего, именно Родиной. Также, для данной категории респондентов, в большей степени, характерны ассоциации с душевными качествами русского народа (18,1 %), верой и религией (10,6 %), а также, с различными коммеморативными образами и символами: общая история и прошлое (50,2 %), великие люди – представители их национальности (18,1 %). Кроме того, для данной категории юношества, гордящегося своей гражданской принадлежностью, образ страны связан с принадлежностью не только к Родине, но и к государству. Именно среди них оказалось больше всего респондентов, для которых неотъемлемыми элементами образа России выступают ее государственность (22,1 %), а также, государственные атрибуты – флаг, герб и гимн (24,9 %) и военная мощь страны – 14,8 %.

В ответах молодых людей, стыдящихся российского гражданства, а также, относящихся к нему со скепсисом, или безразличием, образ нашей страны предстает совершенно иным. Так, студенты, испытывающие стыд от факта принадлежности к россиянам, вполне ожидаемо реже остальных ассоциировали образ страны с государством и его атрибутами. Однако у них сложилось другое отношение и к родной земле: только 35,1 % соотносят с Россией место своего рождения и взросления, а общую историю и прошлое и вовсе указали только 18,9 %. При этом, они не

особо хотят включать в образ страны ее территорию – этот вариант отметили только 10,8 % среди представителей данной категории. Кроме того, среди тех, для кого гражданство РФ представляется постыдным, или незначительным, оказались наименьшие показатели ассоциаций России с памятью о предках – 5,4 % и 6,5 % соответственно. Однако данные когорты респондентов, в большей степени, соотносят образ страны с русским языком, красотой природы, народным творчеством и традициями (песни, праздники и обычаи), спортивными достижениями, а также, произведениями литературы и искусства. Таким образом, у них сформирован образ нашей страны, основанный, в основном, на культурном наследии, а элементы государственности и единения с Родиной для них имеют не очень большое значение. Стоит добавить, что у студентов, стыдящихся российского гражданства, популярнее остальных оказался вариант «другое» (10,8 %), среди ответов на который достаточно часто указывались «коррупция» и «нищета».

Распределение ответов студентов, в соответствии с данной корреляцией, имеет особое значение, так как была зафиксирована одна весьма настораживающая закономерность. За прошедшую пятилетку значительно уменьшилось число представителей студенчества, гордящихся своей гражданской принадлежностью – с 77,1 % в 2015 году до 49,9 % в 2020 году. В то же время, стремительно возросло количество молодых людей, безразличных к гражданству РФ (22 % против 8,8 % в 2015 году), а также, относящихся к нему скептически (с 5,2 % до 11,1 % соответственно). Студентов, испытывающих чувство стыда от факта своего российского гражданства, в 2015 году было 0,5 %, а к 2020 году их стало уже 2,1 %. Вдобавок, увеличилось и число затруднившихся однозначно определить свое отношение к собственному гражданству: 14,9 % против 8,5 % в 2015 году [2, с. 143]. При дальнейшем своем развитии данная тенденция может привести к тому, что одно из будущих поколений россиян будет полностью безразличным к судьбе своей Родины.

Выводы.

Исследование зафиксировало основную причину особенностей формирования образа России в представлениях нынешнего студенчества – глубокая социальная неоднородность общества. «Никогда еще в своей истории российское общество, – подчеркивает академик РАН М.К. Горшков, – не было разделено на такое количество слоев: по уровню материальной обеспеченности, социальным характеристикам, группам интересов, жизненным ценностям и установкам, культурным предпочтениям, образу жизни и т.д.» [3]. За последние пятнадцать лет в вузах Ростовской области возросло число детей из малообеспеченных семей, с низким образовательным уровнем родителей, существенно снижается количество выпускников из сельской местности в ведущих вузах областного центра [4].

В сложившейся ситуации представления современного студенчества о том, что может считать-

ся предметом гордости за свою страну, основаны, в основном, на коммеморативных элементах, культурном наследии и восхищении природными богатствами России, тогда как элементы государственности, спортивные достижения и военная мощь отходят на второй план. То есть, молодые люди склонны гордиться, в большей степени, прошлым своей страны, а не ее настоящим. При этом если в образе России была зафиксирована идентификация с Родиной, то при

анализе ответов на вопрос о предметах гордости за свою страну данный тренд оказался не столь заметным. Иными словами, молодые люди ассоциируют образ своей страны с понятием «Родина», но далеко не все испытывают гордость от этого факта. Кроме того, снижение уровня гордости душевными качествами народа также может свидетельствовать о тенденции отстранения молодежи от своей страны.

Литература:

1. Будко Д.А. Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи / Д.А. Будко, Г.В. Лукьянова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 184–194.
2. Историческая память о Великой Отечественной войне в процессе социализации студентов Ростовской области (по материалам социологических исследований 2012–2020 гг.) / Под общ. ред. В.И. Филоненко. Ростов-н/Д.; Таганрог : Издательство Южного федерального университета. 2021. Т. 1.
3. Успокоить нервы общества. Социолог Михаил Горшков – о трех главных проблемах современной России // Аргументы и факты. 2019. № 24. С. 3.
4. Культурные установки и стратегии поведения современного российского студенчества (по материалам межрегионального социологического исследования) / В.И. Филоненко, Л.А. Штомпель, О.М. Штомпель, А.С. Магранов. Ростов-н/Д.; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2017.
5. Социология молодежи / М.Ю. Попов, С.А. Гусова, Л.Г. Костюченко, С.А. Мерзаканов; Под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2005. 335 с.

Literature:

1. Budko D.A. Image of an Ideal Russia in the Consciousness of Student Youth / D.A. Budko, G.V. Lukyanova // RUDN Journal of Political Science. 2019. Vol. 21. № 2. P. 184–194.
2. Historical memory of the Great Patriotic War in the process of socialization of students of the Rostov region (based on the materials of sociological research 2012–2020) / Ed. V.I. Filonenko. Rostov-on/D.; Taganrog : Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta. 2021. Vol. 1.
3. Calm the nerves of society. Sociologist Mikhail Gorshkov – about the three main problems of modern Russia // Arguments and facts. 2019. № 24. P. 3.
4. Cultural attitudes and behavioral strategies of modern Russian students (based on the materials of an interregional sociological study) / V.I. Filonenko, L.A. Shtompel', O.M. Shtompel', A.S. Magranov. Rostov-on/D.; Taganrog : Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2017.
5. Sociology of Youth / M.Yu. Popov, S.A. Gusova, L.G. Kostyuchenko, S.A. Merzakaonov; Ed. by V.N. Kuznetsov. M., 2005. 335 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

Корректор – Попов М.Ю.
Оригинал-макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 24.03.2023
Подписано в печать 27.03.2023
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать riso. Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 108

e-mail: id.yug2016@gmail.com